

**Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан**

**КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Казань
Издательство «Фэн»
2002**

УДК 947

ББК 63.3(2)43 – Тат

К 14

Издание осуществлено по решению экспертного совета АН РТ при финансовой поддержке фонда НИОКР РТ (грант №01–1.9–153/2002 (Ф))

Редколлегия: *С.Х.Алишев* (научный редактор), *И.К.Загидуллин* (ответственный редактор), *Н.С.Хамитбаева*

Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». 5 февраля 2002 г. – Казань: Изд-во «ФЭН», 2002. – 320 с.

На обложке: монументальные постройки эпохи Казанского ханства (предполагаемые остатки комплекса Ханского двора). Казанский Кремль, 2001 год, раскоп № 48.

Фото *Н.Г.Набиуллина*.

ISBN 5–7544–0186–8

© Издательство «ФЭН», 2002

© Институт истории АН РТ, 2002

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Изучение истории государственности татарского народа следует признать важным направлением татарской национальной исторической науки. Оно обусловлено как необходимостью исследования средневекового этапа национальной истории, так и возросшим интересом татар и общественности республики к своей этнической, политической и региональной истории.

Среди тюрко-татарских средневековых государственных образований в этом отношении особое место занимает Казанское ханство, объединявшее в своем составе полиэтническое население Среднего Поволжья. Как известно, 450 лет назад ханство было завоевано православным Московским государством.

В 1923 г. Михаил Худяков опубликовал книгу «Очерки по истории Казанского ханства», выделявшуюся комплексным и объективным подходом к анализу наиболее узловых проблем феодального мусульманского государства. Приходится констатировать, что в последующие периоды отечественной историографии в этой области так и не появились обобщающие научные труды. Для других опубликованных работ характерно освещение лишь отдельных аспектов жизнедеятельности Казанского государства. Не случайно интерес к данному важному периоду национальной истории в конце 1980-х — 1990-е гг. был частично удовлетворен за счет нескольких репринтных изданий вышеназванной книги М.Худякова (Казань, 1990; М., 1991).

В предлагаемом вниманию читателей сборнике статей представлены новые наработки ученых Татарстана по истории Казанского государства, тезисы которых были озвучены на научном семинаре «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования» (5 февраля 2002 г., г. Казань). Надеемся, что материалы семинара дадут новый импульс к исследованию истории татарского народа XV–XVI вв.

ПРАЗДНОВАНИЕ В РОССИИ ПОКОРЕНИЯ КАЗАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XX В.

Вторая половина XVI – начало XX вв. объединяет в себе историю унитарной крепостнической и капиталистической России, периоды средневековья и Нового времени, когда происходили многоплановые, порой противоположные по своей сути события, наблюдалась трансформация российского общества и государства по западноевропейской модели, осуществляемая по инициативе царского самодержавия. Социально-экономическое, общественно-политическое и культурное развитие страны, изменения в менталитете общества, эволюция государственно-религиозных отношений, формирование многоконфессиональной и полиэтнической Российской империи порой самым непосредственным образом влияли на оценку исторических событий, сыгравших в свое время огромную роль в развитии государства.

В данной статье сделана попытка выявить отношение верховной власти, ее институтов к одному из таких явлений в истории России, как завоевание Казанского ханства, кульминацией которого стал захват его столицы в октябре 1552 г., а также определить основные этапы празднования этого события. Комплексное исследование проблемы обусловило изучение различных аспектов данного вопроса, а именно: формирование самодержавно-церковной идеологии на территории, населенной мусульманами и язычниками, строительство монументальных памятников в честь покорения мусульманской Казани, их жизнедеятельность и функции на протяжении столетий, а также стремление проанализировать в контексте рассматриваемого вопроса взаимоотношения русских монархов, правительства, местных светских и духовных властей и городского органа самоуправления.

«Казанское взятие» и самодержавно- церковная идеология средневековья

Период подчинения Казанского ханства Московскому государству занимает важное место в истории России, в становлении русской империи. Как известно, формирование Россий-

ского государства происходило путем присоединения новых территорий. Первоначально этот процесс, получивший в российской исторической науке название «собираание земель вокруг Москвы», «коснулся» земель удельных княжеств восточных славян. В XVI в., после захвата Казанского и Астраханского ханств, Московское государство превратилось в многонациональную и поликонфессиональную Россию.

В средние века все завоевательные походы русского царя проводились «во имя и спасения веры». Духовные лица, выступая в качестве идеологов, принимали самое деятельное участие в подготовке военных кампаний. Например, накануне осады русскими войсками Казани в своем послании от 13 июля 1552 г. митрополит Макарий – первое духовное лицо в государстве, обращаясь к царю Ивану Васильевичу, указывал: «еже с божьей помощью и заступлением, мужествен тебе, царю, царьски и добре стояти со всем христолюбивым воинством против супостать твоих, безбожных казанских татар, твоих изменников и отступников, иже всегда неповинне проливающих кровь христианскую и оскверняющих и разоряющих святыя церкви» [1]. Как видно из текста обращения митрополита Макария, с идеологической точки зрения военный поход 1552 г. совершался для наказания безбожников и ради распространения христианства. Поэтому церковь воздвигла предстоящее кровопролитие в статус священной войны.

Накануне похода 1552 г., кроме указанных аргументов, была разыграна карта о якобы страдающих от рук мусульман русских военнопленных, которых необходимо было спасти. Дело в том, что одним из краеугольных камней идеологии царского самодержавия, выработанной православными священнослужителями, стало положение, которое сводилось к следующему тезису: «Русские властители являются вселенскими христианскими государями, императорами всех православных мира, то есть обладают правом править ими и защищать их, а также, надо разуметь, правом ставить их под русскую власть» [2].

В период правления царя Ивана Васильевича произошло дальнейшее укрепление самодержавной власти над церковью. Нет сомнения, что аргументы православных священнослужителей приводились от имени власти и для усиления самодержавия.

В этом плане безусловный интерес представляет текст панихиды о погибших при взятии татарской столицы Казани русских воинах, оглашаемый с конца XVI в. до начала XX в.

Построение города Свияжска.
С миниатюры XVI в.

в Казанском Успенском монастыре (с 1823 г. — и в церкви памятника в честь погибших православных воинов под Казанью), в котором четко обозначены имперские притязания Московского государства к Казанскому ханству. Панихида начиналась словами: «Быст в лето 7060 (1552). Православный Царь и Великий Князь Иоанн Васильевич, всея Руси Самодержец, собрав все свое Христолюбивое воинство, с Божьею помощью и вооружився все оружеством Честного и Животворящего Креста, и иде браню на град Казань за Святые церкви и за многопролитие Христианские крови, и за великую Свою обиду, и за многую татар измену и великую их неправду» [3]. Здесь перечислены основные, по мнению священнослужителей, причины похода русского царя на Казань.

Окружение царя Ивана Грозного глубоко осознавало значение победы над татарским государством. Доказательством служит строительство памятников в честь этого события. Религиозная мен-

Осада Казани. С мини-
атюры XVI в.

тальность средневекового русского общества предопределила их как здания православных храмов. Основная часть этих памятников построена сразу после взятия Казани и непосредственно связана с личностью царя Ивана IV. В этом отношении памятники, сооруженные в Казани после победы над татарским ханством, сами являются частицей этого события. Как известно, первый деревянный православный храм, освященный 4 октября 1552 г., в день вступления царя в город, был назван церковью святых мучеников Киприана и Устины [4].

В тот же день, 4 октября, в присутствии Ивана IV была освящена деревянная Спасская церковь во имя образа св. Спаса Нерукотворного, изображение которого имелось на царском стяге во время решающего штурма.

Тем временем на территории бывшего ханства в 1552–1555 гг. происходили крупномасштабные военные сражения между правительственными войсками и разрозненными силами коренных народов края. Сложная общественно-политическая ситуация в крае, осложненная «Казанской войной», заставила новую власть приступить в 1555 г. к строительству каменной крепости [5]. При главной кремлевской башне — Спасской — было возведено новое каменное здание Спасской церкви. А над древними воротами был прикреплен написанный на деревянной доске образ Спаса Нерукотворного, являвшийся точной копией его изображения на знамени царя Ивана Грозного, что символизировало охрану православного города от неприятеля [6].

Кроме освящения двух церквей, 4 октября вошло в Российскую историю как день основания самодержцем главного православного храма города. Царь лично избрал место будущего казанского кафедрального собора — в северной части крепости, в бывшей цитадели татарской государственности: напротив ханских дворцов и мечетей. Иван Грозный собственными руками водрузил крест на месте будущего алтаря церкви. Это было символическим актом: правитель прекрасно понимал, что одной силой оружия не удастся сохранить завоеванное, только превращение военной победы в победу духовную даст желаемые результаты. Деревянная церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы была освящена спустя два дня, 6 октября, также в присутствии русского самодержца. В 1561 г. за счет казны началось строительство каменного здания собора. Примечательно, что новый каменный собор — кафедральная церковь Казанской епархии [7] — строился по образцу Успенского собора в Москве, главного культового здания государства. 15 августа 1562 г. храм был торжественно освящен первым казанским архиепископом Гурием [8].

Следующим памятником по случаю покорения столицы ханства является Успенский монастырь, заложенный в 1552 г. Немаловажное значение, в числе прочих факторов, в выборе места его расположения имели братские могилы погибших во время осады татарской столицы русских воинов на берегу реки Казанки. Предполагалось, видимо, что монахи станут смотрителями русского кладбища на «инородческой» земле. Однако высокий весенний разлив реки в 1559 г. сильно повредил постройкам мо-

настыря, располагавшимся рядом с русским кладбищем. Поэтому монастырь был перенесен на версту вниз по течению реки на Зилантову гору. Иван Грозный продолжал заботиться о своем детище, выделив совместно с царицей Анастасией на благоустройство монастыря на новом месте значительную по тем временам сумму — 400 руб. Царица, кроме того, подарила монастырю целый иконостас. Братские могилы русских воинов по-прежнему оставались на территории монастыря. В 1574 г., во время выступления коренных народов края против религиозного и социального гнета новых властей, Зилантов монастырь был опустошен восставшими, но вскоре восстановлен [9].

«Со времени возникновения в Русском государстве при Иване Грозном в 1547 г. института царства и до начала XVIII в. в основе официальной концепции власти лежали четыре идеи: 1) богоустановленность власти, 2) отцовский, или патерналистский, характер власти, 3) царь — непосредственный наместник Бога на Земле (в отличие от западноевропейских королей, которые считались лишь Божьими помазанниками) и 4) православное царство — гармоничный мир (так как основано в отличие от других государств на истинной вере, правде и справедливости), управляемый Богом и царем. Русское царство считалось «Новым Израилем», а русский народ — новым богоизбранным народом по аналогии с библейским Израилем и древнееврейским народом. Итогом русской истории должно стать введение царем своего народа в Царство Божие» [10]. С учетом данного положения необходимо рассматривать и покорение Казанского ханства, и празднование самодержавно-церковной властью этого события.

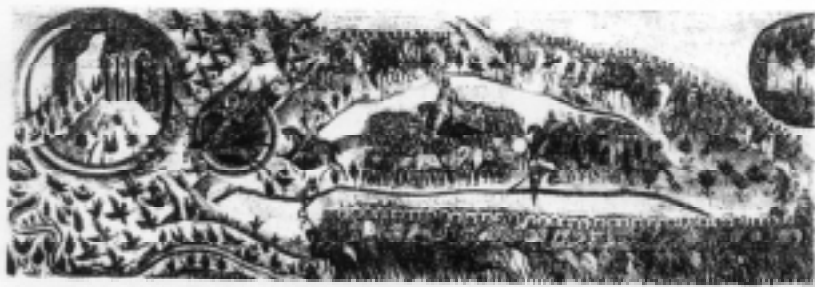
Тема о сущности и значении самодержавной власти часто стала ассоциироваться с победой 1552 г. Возвеличивание Ивана IV как предводителя казанского похода проходит красной нитью в Никоновской летописи, «Степенной книге царства родословия» (семнадцатая степеня). Несомненно, они появились по заказу самодержца. В этой связи особый интерес представляет появление в 1570-х гг., во время разногласий царя с членами «Избранной рады» в период Ливонской войны, повести-эпопеи «История о Казанском царстве» или «Казанской истории».

По мнению специалистов, основная идея произведения заключается в раскрытии величия и мощи Русского государства, в

показе значения победы над татарским ханством и возвеличивании организатора победы – царя. Деятельность Грозного по разгрому мусульманского государства в ней представлена как выполнение «общенародного дела». Показательно, что первым событием эпохи Грозного, нашедшего отражение в исторических песнях, является победа над Казанским ханством, в которых также создается образ смелого полководца, патриота страны [11].

Военные события 1552 г. стали широко использоваться в пропаганде божественной природы власти царей. Новые черты русского искусства второй половины XVI в. ярче всего отразились в живописи Золотой палаты Кремлевского дворца (1547-1552 гг.) (Золотая палата разобрана в XVIII в. – *И.З.*). Идея «Москва – третий Рим» определила содержание грандиозной художественной композиции на тему русской истории [12]. Центральное место в композиции занимал образ «мудрого и воинствующего юного царя, который должен был напоминать современникам о молодом Иване Грозном, только что торжествовавшем победу над Казанью» [13].

Политическая живопись фресковых росписей оказала влияние и на иконопись. В иконе «Церковь воинствующая» изображен апофеоз христианского воинства, возвращающего под предводительством юноши-царя после разрушения обьятого пламенем «города неверных» к «святому граду» Москве (она же святой город «Сион»). Сюжет «Церкви воинствующей» был навеян походами против столицы мусульманского государства, в христианском во-

Икона «Церковь воинствующая». Середина XVI в.

инстве современники легко узнавали полки, завоевавшие Казань, а в молодом царе нетрудно было угадать Грозного [14].

При возвращении из поверженной Казани Ивана IV жители Нижнего Новгорода, Владимира, Суздаля, Юрьева встечали царя как победителя, народного героя. Настоящий триумф был устроен по прибытию войска во главе с Грозным в столицу. Очевидец следующим образом описывает эти события: «Приближающуюся ему к посаду граду... и позвонеса великий град Москва и изыдоша на поле за посад все множество бесчисленное народа московского... и выдыша самодержца своего идоша, яко пчелы матку свою, и возрадовашася зело хваляючи, и много лета ему сосклицающе на долг час. ...яко забыти в тот час всем людем, на такие красоты на царские зрящим, и вся домовная попечения своя и недостаи... все послы же и купцы тако же девяхуся глаголюще, яко несть мы видали ни коих же царствах, ни своих ни чюжих... таковыя красоты и силы и славы великия» [15].

Грандиозные пиршества для своих сподвижников по походу Грозный устроил 8,9,10 ноября. На одни подарки им, не считая наград поместьями и земельными угодьями, из государственной казны было выдано 48 тыс. руб. – огромная по тому времени сумма [16]. Торжества по случаю победы завершились крещением «казанских царей». Младенец Утямыш-Гирей был крещен митрополитом Макарием в Чудовом монастыре и наречен именем Александр. А сдавшийся в плен последний хан Казанского государства Едигер крестился на берегу реки Москвы в присутствии царя, бояр и многочисленных горожан и получил имя Симеона [17].

Покорение Казани дало сильный толчок возведению культовых зданий Иваном IV. По сведениям путешественников-иностранцев, он построил до сорока каменных церквей. Часть из них имела купол в форме башенного шатра, «образно передававший военное могущество Московского государства и применявшийся в важнейших меморативных архитектурных сооружениях, большинство которых было воздвигнуто в связи с военными победами» [18].

Грозный стремился максимально использовать «Казанское взятие» для укрепления своей власти. В 1552 г. в Коломне, куда царь прибыл с большим войском и в начале июля провел большой совет воевод и бояр, принявший план захвата татарской столицы

[19], на территории Брусенского монастыря в Кремле была воздвигнута небольшая шатровая церковь Успения [20]. Другая каменная шатровая церковь в память Казанского похода – Никитская – в том же 1552 году появилась в д.Елизарова близ Переяславля-Залесского, на усадьбе одного из ближайших сподвижников царя, Алексея Басмакова [21]. Шатровое строительство должно было служить для возвеличивания «победоносного самодержавия».

Появление первых каменных сооружений в г.Муроме крайеведы также объясняют «причастностью» поселения к походу 1552 г. Он был последним русским городом на пути к «татарской твердыне». Здесь Иван Грозный устроил осмотр войска. В Муроме его армия должна была переправиться на правый берег Оки и идти по реке Суре, где предполагалось соединение с войсками, шедшими к Свяжску через Рязань и Мещеру. Из своего шатра на прибрежном холме Иван IV несколько дней наблюдал за переправой войск. Покидая город, он устроил молебен местным муромским святым, «своим сродственникам» князьям Константину, Михаилу, Федору, Петру и княгине Февронии-Евфросинии, пообещав после взятия Казани воздвигнуть над мощами этих святых каменные храмы.

Шатровая церковь Брусенского монастыря в Кремле г.Коломны. 1552 г. Фото начала XX в.

«Повесть водворения христианства в Муроме» (вторая половина XVI в.) рассказывает о присылке царем в 1555 г. мастеров-каменщиков, построивших за десять лет пребывания здесь 4 каменных храма: собор Рождества богородицы над мощами Петра и Февронии, Благовещенский собор с приделом муромских чудотворцев над мощами князя Константина и его сыновей Михаила и Федора, собор Преображения в Спасском монастыре и

церковь Козьмы и Демьяна на берегу Оки. На возведение последнего из перечисленных культовых сооружений (освящено в 1565 г.) Иван Грозный специально выделил 500 руб. Этот мемориальный храм, по единодушному признанию исследователей русской средневековой архитектуры, является «одним из совершенных произведений» шатрового типа небольших по своим размерам церквей. Ее «изящный» шатровый свод в 1868 г. по ветхости обрушился, после чего здание долгое время оставалось заброшенным. И лишь в 1901 г. над уцелевшими стенами храма поставили новую кровлю, которая и уберегла их от разрушительного воздействия различных природных явлений. Как видно, реконструкция церкви, устроенной на месте царского шатра 1552 г. на берегу Оки, была произведена накануне 350-летнего юбилея покорения Казани [22].

Во Владыческой слободе, к западу от Борисово-Глебовского собора в Переяславле-Рязани (г. Рязань), через которую прошла часть войска, движущейся на татарскую столицу, по распоря-

Макет церкви Козьмы и Демьяна. г. Муром. 1565 г.

Никитская церковь в селе Елизарово Владимирской губернии. 1552 г. Фото начала XX в.

жению Ивана IV была в 1566 г. возведено Николо-Высоковская каменная церковь (храм «Никола-Долгошея»). Не сохранившийся до наших дней (разобрана в XIX в.) каменный храм «напоминал другие шатровые церкви, возведенные по указу Ивана Грозного, в частности собор Брусенского монастыря в соседней Коломне, но шатер его был более вытянут вверх» [23].

Таким образом, «после взятия Казани в честь знаменательной для Русского государства победы по распоряжению Ивана Грозного было сооружено немало храмов в разных городах и селах Руси» [24]. Историк С.В.Бахрушин верно подметил, что шатровые церкви олицетворяли собой «своего рода каменные летописи успехов и триумфов царской власти» [25]. Думается, некоторые из них, прежде всего «домовые» церкви, строились и по инициативе самих жителей поселений.

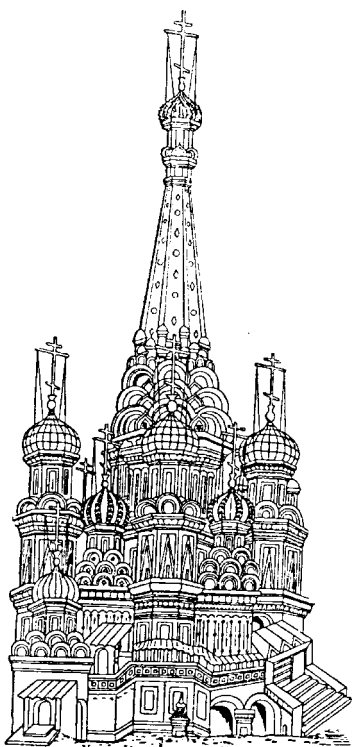
Как известно, победа над Казанским ханством в Москве первоначально была ознаменована заложением весной 1553 г. на Красной площади «обетной» церкви «едина Троица» (поверженную столицу мусульманского государства Иван Грозный посвятил св. Троице. – *И.З.*), с семью деревянными храмами, окружавшими восьмую – большую каменную. Каждый из деревянных храмов был выстроен в честь тех святых, на которые приходились главнейшие военные события Казанского похода (освящены 1 октября 1554 г.). Несоединенные между собой храмы носили временный характер. Деревянные из них были разобраны, а новая церковь восьми престолов (столько, сколько предлагал митрополит Макарий), возведение которой было поручено русским зодчим Барме и Постнику, была присоединена к каменной церкви «едина Троица». Мастера, нарушив установку царя и митрополита, положили в основу архитектурной композиции храма восемь престолов вокруг девятого – центрального и главного Покровского храма. Культовый памятник был заложен в 1555 г. и завершен в 1560 г. [26].

«Внутреннее пространство почти всех приделов Василия Блаженного мало соответствовали его внешнему виду. Оно невелико, тесновато и напоминает покои дома. Поэтому архитектурное значение собора заключается в его внешних формах и в его сказочно богато наружном декоративном убранстве» [27]. Внутренние стены приделов были побелены. (Роспись и орнамент в них появи-

лись в конце XVI в.) Снаружи собор имел красно-белую окраску. Первоначально шлемовидные главы были покрыты белым (оцинкованным) немецким железом. В конце XVI в. их сменили фигурные разноцветные луковичные главы, придавшие мемориальному культовому зданию особую «торжественную праздничность». Добавленный в конце XVI в. десятый придел над могилой юродивого Василия Блаженного, а в XVII в. колокольня и шатровое крыльцо усилили силуэт композиции храма-памятника.

Викториальное значение «всенародного чуда» [28] — собора — ассоциировалось и с названиями его церквей, посвященных тем святым, память которых отмечалась в дни военных успехов Казанского похода и событий семейной жизни царя. В частности, церкви Александра Свирского и Трех патриархов — являлись памятником разгрома 30 августа

войск казанцев под предводительством князя Япанчи; церковь Григория — напоминала взятие 30 сентября Арской башни и победы на Арском поле под Казанью; церкви Покрова и Киприана и Устины поставлены по случаю взрыва городских стен и занятия Казани 1 и 2 октября [29]. Более богатой отделкой выделялись восточный храм — Троицкий — и западный храм, посвященный празднику «Входа господня в Иерусалим» и привлекавший внимание значительностью декоративного убранства, высотой и своими размерами. «Этот единственный праздник земной славы Иисуса Христа был использован как символический намек на то, что пережило население Москвы при возвращении в столицу русского войска во главе с царем и

Покровский собор по перерисовке с гравюры из «Путешествия» Адама Олеария, 1636 г.

что столь образно описано в «Повести о Казанском взятии». Этим объясняется, – пишут специалисты, – не только посвящение придела празднику «Входа в Иерусалим», но и установление всенародного ежегодного праздника «шествие в осляти». Праздник «шествие в осляти» образно напоминал торжественный въезд царя в Москву осенью 1552 г.» [30].

Анализ литературы, посвященной Покровскому собору, позволяет выделить еще два аспекта исследуемой проблемы. Во-первых, памятник на главной площади столицы должен был увековечить подвиг погибших во время «Казанского взятия». «Герои, по представлению того времени, были достойны райского блаженства в загробной жизни. Многопридельный собор символизировал «селения праведных», в которых обитают души храбрецов» [31]. «Народ видел в нем мемориал героям, павшим в вековой борьбе против золотоордынского ига» [32]. Во-вторых, весь собор, «нередко называемый документами Иерусалимом, как бы представлял собой «горный Сион», кому уделялось так много внимания в литературе того времени» [33].

При этом нельзя не заметить стремление правительства показать победоносный поход на Казань как продолжение борьбы с «татарским игом». Показательно, что царское знамя похода 1552 г. было увенчано «животворящим крестом», находившимся на боевом стяге великого князя Дмитрия Донского на Куликов-

Знамя Ивана Грозного казанского похода 1552 г.

ской битве 1380 г. (хранился в Оружейной палате Московского Кремля) [34]. Как гласит предание, в г. Коломне накануне казанского похода Иван Грозный отслужил молебен перед иконой Донской божьей матери – «защитницы» русских от татар (Дмитрий Донской, по преданию, поставил эту икону в 1380 г. в центре Куликовского поля). После падения Казани икону Донской божьей матери отправили в Благовещенский собор Московского Кремля [35]. В столице государства был в 1593 г. основан Донской монастырь и установлен крестный ход (с 1660 г., 19 августа) [36]. Так формировалась идеология царизма в средневековье.

А завершавшийся в Покровском соборе крестный ход 1 октября в столице, прерванный «Смутным временем», был возобновлен при царствовании Михаила Федоровича. Правда, к этому времени праздник Покрова Божьей матери прославлял не только покорение Казани, но и отражение в 1618 г. от Москвы польского королевича Владислава, «домогавшегося завладеть престолом русского царства» [37].

Таким образом, культовые памятники, возведенные «в память русской боевой славы – сокрушения Казанского ханства», способствовали закреплению в общественном сознании русского народа победы над Казанским ханством как над частицей Золотой Орды и мусульманами.

Как известно, основные принципы «христианского просвещения» были утверждены Стоглавым собором 1551 г. Когда обозначился явный перевес сил правительственных войск в «Казанской войне», на церковном соборе 1555 г. в Москве было принято решение о создании новой епархии. На иерархической лестнице русских архиепископов казанскому архиерею было отведено место в первой тройке. Первым руководителем кафедры был избран игумен Гурий – любимец царя Ивана Грозного и митрополита Макария. Проводы нового архиепископа в Казань были организованы по заранее разработанному и утвержденному царем сценарию и производились с необычайной торжественностью, «как духовный поход на Казанское ханство» [38]. Гурий ехал с иконами, книгами, церковной утварью и царской казной на строительство церквей.

В «Наказной памяти» 1555 г., в своеобразной инструкции царя и митрополита, определяющей полномочия и задачи казанского архиепископа, главной миссией институтов русской

церкви в крае была указана миссионерская деятельность среди мусульман [39]. Между тем из присланных миссионеров: архиепископа Гурия и его помощников архимандритов Германа и Варсонофия, только последний знал татарский язык, что, безусловно, сужало их возможности в этом деле.

Архиепископ Гурий (1555—1563) много сил и энергии отдавал постройке церквей, увеличению церковного землевладения в крае, организации мусульманской миссии в епархии.

В 1556 г. в Кремле Варсонофий организовал Спасо-Преображенский монастырь, который стал центром христианизации в городе. В 1567 г. он был избран епископом в Тверскую епархию. Из-за преклонного возраста (родился около 1495 г.) и, возможно, других причин, в 1571 г. он вернулся в Казань и поселился в Спасо-Преображенском монастыре, где скончался в 1576 г. и там же был похоронен.

Архимандрит Герман развернул свою деятельность в Свияжском уезде. В г. Свияжске он построил Богородицкий монастырь, ставший центром христианизации для всего Казанского края. Видимо, не случайно после кончины Гурия высшие духовные власти именно ему доверили руководство казанской кафедрой. За два года руководства епархией он показал себя ревностным продолжателем дела своего учителя [40]. Герман был вызван в Москву как достойный кандидат на должность митрополита,

Спасо-Преображенский монастырь и церковь св. Куприана и Устины. Фото начала XX в.

однако полемика с царем лишила его дальнейшего продвижения в духовной карьере. Он скончался в Москве (1568 г.), где и был похоронен. В период деятельности Гурия и Германа в епархии проводилась большая работа по крещению мусульман. В это время в монастырях Зилантовом, Спасо-Преображенском в Казани и Богородицком в Свияжске были открыты три училища для детей новокрещеных «инородцев» [41].

В конце 1560-х гг. на месте, где состоялся первый молебен по случаю взятия Казани, были построены каменный Ионно-Предтеченский храм и монастырь [42].

Появление на новой территории институтов русской церкви позволило ее руководителям начать не только распространение православия в регионе, но и, по сложившейся тогда традиции, разрабатывать идеологию самодержавной власти применительно к новым этнодемографическим и общественно-политическим условиям. Речь идет прежде всего о возвеличивании такого исторического события, как завоевание Казанского ханства, о доказательстве необходимости этого захвата, показе роли православной церкви в этой победе и обосновании русской военно-феодальной колонизации новых территорий.

Казанскому митрополиту Гермогену (1589–1606 гг.) принадлежит главная заслуга в выработке основных элементов имперской идеологии самодержавно-церковной власти применительно к новой территории, населенной мусульманами и язычниками. В частности, именно он стал инициатором и ввел порядок проведения панихиды по погибшим в 1552 г. под Казанью русским воинам, имена которых не были внесены в общие «помяники» и за них не молились на панихидах, хотя издавна существовал обычай, согласно которому все воины, павшие в бою, для поминовения вносились в церковные синодики [43]. Митрополит Гермоген решил восстановить память о героях «страны Казанской» и православных мучениках. Он собрал необходимые сведения путем расспроса местных жителей и из записей, сохранившихся в Казани. Свои соображения и часть собранного материала Гермоген изложил в «особой просьбе», составленной 9 января 1592 г. и адресованной патриарху Иову.

Митрополит подошел к проблеме концептуально и широко. В своей записке он поставил вопрос не только о введении

панихиды по русским воинам, погибшим во время осады крепости в 1552 г., но и о чествовании всех православных воинов, погибших в сражениях, начиная практически со времени образования татарского ханства и даже после захвата его столицы, во время «Казанской войны» 1552–1555 гг. — отечественной войны народов бывшего ханства за восстановление своей государственности и в последующих восстаниях местных народов против новых властей [44]. Будущий патриарх, ходатайствовал об установлении особого ежегодного поминовенного дня, чтобы память о русских воеводах и воинах, «пострадавших за Христа под Казанью и в пределах казанских в разные времена в соборной церкви и по святым монастырям, також соборне, и по всем Божиим церквям во градах и селах казанския митрополии пети по них панихиды и обедни служить, чтобы, государь, по твоему государеву благословению память сих летняя по все годы была безповоротно» [45].

Кроме того, митрополит просил патриарха русской церкви разрешить чтить поминовением «казанских мучеников», пострадавших, согласно их «житий» (составленных по записям Гермогена), от татар-мусульман за «веру Христову»: Иоанна Нового, русского, взятого в плен татарами и умершего в 1529 г., Стефана и Петра, новокрещеных татар, умерших в 1552 г. Признание русской церковью Иоанна и новокрещеных татар Стефана и Петра святыми мучениками означало высокую оценку христианского подвига новокрещеных, вчерашних мусульман, наравне с другими русскими святыми. Официальное признание церковью св. мучениками новокрещеных позволяло митрополиту Гермогену создать для мусульманской миссии своих святых, якобы убитых мусульманами еще до захвата Казани. Именно они наиболее подходили на роль святых для новокрещеных «инородцев». В рассматриваемый период в России в каждом регионе был свой святой, как правило, уроженец этой местности и население поклонялось больше иконе этого чудотворца. Не случайно в 1579 г. в Казани «была обретена» икона Казанской Божьей матери (ее «история» впоследствии была написана самим же Гермогеном) [46], культ которой должен был служить, прежде всего, для утверждения и распространения православия на новых территориях. Вероятно, из таких же побуждений действовал митрополит Гермо-

ген и в данном случае. Думается, что выдвижение митрополитом новокрещеных «инородцев» в ранг св. мучеников православной церкви, что само уже было нестандартным событием, непосредственно связано с христианизацией местных народов в Казанской епархии и усиливающимся возвратом в 1570—1580 гг. новокрещеных татар в лоно ислама. В начале 1590-х гг. дело, начатое архиепископами Гурием и Германом по крещению мусульман, оказалось под угрозой полного поражения. «Появилась» необходимость в чрезвычайных мерах. Благодаря ходатайству митрополита Гермогена появился указ царя Федора Ивановича от 18 июля 1593 г., предполагавший целый комплекс мероприятий по удержанию новокрещеных в «лоне» православной церкви [47].

На основании вышеизложенного ходатайства казанского митрополита, патриарх русской церкви Иов 3 февраля 1592 г. постановил: разрешить ежегодно во всей епархии поминать «казанских героев» на обедне, в первую субботу после праздника Покрова, в который царь Иван IV сделал последний приступ записать имена «героев и мучеников» в большой синодик, читаемый в неделю православия; установить по усмотрению митрополита особый день для их поминовения.

Гермоген назначил 24 января днем, когда все церкви и монастыри епархии должны были служить литургии, панихиды и литии по «казанским мученикам». Этот день был выбран потому, что был днем кончины Иоанна Нового [48].

Таким образом, с 1592 г. во всех православных церквях епархии стали служить панихиды о погибших русских воинах под Казанью [49]. Примечательно, что в ней последними упоминаются св. мученики Иоанн, Стефан и Петр. Следовательно, за желание Иоанна, Стефана и Петра остаться в православии, не испугавшись смерти, поступок всех троих церковь приравнивает к подвигу погибших при взятии крепости русских воинов. Получается, что их личная позиция в полемике и противостоянии мусульманам в религиозных делах равнозначна храбрости русских воинов на поле брани.

Продолжая задуманное, митрополит Гермоген восстановил память своего учителя, второго казанского архиепископа Германа. В 1892 г. он организовал перевод его мощей в Свяжскую Успения Пресвятой Богородицы церковь, построенную Герма-

ном, что произошло 25 сентября [50]. С этого времени он числится в списке святителей русской церкви.

Пополнение этого списка именами первых миссионеров Казанской епархии — Гурия и Варсонофия — уже тогда было принципиально решено. Эти имена показывали правопреемственность «мусульманской миссии» русской церкви, что было особенно актуально в Среднем Поволжье, где рельефно проявлялось противостояние православия и ислама. Первым серьезным шагом в этом направлении стало составление митрополитом Гермогеном «жития и жизни» Гурия и Варсонофия. Логическое завершение начатого дела произошло в связи с сооружением нового культового здания в Кремле. Когда началось строительство новой каменной церкви Спасо-Преображенского монастыря, по размерам больше прежней деревянной, пришлось вскрыть могилы Гурия и Варсонофия. Показательно, что в 1595 г. вскрытие мощей произошло именно 4 октября. С этого дня они числятся в лике святых русской православной церкви. Вскоре к соборному храму монастыря был пристроен «придел во имя святителей Гурия и Варсонофия» и в нем были поставлены мощи святых в ковчегах. В 1630 г. мощи св. Гурия были переложены из деревянного ковчега в серебряную раку и торжественно перенесены в кафедральный Благовещенский собор. В том же году мощи св. Варсонофия были перенесены в соборный храм Спасо-Преображенского монастыря [51]. Следует отметить, что в лице Гурия, Варсонофия и Германа казанская кафедра приобрела «своих» святых, превратилась в «полноценную» епархию. Появился культ «местных» чудотворцев, дни освящения мощей которых особенно торжественно стали отмечаться в регионе.

Стабильность в государстве являлась главным условием для сохранения и продолжения традиций, заложенных в периоды правления Ивана Грозного и Федора Ивановича. В этом отношении Смутное время стало таким периодом с истории России, когда многие элементы самодержавно-церковной идеологии выпали из повседневной политической жизни. Заслугой первых представителей династии Романовых следует признать возрождение на официальном уровне многих составляющих основы русского самодержавия. Интересная деталь: когда из-за произошедшего пожара в 1668 г. в Покровском соборе в Москве возникла угроза сры-

ва 1 октября крестного хождения в честь религиозного праздника, по приказу царя Алексея Михайловича оно было в церкви Николая Явленского у Всесвятских ворот [52].

Превращение Петром I русской церкви в правительственное учреждение, государства в империю и модернизация ее по западноевропейской модели не являются основой для прогноза о предании в XVIII в., в этот насыщенный историческими событиями период, забвению «Казанского взятия», а скорее позволяет говорить о продолжении средневековой церковной традиции в этой области.

Доктрина «идеальной монархии» и мемориал «В память победы над татарами 1552 г.»

На протяжении XVIII — начала XX вв. верховная власть проводила сбалансированную, компромиссную политику во внутренних делах, выступала лидером и проводником модернизации. В этом отношении особо выделяется период правления Александра I, в котором явственно проявилось изменение внутривнутриполитического курса правительства под давлением мнения образованной части общества. После заключения в 1807 г. Тильзитского мира с Францией в стране начала формироваться оппозиция. Дальнейшие реформы М.М.Сперанского способствовали усугублению отношений между верховной властью и консервативной частью дворянства. В 1811 г. император вынужден был отойти от либерального курса, направленного на введение новых законов и создание государственных учреждений, ограничение крепостного права, предоставление гражданских свобод, эволюцию самодержавия в сторону конституционной монархии и др.

Отношение последних к реформам Александра I концентрированно выражено в поданной ему в 1811 г. записке Н.М.Карамзина «О древней и новой России», сыгравшей решающую роль в свертывании реформаторской деятельности императора. Н.М.Карамзин утверждал, что вместо реформ достаточно было бы подыскать 50 хороших губернаторов и обеспечить стране хороших духовных пастырей [53]. Автор «Записки» подчеркивал, что государственная мудрость должна быть более «хранительной, нежели творческой», истинное самодержавие ограничено верой и совестью, а не законом.

Идеи Н.М.Карамзина были развиты в трудах славянофилов и консерваторов второй половины XIX в., оказавших серьезное влияние на внутреннюю политику верховной власти и ее идеологию. В построении «идеальной монархии» всех консервативных российских интеллектуалов объединяла общая мысль: «монарх — божий слуга, он выражает народную православную веру, дух, идеал и подчиняется им, народ отказывается от власти в пользу Бога, а Бог делегирует верховную власть монарху» [54]. В период правления Николая I доктрина «идеальной монархии» была воплощена в сформулированную в 1832-1834 гг. графом С.С.Уваровым теорию «официальной народности». Суть доктрины сводилась к триединой формуле «самодержавие — православие — народность». «Россия крепка единодушием беспримерным. Царь осуществляет свою власть в лице народа и правит им, как отец, руководствуясь законами, а народ не умеет отделять отечество от царя и видит в нем свое счастье, силу и славу» [55].

Влияние доктрины «идеальной монархии» четко проявилось в праздновании в империи «Казанского взятия».

Спустя столетия большинство памятников, построенных в честь покорения Казанского ханства, постепенно пришло в запустение. В конце XVIII в., вследствие отсутствия систематического ухода, здание церкви св. Киприана и Устины пришло в состояние, грозившее разрушением. По просьбе архимандрита Спасо-Преображенского монастыря Антония в 1801 г. казанское дворянство выделило для реставрационных работ 500 руб. [56]. Церковь стала играть важную роль в проведении 2 октября ежегодного крестного хода сюда из Благовещенского собора.

Во второй половине XVI—XVIII вв. Спасская церковь продолжала функционировать без изменений [57]. В 1815 г. она сильно пострадала от опустошительного пожара и долго стояла в полуразрушенном состоянии. На наш взгляд, дело здесь не только в пассивности общественности и инертности духовных и светских властей, что было характерно для российского общества рассматриваемого периода, но и в многочисленности церквей в Кремле, которые строились с политической целью. В Новое время, когда в Кремле сосредоточились правительственные учреждения и духовная консистория, церковь в Спасской башне перестала быть храмом прихожан. В первой половине 1820-х гг. она была отрече-

Казанский Благовещенский кафедральный собор.

монтирована только усилиями коменданта города барона Пихта. Церковь начала «обслуживать» военных, хотя принадлежала православному ведомству [58]. Во время посещения в 1836 г. города император Николай I выразил недовольство состоянием церкви и приказал «восстановить церковь в таком виде, который бы соответствовал ее древнеисторическому значению» [59]: она была подчинена духовно-армейскому ведомству и назначена военной церковью для местных войск и войсковых управлений [60], в 1839–1840 гг. был проведен капитальный ремонт ее здания [61]. Таким образом, благодаря вмешательству императора, культовое здание стало церковью военного ведомства. Спасская церковь стала центром воспитания в самодержавно-церковном духе: как правило, после торжественного молебна, ежегодно совершаемого в часовне перед образом Спаса Нерукотворного, обычно устраивался «церковный парад» с участием всех войск, составляющих местный гарнизон [62].

В Благовещенском соборе духовная жизнь была ключом. В XIX в. размеры собора уже не удовлетворяли потребностей священнослужителей. В 1830 г. при архиепископе Филарете возник проект постройки нового собора, соответствующего по размерам и архитектуре статусу кафедрального собора епар-

хии. Поскольку речь шла о строительстве нового здания, предполагалось полностью снести

существующий храм. Однако император Николай I наложил «вето» на данный проект — старый собор остался нетронутым. В 1841–1846 гг. Благовещенский собор был значительно расширен (составил 17 сажень в длину и 7 сажень в ширину) [63].

Сооружения, построенные по случаю покорения татарской столицы, продолжали функционировать как православные культовые здания. Ежегодно 2 октября от кафедрального собора к Спасо-Преображенскому монастырю проходил крестный ход и в обеих церквях совершали духовную службу [64]. В начале XIX в. священнослужители Зилантова монастыря, по сложившейся традиции, «время от времени» продолжали совершать над братской могилой панихиду, на которой принимало участие руководство епархии и местные монахи.

Новый этап в праздновании покорения ханской крепости связан с постройкой в 1823 г. мемориала. Анализ этой истории позволяет выявить ряд важных аспектов проблемы, прежде всего в плане отношения верховной власти и русского общества к событию трехвековой давности и татарскому населению региона.

12 июня 1811 г. настоятель Успенского монастыря архимандрит Амвросий обратился к казанскому архиепископу Павлу с просьбой построить на свои средства «каменный столб... с личной надписью» «вроде памятника» на месте первоначально-

Успенский монастырь на Зилантовой горе. Фото начала XX в.

го расположения Зилантова монастыря, рядом с братской могилой православных воинов, погибших под Казанью в 1552 г. [65].

Хотя эта местность в 1560 г. была пожалована царем Зилантову монастырю, после генерального межевания она отошла в городскую собственность. 2 сентября 1811 г. шестигласная городская дума уведомила духовную консисторию о своем согласии, если будет «занято пространство не более двух квадратных сажень и монастырь не будет создавать препятствий для судоходства, запрещая, например, во время весеннего разлива приставать судам к этому берегу» Казанки [66]. Такое жесткое постановление городской думы, вероятно, было вызвано отношением к данной инициативе как к делу чисто ведомственному, духовному. Поскольку до этого о «русском кладбище» заботились монахи, то выделение места для установки столба было оценено не иначе, как попытка отторжения земельного участка от городских земельных владений, хозяином которого станет монастырь и, пока он еще не отошел в чужую собственность, городская дума поспешила выставить свои условия.

Для претворения в жизнь инициативы архимандрита Амвросия средств Зилантова монастыря было явно недостаточно (требовалось 5 тыс. руб.). Поэтому среди казанцев был организован сбор пожертвований и собрана небольшая сумма денег — около 1500 руб. Был изготовлен рисунок памятника и представлен на «высочайшее» утверждение. В своем ходатайстве в Министерство внутренних дел с приложенным рисунком памятника, казанский гражданский губернатор сообщал о намерении архимандрита Амвросия построить на свои средства «памятник в воспоминание победы, одержанной царем Иоанном Васильевичем над татарами» [67]. Патриотический почин священнослужителя из Казани оказался весьма кстати, ибо он способствовал единению народных масс и самодержавия. Императору представился случай для демонстрации на деле нового (консервативного) внутривнутриполитического курса. Александру I рисунок не понравился, он приказал разработать и представить новый проект чертежей. Краеведы очень точно определили причину недовольства монарха: слишком уж «мало соответствовал предполагаемый памятник тому событию, увековечить которое он предназначался» [68].

12 февраля 1812 г. император утвердил новый план и фасад мемориала, разработанный столичным архитектором Н.Ф.Алферовым (1780—1840), учеником известного русского зодчего А.Н.Воронина. Получив чертежи Н.Ф.Алферова архимандрит оказался в неудобном положении. По предварительным расчетам для возведения утвержденного монархом памятника требовалось до 35 тыс. руб. Амвросий повторно обратился к императору, разъяснив, что он предполагал построить памятник с помощью «казанских граждан» и просил «монаршего вспомоществования» [69]. В этот период Россия интенсивно готовилась к войне с Францией. Средств на финансирование памятника у правительства, естественно, не было. Александр I первым пожертвовал на сооружение мемориала-памятника одновременно 5 тыс. руб. Участие в строительстве памятника над прахом погибших под Казанью русских воинов путем пожертвований должно было приобрести всероссийский масштаб. Архимандриту было оказано огромное доверие: он получил исключительное право на единоличный сбор пожертвований и на строительство памятника. С этой миссией архимандрит Амвросий дважды посетил Санкт-Петербург и Москву, собрал до 30 тыс. руб. Среди жертвователей столицы были и члены царской семьи [70]. 29 июня 1813 г. произошла торжественная закладка памятника [71].

За 1812—1816 гг. было собрано всего 46341 руб. 35,5 коп., тогда как по предварительной смете проекта, по мнению самого архимандрита, нужна была сумма не менее 80 тыс. руб. [72]. Если учесть, что из этих средств около 30 тыс. были пожертвованы жителями Санкт-Петербурга и Москвы, 1,5 тыс. — казанцами еще до «высочайшего» ходатайства об этом и 5 тыс. — самим императором, то приходится констатировать, что православное население империи достаточно сдержанно, скорее пассивно отнеслось к идее пожертвования. Возможно, здесь была и недоработка архимандрита Амвросия, не сумевшего организовать полноценную кампанию в регионах.

В 1817 г. из-за отсутствия средств строительные работы были прекращены. Видя безвыходность ситуации, архимандрит Амвросий повторно обратился к царю с просьбой о пособии. Император Александр I выправил щекотливое положение, приказав ежегодно до завершения строительных работ выделять из каз-

ны по 5 тыс. руб., предписав «для ускорения окончания... памятника употребил он старание собрать недостающую сумму посредством добровольных пожертвований» [73]. Не случайно местный краевед Н.Баженов назвал строившееся сооружение «памятником... Александра» [74].

Таким образом, возникла реальная угроза скандала о расточительности православного духовного лица, которому император лично доверил дело государственной важности, срыва возведения мемориала, строившегося по указанию монарха, и тем самым дискредитации самодержавия. Центральная власть взяла ситуацию под свой контроль. На основании указа Синода № 817 от 24 апреля 1817 г. архимандрит Амвросий был обязан представить все приходно-расходные книги в казанскую духовную консисторию и ежегодно к 1 августу представлять отчет в столицу о состоянии финансов за прошедший год. Этим же указом Синода было предписано «дабы к скорейшему окончанию строения... употребили старание со всевозможным сокращением издержек, на сей предмет производимых».

С началом государственного финансирования из сметы расходов православного ведомства Синод стал ответственным за целевое использование ежегодно выдававшихся 5 тыс. руб. Без отчета за текущий год и представления, если говорить современным языком, бизнес-плана на следующий финансовый год было невозможно заложить в государственном бюджете искомую сумму.

С целью контроля за строительными работами Казанская духовная консистория постановлением от 26 октября 1817 года учредила комиссию, в которой духовную власть представлял протоиерей городской Тихвинской церкви Георгий. В ее состав светской властью был рекомендован губернский архитектор Михаил Емельянов. Ему, как специалисту, была представлена «для засвидетельствования» «расходная книга» Амвросия. В своем представлении консистории от 28 ноября 1817 г. архитектор отказался ее утвердить, заявив, что «с 1812 г. по 1817 г. на построение памятника показаны купленных материалов цены и выдача денег разным людям внесена в книгу без всяких расписок, даже не видно, были ли контракты или другие документы как с каменщиками, так и с прочими ремесленниками». М.Емельянов поставил вопрос о затребовании от архиман-

дрита всей сметно-строительной документации и рассмотрении ее в консистории [75], с чем духовная власть согласилась. За сведениями о пожертвованиях за 1912–1817 гг. пришлось обратиться в Казанский почтамт [76].

В 1818 г. архимандрит своевременно не представил не только годовой отчет, но, со ссылкой на незавершенность строительных работ за лето, отказался от показа духовной консистории сметы на строительные работы. Более того, в августе–октябре под предлогом болезни или недомогания, несмотря на неоднократные приглашения, отказался явиться в консисторию [77]. В указе Синода от 27 сентября 1818 г. описаны основные финансовые нарушения архимандрита [78]. Следует подчеркнуть, что деликатность положения заставила духовные власти не предавать широкой гласности обнаруженные финансовые правонарушения архимандрита Амвросия. Следующим шагом Синода по наведению порядка в сооружении мемориала-памятника следует признать указ от 21 октября 1818 г. о назначении наблюдателем за строительством объекта вместо М. Емельянова губернского архитектора А. К. Шмидта [79]. В 1819 г. расходы по сооружению памятника достигли 74169 руб. 50 коп., что вызвало очередной указ Синода от 17 сентября 1819 г., которым было поручено А. К. Шмидту составить смету на оставшийся объем работ. По его расчетам оказалось, что для завершения строительства потребуется еще не менее 21640 руб. [80].

Анализ отчетов архимандрита по строительству за 1818 г. дал неутешительные результаты [81]. Синод сделался заложником сложившейся ситуации. Отстранение архимандрита от строительных работ сильно било как по авторитету православной церкви, так и по престижу самодержавной власти. Проявив в очередной раз снисходительность к архимандриту Амвросию, Синод указом от 17 сентября 1819 г. в третий раз предписал ему вовремя предоставлять отчеты и приказал местной духовной консистории для устранения «открывающихся беспорядков» командировать к архимандриту «в сем деле опытного и благонадежного из священнослужителей человека, который должен участвовать как в скорейшем окончании строения, так и в приведении к порядку отчетов». Постановлением консистории от 13 октября 1819 г. на эту должность был назна-

чен протоиерей Варваринской церкви Александр Нечаев [82], что означало ликвидацию «комиссии» по строительству памятника. 22 июня 1820 г. его на этой должности сменил священник той же церкви Сергей Софотиров.

Еще на начальном этапе строительных работ, в 1813-1814 гг. архимандрит Амвросий разослал в православные духовные консистории письма с просьбой «учинить приглашение и сбор» «на сооружение памятника в честь воинов, живот свой положивших при сокрушении гордыни царей казанских» [82]. В этой связи необходимо отметить интересный момент данного мероприятия: верховной властью было повелено о возведении памятника в честь победы 1552 г., а сбор средств по стране, благодаря действиям архимандрита, производился под гуманистическим, человеколюбивым лозунгом.

Архимандрит предпринимал попытки активизации благотворительной кампании. В 1817 г., уже со ссылкой на мнение императора Александра I о необходимости сбора пожертвований на завершение строительных работ мемориала в память победы над Казанью и погибших, он обратился за содействием к начальникам губерний, которые, в свою очередь, обращение казанского архимандрита довели до сведения местных предводителей дворянства и купечества.

Таким образом, к сбору добровольных пожертвований были привлечены и местные светские власти. Пожертвования из разных регионов страны поступали немного, но исправно. Согласно «Списку приходящих сумм», составленному Амвросием, с 15 ноября 1818 г. по 16 июня 1819 г. были получены денежные переводы от начальников следующих губерний: Киевской (139,6 руб.), Таврической (593,2 руб.), Черниговской (164,93 руб.), Херсонской (730,05 руб.), Пермской (78 руб.), Полтавской (37,2 руб.), Тамбовской (855 руб.), Томской (1295 руб.), Екатеринославской (392,44 руб.), Тверской (85 руб.), а также от московского военного губернатора (145,45 руб.) [83]. Думается, что во время поездки в Москву (через Владимир и Рязань) в мае 1819 г. для заключения контракта на изготовление решеток и дверей мемориала с администрацией завода Баташевых и креста церкви памятника в одном из предприятий столицы [84].

Между тем правительство было сильно озабочено явно затянувшийся строительством, о чем наглядно свидетельствует указ Синода № 854 от 3 марта 1820 г., вновь предписавший «внушить архимандриту Успенского Зилантова монастыря Амвросию с прикомандированным к нему членом (речь идет о священнике казанской Варлаамской церкви Сергии Сафотирове. – *И.З.*), дабы они усугубили усердие свое к поспешному окончанию строения памятника по убиенным воинам, а между тем, до окончания, доносить Святейшему Синоду к 1-му числу июля месяца, сколько будет оставаться еще недоконченным строение» [85].

На завершающей стадии строительства мемориала Амвросий продолжал координировать сбор пожертвований. Известно о командировании им 14 декабря 1820 г. иеромонаха Мелетия и послушника Матвея Семенова Успенского монастыря на три месяца в города Симбирск, Саратов и Пенза «для сбора добровольных денег на окончание строящегося памятника по убиенным воинам» [86].

Сооружение памятника обошлось в 100135 руб. Основными источниками финансирования являлись: государство, в критический момент выделившее 35 тыс. руб., пожертвования императора Александра I и членов императорской фамилии (10 тыс. руб.), а также подданных империи, прежде всего дворян, купцов и православного духовенства [87].

После завершения стройки в 1823 г. император Александр I утвердил днем торжественного открытия памятника 30 августа, день своего «тезоименитства», чем лишний раз подчеркнул важность и государственную значимость предстоящего события для всей России. Однако никакого «высочайшего» внимания инициатору сооружения памятника, собирателю пожертвований и его строителю архимандриту Амвросию ни в виде объявления благодарности, ни в виде награждения орденом или медалью не последовало. Поведение архимандрита, не соразмерное с поступками истинного правоверного духовного лица, что доказывалось конкретными фактами, видимо, стало главной причиной игнорирования царем имени и трудов священнослужителя. Он не оправдал то доверие, которое было ему первоначально оказано самодержавно-церковной властью.

30 августа 1823 г., после совершения утренней литургии в Зилантовом монастыре, крестный ход направился к памятнику, где православных священно- и церковнослужителей встретили войсковые части в парадной форме. Церковная церемония была организована очень пышно и прошла при участии светских властей и жителей города «по чиноположению». Достаточно сказать, что в честь этого события был произведен 101 выстрел из пушек [88].

По композиции здание мемориала (высота более 10 сажень) представляет слияние классического стиля с египетским. Такое архитектурное сочетание, по мнению специалистов, является «результатом впечатлений» Н.Ф.Алферова, путешествовавшего по Египту и Греции в 1804–1814 гг. По форме оно представляет массивную усеченную пирамиду с колоннадными порталами по сторонам и устроенным по его углам келиями. Средняя часть каждого портала опирается на две дорические колонны. На фризе портала со всех четырех сторон выведены слова: «В память победы над татарами 1552 г.» [89]. В смете сооружения было предусмотрено «постелить в положенные места по фасаду и профилю скульптурной работы фигуры и военные трофеи» [90]. В целом архитектурное оформление его здания выделяется наличием множества символов. «На стенах (на внешних стенах мемориала. — *И.З.*) храма (расположенного внутри памятника. —

Мемориал в память победы над Казанским ханством, построенный на братской могиле русских воинов, погибших под Казанью в 1552 г.

И.З.) сделано по 2 щита с изображением страшного многоголового чудовища (гидры), у которого, по древнему сказанию, каждый раз вырастали отрубленные головы, пока они не были прижжены огнем. Это было живое изображение той чудовищной страшной силы, которой постоянно угрожали России татары», — разъясняет Никанор [91]. Символично, что церковь внутри мемориала была названа «храмом во имя Нерукотворного Образа» [92]. Ее помещение было оформлено дорическими колоннами и пилястрами. В храме находились портреты царей Ивана Грозного и Николая I (в начале XX в. изображение его было заменено изображением императора Александра I) [93].

Следует отметить, что свое архитектурное произведение Н.Ф.Алферов создавал «вслепую», не учитывая местный ландшафт и место постройки памятника-мемориала, которое периодически затапливалось во время весеннего половодья. Иначе он изначально имел бы высокий фундамент. Архитектор А.К.Шмидт, под наблюдением которого происходили строительные работы, вынужден был внести ряд существенных изменений, в частности, он заменил кирпичную каменную облицовку на белокаменную [94].

Несомненно, место постройки было выбрано архимандритом Амвросием, не специалистом в строительных делах. Священнослужитель, оставаясь верным своей идее о постройке памятника-столба в память погибших при штурме Казани, выбрал площадкой застройки место их братской могилы, не учитывая при этом, что будет строиться каменное сооружение с глубоким фундаментом. Прежде всего, нужно сказать, что земляные работы, связанные с кладкой фундамента здания, привели к осквернению праха погребенных в 1552 г. Фактически получилось, что мемориал был построен на могиле павших при осаде Казани русских воинов, что, в свою очередь, отразилось в названии мемориала, построенного в честь покорения столицы ханства. Наконец, было найдено вынужденное архитектурное решение. Человеческие останки были превращены в часть единого ансамбля мемориала-памятника: первоначально в подвале был установлен ящик, куда были сложены кости погребенных в 1552 г. По этому случаю подвал был оформлен в соответствии с церковной традицией, и осмотр останков «русских воинов» превратился в неотъемлемую часть посещения гостями мемориала.

Мемориал свидетельствовал о постройке русского города на месте бывшей столицы татарского государства, напоминал татарам о бывшей их государственности, став одним из знаковых символов дальнейшей поляризации отношений между русско-православной и татарско-мусульманской частью населения губернского города и региона в XIX— начале XX вв.

В XIX в. для исполнения в церквях панихид многократно издавался синодик со списком «Имен победителей Казани и прочих особ, поминаемых при отпевании панихид в Зилантовом монастыре и в Памятнике» [95]. Во время строительных работ, связанных с подготовкой места под фундамент памятника, а также при последующей неудавшейся попытке заменить деревянный помост в подвале мемориала на каменный, что потребовало также устройства фундамента, строители убедились в массовости захоронений [96], хотя, как известно, в список вошло крайне ограниченное, символическое число погибших воинов [97]. Сам факт заботы в XIX в. о содержании православных храмов, построенных в честь покорения столицы ханства в период правления Ивана Грозного, бережное сохранение фамилий погибших воинов, пусть их небольшой части, имели огромное значение в плане дальнейшего великодержавного воспитания местного русского населения. Действительно, погибших под Казанью постигла лучшая участь по сравнению с прежними и последующими поколениями забытых в народной памяти воинов, павших, реализуя завоевательные замыслы царского самодержавия, могилы которых рассеяны по евразийским просторам Российской империи.

С открытием мемориала начинается новый этап в праздновании взятия крепости царскими войсками. Основные элементы торжества появились спустя два месяца, 2 октября 1823 г. В этот день состоялся крестный ход из Благовещенского собора к памятнику, в нем участвовало все городское духовенство. В храме памятника состоялась панихида по погибшим в 1552 г. воинам, архимандритом Амвросием были отслужены литургия и молебен «о здравии царя и всего его императорского дома» [98]. Во время духовной церемонии, кроме руководства епархии, монастырей и духовных учебных заведений, присутствовали начальник губернии, чиновники гражданского и военного ве-

домств, а также войсковые части, расположенные в городе. Этот порядок чествования победы царя Ивана Грозного стал повторяться из года в год. В 1840-е гг. этот ритуал сопровождался военным парадом, но пушечных залпов уже не было [99].

Открытие мемориала в память покорения Казани позволило духовным и светским властям сделать 2 октября важным общественным событием в жизни города. Если до постройки мемориала в этот день над могилами погибших в 1552 г. местным архиереем совершались торжественная литургия и молебен, а в Кремле при стечении множества народа проходил крестный ход из Благовещенского собора в Спасо-Преображенский монастырь, в церковь св. мучеников Киприана и Устины, где проходила служба в их честь, то с 1823 г. в мемориале до совершения архимандритом Зилантова монастыря литургии и молебна с провозглашением многолетия императору и его дому, проводилась панихида по царю Ивану Грозному и русским воинам, погибшим во время осады и штурма столицы Казанского ханства. По окончании «за-амвонной молитвы» присутствовавшие спускались в подземелье памятника и там провозглашалась вечная память «православному воинству, при взятии Казани положившему свой живот за Веру и Отечество». После завершения этого схода совершался молебен с «возглашением многолетия» императору, а потом — «вечной памяти» царю Ивану IV как победителю татарской столицы [100]. Солдаты, в парадной форме выстроившиеся на площади перед мемориалом, окроплялись святой водой [101]. Войсковые части присутствовали не всегда: например, в случае плохих погодных условий командиры воздерживались от участия в духовной церемонии.

Здесь необходимо коснуться одной неприглядной страницы в истории мемориала. После кончины Амвросия здание оказалось ничейным, расположенное на территории города оно не имело отношения к Зилантову монастырю. В условиях бесхозяйственности достаточно было нескольких лет, чтобы мемориал пришел в заброшенное состояние. Возможно, определенную роль в этом сыграли погрешности строителей. О его печальном состоянии первыми забили тревогу священнослужители. Из-за отсутствия финансовых средств в августе 1830 г. казанский архиепископ Филарет обратился к губернатору Жеванову с просьбой об учреж-

дении караула у мемориала. Губернатор, в свою очередь, содержание стражи возложил на городскую управу, которая постановила о передаче попечительских функций городскому купечеству [102].

Тем временем для организации мероприятий по борьбе с начавшейся в сентябре эпидемией холеры в город прибыл министр внутренних дел граф Арсений Андреевич Закревский. Граф посетил мемориал и, естественно, остался недоволен его неприглядным видом и выразил свое сожаление по поводу бедственного содержания здания. Ответная реакция местных властей была мгновенной. Выяснив нужный для ремонтных работ объем средств [103], на основании решения купеческого общества от 11 ноября 1830 г. городской голова Н.И. Чижов вызвался собрать необходимые средства для ремонта и содержания сторожа (речь шла о назначении отставного офицера с годовым окладом 500 руб. и содержании дома для сторожа у памятника). Было принято решение о взятии попечения над мемориалом «на все грядущие времена» [104]. За короткий срок купцами было собрано 4052 руб., из которых 577 руб. предназначались для создания фонда по содержанию памятника. Граф Закревский немедленно сообщил архимандриту Зилантова монастыря об освобождении монахов от всяких обязательств по отношению к памятнику и донес о своем решении царю Николаю I. Получив его извещение, казанский архиепископ Филарет постановил: «настоятелю монастыря с братею в непременную обязанность еженедельно в день субботний и прочие дни, положенных для поминовения умерших, отправлять в церкви памятника священное служение, а после литургии и панихиду по убиенным воинам» [105]. Примечательно, что три раза в год церковное служение здесь проводил сам казанский архиерей: 16 августа, в храмовый праздник, 2 октября, в день покаяния Казани, и 29 августа, в день поминовения православных воинов. Перед церковной службой из Зилантова монастыря к мемориалу совершался крестный ход (постановление Казанской духовной консистории № 7725 от 28 ноября 1830 г.) [106]. Так произошло включение церковью мемориала в духовно-общественную жизнь губернского города [107].

Ознакомившись с докладом министра внутренних дел А.А.Закревского о пожертвованиях казанских купцов, 5 декаб-

ря 1830 г. царь Николай I объявил русскому купечеству города благодарность [108]. Услышав о «монаршем благоволении», купцы Леонтий Филиппович Крупенников и Петр Иванович Котелов вызвались стать попечителями мемориала, взяв на себя все расходы по капитальному ремонту здания [109]. Купеческое собрание с облегчением восприняло их почин: не было сомнения в том, что ремонтные работы пройдут на высоком уровне. Все понимали, что проводился капитальный ремонт не какого-то здания, а речь шла о попечении мемориала, состоянием, дальнейшей судьбой которого интересовался сам император, проявивший внимание и милость еще до начала ремонтных работ.

Обновленный мемориал был повторно освящен архиепископом Филаретом 2 октября 1832 г., в годовщину падения ханской Казани. Согласно разработанному им сценарию, в 7 часов утра колокол Благовещенского собора оповестил горожан о предстоящем событии. Духовенство и горожане крестным ходом из Благовещенского собора направились к мемориалу. Их встретили архиепископ с духовными лицами и войска, состоящие из казанских батальонов внутренней стражи, гарнизонной артиллерийской роты, батальона военных кантонистов, уральских казаков и жандармской команды. Можно сказать, что все войско, расположенное в городе, и полиция присутствовали у мемориала. Полиция во главе с военным губернатором С.С.Стрекаловым соблюдала общественный порядок. В честь этого события император Николай Павлович прислал в подарок для церкви памятника «серебряные позолоченные сосуды». Подарки императора придали особую значимость происходящему событию.

После панихиды прозвучали пушечные и ружейные залпы [110]. Затем праздник продолжался за обеденным столом, накрытым попечителями для 120 «почетнейших и чиновников и граждан». Торжества завершились парадом войск на площади у памятника. Таким образом, праздник как бы состоял из трех частей. Сначала торжеством руководило православное духовенство, затем русские чиновники совместно с горожанами и завершили военные [111].

Городская дума на своем заседании 10 ноября 1832 г., рассматривая заявления Крупенникова и Котелова об освобождении их от обязанностей попечителей мемориала, объявила им благодарность. По просьбе купцов Котелов вновь принял на себя обязанности по-

печителя [112]. Купцы постановили о выделении на содержание мемориала ежегодно по 1 тыс. руб., из них 300 руб. передавались Успенскому Зилантову монастырю на организацию церковной службы [113]. (Три года спустя по ходатайству руководства монастыря эта сумма была увеличена еще на 100 руб.) [114].

Деятельность попечителей по ремонту памятника получила «высочайшую» признательность: 9 февраля 1833 г. император Николай I повелел наградить золотыми медалями: Крупенникова — на Владимирской ленте, а Котелова — на ленте св. Анны [115].

Мемориал стал достопримечательностью губернского города. В 1836 г. во время посещения Казани здесь побывал император Николай I, который интересовался событиями трехвековой давности. Сюда приходили также и остальные члены царского дома, побывавшие в Казани в XIX в. [116].

Шли годы. Приближалась круглая дата — трехсотлетие завоевания татарского ханства — юбилей, имевший важное значение в истории Российского государства. Не случайно в статье «Празднование трехсотлетия русской Казани» по этому поводу подчеркивалось: «Покорение Казанского Царства скипетру Иоанна Васильевича было не только торжеством России над старинными нашими властителями, но и торжеством Христианской церкви над заблуждением, света над мраком: сего дня открыто было проповеданного Слова Божия необозримое сибирское пространство до берегов Восточного Океана, и уже привиделось исполнение того глагола, при звуках которого пали стены Казани и будет едино стадо и един Пастырь» [117]. Такова была официальная политико-идеологическая установка в понимании исторической важности покорения Казанского ханства.

Подготовка к юбилею заставила руководство епархии внимательно изучить исторические события тех лет. В частности, казанский архиепископ Григорий при чтении русских летописей обратил внимание на одно обстоятельство, которое до сих пор оставалось вне поля зрения властей и которое приводило, по мнению архиерея, к неточному празднованию покорения татарской столицы. После тщательного изучения исторических источников и согласования вопроса о возбуждении ходатайства по этому вопросу с начальником губернии архи-

епископ Григорий изложил свои размышления в прошении Синоду за № 1278 от 18 марта 1852 г. Анализ изложенных в Никоновской летописи событий 2–4 октября 1552 г. в поверженной Казани, с точки зрения церковных порядков, позволил ему выявить следующее. В день взятия города русскими войсками, 2 октября, несмотря на многочисленные потери, царь Иван Грозный «повелел в своем полку пред своим знаменем... молебен пети». Архиепископ очень точно подметил, что «это торжество, а не плач». Потом царь, «воздав хвалу Богу, приказал в град воеводам огни... а сам... поехал на свой двор» [118]. Далее архиепископ Григорий продолжает: «За сим октября 4 дня, к которому город вычистили от множества трипия мертвых, Государь поехал в град и избрал место среди града и водрузил на нем крест своими руками царскими и обложил на том месте храм во имя Пречистые владычицы наших Богородицы честного ея Благовещения (это кафедральный собор), и пел молебен протопоп Андрей и священники; и свята воды, и поиде Государь и великий князь со кресты по стенам градским и освяти град» (Летопись по Никонову списку, часть 7, стр. 185). Резюмируя цитату из летописи, архиерей восклицает: «Это опять торжество и торжество главное!» [119].

Новое прочтение исторических документов практически сводило на нет сложившийся порядок и смысл духовной службы в церкви мемориала. Проведение 2 октября панихиды над прахом погибших не вписывалось в церемонию, оказывалось лишним. Поэтому архиепископ Григорий предложил свой вариант трехдневного празднования падения татарской столицы. Причем 2 и 4 октября, в соответствии с исторической правдой, должны были отмечаться как праздничные дни, без панихиды о погибших русских воинах. Панихиду он предлагал перенести на 3 октября. Его сценарий празднования юбилея покорения Казани был утвержден Синодом 5 сентября 1852 г.

В духовной консистории указ Синода получили 22 сентября. Время поджимало. В тот же день состоялось заседание консистории. О предстоящем торжестве были извещены все настоятели казанских монастырей и священники церквей. Губернатор получил подробно расписанный план трехдневного торжества со ссылкой на указ Синода, а также просьбу об извещении жите-

лей о предстоящем большом празднике и оказании содействия в проведении крестного хода вокруг Кремля [120].

Несмотря на сжатые сроки для подготовки, празднование юбилея было организовано помпезно, в нем приняли активное участие представители светской и духовной властей и русская часть горожан. 2 октября 1852 г. после крестного хода из Благовещенского собора в церковь Киприана и Устины архиепископ Григорий в сопровождении пяти архимандритов совершил здесь литургию. «При сборе» всех военных и гражданских чинов на площади у Иоанно-Предтеченского монастыря перед образом Нерукотворного Спасителя, находившегося на Спасской башне Кремля, он совершил молебен с возгласием многолетия императору Николаю I и всем лицам царской фамилии. Затем архиепископ окропил святой водою находившихся «в параде» нижних чинов Казанского батальона внутренней стражи, Уральского казачьего войска и корпуса жандармов (которых потом угостили праздничным обедом, организованным за счет купечества) и присутствовавших горожан [121]. В три часа дня торжество продолжилось в здании городской думы,

Спасская церковь при Спасской башне Кремля. Рисунок 1887 г.

куда была приглашена элита местного русского общества: «высшие военные и гражданские чины», представители православного духовенства и русского купечества. Во время праздничной трапезы прозвучали тосты во здравие царя Николая Павловича, всех членов императорского дома, «за благоденствие» города, «за здравие всего христоролюбивого войска», архиепископа Григория, начальника губернии и, наконец, за благосостояние купечества. Вечером в честь праздника главная улица города — Воскресенская (ныне Кремлевская) была иллюминирована. Необычайное и красочное зрелище, безусловно, привлекло на улицу многих горожан [122].

На следующий день, в пятницу, 3 октября, в церкви мемориала архиепископ Григорий с духовенством совершил панихиду «с возложением вечной памяти царю Ивану IV Васильевичу и всему христоролюбивому войску за Веру и Отечество живот свой положившему» и литургию. После молитвы была приглашена вечная память погибшим «православным воинам» [123]. В заключение церемонии нижние воинские чины, находившиеся накануне 2 октября на параде, «были угощаемы». Также в честь праздника им раздавались деньги. Вечером на Воскресенской улице были выставлены «щиты», что повторилось и вечером 4 октября.

4 числа торжества начались с литургии в кафедральном Благовещенском соборе. Затем на площади перед губернаторским дворцом в сопровождении всего городского духовенства архиепископ совершил «водоосвящение», которое плавно «перешло» в крестный ход вокруг стен Кремля. В ходе шествия перед всеми воротами крепости была оглашена «заповеданная царем Иоанном Васильевичем молитва русского митрополита Иллариона о сохранении Государя, города и православия» [124].

Член Синода, казанский архиепископ Григорий, в своем отчете о проведении трехдневного торжества отмечал, что оно стало «весьма приличным и полезным и на будущее время для каждогоднего возобновления в памяти жителей Казани прежде бывших в ней событий» и предложил Синоду утвердить ежегодное трехдневное празднование этого события по его сценарию. Синод на своем заседании 18 марта 1853 г. признал «полезным» поддержать инициативу архиерея [125]. Однако спе-

циального постановления по этому вопросу, кажется, не последовало. Это пожелание было рекомендовано на рассмотрение обер-прокурору Синода графу Н.А.Платонову, который, видимо, счел целесообразным несколько придержать рвение членов Синода, митрополитов и архиепископов.

Ходатайство преосвященного Григория в Синод от 18 марта 1852 г. содержало еще две просьбы: «Этот 4 день октября, составляющий двойное торжество для Казанской губернии, нахожу весьма приличным и полезным, так как неоднократно изъявляли мне свое желание и казанские граждане, сделать для Казанской губернии полным праздником, то есть свободными судебные места от присутствия, а училища от учения». Этот вопрос сначала был передан на рассмотрение Министерства юстиции. После получения ответа от тогдашнего министра юстиции графа Панина, признавшего, с правовой точки зрения, возможным в честь «исторического события 4 октября» в отдельно взятой губернии освободить от заседаний присутственные места, дело рассматривалось в Сенате и Государственном Совете [126].

Вскоре инициатива казанского архиепископа Григория юридически была оформлена в царский указ от 12 апреля 1854 г. [127], где говорилось о том, что «сверх общих праздничных дней» все правительственные учреждения и учебные заведения Казанской губернии отдыхают 4 октября — «в день торжественного входа царя Иоанна Васильевича в г. Казань и открытия мощей святителя Гурия и сотрудника его Варсонофия» [128].

Данный царский указ был зафиксирован в «Своде законов Российской империи» издания 1857 г. [129]. Однако в последующих изданиях «Свода законов», скажем 1890 г., он уже не значился. Поскольку в Российской империи, исходя из особенностей административно-территориальных единиц государства, практиковалось некоторое отклонение от основных российских законов, сохранивший свою силу указ был «растворен» в ст. 26 «Устава о предупреждении и пресечении преступлений» [130].

Интересно, что праздничный день 4 октября в Казанской губернии нес в себе двойную нагрузку. В календарях этот день начали обозначать как «День святителей христовых и чудотворцев Гурия и Варсонофия. Торжественный вход в Казань царя Иоана Васильевича» [131]. Следовательно, 4 октября в гу-

бернии праздновались два события — историческое духовное и историческое военное, общественно-политическое. Это очень важный момент для изложения последующих событий.

В средние века и Новое время одно из стратегических направлений единения светской и духовной власти, что должно было символизировать единство русских в период формирования русского централизованного государства, а в последующие периоды царской России — национальную идею, «народную» или «идеальную монархию», заключалось в следующем. Во-первых, значимые общественно-политические события, которые, как правило, случайно совпадали со знаменательными датами церковной жизни, властями сознательно «наслаивались» на последних. Трактовалось, что именно благодаря канонизованному в этот день святому или иконе и др. произошла очередная победа самодержавия. (Поражения и дни трагедий русского государства, совпадающие со знаменательными церковными датами, объяснялись иначе.) Во-вторых, в соборах канонизировали с последующим изданием «житий» лиц, внесших своей деятельностью вклад во славу не только церкви, но и русского государства, как правило, погибших смертью героев или мучеников. В третьих, руководство церкви вело целенаправленную работу по совмещению дней канонизации отдельных личностей с важными позитивными событиями, победами царского самодержавия в регионах (классический пример — вскрытие в 1595 г. мощей казанских архиепископов Гурия и Варсонофия 4 октября, в день торжественного въезда в поверженную Казань царя Ивана Грозного, которое преемнику митрополита Гермогена на казанской кафедре архиепископу Григорию удалось удачно «обыграть» спустя два с половиной столетия, и в результате появился царский указ 12 апреля 1854 г.). Данная технология навеки и «намертво» соединяли церковные торжества со знаменательными страницами истории Российского государства.

В Новое время в мемориальных церквях отмечалось историческое событие, в честь которого они возведены, и церковный праздник. А для напоминания прихожанам о «Казанском взятии» в храмах и соборах России во время церковных торжеств по случаю праздника Покрова Божьей матери 1 октября и мероприятий в память мучеников Киприана и Устины 2 октяб-

ря, казанских святителей Гурия и Варсонофия 4 октября были созданы все условия.

Формирование Российского правового государства и «Казанский праздник»

Таким образом, 1854 г. можно признать поворотным событием в завершении становления церемонии празднования завоевания татарского ханства, которое сохранилось до 1917 г. Царский указ от 12 апреля 1854 г. наглядно показывает высокую оценку правительством исторического события. Данный законодательный акт можно признать и как элемент разработки имперской политико-идеологической установки, основанной на историческом прошлом конкретного региона, что, как правило, особенно эмоционально и близко воспринималось местным населением и эффективно служило патриотическому воспитанию в духе государственной идеологии.

В этот период при праздновании покорения столицы ханства 2 и 4 октября, 2 числа в церкви мемориала ежегодно проходила «соборная архиерейская служба»: панихида и литургия по царю Ивану Грозному и погибшим воинам в 1552 г. и «викториальный молебен» [132].

Поскольку в церкви мемориала помещалось мало народу, а также, по нашему мнению, из-за того, что здесь совершалась панихида по погибшим, сложилась традиция приглашения сюда ограниченного числа должностных лиц. На духовной службе присутствовали, кроме православного духовенства, местное гражданское и военное начальство, военные и, как правило, несколько известных горожан. Скажем, в 1887 г. руководством военного округа было выделено по взводу от Эстлянского и Ревельского полков и полбатарей от артиллерийской бригады, которые церковную службу завершили «церемониальным парадом» [133]. Участие в духовной службе в церкви мемориала стало почетной обязанностью начальства Казанского военного округа и войск, расположенных в городе.

В тот же день в Кремле, из Благовещенского собора в Спасо-Преображенскую церковь, проходил церковный ход. В церкви монастыря праздничная церковная служба соединялась со службой св. мученикам Киприану и Устине. Здесь совершались литургия и молебен. В результате в Кремле, в присутствии свет-

ских и военных чинов, всего городского православного духовенства, при стечении многочисленных горожан, происходило торжество, по сравнению с которым панихида в церкви мемориала представлялась весьма скромным мероприятием. Смещение акцента с церковной службы 2 октября в Кремле на «всенародный» праздник, на наш взгляд, способствовало тому, что уже в 1840-е гг. после службы в церкви мемориала не звучала барабанная дробь, не производилась пальба из ружей и пушек [134].

Правда, в отдельные годы при проведении праздника происходили некоторые изменения, связанные прежде всего с погодными условиями или с инициативой отдельных лиц. Например, в 1855 г. из-за ненастной погоды не состоялся «церковный парад» войск казанского гарнизона, зато попечитель памятника И.Н.Котелов пригласил всех принявших участие в торжестве к праздничному обеду [135]. В целом церковь мемориала жила полноценной духовной жизнью и до начала XX в. здесь еженедельно в субботу и воскресенье священнослужителями Зилантова монастыря совершалась служба [136].

4 октября, в день «полного праздника», по-прежнему в Благовещенском соборе происходили службы в честь св. Гурия и Варсонофия, официально признанный правительством день праздника придавал этому событию особую значимость. Для наполнения церковной службы глубоким смыслом, торжественностью и эмоциональностью в 1860 г. архимандритом Климентом были составлены два акафиста (особые хвалебные песнопения в честь святых. — *И.З.*) Гурию и Варсонофию. Синод на своем заседании, состоявшемся 3 декабря 1866 г., утвердил эти тексты, разрешил их напечатать и оглашать во всех церквях России [137]. Следует отметить, что 4 октября особенно празднично отмечалось в церквях Казанской епархии на рубеже XIX—XX вв., когда ею руководил архиепископ Арсений [138].

Во второй половине XIX – начале XX в. особых торжеств или церемоний в память въезда царя Ивана Грозного в поверженную столицу ханства светскими властями не проводилось. Смысл «праздника» 4 октября практически полностью наполнялся духовным содержанием и торжеством, церковной службой в честь св. Гурия и Варсонофия. Эту особенность ситуации и уникальную возможность для пропаганды своей идеологии

руководство епархией стремилось использовать максимально. Практически с этого времени наблюдается целенаправленная деятельность руководства епархии и православных миссионеров в использовании исторических событий прошедших столетий для решения своих концептуальных задач [139].

В дальнейшем 4 октября в присутствии всего светского и духовного начальства губернии в кафедральном соборе казанским архиереем стало проводиться посвящение в духовный сан не только русских, но и «иностранцев». Усилиями миссионеров «христиане-иностранцы», часть потомков подданных бывшего татарского ханства, превращались в соучастников праздничных мероприятий по случаю вступления в мусульманскую Казань царя Ивана Грозного.

В связи с проведением панихиды по погибшим русским воинам возникает закономерный вопрос о том, не были ли в братской могиле «по ошибке» похоронены татары-мусульмане, погибшие при защите города или выступавшие на стороне царского войска. Такой вопрос император Николай I задал настоятелю Зилантова монастыря архимандриту Гавриилу во время посещения памятника 19 августа 1836 г. Архимандрит, ссылаясь на «Историю государства Российского» Н.М.Карамзина, однозначно ответил, что к 4 октября 1552 г. тела погибших были уже предварительно разобраны. Царь Иван Васильевич вступил в крепость «сквозь ряды складенных тел» воинов и горожан и, «видя трупы казанцев, говорил, это не христиане, но подобные нам люди; видя русских, молился за них Всевышнему как за жертву общего спасения» [140]. Поэтому ошибки при захоронении не могло произойти. В целом это высказывание не вызывает у нас возражения. Важно лишь дополнить, что в данном случае архимандрит Гавриил выразил общественное мнение по данному вопросу, сложившееся в первой половине XIX в., которое не изменилось и в последующие десятилетия.

Таким образом, власти заботились только о могилах православных воинов. Где же тогда были похоронены погибшие мусульмане, бывшие в войске Ивана Грозного? Думается, что погибшие татары–воины царского войска, были похоронены по исламскому обряду. Однако удостоили ли победители таких же почестей погибших защитников Казани? Кто их хоронил? Где их братская могила? Эти вопросы требуют дальнейшего изучения.

Необходимо отметить, что официальные власти ни в средние века, ни в XIX—начале XX вв. не удостоили вниманием память мусульман или язычников, по разным обстоятельствам принявших участие в военных действиях на стороне царских войск и погибших при взятии городской крепости в 1552 г. О них забыли. В их память не был построен ни памятник, ни культовое здание. Царское самодержавие, объявившее крестовый поход на Казань, игнорировало память о них, потому что участие в походе мусульман, пусть небольшого числа, не вписывалось в официальную идеологию.

Что тогда мешало вспомнить о мусульманах, погибших на стороне русских в XIX в., когда это событие стали отмечать как «полный праздник»? Правомерно предположить, что это является следствием отношения государства к исламу как к «терпимой нехристианской» религии и к проводимой правительством русификаторской политике слияния «инородцев» с русским народом. Наконец, сильна была традиция в национальном вопросе, согласно которой официально признанными героями империи могли быть только лица, исповедующие православие.

Имперское мышление в крае распространялось светскими и духовными властями. Показательно, что в конце XIX в. губернская администрация считала русских жителей края «коренным населением» [141]. Поэтому празднование взятия Казани и связанные с ним торжества, с одной стороны, как бы напрашивались сами собой, с другой — отравляли общественное сознание жителей города. Следует учесть, что к концу XIX в. уже выросло целое поколение горожан, воспитанных на этих традициях. В частности, в фантастическо-публицистической повести Гаяза Исхаки, молодого учителя мектеба «Амирхания», воспитанника Татарской учительской школы (1898—1902 гг.), «Ике йез елдан соң инкыйраз» («Исчезновение через двести лет») (1904 г.) празднование в губернском городе 2 октября описано как само собой разумеющееся событие с участием многочисленных жителей, с украшением улиц и зданий электрическими фонарями [142].

Как отмечали падение родной столицы ханства и ликвидацию своей государственности татары-мусульмане? Как они воспринимали происходившие торжества в честь взятия татарс-

кой столицы русскими войсками? Поскольку они проводились по церковной традиции, а праздничные застолья проходили с участием православных духовных лиц, не вызывает сомнения игнорирование их со стороны мусульман. В щекотливом положении оказывались лишь военнотружущие и служащие из мусульман, для которых присутствие на этих официальных мероприятиях являлось должностной обязанностью. Несомненно, отношение татар-мусульман к празднованию покорения ханской Казани было как к событию православно-русскому.

В дневнике протоиерея Е.Малова имеется запись от 2 октября 1889 г., которая позволяет в определенной степени восполнить пробел в источниках по данному вопросу и подтверждает полярность точек зрения татар и русских на «Казанское взятие». В этот день к миссионеру пришли казанцы Гирей Ахмеров и Лутфулла. Между ними завязался разговор. Далее Е.Малов продолжает: «Что ныне праздник у Вас?» – спросили они меня. «Да сегодня Казанский праздник; вы его должны знать». Мои знакомые притворились не знающими Казанского праздника и переспросили: «Какой же именно сегодня праздник?». «Ныне воспоминается взятие Казани русскими». «А! Так это ваш праздник, а не татарский; вот если бы татары взяли Казань, от русских, тогда наш был бы праздник». «Я и не говорил вам, что сегодня татарский праздник; я сказал, что сегодня Казанский праздник. Если вы хотите считать себя казанцами, то этот праздник должен быть вашим, а если вы считаете себя жителями Константинополя (Стамбула), тогда, конечно, Казанский праздник не будет вашим праздником» [143].

Необходимо отметить, что мемориал «В память победы над татарами 1552 г.» и ежегодные торжества оскорбляли их национальную гордость и постоянно напоминали о славном периоде национальной истории, когда они были хозяевами своей судьбы, и вызывали скорбь о предках, погибших защищая независимость Казанского государства.

Кульминацией негласного противостояния русско-православной и татарско-мусульманской части городского населения явилось 2 и 4 октября, когда все православное духовенство, губернские чиновники, войска гарнизона, русские купцы и горожане ежегодно торжественно отмечали падение мусульман-

ской Казани, когда местная мусульманская махалля выступала немым свидетелем чуждого для нее праздника и скорбила по погибшим за свою родину предкам. В контексте анализа празднования покорения Казани глубокий смысл приобретает содержание татарских баитов о падении столицы татарского ханства, о царице Сююмбике [144], в которых оплакивается потеря своей независимости и описывается народная трагедия.

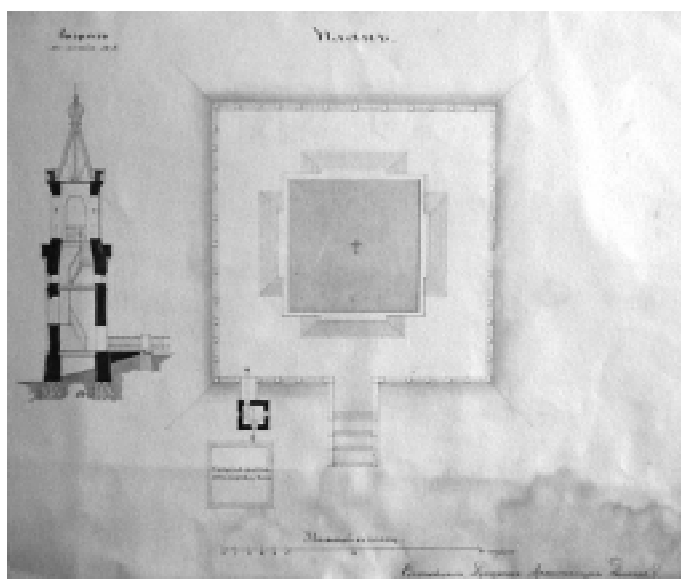
При анализе отношения горожан к данному торжеству необходимо учитывать и межконфессиональную ситуацию в пореформенном губернском городе. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в Казани проживало 28520 татар, что составляло 21,9 % жителей [145]. Она являлась общепризнанным центром татарской культуры и мусульманской учености России. В конце XIX в. духовная жизнь татар концентрировалась в 14 мечетях и махаллях. В то же время Казань была крупным православным религиозным центром Поволжья. Здесь функционировали: православная духовная академия, семинарии, многочисленные церковноприходские школы, 4 собора, 7 монастырей, 26 приходских церквей, 2 церкви при монастырях, 5 военных и 22 «домовых» (ведомственных или при учебных заведениях) церкви [146].

Как относилось русское общество к завоеванию Казанского ханства в XIX – начале XX вв.? Необходимо подчеркнуть, что и в официальной идеологии, и в исторической науке, и на страницах периодической печати это историческое событие трактовалось примерно одинаково. Русская историография периода Российской империи, для которой было характерно имперское мировоззрение, оценивала его завоевание как прогрессивное явление во всех отношениях [147]. В пореформенный период в крае наблюдалось усиление конфронтации между православием и исламом, осложнявшейся активной миссионерской деятельностью православной церкви и русификаторской политикой правительства, противостоянием этому давлению возвратившихся в ислам крещеных татар. Цензор, учитывая эти обстоятельства и живой интерес татар к местной русской периодической печати, как правило, вычеркивал из газетных публикаций те места, в которых победа Московского государства над татарским ханством преподносилась и как победа «креста над полумесяцем»

[148], в других губерниях наблюдалась традиционная трактовка и оценка исторического события. Так, в частности, в статье некоего В.Л.Яковлева «Казань пала!», перепечатанной из «Живописной России» в газете «Казанский телеграф» за 1902 г., указывалось следующее: «Иоанн IV в глазах русского народа делал истинно народное дело: взятием Казани он оплатил вековым притеснениям за все причиненные Руси обиды. Это был своего рода крестовый поход христианской Руси против мусульманской Казани. Здесь царь и народ были воодушевлены одной мыслью, жили одной душой, пылали одним чувством. Народ знал, что хочет делать Царь, и Царь знал, чего желает народ. Исполнилось давнишнее желание русского народа: иметь свободные места для расселения, так как исконно русские земли уже стали переполняться и избыток населения необходимо было выделять куда-нибудь. Народ хорошо понял значение приобретения Казанского ханства и хлынул населять берега Волги, Камы, Вятки, оттуда смелым Ермаком перекинулся и в царство Кучума» [149]. Здесь налицо попытка показать завоевание мусульманского государства как шаг, без которого невозможно было дальнейшее развитие и величие России, как месть за монгольское владычество над русскими землями и другие «обиды» от мусульман, как истинное желание православного русского народа, а не как целенаправленную политику самодержавно-церковной власти, проводимой с целью обогащения путем захвата чужой территории. В статье духовное начало искусно переплетено с материальной заинтересованностью государства и подданных.

Обсуждение в 1872 г. в верхних эшелонах власти вопроса о возведении рядом с мемориалом каменной колокольни, о чем просила и жертвовала средства вдова казанского купца Анна Ивановна Дворникова во исполнение духовного завещания своего супруга, позволяет достаточно точно определить отношение правительства к памятнику.

Проект колокольни был представлен на утверждение в Министерство внутренних дел, которое в установленном порядке уведомило об этом Синод. Обер-прокурор Синода и министр народного просвещения Д.А.Толстой высказался против инициативы казанской купчихи. Памятник, построенный императором Александром I, по мнению графа, «есть достояние го-

Нереализованный проект каменной колокольни рядом с мемориалом, разработанный по заказу казанской купеческой вдовы А.И.Дворниковой (1871 г.)

сударственное, пристройка к коему по желанию частных лиц не должна быть допускаема». А пожертвованные средства на возведение колокольни он рекомендовал использовать на строительство церкви в поселении бедных «инородцев» [150].

В учебниках истории для средней школы и вузов, в различных изданиях по истории Отечества XIX – начала XX вв. красной нитью проходит идея о героическом подвиге царя Ивана Васильевича и русского воинства, проявленном при покорении Казани. Эти издания, кроме информативно-познавательной функции, несли в себе немалую нагрузку в политико-идеологическом плане. В этой связи привлекает внимание распоряжение руководства Оренбургского учебного округа (Оренбургская, Уфимская, Пермская губернии, Уральская и Тургайская области) № 712 от 27 февраля 1886 г. «Об установлении празднования в средних учебных заведениях округа достопамятных событий отечественной истории». В документе речь шла об организации после уроков в актовом зале гимназий мероприятия с участием всех учеников, директора и преподавателей. Кто-нибудь из педагогического персонала должен был вкратце рассказать об одном событии в истории Российской империи и разъяснить его значение «с целью запечатления в юных сердцах важность события и вызвать у них патриотические воодушевления». «Таковые чествования достопримечательнейших дней отечественной истории, заключааясь в соответственной случаю молитву, возглашением многолетия Государю императору и Августейшей фамилии и исполнением хором учеников национального гимна, не могли не остаться без благотворного влияния на развитие патриотического чувства, запечатлели бы эти дни на всю жизнь и содействовали бы возбуждению патриотических чувств и в недрах семейств, в которые возвратятся в те дни учения», – писал попечитель учебного округа, разъясняя свою инициативу директорам гимназий. В частности, на 1886/1887 учебный год были запланированы подобные мероприятия по крайней мере по пяти «славным» страницам отечественной истории: 2 октября – взятие Казани, 24 октября – взятие Праги, 18 марта – взятие Парижа, 2 сентября – Адрианопольский мир, 28 ноября – взятие Плевны [151].

Анализ динамики празднования покорения Казани наглядно показывает сохранение средневековых традиций в Российской

империи. Это во многом объясняется единством оценки привелигированных слоев русского общества и простого народа на события 1552 г. Можно сказать, что мнение образованной части общества от православно-духовной (народной) отличалось «светским» подходом и глубоким пониманием политических и социально-экономических последствий для России покорения Казани.

Таким образом, в истории празднования покорения Казани рельефно выделяются несколько этапов.

Первый этап — 1552—1591 гг. В честь успешного похода 1552 г. по указанию царя Ивана Васильевича были построены следующие храмы в Казани: церковь св. мучеников Киприана и Устины, Спасская церковь во имя образа св. Спаса Нерукотворного, которая вскоре была перенесена в Спасскую башню Кремля, церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы (в будущем кафедральный собор), тогда же был заложен Успенский монастырь. Эти религиозные культовые здания стали первыми сооружениями православного города и озаменовали собой начало распространения в крае христианства. В этом отношении чисто «викториальное» значение, символизировавшее победу над татарским ханством, православия над исламом, имел сооруженный в Москве на Красной площади Покровский собор. Главной тенденцией в возвышении победы в первые десятилетия после падения Казани можно уверенно назвать постройку в городах и селах каменных монументальных памятников — православных храмов — в память покорения столицы мусульманского государства.

Второй этап охватывает 1592—1822 гг. Устройство царем Иваном IV русского кладбища у Успенского монастыря являлось символом памяти самодержавно-церковной власти о погибших русских воинах под Казанью. Одной из главных обязанностей монастыря стала забота о братских могилах и совершение церковных служб в их память.

Включение сохранившихся имен погибших в большой синодик православной церкви произошло по инициативе казанского митрополита Гермогена. Это означало уже совершенно другой, общероссийский статус поминовения погибших и совершение ежегодных панихид в церквях и монастырях епархии. Иначе говоря, «чествование подвига русского воинства» 1552 г. приобрело всероссийский масштаб. Так продолжалась

летопись русской колонизации новых территорий. Не случайно оно совпало с «обретением» иконы Пресвятой Богородицы (1579 г.), выдвижением в святые мученики лиц, пострадавших за православную веру в бывшем Казанском ханстве: Иоанна, Стефана и Петра (1592 г.), возвращением из Москвы в Свияжск мощей казанского архиепископа Германа, возведением его в св. чудотворцы (1592 г.). Признание церковью св. мучениками и чудотворцами местных деятелей превращало Казанскую епархию в равноправную среди других кафедр. Решение таких локальных проблем местной епархии имело огромное значение в религиозном воспитании пришлого русского населения, которое здесь должно было себя чувствовать в духовном плане, как у себя дома, гордиться подвигами своих отцов, дедов и не сомневаться в том, что они не зря проливали свою кровь. Как известно, в средние века государственная идеология совпадала с религиозным мировоззрением. Только в начале XVIII в., при Петре I, в развитии русской культуры зародилось светское направление и усилилось европейское влияние. Поэтому включение в большой синодик русской церкви имен погибших воинов в 1552 г. означало чествование их государством в лице православной церкви и гарантию их бессмертия до тех пор, пока будет существовать Российская империя.

Унитарное русское государство становилось полиэтническим по составу, а коренные жители новых завоеванных территорий были мусульманами и язычниками. Предстояла унификация «инородцев» по православно-русскому образцу. Оказалось, что в государственном масштабе это дело первыми организовали казанские архиереи. Благодаря продуманным действиям руководства Казанской епархии, 4 октября, день торжественного въезда царя Ивана Грозного в поверженную столицу ханства стал отмечаться как день освящения св. мощей Гурия и Варсонофия (1895 г.), деятельность которых непосредственно связана с первыми десятилетиями военно-феодальной колонизации края. Наложение на дату въезда в городскую крепость русского царя освящения мощей первых миссионеров имело глубоко политическое и символическое значение. 4 октября отмечался как день этих святителей церкви, подразумевая победу над мусульманским государством. Было еще раз подтверждено, что день покорения сто-

лицы исламского государства является большим праздником и знаменательной датой в истории русской православной церкви. Именно это событие позволило организовать новую миссию в Поволжье, и с этого дня начался новый этап в ее деятельности.

Для этого времени характерно заботливое отношение властей к первым православным культовым памятникам, построенным в честь покорения Казани. Так, после пожара в 1596 г. была возведена на том же месте каменная церковь св. мучеников Киприана и Устины. 2 октября здесь казанским архиереем ежегодно совершались духовная служба в честь св. мучеников, литургия и молебен в честь правящего царя и членов его фамилии.

То обстоятельство, что победа над татарским ханством в течение столетий отмечалась под религиозной оболочкой, является важным моментом в определении места и роли православной церкви в политическом строе России и общественном сознании народных масс. После реорганизации управления русской церковью в начале XVIII в. и подчинения ее Синоду, церковь, утратив возможность оказывать влияние на царское самодержавие, оставалась его служанкой.

Как было отмечено выше, инициатива архимандрита Зилантова монастыря Амвросия в 1811 г. предполагала выполнение завещания царя Ивана Грозного о строительстве памятника в память погибших русских воинов. Императору Александру I она была представлена местным военным губернатором как предложение о сооружении памятника в честь победы России над Казанским ханством. Именно такую идеологическую нагрузку несло в себе архитектурное оформление Н.Ф.Алферовым мемориала-памятника. Сооружение мемориала на месте братской могилы, установка в подвале его церкви гроба с костями погибших и, наконец, руководство строительством здания священнослужителем, исполнителем завещания царя Ивана Грозного, на наш взгляд, способствовали тому, что это сооружение в народе и в публикациях получило название «памятника, сооруженного в воспоминание убиенных при взятии Казани воинов на Зилантовой горе». Хотя исторически правильным будет следующее название этого сооружения: мемориал в память победы над Казанским ханством, построенный на братской могиле русских воинов, погибших под Казанью в 1552 г. [152].

Следующий, **третий этап** празднования покорения Казани охватывает период с 1823 по 1853 г. После освящения мемориала-памятника в 1823 г. здесь 2 октября стали совершать панихиду и «вечную память» по царю Ивану Грозному и погибшим воинам и молебен памяти победителя — царя Ивана Грозного, молебен с возгласением многолетия правящему монарху и членам его фамилии. Городские власти и русское купеческое общество взяли заботу о мемориале-памятнике в свои руки. Церковь мемориала, находившаяся на попечении монахов Успенского Зилантового монастыря, стала исполнять в духовной жизни губернского города предназначенную ей функцию.

Дополнительно к церковной службе в мемориале-памятнике 4 октября в Благовещенском соборе проходила служба по святителям Гурию и Варсонофию. В этот отрезок времени в праздновании исторического события на первый план вышел день 2 октября. Один из памятников в честь покорения Казани — Спасская церковь. В 1838 г. она была передана военному ведомству и стала главным храмом местного гарнизона.

Четвертый этап (1854—1917 гг.) был связан с празднованием в 1852 г. 300-летнего юбилея захвата ханской Казани. Представляется закономерным, что именно руководство епархии возбудило перед верховной властью вопрос о праздновании этой круглой даты. С изданием царского указа 12 апреля 1854 г. об освобождении в Казанской губернии 4 октября, в день торжественного входа царя Ивана Грозного, всех присутственных мест от занятий и училищ от учебы, главный акцент в проведении торжеств, по нашему мнению, снова переместился на 4-е число, отодвинув 2 октября на второй план. Немаловажное значение в этом сыграли пышные церковные торжества в честь освящения мощей первых миссионеров края — святителей Гурия и Варсонофия — и дня основания «Братства святителя Гурия». Примечательно, что если до середины 1860-х гг. празднование взятия столицы ханства «служило» воспитанию в основном русского населения, то в последующий период духовные власти максимально стремились использовать прошедшие события в деле христианизации и русификации коренных народов Среднего Поволжья.

Таким образом, празднование взятия татарской Казани в царской России прошло несколько этапов, которые в целом толь-

ко частично перекликаются с процессами трансформации российского общества во второй половине XVI – начала XX вв., что прежде всего обусловлено важной ролью православной церкви в истории Российского государства и менталитетом основной массы русского народа. Строительство гражданского общества в XIX– начале XX вв. в империи происходило во многом путем игнорирования национального вопроса. Анализ отношения верховной власти, русской церкви и местной администрации к празднованию покорения ханской Казани позволяет говорить о преемственности внутривластного курса царизма на протяжении столетий. Постройка мемориала «в память победы над татарами 1552 г.», объявление царским указом 12 апреля 1854 г. 4 октября («день торжественного входа царя Иоанна Васильевича в г.Казань и открытия мощей святого Гурия и согрудника его Варсонофия») нерабочим, праздничным днем в Казанской губернии являются наглядным показателем политико-идеологической оценки царским режимом данного события. Наполнение реальным «патриотическо-духовным содержанием» празднования являлось прерогативой местной светской и духовной властей. Именно им принадлежит разработка ритуала празднования, в основе которого всегда лежала церковная служба с присутствием первых должностных лиц губернии, приложением к которой стало проведение крестных ходов, организация парада войск, почетных караулов, пушечных выстрелов, залпов из ружей, торжественные застолья городской и губернской элиты, народных гуляний и др. Для организации этих мероприятий, при необходимости, с их стороны принимались соответствующие постановления или вопросы решались в рабочем порядке: по письменной или устной договоренности между губернской администрацией, военным ведомством и руководством Казанской епархии.

Покорение Казанского государства действительно явилось одним из главных результатов внешнеполитической деятельности правительства Ивана Грозного и православной церкви, и имело всероссийское значение. Царь Иван IV уделял большое внимание увековечению своей победы, что выразилось в сооружении монументальных православных культовых памятников. В последующем, с превращением Среднего Поволжья во «внутреннюю»

Россию, и решением царизмом других «внешнеполитических задач», результатом которых стало дальнейшее расширение границ государства, празднование этого события приобрело локальное значение. Это произошло не только потому, что 1552 г. стал частью российской средневековой истории, но и потому, что в Новое время появились другие, не менее важные военные победы, в личностном плане более близкие правителю династии Романовых, поскольку он сам принимал участие в их осуществлении. Тем не менее, общественном сознании православного населения Российской империи, благодаря стараниям русской церкви и других идеологических институтов самодержавия, события 1552 г. продолжали занимать «достойное место».

Считается, что во второй половине XVI—XVII вв. в России существовала народная или патриархальная монархия, в первой половине XVIII в. — абсолютизм, во второй половине XVIII в. сложилась сословная пастерналистская монархия, которая в период правления Николая I переросла в бюрократическую правовую монархию. В пореформенный период в империи сформировалась всесословная правомерная монархия, а с 1906 г. ее сменила дуалистическая монархия (де-юре конституционная монархия), в феврале 1917 г. образовалась демократическая республика [153].

На смену доктрине «официальной народности», сформулированной графом С.С.Уваровым, согласно которому царь осуществляет свою власть в интересах народа по нравственным и юридическим законам, в 1880-х гг. пришла близкая ей по духу теория «народного самодержавия», считавшая допетровскую монархию самой подходящей формой государственности для России. По мнению ее сторонников, в том числе императоров Александра III и Николая II, эта теория была способна обеспечить «единение царя с народом без посредства представительного учреждения, бюрократии и интеллигенции» [154]. В этом деле важная роль отводилась православной церкви. Для его реализации имелась сформированная властями в течение веков «народная религиозная традиция», в которую логично вписывался «Казанский праздник».

Символично, что в XIX в. в память победы 1552 г. в Казани строится не религиозное богослужebное здание, а мемориал, где церковь была «спрятана», устроена внутри здания, что может

свидетельствовать о «новом мышлении» верховной власти в вопросе увековечения военных побед русского самодержавия.

Как свидетельствуют факты, во многих случаях в Новое время именно «высочайшее» попечение способствовало сохранению средневековых монументальных памятников. Следует признать, что верховная власть с должным вниманием рассматривала инициативы местных светских и духовных властей, основная часть которых находила поддержку и возводилась в статус закона. Если ведомственные и местнические интересы духовных лиц не полностью совпадали со стержневой линией идеологии самодержавной власти, то российские монархи, оценивая поступившие предложения с высоты государственных интересов, вносили в них необходимые коррективы. Это — строительство мемориала вместо каменного столба по случаю победы над Казанским ханством, частичное государственное финансирование его сооружения, возобновление службы в Спасской церкви, сохранение здания Благовещенского собора от разрушения и др. Не вызывает сомнения, что самодержцами руководило желание сохранить для будущих поколений исторические памятники средневековья, символизирующие победу русского оружия и церкви. Не секрет, что подвиги предков воспитывали гордость у русского народа и уважение к самодержавной власти.

Пропитанное религиозно-самодержавным духом и оформленное в церковный ритуал празднование покорения Казани стало одной из форм внешней атрибутики в поддержании стабильности монархического идеала.

Очевидно, что в России Нового времени формирование ритуала празднования покорения ханской Казани, который в целом соответствовал имперской официальной идеологии и великодержавному менталитету российской провинции, завершилось в середине XIX в. Поэтому, на наш взгляд, во второй половине XIX — начале XX вв. незаметен «высочайший» интерес к данному событию. Иначе говоря, изменение утвердившейся традиции было возможно только при смене политического строя в России, что и произошло в 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит.: Загидуллин И.К. Христианизация татар Среднего Поволжья во второй половине XVI—XVII вв.//Ученые записки Татарского государственного гуманитарного института. — 1997. — № 1. — С.134.

2. Пайпс Р. Россия при старом режиме. — М.: Независимая газета, 1993. — С.306.

3. Гавриил, архимандрит. Историческое описание памятника, сооруженного в воспоминание убиенных при взятии Казани воинов на Зилантовой горе. — Казань: Универ. тип-я, 1833. — С.32—33.

4. В дальнейшем ежегодно 2 октября православная церковь чествовала этих св. мучеников. Правда, во время большого пожара 1595 г. она сгорела и на ее месте в 1596 г. было построено каменное здание с сохранением размеров и внешнего вида прежней деревянной церкви (Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города/Под. ред. Н.П.Загоскина. — Казань: Лито-тип-я ун-та, 1895. — С.109—110.

5. Заринский П. Краткая историческая записка о Казанской Кремлевской во имя Спасителя (военной) церкви в Казани. — Казань: Тип-я окружного штаба Казан. воен. округа, 1870. — С.9.

6. Историк-краевед, протоиерей Спасской церкви при Спасской башне Платон Заринский приписывает эту идею в заслугу царя Ивана Грозного. Он пишет: «Мысль поставить Образ Нерукотворенный над воротами Казани могла родиться в уме вследствие известного церковного предания о подлинном Нерукотворенном Образе. Спаситель, по древнему преданию церкви, сохраненному Евсевием Памфилом (греческим историком времен Константина Великого), чудесно изобразил на полотне свой пречистый лик, приложив к своему пресвятому лицу полотно или убрus. Этот не руками сделанный образ свой Иисус Христос послал к Эдесскому владельцу Авгарю: а Авгарь, для охранения города, велел поставить этот образ над городскими воротами Эдессы, где он стоял и после него долгое время. Точно также и Иван IV, для охранения силою свыше вновь устраиваемого им города Христианского, рассудил поставить Образ Нерукотворенный на главных воротах твердынь казанских, подобно тому как на Воскресенских воротах в Москве стоял образ Иверской Богоматери, на городских воротах Смоленска — икона Смоленской Богоматери и проч. Это намерение царь осуществил тем с большим усердием, что самый успех Казанского погрома считал чудом от Иконы Нерукотворенной. «Мы с крепостною хоругвию царство Казанское покорили!» — писал в последствии времени царь к Курбскому».

7. Территория Казанской епархии в этот период охватывала территорию «вятских земель», бывших Казанского и Астраханского ханств, по своим размерам чуть меньше исконно русских земель.

8. Кафедральный храм уже тогда выделялся богатством и роскошью «соборной утвари» и благодаря «государевой казне» собрал великолепную ризницу, владеющую редкими драгоценностями (Дульский П.М. Памятники Казанской старины. — Казань: Центральная тип., 1914. — С.41). Многочисленные пожары (1596, 1672, 1694, 1815 гг. и др.) сильно разрушили здание. Во время реставрации и ремонта всякий раз происходило определенное изменение внешнего вида собора. В начале XVII в. была сооружена отдельно стоящая шестиярусная высокая колокольня. В 1694 г. рядом с кафедральным собором была воздвигнута зимняя каменная церковь в честь Рождества Христова, а в 1736 г. — трапезная с крытым крыльцом (Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI — начало XX вев). — Казань: Изд-во «Фест», 1998. — С.11).

9. Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города/Под. ред. Н.П.Загоскина. — Казань: Лито-тип-я ун-та, 1895. — С.116—117.

10. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). — Т.2. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. — С.116.

11. Карелина Т.С. Образ Ивана Грозного в литературе XVI века и народном творчестве: Автореф. дисс... канд. филол. наук. — М., 1955. — С.5,7,8,10.

12. История русского искусства. —Т.3. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С.565-566.

13. Смирнов И.И Иван Грозный. — Л.: ОГИЗ Госполитиздат, 1944. — С.65.

14. Смирнов И.И Иван Грозный. — С.65; Бахрушин С. Иван Грозный. — М.: ОГИЗ, 1942. — С.73.

15. Цит: История русского искусства. — Т.3. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С.439.

16. Кузнецов И. Еще новые данные о построении Московского Покровского (Василия Блаженного) собора // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1896. — Кн. II (177). — Раздел V. — С.29; Карамзин Н.М. История государства Российского. — В 4х кн. Книга третья. (Т.VII-IX). — Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1990. — С.216—220.

17. Тихомиров Е. Первый царь московский Иоанн IV Васильевич Грозный. — Т. 1. — СПб.: Изд-во В.В.Липехина, 1888. — С.234.

18. История русского искусства. — Т.3. — С.421—422.
19. Шмидт С.О. Становление Российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. — М.: Изд-во «Мысль», 1973. — С.185.
20. Мнева Н.Е. Искусство Московской Руси. Вторая половина XV — XVII вв. — М.: Изд-во «Искусство», 1965. — С.95; Воронин Н., Ильин М. Древности Подмосквья. Памятники зодчества XV — XVII веков. — М.: Гос. архит. изд-во, 1947. — С.9,12; Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. Полный список всех 1105 ныне существующих монастырей в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. — М.: Изд-во А.Д.Ступина, 1908. — С.520; Коломна // Города Подмосквья. — В трех книгах. — Книга третья. — М.: Изд-во «Московский рабочий», 1986. — С.27.
21. История русской архитектуры /Втор. изд., испр. и доп. — М.: Гос. изд-во лит-ры по строительству и архитектуре, 1956. — С.154.
22. Масленицын С.И. Муром. — М.: Изд-во «Искусство», 1971. — С.8—12.
23. Михайловский Е., Ильенко И. Рязань. Касимов. — М.: Изд-во «Искусство», 1969. — С.81.
24. Масленицын С.И. Муром. — С.10—11. См. также: Мнева Н.Е. Искусство Московской Руси. Вторая половина XV — XVII вв. —М.: Изд-во «Искусство», 1965. — С.95.
25. Бахрушин С. Иван Грозный. — С.72.
26. Кузнецов И. Еще новые данные о построении Московского Покровского (Василия Блаженного) собора. — С.29; История русского искусства. —Т.3. — М.,1955. — С.440—442; Москва в ее прошлом и настоящем. — Ч.2. — М.: б.г. — С.51.
27. История русского искусства. — Т.3. — С.450.
28. Александров Ю. Москва: диалог путеводителей. — М.: Изд-во «Московский рабочий», 1986. — С.131.
29. Снегирев В.Л. Памятник архитектуры храм Василия Блаженного. — М., 1953. — С.29, 32, 34—35.
30. История русского искусства. — Т.3. — С.445.
31. Ильина М. Памятники архитектуры XIV—XVII веков // Москва. Памятники архитектуры XIV—XVII веков. — М., 1974. — С. 52, 53.
32. Александров Ю. Москва: диалог путеводителей. — С.130—132.
33. История русского искусства. — Т.3. — С.455.
34. Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. — С.110.
35. Ефремцев Г., Кузнецов Д. Коломна. — М.: Изд-во «Московский

рабочий», 1977. — С. 22,37—38; Древнерусское искусство. — М., 1970. — С.87—114.

36. Снегирев И. Крестные ходы в Москве// Душеполезное чтение. — Ч.2. — М., 1861. — С.93.

37. Там же. — С.95.

38. Знаменский П. Руководство к русской церковной истории. — Казань: Универ. тип-я, 1886. — С.104.

39. Загидуллин И.К. Христианизация татар... — С.134.

40. Знаменский П. Руководство к русской церковной... — С. 104.

41. Загидуллин И.К. Христианизация татар... — С.139.

42. В российской историографии XIX в. эти религиозные культовые здания не признаются памятниками, созданными в честь покорения столицы ханства. Видимо, главным критерием «отбора» являлось участие в этом деле самого царя. С такой точки зрения данная инициатива действительно представляется «второй волной» мероприятий по увековечению победы над Казанским ханством.

43. Кедров С. Жизнеописание святлейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. — М.: Печатня А.И.Снегирева, 1912. — С.23.

44. Он писал следующее: «Прежде... казанского взятия во многие наши великие князи киевские и московские посылали бояр и воевод своих, и с ними бесчисленное свое христололюбивое воинство воевати казанских царей за измену. И на тех... многих бранях государевех великих воевод, князей, бояр и дворян, и детей боярских, и всяких государевых русских людей на тех бранях храбствовавших побито под Казанью и в пределах казанских много... по его же к Богу молению, вере и правде, милосердный Бог предал ему государю нашему вотчину его казанское царство, и тогда под Казанью храбствовавших за святую нашу православную веру, мног-ж побито православных христиан. И... после казанского взятья на многих бранях тако-ж многии православнии рускии сынове крови свои пролияша и за таковая, государь, страдания их и подвиги по се время особная им общая память, летние години в Казань не установлены» (Творения Гермогена, патриарха Московского и всея России. — М.: Печатня А.И.Снегирева, 1912 . — С.58).

45. Творения Гермогена, патриарха Московского и всея России. — М.: Печатня А.И.Снегирева, 1912 . — С.59.

46. Там же. — С.18—34.

47. Загидуллин И.К. О грамоте царя Федора Ивановича казанским воеводам и дьякам от 18 июля 1593 г.// Гуманитарные науки: проблемы и аспекты изучения. — Казань, 1997. — С.13—20.

48. Кедров С. Жизнеописание святлейшего Гермогена... — С.24.

49. Известно, что до утверждения патриархом текста «вечной памяти» Гермоген велел петь мученикам Иоанну, Стефану и Петру «среднюю вечную память», а погибшим под Казанью и в крае петь «большую вечную память» так: «Всем православным Христианам побиенным под Казанью и в Казанских пределах в различные времена и общею смертью скончавшимся вечная память» (Творения Гермогена, патриарха Московского и всея России... — С.70).

50. Святители чудотворцы казанские святители Гурий, Варсонофий и Герман//Известия по Казанской епархии. — 1887. — № 19. — С.483.

51. Там же. — С. 480—481.

52. Снегирев И. Крестные ходы в Москве. — С.95.

53. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. — М.: «Высшая школа», 1993. — С.81—91.

54. Миронов Б.Г. Социальная история России... — Ч.2. — С.216.

55. Там же. — С.149.

56. Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель... — С.113.

57. Заринский П. Возобновление Казанской Кремлевской во имя Спасителя (военной) церкви в 1871 г. — Казань: Губерн. тип-я, б.г. — С.2.

58. Заринский П. Краткая историческая записка о Казанской... — С.10.

59. Заринский П. Возобновление Казанской Кремлевской ... — С.2.

60. ПСЗ. — Собр. 2-е. — Т.ХIII. — Отд.1. — №10918.

61. Заринский П. Возобновление Казанской Кремлевской ... — С.3—4.

62. Заринский Платон. Речь при церковном параде от всех войск, составляющих гарнизон г. Казани, бывшем 16 августа 1866 г. в Казанскую Кремлевскую церковь во имя Нерукотворенного образа Спасителя//Православный собеседник. — 1875. — Ч.2. — С.248.

63. Дульский П.М. Памятники Казанской старины. — С.36.

64. РГИА, ф.796, оп.133, д.676, л.1.

65. Волжский вестник. — 1897. — № 57. — 4 (16) марта.

66. Там же.

67. НА РТ, ф.4, оп.54, д.18, л.63.

68. Волжский вестник. — 1897. — № 57. — 4 (16) марта.

69. НА РТ, ф.4, оп.1, д.413, л.33,34—34 об.

70. Императрицы Елизавета Алексеевна и Мария Алексеевна пожертвовали соответственно 2 и 1 тыс. руб., великие князья: цесаревич Константин Павлович — 600 руб., Николай Павлович и Михаил Павлович — по 350 руб., великая княгиня Екатерина Павловна— 400 руб.

71. Этому заметному событию в жизни губернского города в «Прибавлении к Казанскому вестнику» за 1815 г. (№ 96) уделено большое внимание.

72. НА РТ, ф.4, оп.54, д.18, л.92.

73. НА РГ, ф.4, оп.1, д.413, л.1–1 об.
74. Баженов Н. Казанская история. — Казань: Универ. тип-я, 1847. — Ч.2. — С.109; НА РГ, ф.4, оп.54, д.18, л.37.
75. НА РГ, ф.4, оп.1, д.413, л.78–78 об.
76. Там же. — Л.79–79 об., 82–82 об.
77. НА РГ, ф.4, оп.50, д.15, л.2–4, 14–18, 30; оп.52, д.30, л.43.
78. В частности, по отчету казанского архиепископа Синод констатировал следующее: «Для записей суммы на построение памятника статьи расходов написаны против законного порядка, ибо некоторые из оных и довольно значительные не подписаны рукою получателей в них деньги, а самого архимандрита, что он их выдал, а потому и неизвестно, получены ли оные теми, коих им высказано. А некоторые фальшиво подписаны именами получателей, людьми посторонними... На все те (расходные статьи) расходы, но и показания в книге не представлено никаких документов, как-то контракты и других законных актов. А на требование оных консисториею архимандрит отказал, что он таковых актов не имеет... Внесены в число расходов такие статьи, кои к построению памятника совершенно не принадлежат, как-то: а) за купленную зимнюю повозку для поездки в Санкт-Петербург — 60 руб.; б) на проезд в Санкт-Петербург — 259 руб. 25 коп.; в) в Санкт-Петербурге на извозчиков — 200 руб.; г) в Санкт-Петербурге на проезды — 2000 руб.; д) на летнюю поездку — 555 руб. 30 коп.; е) на проезд из Санкт-Петербурга — 272 руб.; ж) при заложении памятника на угощение — 975 руб.; з) при панихиде на угощение — 75 руб.; и) при панихиде на угощение — 65 руб.; к) на вторичный проезд в Санкт-Петербург — 275 руб.; л) на содержание служащих при нем — 625 руб.; н) в Санкт-Петербурге на наем лошадей — 775 руб.; о) на возвратный проезд из Санкт-Петербурга — 206 руб. Итого 6077 руб. 55 коп.». Командировочные и вышеперечисленные расходы, произведенные Амвросием, Синод определил как «несоразмерные». Согласно рапорту диакона казанской Никольской церкви, которого церковный строитель использовал «как по своим делам, так по памятнику», оказывается, что архимандрит оставлял «негласными многих сумм на тот памятник собранных» (НА РГ, ф.4, оп.50, д.15, л.22–24). Архитектор М.Емельянов, по поручению консистории проверявший смету строительных работ за прошлые годы, установил приписки архимандрита «излишней цены материалам», а также о «не внесении» в приходную книгу «некоторых собираемых сумм» (НА РГ, ф.4, оп.50, д.15, л. 24). Несмотря на явное доказательство нечистоплотности архимандрита, Синод постановил о оставлении строящегося памятника под попечением Амвросия,

предоставив «прежние употребление им сумм на совесть его» (НА РТ, ф.4, оп.50, д.15, л.24 об.). В заключение своего указа Синод констатировал, что указанные в приходной книге расходы (на сумму 6077 руб. 60 коп. — *И.З.*) и другие, «не согласенные с порядком», в дальнейшем не употреблялись «под опасением неминуемого взыскания по законам» (НА РТ, ф.4, оп.50, д.15, л.24об.— 25).

79. НА РТ, ф.4, оп.50, д.15, л.36—37.

80. Там же. — Л.102—103.

81. «...Вновь оказалось, что расходные статьи ни одна не очищена расписками получателей денег, хотя и имеются таковые расписки, но по особенному отчету на простой тетради, а некоторые представлены им особо и на контрактах подрядчиков, некоторые же подписаны им самим архимандритом, в том сколько, что деньги им выданы... статьи... должны быть очищены расписками получателей, без чего они на счет приняты быть не могут» (НА РТ, ф.4, оп.50, д.15, л.91 об.).

82. НА РТ, ф.4, оп.50, д.15, лл. 92, 93, 110—110 об. Его рапорт в консисторию, написанный в марте 1820 г. с целью «обезопасить самого себя», подтверждает продолжавшуюся практику финансовых нарушений архимандрита.

83. НА РТ, ф.4, оп.54, д.18, л.43.

84. НА РТ, ф.4, оп.50, д.15, л.64—68. Подсчитано нами.

85. Там же. — Л.70.

86. НА РТ, ф.4, оп.52, д.30, л.1.

87. Там же. — Л.33.

88. Прибавление к Казанскому вестнику. — 1823. — № 38. — С. 296; Баженов Н. Казанская история. — Ч.2. — С.68.

89. Дульский П.М. Памятники Казанской старины. — С. 127.

90. НА РТ, ф.4, оп.50, д.15, л.101 об.; Марков Е. Домой по Волге (Путевые очерки)// Русское обозрение. — 1895. — № 5. — С.41.

91. Никанор, архиепископ (Каменский). Казанский сборник. — Казань: Типо-литография ун-та, 1909. — С.47.

92. Прибавление к Казанскому вестнику. — 1829. — № 19. — С. 387.

93. Никанор, архиепископ (Каменский). Казанский сборник. — С.48; Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель... — С.12.

94. Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI — начало XX веков). — С.71.

95. Гавриил, архимандрит. Историческое описание памятника, сооруженного в воспоминание убиенных при взятии Казани воинов на Зилантовой горе. — Казань: Универ. тип-я, 1833. — С.32—45.

96. Баженов Н. Плавание к Зилантову монастырю и Казанскому памятнику. — М.: Универ. тип-я, 1846. — С.32.

97. В этом списке первым записано имя царя Ивана Васильевича, «Казанского царства победителя и христианской веры насадителя». В разных местах списка перечисляются фамилии трех князей, трех «детей боярских» и трех казацких атаманов. Остальные (абсолютное большинство) имена записаны без титулов.

98. Прибавление к Казанскому вестнику. — 1823. — № 44. — С. 358.

99. Баженов Н. Казанская история. — Ч.2. — С.68.

100. РГИА, ф.796, оп.133, д.676, л.1—1 об.

101. Там же. — Л.2.

102. Волжский вестник. — 1897. — № 57. — 4 (16) марта.

103. Согласно составленной городским архитектором П.Г.Пятницким сметы 5 тыс. руб.

104. Прибавление к Казанскому вестнику. — 1831. — №3. — С.18—21.

105. Волжский вестник. — 1897. — № 75. — 22 марта (3 апреля).

106. НА РГ, ф.4, оп.54, д.18, л.388.

107. По просьбе архимандрита монастыря с 1830 г. городская дума стала ежегодно выделять по 300 руб. на приобретение «красного вина, просфоров, свеч и других принадлежностей, необходимых для службы». Часть этих средств тратилась на вознаграждение священнослужителей и иеромонахов Зилантова монастыря, совершающих службу в церкви памятника.

108. Гавриил, архимандрит. Слово на день взятия Казани царем Иоанном Васильевичем Грозным и на освящение храма, сооруженного в памятнике над могилою православных воинов, за веру и отечество при взятии Казани живот свой положивших. — Казань: Универ. тип-я, 1833. — С.20—21.

109. Гавриил, архимандрит. Историческое описание памятника, сооруженного в воспоминание убиенных при взятии Казани воинов на Зилантовой горе. — Казань: Универ. тип-я, 1833. — С.21—33; Баженов Н. Казанская история. — Ч.2. — С.111; Волжский вестник. — 1897. — № 75. — 22 марта (3 апреля).

110. Гавриил, архимандрит. Слово на день взятия Казани ... — С.21.

111. Гавриил, архимандрит. Историческое описание памятника, сооруженного... — С.23—24.

112. В это время для охраны мемориала были наняты два отставных унтер-офицера, которым было назначено жалованье. Городской думой отпускались деньги на содержание дома сторожей.

113. Гавриил, архимандрит. Историческое описание памятника, сооруженного ... — С.29—31.

114. Волжский вестник. — 1897. — № 75. — 22 марта (3 апреля).

115. Гавриил, архимандрит. Историческое описание памятника, сооруженного... — С.23.
116. Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI— начало XX веков). — С.71.
117. Казанские губернские ведомости. — Часть неофициальная. — 1852. — № 41. — 6 октября. — С.265.
118. РГИА, ф.796, оп.133, д.676, л. 2—2 об.
119. Там же. — Л.2 об.
120. НА РТ, ф.4, оп.1, д.5115, л.1—2, 5—8.
121. Казанские губернские ведомости. — Часть неофициальная. — 1852. — № 41. — 6 октября. — С.265.
122. Там же.
123. РГИА, ф.796, оп.133, д.676, л.10; Казанские губернские ведомости. — Часть неофициальная. — 1852. — № 41. — 6 октября. — С.265.
124. РГИА, ф.796, оп.133, д.676, л.10.
125. Там же. — Л.3 об., 5—7, 11.
126. РГИА, ф.1149, оп.4, д.26, л.1—2.
127. ПСЗ. - Собр.2-е. - Т.XXXIX. - Отд.1. — № 28160.
128. Казанские губернские ведомости. — Часть официальная. — 1854. — № 30. — 26 июля. — С.185.
129. Устав о предупреждении и пресечении преступлений//Свод законов Российской империи. — Изд.1857 г. — Т.XIV. — Ст.31; НА РТ, ф.2, оп.2, д.12618, л.400—401.
130. Устав о предупреждении и пресечении преступлений//Свод законов Российской империи. — Т. XIV. — СПб., 1890. — Ст.26.
131. Казанские губернские ведомости. — Часть неофициальная. — 1855. — №40. — 3 октября. — С.259.
132. НА РТ, ф.2, оп.2, д.12618, л.400—401; Казанский календарь за 1869 год. — Казань: Изд-во К.А.Тилли, б.г. — С.30—31; Казанские губернские ведомости. — Часть неофициальная. — 1853. — № 42. — 12 октября. — С.266; Там же. — 1855. — №41. — 10 октября. — С.265; Известия по Казанской епархии. — 1867.— №21. — С.590; Там же. — 1870. — №21. — С.687; Там же. — 1871. — №22. — С.692; Там же. — 1872. — №22. — С.697; Там же. — 1900. — №20 — С.917; Там же. — 1901. — № 20. — С.919; Там же. — 1902. — №21. — С.969; Там же. — 1905. — №40—42. — С.1231; Там же. — 1912. — №39. — С.1157; Там же. — 1915. — №28. — С.1054 и др.
133. Волжский вестник.— 1887. — № 257. — 3 октября.
134. Баженов Н. Казанская история. — Казань: Универ. тип-я, 1847. — Ч.3. — С.68.
135. Казанские губернские ведомости. — Часть неофициальная. — 1855. — №40. —3 октября. — С.265.

136. Никанор, архиепископ (Каменский). Казанский сборник... — С.49.

137. Известия по Казанской епархии. — 1867. — №3. — С.91.

138. В 1897 г., в первый же год службы на казанской кафедре, он постановил праздновать во всех церквях Казанской епархии «с должностною торжественностью» «дни памяти» святителей Гурия, Варсонофия и Германа. Согласно распоряжению архиерея, накануне праздника во всех церквях Казани совершались «малая вечерня и всеночное бдение», а 4 октября — литургия и молебен святителям. Здесь привлекает внимание стремление архиепископа Арсения объединить в один день чествование первых двух казанских архиепископов (Известия по Казанской епархии. — 1901. — № 20. — С.917). Указом Казанской духовной консистории от 26 апреля 1899 г. были утверждены, исходя из даты кончины, обретения мощей и перенесения мощей святых чудотворцев из одного храма в другой, следующие «дни памяти»: Гурия — 20 июня, 4 октября и 5 декабря; Германа — 23 июня, 25 сентября и 6 ноября; Варсонофия — 11 октября и 4 октября (Известия по Казанской епархии. — 1899. — № 9. — С.383—386).

139. После массового возвращения крещеных татар в ислам в 1865—1866 гг. перед духовными властями встала большая проблема по реорганизации миссионерского дела в епархии — «христианскому просвещению инородцев» на их родном языке. С этой целью было решено создать «Общество святителя Гурия» — общественную организацию, членами которой могли стать все православные, попечителями общества стали местный губернатор и архиерей. Символично, что «днем рождения» миссионерской организации был определен день 4 октября 1867 г., когда 315 лет тому назад «церковным ходом» в поверженную мусульманскую Казань вступил царь Иван Грозный.

140. Баженов Н. Плавание к Зилантову монастырю и Казанскому памятнику. — С.32.

141. НА РТ, ф.1, оп.3, д.10479, л.2.

142. Гаяз Исхаки. Эсэрләр. 15 томда. — Т. 1. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. — 211—212 б.

143. Малов Е. О татарах, евреях и других инородцах в Российской империи. Выписки из рукописей и миссионерских дневников. Сост. М.Алиш. — Казань, 1999. — С.34.

144. Татар халык ижаты: Бәетләр. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. — 26—27, 30—34 б.; Бакиров М. Халык хәтере // Мирас. — 1992. — № 10. — 34—35 б.

145. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1887 г. — XIV. — Казанская губерния. — СПб., 1903. — С.260—261.

146. Адресная книжка г. Казани. — Казань, 1895. — С. 127—131.

147. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI–XIX вв. – М.: Наука, 1990. – С.8–11.

148. См.: Волжский вестник. – 1897. – № 75. – 22 марта (3 апреля) (НБЛ ОРРК).

149. Казанский телеграф. – 1902. – № 2932. – 29 сентября.

150. НА РГ, ф.2, оп.7, д.2438, л.1–6.

151. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. – 1886. – №4. – С.155–156.

152. Следует отметить, что в своей монографии Б.Н.Миронов именует данное сооружение как «Мемориал «В память победы над татарами 1552 г.: памятник по убиенным при взятии Казани» (См.: Б.Н.Миронов «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). – Т.1. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. – С.270).

153. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. – Т.2. – С.116, 150, 158, 175.

154. Там же. – С.149, 152.

КАЗАН ХАНЛЫГЫ ЧОРЫНДАГЫ ТАТАРЧА ЧЫГАНАКЛАР

Татар халкы тарихы буенча рус телендә күп язылды, татар телендә исә бик аз. Татарча чыганаclar турында язмаларны үзөбезнең телебездә бирү мәслихәт булыр. Безнең татарча документ-чыганаclar да русча байтак басылды. Шуның өчен аларның элек русча басылганнарын да яңадан татарчага күчәрәп калдыру кирәк дип уйлыйм.

XV–XVI гасырның беренче яртысына караган татарча тарихи чыганаclar күп түгел. Шулай да аларны бергә туплап чыгару зарур. Болай эшләгәндә татар халкының үз дәүләте булган чор тарихына аларның нинди ачыклык кертү мәсьәләсе хәл ителер иде. Ләкин мондый чыганаclar бик аз күләмдә сакланып калган. Казан ханлыгы чорындагы татарча чыганаclar түбәндәге төрләргә бүленәләр: документаль чыганаclar; кабер ташы язмалары; шәжәрәләр; халык авыз ижаты үрнәкләре; матур әдәбият әсәрләре.

Күренә ки, биредә без археология чыганаclarын атамадык, чөнки алар махсус рәвештә тикшерелә.

Без мәкаләбезне документаль чыганаclarга багышладык. Биредә дә без беренче чиратта Казан ханлыгының төрле шәхесләргә биргән ярлыкларын күздә тотабыз. «Ярлык» борынгы төрки «ярлек» сүзеннән алынган һәм «боерык» дигәнне аңлата. Соңрак Алтын Урда ханнарының кемне дә булса салымнардан азат итүче, ташламалы боерыклары шулай дип аталган. Алар, Алтын Урда ханнары нәселеннән чыккан ханнар белән бергә, Казан дәүләтенә дә килеп кергән. Безгә кадәр килеп житкән ярлыкларның беренчесе — Ибраһим хан ярлыгы. Аңа Казан дәүләт университеты аспиранты Рафаэль Степанов Мәскәүдәге борынгы актлар саклана торган Дәүләт архивында юлыга [1]. Ләкин бу документ төп нөсхә түгел, ә күчәрәлмә генә икән. Аның тарихы болай була. 1685 елда Казан өязе Тыңдамас авылы кешесе Котлымөхәммәт Котлыгошев үзенә фамилиясен тархан дип санауны, шул дәрәжәгә

күтөрүнө сорап патша исеменә гариза күндерә Чөнки минем бабаларым Казан ханнары чорында ук тархан булганнар, дип яза ул. Шуны исбатлау өчен гаризасы белән бергә ярлыкның Артык Иманаев тарафыннан башкарылган русча күчермәсен властыларга тапшыра. Төп нөсхәсе югалган яки моңа кадәр табылмаган дип фараз ителә

М.Госманов, Ш.Мөхәммәдьяров, Р.Степанов «Казан утлары» журналының 1965 елгы 8 нче санында «Яңа ярлык» дип аталган мәкалә урнаштырдылар [2]. Бу мәкаләдә Ибраһим хан ярлыгының хәзерге татар теленә тәржемәсе дә китерелгән. Эңә шуннан алып төзәтмәләр керткәч, текст болай яңгырый:

«Ибраһим хан

Суургал сүзем. Ходайның ризалыгы, Алла илчесе Мөхәммәтнең шәфәгәте (яклавы) өчен бу үксез угыл һәм тол хатынны азат тархан булсын дидек. Бу азат җибәрелгән кешеләрнең исеме: Гөл-Бостан хатын һәм аның улы шаһ нәселе, Жанәкә - солтан нәселе Мөхәммәт-Газиз-хан. Шундый исемле кешеләр азат ителде. Тагын аларның Хуш-Килде исемле чуралары да (хезмәтчесе дә) бергә азат булсын дидек, һәм тагын Мөхәммәт-Гали Мөхәммәт-Газизнең элекке хуҗасы бүләк итеп биргән бу ике тамга урманын ил агалары белән бергә кремльдә (ирәктә) аларга яңадан бүләк иттек. Болардан башка билгесез бернинди кеше аларның урманнарына йөрмәсеннәр; иген игеп, сабан сөрсә, хәрәҗ-анбар алмасыннар; аларга көч белән кунак төшермәсеннәр; тарханнар һәм илчеләр алардан олау һәм мену атлары алмасыннар; шулай ук теләсә кайсы яктан да җәбер итмәсеннәр дип (элек) Хәйдәр-Гали - солтан тарафыннан азат ителгән Гөл-Бостан хатынга, аның улы шаһ нәселе, Жанәкә - солтан нәселе Мөхәммәт Гали Газиз - ханга, шулай ук Хуш-Килде исемле хезмәткәрәнә алар тотта торган бу дәрәҗәле ярлык бирелде, (һижри белән) тарих сигез йөздә, рамазан аеның берендә язылды.

Хажжи Корбан-хафиз язды».

Ярлыкның теле һәм термин атамалары турында матбугатта бәхәс тө булып алды. Ә.Булатов «Казан утлары»ның 1966 елгы 8 нче санында «Ибраһим хан ярлыгын укуга карата» дигән мәкалә бастырды [3]. Анда ул «чура» термины «кол» дигәнне аңлата, ә тәржемәдә «хезмәткәр» кебек биргәнсез дип дөгъва

кыла. Аңа каршы шул ук журналның 1967 ел, 6 нчы санында М.Госманов бастырган «Тагын Ибраһим хан ярлыгы турында» дигән мөкаләдә «чура» сүзе төрле вакытта төрле мәгънәгә ия булган, кайбер мисаллар аны «кол» дип кенә аңларга ирек бирми, дигән җавап бирелә [4]. Шул ук фикерләр авторның «Татарские исторические источники. XVII–XVIII вв.» дигән китабында да кабатланган [5].

Ярлыкның транскрипциясе һәм русча тәржемәсе күренекле тел галиме Ф.С.Фәсиев тарафыннан ясалып, 1982 елда чыккан «Старотатарская деловая письменность XVIII века» дигән китабында урын алды [6]. Транскрипция мәсьәләсен тел галимнәренә калдырып, биредә мин бер генә нәрсә әйтмәкче буламын. Бу русча тәржемә безнең заманның беренче шәрехләве булды, моңа кадәр архивта яткан, Артык Иманаев тарафыннан ясалган русча тәржемәсе генә бар иде. Соңгы русча вариант С.Х.Алишев төзегән «Источники по истории Татарстана» (Казань, 1993) дигән чыганаclar җыентыгында дөнья күрдә, ул эңә шул Ф.С.Фәсиев хезмәтеннән алып урнаштырылган [7].

Инде ярлыкның эчтәлегенә кагылышлы берничә сүз. Ярлык Гөл-Бостан хатын һәм аның улы Мөхәммәт-Газизне чурасы (хезмәткәре) Хуш-Килде белән бергә салымнардан азат итү өчен, аларга җәбер-золым күрсәтмәскә боерып суюргал хокукы бирү турында язылган. Урман-кырлары өчен салым түләтмәскә килгән-киткән чиновникларга олау һәм атлану атлары куй-маска, диелгән. Ярлык кремльдә (ирәктә) бирелгән. Ләкин кайдагы кремльдә – Казандагымы, әллә башка бер кремль булганмы? Без моны белмибез, ләкин ирәктәнен башка жирдә дә булуы бик мөмкин. Тексттан күренгәнчә, Ибраһим хан аңа кадәр гамәлдә булган суюргал ярлыкны, Хәйдәр Гали солтан ярлыгын беркетеп, яңартып биргән. Ләкин Казанда Хәйдәр Гали дигән хан яки солтан булмаган. Димәк, Хәйдәр Гали башка бер жирдә идарә иткән. Тарихта мәгълүм Болгар жире XIV гасырда төрле эмирлекләргә бүленә: Болгар, Казан, Жүкәтау, Тубылгытау, Кирмәнчек һ.б. Хәйдәр Гали – шундый эмирлекләрнең берсе, Татарстанның көньяк-көнчыгыш өлешендә урнашканының эмире-солтаны булган, күрәсең. Ярлыкның күчәрмәсе Татарстанның Тыңламас авылы кешесе Котлымөхәммәт Котлыгошевта саклану шушы хакта сөйлә.

Ярлык үзе һижри белән 800 нче елда язылган. Юлиан календаре буенча ул 1398 елга туры килә Ә Ибраһим хан Казанда 1467–1479 елларда хан булып тора. Күчәрмәне эшләүче, бөлки, Хәйдәр Гали солтан тарафыннан бирелгән элекке ярлыкның датасын (800–1398 ел) үзгәртмичә калдыргандыр. Казанда 1395 елда Ентяк хан идарә итә ләкин башка әмирлекләрдә хан яки солтан булып кемнең торуы безгә билгеле түгел.

Авыл исеме «Казан утлары» журналында «Тыңламас» дип бирелгән иде. М.Г.Усмановның 1979 елда чыккан «Жалованные акты Джучиева улуса. XIV–XVI вв.» [8] дигән китабында ул Минзәлә районы «Танылмас» авылы дип әйтелгән, «Татарская АССР. Административно-территориальное деление» (Казань, 1966) китабында исә «Тыңламас» авылы «Танылмас түгел» Актаныштан 9 чакрымда урнашкан һәм Күзкәй авыл советына керүче татар авылы итеп күрсәтелгән. Минзәлә районында «Тыңламас» авылы да, «Танылмас» авылы да телгә алынмаган.

Ярлыкның әһәмияте турында кыскача шуны әйтергә кирәк: ул — татар халкының феодализм дәверендәгә хәл-әхвәле, сәяси һәм социаль-экономика тормышы тарихына ачыклык кертә торган документ. Беренчедән, ярлык Казан ханлыгында XIV гасырда нык үскән феодализм-суюргал системасының яшәвен күрсәтә. Суюргал ул — аерым кешеләрнең ханга һәм патшалыкка яхшы хезмәт күрсәткәне өчен бүләк итеп бирелгән һәм салымнардан азат ителгән жир-сулары, урман милке. Мондый кешеләр «тархан» дип аталганнар һәм үзләрен бөйле кешеләр (яки хезмәтчеләр) дә тотканнар. Алар үз жирләрендәгә авыл кешеләреннән салым җыярга да хокуклы булганнар.

Икенчедән, ул — Казан дөүләтенә шул заманнарда ук сәяси тормыш ягыннан автономияле булуын, мөстәкыйльлеген күрсәтүче язма. Болгар жирендә төрле әмирлекләр (солтанатлар, русча — «князьлекләр») яшәве билгеле. Шулардан берсе — Хәйдәр Гали солтан хакимияте булганлыгы ачыкланды. Ярлыкның тел тарихын һ.б. тикшерүчеләр өчен дә әһәмияте зур.

Икенче ярлык — 1521–1524 елларда Казан ханы булып торган, ә 1532–1551 елларда Кырым ханы атаклы Сәхибгәрәй ярлыгы. 1523 елда бирелгән бу ярлык (боерык) турында байтак язылды инде. Ләкин соңгы вакытта ул онытыла башлады ке-

бек. Андый дәүләти актларны хәзерге вазгыятьтә бигрәк тә, ничтә күз уңыннан төшереп калдырырга ярамый. Шуның өчен бу урында аны өйрәнү тарихына да тукталырга кирәктер.

Ярлык археограф Сәет Габделмәннан улы Вахиди тарафыннан 1912 елда Мамадыш өязе Мамалай авылы крестьяны Рәхмәтулла Әхмәрәвта табылган. «Казан утлары» журналының 1965 ел, 8 нче санындагы «Яңа ярлык» дигән Ибраһим хан ярлыгы турындагы мәкаләдә авторлары М.Госманов, Ш.Мөхәммәдъяров һәм Р.Степанов, Сәет Вахиди 1912 елда бу ярлыкны юнәтә алмый, уку бәхетенә генә ирешә, ул аны бары тик егерменче елларда гына кулга төшерә, дип яздылар. Ләкин ярлык беренче мәртәбә үз, ягъни 1523 ел телендә Һади Атласи 1914 елда бастырып чыгарган «Казан ханлыгы» китабында урнаштырылган [9]. Һ.Атласи ярлык текстын Сәет Вахидидән алып торган булырга тиеш, яисә аның кулдан күчәргән сәннән файдалангандыр. Димәк, ярлыкны беренче булып дөньяга чыгаручы һәм аның үз телендәге текстын бастыручы Һ.Атласи дияргә нигез бар.

Аннан соң ярлык белән мәшһүр тарихчы М.Худяков шөгыйльәнә «Очерки по истории Казанского ханства» дигән китабында М.Худяков С.Вахидигә югары бәя бирә, аның ярлыкка кагылышы зур тикшерү эшләре алып баруын әйтә, документ эчтәлегенә туктала, аңардан өзәмтәләп китерә һәм зур әһәмияткә ия булуын күрсәтә. Билгеле булганча, М.Худяков китабы Казанда 1923 елда басылган. Ярлыкның анда бирелүе С.Вахидиниң киң күңелле кеше булуы хакында сөйли. Ихтимал, ул болай уйлагандыр: ничек инде басылып чыгарга әзерләнгән Казан ханлы-

Сәхиб-Гәрәй хан ярлыгы. 1523 ел.

гы тарихы китапларына бу ярлыкның текстын бирмисен, әлбәттә бирергә кирәк, халык белә торсын! Шундый ук фикер белән С.Вахиди ярлыкны үзә татарчага тәржемә итеп, күчәрсен Газиз Гобәйдуллинга да тапшыра. Газиз «Татар тарихы» китабының 1924 елгы икенче басмасында: «Ярлыкның нәсхәсе бездә булмаганлыктан, Сәид Вахидов күчәреп биргән рәвештә гыйләвә кылабыз», — дип яза. Һәм шунда ук текстны тулысынча китерә Ул Гали Рәхим һәм Газиз Гобәйдуллин төзөгән, 1925 елда бастырылып чыгарылган «Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәверә» дигән китапта да урын ала. Ниһаять, Сәет Вахиди ярлык өстендә эшләвен тәмамлый һәм башта «Безнең юл» журналының 1925 елгы 3 нче санында (март ае) текстның үзен, хәзергә татарчасын һәм русча тәржемәсен бастырып чыгара. Бу өч телдә чыгарылган беренче тулы басма була. Әле аңарчы ук С.Вахиди «Вестник научного общества татароведения» журналының 1925 ел, 1—2 нче санның (январь—апрель) ярлык текстларын укучыга тәкъдим итә [10]. Инде аның тикшеренүләрен дөньяга чыгарырга да вакыт жетә.

Казан университеты каршындагы Археология, тарих һәм этнография жәмгыяте белән Татарны өйрәнү жәмгыятенә 1925 елның 17 маенда бергә уздырылган утырышында Вахиди ярлык турында зур доклад ясып. Бу доклад язма рәвештә тагын да зуррак булып, әнә шул ОАИЭ жәмгыятенә 1925 елгы «Хәбәрләре»ндә (том XXXIII, вып.1) басылып чыга [11]. С.Вахидинәң бу хезмәте Сәхиб-Гәрәй хан ярлыгын ул вакытта мөмкин булган бөтен яктан тикшерүгә багышланган һәм галимне тирән фикерлә тарихчы, төрки телләр белгече, киң кырлы археограф, ягъни чыганаclarны эзләп табучы һәм аларны жентеклә өйрәнү остасы итеп танытты. Бу хезмәткә соңрак әйләнәп кайтырбыз, хәзергә ярлыкның алга таба үткән юлын карыйк.

Ярлык тел галимнәре һәм тарихчылар тарафыннан өйрәнелә башлый. 1926 елда татарның Төркиягә киткән тарихчысы А.Баттал-Таймас «Казан йортында булынмыш тарихи бер документ Сәхибгәрәй хан ярлыгы» дигән мәкаләсен «Turkiyat Mecmuasi, 11» дә урнаштыра [12]. Ул гарәп хорүфатында төрекчә азылган, без аны уңайлык өчен татарча бирдек. Автор ярлыкның Татарстан АССР Дәүләт музееда сакланучы текстна тәржемә асып.

Ярлык шулай ук 1937 елгы «История Татарии в документах и материалах» дигән китапта да файдаланылган. Ул «Татарстан АССР тарихы»ның 1955 елгы русча, 1960 елда чыккан татарча китабында да тиешле урынны алган һәм эчтәлеге, әһәмиәте күрсәтелгән. Ә 1958 елда Чабаксарда басылган «Материалы по истории Чувашской АССР. Вып.1» китабында ярлыкны чуваш галимнәре дә үз искәртмәләре белән күчереп китерәләр.

1963 елда басылып чыккан «Борынгы татар әдәбияты» китабында ярлыкның оригиналь тексты һәм хәзерге татар теленә тәржемәсе урнаштырыла [13]. Анда шундый искәртмә бирелгән: ярлыкның төп нөсхәсе Татарстанның Дәүләт музееда саклана. Текст СССР Фәннәр академиясе Казан филиалының фундаменталь китапханәсендәге фотокопиядән алынды.

1967 елда Мәскәүдә чыккан «Новое о прошлом нашей страны» дип аталган китапта Ш.Ф.Мөхәммәдияров «Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г.» дигән мәкалә урнаштыра [14]. Анда автор тюрколог А.К.Боровков белән бергә ярлыкның яңа транскрипциясен, текстның үзен һәм русча тәржемәсен китерә ләкин хәзерге татарча тәржемәсе бирелми. Шамиль Фатыйхович Мөхәммәдияров фикеренчә, моңа кадәр чыккан транскрипцияләр – укылышлар канәгәтләнәлек түгелләр. А.Баттал да, «Борынгы татар әдәбияты» авторлары да һәм башкалар да, С.Вахидов артыннан барып, зур гына ялгышлар жибәргәннәр. Имеш, С.Вахидов ярлыкның үзеннән түгел, ә күчерелмәсенен (копиясенен) фотографиясеннән файдаланган һәм шуннан тәржемә иткән. Бу копия СССР Фәннәр академиясендәге Азия халыклары институтының Ленинград бүлегендә саклана, ә А.Баттал кылган тәржемә Татарстан АССР Дәүләт музеедагы ярлык копиясеннән алып ясалган. Ярлыкның үзе, төп нөсхәсе кайда соң, дигән сорауга автор болай җавап бирә: Ленинград үзәк дәүләт тарих архивының Сенаттагы межаллау департаменты фондындагы башкортлар җире турындагы эш (дело) документлары ярлык язмышына ачыклык кертә. Җир турындагы бәхәсләр вакытында Сәхиб-Гәрәй ярлыгы дәлил итеп китерелгән, шуннан русча өзеңкләр XVII гасыр язмаларында чагылыш тапканнар икән. Ярлыкның төп нөсхәсе монда да юк. Гомумән, мәкаләнең бу чуалчык урыннары аңлашылып бетми.

Бездә ярлыклар белән махсус шөгылләнүче зур галим дип М.Г.Госмановны санарга кирәк. Аның 1979 елда басылган «Жалованные акты Джучиева улуса. XIV–XVI вв.» китабында 61 ярлык, шул исәптән Казан ханнары Ибраһим һәм Сәхиб-гәрәйнеке дә төрле яктан тикшерелгән. Ярлыкларның формаларын, эчтәлекләрен һ.б. якларын шәрехләүнең әһәмияте – үз чорындагы ижтимагый тормышның, социаль-сәяси хәлнең ничек, ни дәрәжәдә булганлыгын ачыклауда, ди автор. М.Г.Госманов Татарстан Республикасы Дәүләт музеенда Сәхиб-Гәрәй хан 1523 елда язган ярлыкның төп нөсхәсе саклануын, ул 1912 елда Сәед Вахиди тарафыннан Мамадыш өязе Мамалай авылындагы (хәзер Татарстан Республикасының Саба районы) Рәхмәтулла Әхмәров дигән кешедә табылуын раслый. Шулай итеп, галим Ш.Ф.Мөхәммәдьяров фикеренә кушылмый. Автор документны тарханлык ярлыгы дип атый һәм аның тасвирламасын бира Ярлыкның буе 76 см, иңе 17,7 см, кәгазе калын, ләкин бик таушалган, хәзерге вакытта ике пыяла арасында консервацияләнгән хәлдә саклана икән.

Ярлыкның русча тәржемәсе соңгы вакытта С.Х.Алишев төзегән «Источники по истории Татарстана» дигән жыентыкта («Вестник научного общества татароведения»дән алынды) басылып чыккан иде. С.Вахидине төрле телләргә тирәнтен белүче галим буларак танып, без аның «Безнең юл» журналында гарәп графикасында бастырган текстыннан алып бирәбез [15].

«(Әс-Солтан) Әл-Газый Сәхиб-Гәрәй (сүзем)».

Әмирләргә, хакимнәргә, олы сәетләргә, ислам казыйларына, мөхтәрәм хужаларга, вәкаләт ияләренә, урыннардагы мәэмулрәгә, илчеләргә, бакчачы һәм көймәчеләргә, урам башлыкларына, тоткаул вә тамгачыларга, барча халыкка һәм Казан ханлыгының барча өлкәләренә вә барча мәмләкәтләргә (Аларга) минем сүзем: шушы нишан җиткәч ни бу кем Мөхәммәт углы Шәех Әхмәт, дәхи Шәех Әхмәтнең углы Әбдал, дәхи Сәет Әхмәт энесе Мөхәммәтнең углы Муса, Сәет углы Ягъкуп энесе Буланс, дәхи энесе Нурсәет. Шушы җиде кеше безгә килеп баш ордылар. Борынгы хан агаларыбыздан бирле тархан булып килгән кешеләр икән. Без дәхи мөхәммәт кылып, бу сөйләнгән кешеләргә Тәңре Тәгалә ризасы вә Мөхәммәт

пәйгамбәрнең шәфәгате өчен тархан кылдык. Моннан соң бу сөйләнгән кешеләргә юлларында, сәфәр чыкканда вә өйдә торган чакларында (кыскасы, һәрвакытта) аларның кешеләренә, әңирләренә, йөк һәм хайваннарына һичкем вә һичбер яктан явызлык белән катышмасыннар, кагылмасыннар. Ясак, калан, салыг, мөсми (аларга) салмасыннар. Кулуш, колтка баж һәм хәрәж-хәражәт (алардан) алмасыннар. Мал вә мөлкәтләренә, бакча һәм әңир-суларына кул озайтмасыннар. Өйләренә көчләп илче, кунак кундырмасыннар. Авыл салымы, әңир түләме, моржа салымы алмасыннар. Азык-төлек вә хайван азыгы сорамамыннар, һичбер яктан (аларга) кимчелек вә зарар тидермәсеннәр. Буш чакларында тыныч торып, кич-иртә, көндөз һәм төндә безгә вә безнең нәселләребезгә дога вә алкыш кылсыннар, һичбер төрле көчләү, кысынкылык, зәхмәт вә борчу тидергән кешеләренң үзләренә яхшы булмас дип, ал нишанлы ярлык бирелде. Тарих тугыз йөздә егерме тугызда мөбарәк сәфәр аеның унөченче көне иде.

Нишаны: Бисмиллаһы иррахмани иррахим. Ля илаһы илляллаһы Мөхәммәдур Рәсулулла. Әс-солтанлы әгъзам гыйззәуд дөнъя вәддин әбулмәз һәр Сәхиб-Гәрәй баһадир хан. Хәлляделляһу мөлкәһу вә эшидә Солтанә тәһу».

Жәяләр эчендәге сүзләр С.Вахиди тарафыннан, ярлыкның ертылган һәм таушалган урыннарында яки өстәмә аңлатмалар рөвешендә язылган. Башка тәржемәләрдә булган кебек үк, бу китерелгән текстта да ялгыш хәрәфләр, дәрәс үк укылып бетмәгән урыннар булуы мөмкин. Ләкин тарихчылар өчен бу артык зур әһәмияткә ия түгел, иң кыйммәте — аның эчтәлегә. Югарыда С.Вахидиненң «Исследование ярлыка Сахиб-Гирей хана» дигән мәкаләсе «Известия Общества археологии, истории и этнографии» басмасында урнаштырылганы әйтелгән иде. Бу зур тикшерүдә ярлыкның эчтәлегә, язылу формасы, кемнәргә бирелүе, язу әсбаплары (кәгазе, карасы), орфографиясе һәм каллиграфиясе, мөһере, сүзләре, теле һәм стиле анализлана һәм бик күп искәртмәләр бирелә.

Эчтәлегеннән күрәнгәнчә, Сәхибгәрәй хан бу ярлыкны һижри белән 929 елның мөбарәк сәфәр аеның унөченче көнендә Мөхәммәт исемле кешененң балаларына биргән. Милади исәбе буенча бу вакыт 1523 елның 2 гыйнварына туры килә. Ярлык нинди ижтимагый-сәяси хәлне ачыклай соң? Тексттан

күренгәнчә, Мөхәммәт тарханның балалары кулында мал-мөлкәт, жир—сулар һәм кешеләр калган. Кешеләр дип феодаль заманда хужаның якын-яраннарын да, аңарга бәйлә хезмәтче һәм иген игүчеләрне дә атаганнар. Кара кешеләр һәм аксөяк кешеләргә бүленеш яшәп килгән. Аксөякләрнең, бу урында Мөхәммәт һәм Шәех Әхмәтләрнең маллары, терлек-туарлары, кешеләре булса, шуның өстенә алар һәртөрле салым-налоглардан азат ителгәннәр. Жир-сулары һәм башка керемнәре өчен берни дә түләмәгәннәр. Ә бит бик күп кеше мондый тарханлык ярлыгы ала алмаган, ярлыкта күрсәтелгән барлык салымнарны да күтәргә мәжбүр ителгән. Әгәр шулай түгел икән, налоглардан азат итү турында ярлык биреп торунуң кирәге дә булмас иде. Шунуң белән бергә, документ бай феодал-тарханнарның мал-мөлкәтләрен дә, шәхси иминлеген дә саклый, һичкем аларга жәбер-золым кылырга тиеш түгел, әгәр кем дә булса аларны кыерсытса, үзләренә яхшы булмас, диелә. Димәк, андый хәлләр очрап торган, кешеләр бай феодалларны кимсеткәннәр дә, үз хокук һәм ихтыяжлары өчен даулашканнар да. Ә дөүләт үзенә документаль акты белән тархан-феодалларның мәнфәгатен яклап һәм саклап чыккан. Моннан нәтижә шул: Казан ханлыгы ижтимагый-сәясәт аспектында каршылыклы феодаль дөүләт дия алабыз.

Ә ханны, дөүләтне һәм феодал-тархан мөлкәтен, мәнфәгатләрен кемнәр саклаган? Ярлыкта төрле исемдәге хезмәткәрләр барлыгы әйтелгән. Алар барысы да — дөүләт чиновниклары. С.Вахидиненә искәртмәләре буенча: әмир — бәк (русча «князь»), һаким — өлкә судьясы, сәед — өлкән рухани, казый — халык судьясы, мөхтәрәм хужалар — урындагы руханилар, вәкаләт ияләре һәм урындагы мөһүрләр — полиция чиновниклары.

Урам башлыклары, бакчачы һәм көймәчеләр дә гади кешеләр түгел. Юкса нигә гади бакча караучыга, көймә йөртүчегә салым-төшем салмаска? Чөнки алар — бакчачылык, суда йөзүче кораб-көймәләр өчен җаваплы һәм тамга (таможня) бәясе жыючы чиновниклар. Ә тоткаул һәм тамгачылар базарларда эш иткәннәр: берсе тамга салып салым алган, икенчесе тәртип саклаган, кирәк булса, кулга алган. Урам башы (постовой) урамнарда, мәйданнарда тәртипне күзәткән, кирәк булса, жәзага

тарткан. Шулай итеп, алар дәүләтнең эчке тәртибен һәм жәмгыятьнең югары сыйныф мәнфәгатләрен кайгыртканнар.

Ярлык алган тарханнар нәселдән килгән бай мөлкәтле кешеләр булганнар. Сәхибгәрәй үзенең ярлыгында «борынгы хан агаларыбыздан калган тархан икәннәр» дип яза һәм аларның хокук һәм өстенлекләрен тагын бер кат раслый, тарханлыкларын дәвам иттерә. Димәк, бу нәселдән-нәселгә күчүче хокук булган. Чыннан да, эре феодаллар үз фамилияләрен, өстенлекләрен саклау өчен тырышканнар, шуңа хезмәт иткәннәр.

Сәет Вахиди ярлыкның байтак сүзләренә искәртмә-аңлатмалар бира. Шулар арасынан бер генә сүзгә – «суюргал» терминына тукталып китик. Чөнки тарихи әдәбиятта «суюргальная система» дигән төшенчә бар. Бу сүз әлеге ярлыкта һәм кайбер башкаларда «суюргап» дип тә язылган. С.Вахиди, В.В.Радлов фикеренә таянып, бу сүз «милость, милостивый подарок», ягъни шәфкать яки мәрхәмәтле бүләк дигәнне аңлата, «пожалование» – бүләк итү, ди. Ни өчен бүләк? Әлбәттә инде, нинди дә булса хезмәт өчен. Ләкин кызганыч, Ибраһим ярлыгы да, Сәхиб Гәрәй ярлыгы да тархан булган кешеләрнең ханга яки дәүләткә нинди зур хезмәт күрсәтүләрен әйтми. Шунлыктан, алар бүләкне хәрби хезмәт өчен генә алганнар дия алмыйбыз.

Йомгак ясап шуны әйтәсе килә: Сәхиб Гәрәй хан ярлыгы дәүләти акт буларак бүген дә актуаль, ягъни безнең Татарстан Республикасы өчен хезмәт итә ала.

Шәриф Хажитарханиның Казан шагыйре икәнлеген һәм аның югарыда исеме аталган әсәр-язмасын Төркия солтаны Сөләйман Канунига (Законодатель) жибергәне турында Төркиядәге татар галимнәре Зәки Вәлиди һәм Нигъмәт Курат әсәрләреннән укып белә идек [16].

Шагыйрьнең исеме әдәбият хакында сөйләгәндә язганда әйтеп киленде, ләкин шигырьләре, аларның татарча текстлары хәзергә кадәр юк иде дисәм, шаять, ялгышмамдыр. Зәки Вәлиди аның әсәрен (ә анда байтак шигырьләр бар) үз телендә ягъни XVI гасыр телендә бернинди искәртмәләрсез һәм аңлатмаларсыз бастырган. Нигъмәт Курат шагыйрьне искә алып, аның Казаннан Истанбулга поэма жиберүе турында һәм, әгәр дә ул рус явы вакытында һәлак булмаган булса, үзен тагын да ишеттергән, язганнарын тагын да жибергән булыр иде дип күрсәтте.

Төркия галиме Мелек Үзйетгин Шәриф Хажитарханиның әсәрен төрек теленә тәржемә итеп бастырган һәм төп нөсхәсенең фотокүчермәсен безгә Казанга жибергән. Фәрит Хәкимжанов русча тәржемә ясап, «Гасырлар авазы» журналының 1995 ел, 1 нче санында бастырып чыгарды. Без әнә шул басмадан файдаланып, әсәрнең эчтәлегенә караган кайбер фикерләребез белән уртаклашырга булдык.

Югарыда күрсәтелгәнчә, әсәрнең исеме — «Зафер наме-и вилайет-и Казан». Хәзерге татар теленә күчәргәндә «Казан иле жиңүенәң бәяны» дию яхшы булмасмы? Әлбәттә, төрлечә әйтәргә мөмкин: «Казан дәүләтенең жиңү кыйссасы», «Казан өлкәсенең жиңү хәтбәсе», «Казан ханлыгының жиңүенә мәдхия». «Зафер» дә безнең телдә Зөфәр дип әйтәләр. Ләкин аңа исем биру минем вәкаләтемә керми.

Әсәр Мәскәү патшасы Иван IV нең Казан шәһәренә һөҗүм итүе һәм ике арадагы сугышта Иван гаскәренең жиңелүе турындагы вакыйганы тасвирлый. Билгеле ки, бу сугыш 1550 елның 14–25 февралендә була. Рус елъязмалары әлеге сугышның Иван IV өчен уңышсыз бетүен һава шартларының начар торуы белән аңлата. Янәсе, кинәт жылытып жибергән, жепшек кар, яңгыр яуган. Ләкин вакыйгаларның үзәгендә кайнаган Шәриф бу турыда бернәрсә дә әйтми. Андый хәл булса, мөгаен, ул аны язмый калмас иде.

Язучы башта Болгар иленең урынын билгели. Аннан соң Болгар иленең башкаласы Казанның бик матур һәм шифалы, ислам дөнъясындагы бөек шәһәрләрдән берсе булуын, башка ислам илләреннән еракта, шул ук вакытта денсезләр иле белән чиктәш торуын яза. Казан ханы «Әбел-Гази Сафа-Гәрәй Баһадир хан» ислам динен яклап, хак булмаган динне тотучыларга каршы сугышты дип, кереш сүз дә ясый. Бу урыннарны Коръяннан аятыләр, бәетләр һәм шигъри юллар белән бизәкләп бара. Мәсәлән, Сафагәрәй хан турында: *«...әгәр жәфалаучылардан үч алмасам, үзем жәфалаучыга әйләнермен, дип әйтә дә, үзенең сугышчан атын ияrlәп, биленә зиннәтле, дошманнарын кыра торган кылычын тагып, ислам дине өчен сугыш юлына басты», — ди. Һәм шунда ук: «Аллаһы Тәгалә үзенең ярдәмен кемгә теләсә, шуңа күрсәтә», «Аллаһы Тәгалә ярдәме белән зур булмаган гаскәриләр төркеме бик зур гаскәrlәрне дә жиңделәр», — дип, рухлануын билгели. Ә динсезләр, кяферләр,*

язмышның хәерсез вакыйгаларыннан канәгать булып, бу пычрак дөнъяның әхвәленә шатланды, дип яза автор, мактанчыклык белән борын чөеп, алтын тудырган жәмгыять башбаштагы алласыз Иван бик күп сугыш гаскәре жыйды, аларны мылтык һәм туплар белән коралландырып, бөек Казан шәһәрәнә килде һәм аны камап алды. Шунда бер газәл китерелә:

*Гажәп! Дөнъяның иң күчелле урыны бу Казан,
Дөнъяда юк мондый шәһәр, торақ бирүче.
Дөнъяда юк шундый чәчәк атучыдай Казан,
Казанда һәрвакыт аш-су табарлар,
Шундый ул галәм шәһәре Казан.
Хан бабайлардан безгә калган безнең дәүләт,
Бу урын – жирдә һәрвакыт хан шәһәре,
Хан утының урыны.
Жирен һәм өен сатып атасы салымын түләмәс,
Нигә соң монда бу явыз, ул Иван шәһәре түгел!
Шәрифи, ташлама аны, әгәр ышансаң әжинүгә,
Әйтсәләр дә бу көннән «ул хужа шәһри Казанга.*

Шагыйрь Шәриф Хажитархани ничек язган? Аны әдәби-ятчы галимнәр тикшереп, төгәл мәгънәсен бирерләр әле дип ышанабыз. Мин исә биредә, әйткәнәмчә, Ф.Хәкимжановның русча тәржемәсеннән генә файдаланам.

Алга китеп, автор Казанны яклаучы баһадирлар турында сөйли. Алар арасында моңа кадәр безгә билгеле булмаганнары да бар. Әйттик, ул болай яза: крепостьның бер капкасын, егетләрне бергә туплап, бу дәүләтнең терәге булган Булат бәкнең углы Мамай бөк Нургали мирза белән (аларның даны артсын) сакладылар һәм батырларны да жиңделәр. Хан капкасын сугышчан батырлык остасы, гайрәтле дәншәт иясе Козыжак-углан саклады. Аллаһы аның батырлығын арттырсын. Башка капкаларда каһарманнар житәкчесе Искәндәр батырчылыгы белән Ак-Мөхәммәт-углан сугышты, Аллаһы аның гомерен озайтсын! Тагын да башка капкаларда Котби-әл-Актаба оныгы Сәет Ата, мөрхүм Сәетнең углы Кол Мөхәммәт Сәет шәкертләрене, руханиларны һәм суфиларны жыеп, сугышка өзәр торды. Барбулсын аталык шәһәрнең башка капкаларында сугышты. Шәһәр бәге, Болгар вилаятенә идәрәчесе, хан казнасының башлыгы,

эмирлэр нэселеннэн булган Байбарс бэк, арка күрсэтмиңа арысландай көч белэн дошманнарға каршы торды. Кайсыбер билгеле баһадир сугышчылар Нарики бэк, Ай Кильдэ бэк һәм Ак Матай бэк, хажилар жәмгыяте (Ходай аларға ярдәм бирсен), кайда дошман һөжүм итә шул жиргә житешеп, каһарманнарча сугыштылар. Һәм мәснәви тәкъдим итә:

*Гаскәри төркемнәр таулар кеби тезелгән,
Диңгез дулкыннарыдай.
Аягы-башы көпедә Рөстәм сөңге белән,
Аяктан башка кадәр тимер эчендә,
Һәрьяктан арыслан сугышчылар,
Үзләренең жәя-уклары белән.*

Автор русларның шәһәргә туплардан атуларын да тасвирлый. Аларның 11 утлы пушкалары, 4–5 һава туплары бар иде, беренчеләренең ядрәләре һәртөрле нәрсәләр белән тулган, ак нефть (?), жиз, күкерт, 4–5 кургаш ядрәләре (моңа Аристотель үзе гажәпсенер иде), һәм икенчеләре зур таш ядрәләре ыргыттылар, ди. Бу соңгыларының катапульталар булуы мөмкин. Рус елъязмаларында мондый корал (һава туплары) турында мәғлүмат очрамый.

Кыскасы, дип яза автор, ике гаскәр тимергә чумып, бертигез торып, бер-берсе белән 16 көн буе сугыштылар, һәм түбәндөгә мисрағны китерә:

*Бу шундый сугыш булды ки – әйтерсең мәхшәр,
Жир кылыч тавышлары белән тулды,
Казан шәһәрендә кан елга булып акты.*

Ахыр чиктә мәселманнар Аллаһы ярдәме белән жиңделәр, кяферләр таратылдылар, үтерелделәр һәм чигенеп качарға мәжбүр ителделәр. «Бу вакыйга 957 елның мөхәммәд аенда булды. Бу кыйммәтле язманың авторы һәм кәгазь битләрен пычратучы, колларның иң ярлысы Шәриф Хажи Тархани». Бу жөмлә – авторның язмадагы соңгы сүзләре.

Китерелгән тексттан күренгәнчә Иван IV һава шартлары унайсыз булуы аркасында түгел, ә Казан гаскәренең каһарманнарча сугышуы нәтижәсендә жиңелеп чигенгән һәм кайтып киткән икән.

Гомумән алганда, бу әсәр тарихи чыганақ итеп файдаланылуға бик лаек. Безнең фажиғале хәлләрне үз күзе белән күргән кешегә ышанмасқа хакыбыз юк. Әлбәттә, биредә үз илеңне күтәрү, аны яклап язу тенденциясе дә бардыр, чөнки үз ватынын кем генә яратмаган да кем генә хәзер яратмый.

Әсәрдә тағын бер нәрсә бик ачық күренә: автор зур эрудиция, көчле интеллект иясе булган. Ул Аристотельне дә, Александр Македонскийны да, бик күп китапларның этәлекләрен дә белгән. Корьәнне инде әйтә торасы да юк, ул аның сүрәләрен һәм аятыләрен яхшы аңлап, әсәрендә тиешле урынын табып, киң кулланган. Шагыйрь буларак, шулай ук шигъри әмәлләрдән оста файдаланган. Язмада кыйтға, бәет, газәл, мәснәви жанрлары, мәкальләр кулланылган, алардан 22 өзек китерелгән.

Әсәрнең әһәмияте бик зур. Авторның «Казан – Болгар вилаятенең башкаласы» дип әйтүе үзе генә дә ни тора! Аны әле тарихчылар, әдәбият һәм тел галимнәре, әлбәттә, башкалар да әйрәнер дигән өметтә калабыз.

Казан ханлығы чорында күптөрле язмалар гамәлдә йөргән, ләкин безгә бик азлары гына киләп җиткән дип әйткән идек. Мәсәлән, җир мәсьәләләренә кагылышлы килешүләр, гаризалар язылган, ләкин аларның да русча тәржемәләре генә сакланып калган. Без татарчадан русчага тәржемә ителгән документларның кайберләрен яңадан татарчага күчәреп, монда урнаштырырга булдык. Әлбәттә XVIII гасырда татар язучыларын русчага күчәручеләр дә, шулай ук без дә оригиналдан берәз читләшәбез, ялгышлар җибәрәбездер. Мәсәлән, исем-фамилияләр, авыл яки кыр, елга исемнәрен бирүдә шулай булуы мөмкин. Русча тәржемәләр татарчаны бигрәк тә нык бозалар. Шунның өчен безнең төп максат – тел мәсьәләләре түгел, ә тарихи проблемаларны хәл итәргә тырышу.

Русча текстларны иң беренче булып Н.Н.Ардашев «Татарские земляные письма XV в. и спорное дело XVIII в. о ясаших землях» дигән мәкаләсендә китергән. Ул исә «Записки Московского археологического института» (Т.IV, вып. I, М., 1908) китабында басылып чыккан [17]. Икенче мәртәбә аларны В.Д.Димитриев «Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI–начала XVII веков» дигән [18] һәм өстәмә итеп үзе тапкан яңа доку-

ментны «Земельный документ времен казанского хана Сафа-Гирея» дигән мәкаләсендә [19] бастырып чыгарды.

Хәзер исә русча текстларның татар теленә тәржемәләрен берәм-берәм карап чыгабыз, аннары аларга бирелгән искәрмәләр белән танышырбыз.

Ходай-Бирденең «умарталык» биләмәләрен
Кошма Сәбигә сату язуы. 1538—1539 еллар.

*«Бу жир язуы 945 елда язылды. Мин, Ходай-Бирде, фәкыйрьле-
гем аркасында тамгалы ике жиремне Кошма Сәбигә саттым. Шу-
л тамга жирләрем өчен алты батман бал һәм илле тиен акча ал-
дым. Ә тамгаларым шундыйлар... Тагын әле тамгалы биш жирем-
не саттым. Алар өчен уника батман бал алдым. Ул жирләрнең ме-
жалары Кунар елгасының Зур Кингар елгасына кушылган урынын-
да. Кингар елгасының ике ягыннан да урманга йөриләр. Кошма
Сәбигә мин барысы жиде тамга саттым һәм, киләчәктә бу жиргә
беркем дә дәгъва кылмасын өчен, бу язуну бирдем.*

*Ә таныклык бирүчеләр Тойжә, Акмашәех һәм Үтәш, аларга
шуның өчен: Тойжәгә бер сусар, Акмашәехкә бер төлке, Үтәшкә
бер сусар бирдем. Язды Хуригәрәй».*

«Умарталык» биләмәсе — урман эчендәге агачлык һәм куак-
лыкларда кыргый бал кортларының оялары тупланган урын.
Агач кәүсәләрендә урнашкан умарталарның балын кешеләр
күпләп жыеп ала торган булганнар. Бу жирләр, ясаклы жирләр
рәтенә кермичә кешеләрнең нәселдән нәселгә кала торган үз
жирләре дип саналган (русча «вотчина»). Шул ук жир мәйдан-
ында сөрү жирләре дә печән чабу урыннары да булган. Кайва-
кыт алар бик зур жирне, хәтта меңгә якин гектарны биләп тор-
ганнар. Мондый урманлы жир мәйданын руслар «бортные ухо-
жай» дип атаганнар («бортъ» сүзеннән). Бу биләмә жирне, ясак
жирләреннән аермалы буларак, сатарга, бүлөк, мирас итеп кал-
дырырга яраган. Ә ясак жирләрен авыл жәмәгәте ризалыгын-
нан башка алай эшләргә мөмкин булмаган.

Һижри календаре белән 945 ел хәзер без куллана торган
Григориан календареның 1538—1539 елларына туры килә. Бу
документларның русча тәржемәләрен беренче мәртәбә басты-
рып чыгаручы рус архивчысы Н.К.Ардашев борыңгы «дөнья

яратылганнан бирле» календаре нигезендә уйлап, 945 алдына 6 (6945) санын куя һәм шуннан 5508 не («дөнъя яратылганнан бирле» календаре белән Григориан календаре арасындагы аерманы) алып ташлап, 1437 елны чыгара. Аңа русларның зур тарихчылары И.Д.Кузнецов, М.Н.Тихомиров һ.б. иярде. Бу хәл аларның татарлар Казан ханлыгы чорында һижри календаре буенча яшәүләрен белмәүләреннән яки белеп тә аңа игътибар итмәүдән киләме? Чөнки язмада дәрәс бирелгән һижри 945 ел безнең кулланышта булган календарьның нәкъ менә 1538—1539 елларына тәңгәл.

Һәрбер кешенең үз тамгасы булган кебек, жирләренең дә тамгасы булган. Тамга дип жирнең билгеле бер мәйданын, зурлыгын да пай рәвешендә санаганнар. Русча ул «знамя» дип йөртелгән. Пай өлеше яки тамганың мәйданы төрле жирдә төрлечә булган. Шуның өчен аларның зурлыгын хәзерге берәмлекләр белән исәпләү бик кыен. Тамгаларның рәвеше язмада күрсәтелгән, без ул урында күп нокталар куеп уздык.

«Батман» дигән үлчәү берәмлеге урынына карап та, аерым әйберләр өчен дә төрлечә булган. Бу урында телгә алынган Казан батманы бал өчен пот ярым (24 кг) исәпләнгән. Язудан күренгәнчә, сатучы жире өчен 27 пот (18 батманы 1,5 га тапкырла), ягъни 432 кг = 4 ц 32 кг бал алган (1 пот 16 кг исәбеннән). Бу хәл, бер яктан, балның бик күп жыелганын күрсәтсә икенче яктан, жир сатучының сәүдә эшенә бирелеп киткәнән дә раслый булса кирәк. Шулкадәр балны сатучы гаиләсе белән дә ашап бетерә алмагандыр. Салым түлүгә дә алай күп китмәгән. Димәк, бердәнбер юл — сәүдә кала.

«Межа» сүзе татар аңлатмалы сүзлегендә «ызан» дип аңлатылган. Икесе дә кулланышта булганлыктан, без аның документ телендәгесен калдырдык.

«Таныклар» дип таныклык (свидетельство) бирүчеләрне атаганнар. Таныклык бирүчеләр, язмадан күренгәнчә, байтак табыш алганнар, һәрхәлдә хәзерге нотариаль контора кешеләреннән калышмаганнар, ахры. Алар алган «сусар, төлке, тиен-нәр»е жанварларның үзләрен түгел, ә аларның тиреләрен яки эшкәртелгән мехларын белдерә.

Тобулай Тобалан улы, аның абзыйлары Свергузя һәм Тартайның килешү язуы. XVI гасырның 30—40 нчы еллары.

«Сәнәи 6966. Бу шартнамә Мөхәммәт Әмин углы Сафа-Гәрәй хан заманында мәселман әһеле тарафыннан татарча язылды.

Тобалан углы Тобулай һәм аның абзалары Свергузя һәм Тартай — өч туган ага-энеләр — үзөбезнең иманыбыз буенча түбәндәге үзара килешүне төзедек: безгә һәм безнең балаларыбызга, туганнарыбыз һәм кардәшләребезгә бернинди каршылыксыз, бер-беребезгә зыян китермичә, бергәләп ясак түләрگә. Бу шартнамәне Тобалан углы Тобулай һәм аның абзалары Свергузя һәм Тартай үз кулларында тотарга [тиеш]. Без үзөбезнең дүрт тамгадан торган сөрү һәм печән басулары турында шулай дип әйттек.

Ә ул биләмәнең мәйданы болай: Шелюпшер елгасының ике ягы буйлап печән чабу һәм сөрү җире Зур Була елгасы җиренә, аннан бер якта балык тоту елгасы буйлап Кара күлгә һәм Дала коры елгасына кадәр. Аннан соң умарталы агачка агучы чишмәдән башлап Кара күлгә — алар бер урынга агалар — һәм Тонсюр елгасының ике ягы белән кара куаклык һәм урманга кадәр. Тагын Ипиле чокыр куаклыгындагы күлгә кадәр, анда чик (багана?). Аннан Бура елгасы чиге. Ә Бура елгасы Зур Безднәгә коя, аның ике ягы буйлап чик. Абичи Безднәдә чик, тагын Нурдештә ике яктан иске торақта чик һәм Кече аланга барып Пәле чокырында чик. Ике яклап, башыннан ахырына кадәр алып Безднә тамагына, ташлы кичүгә кадәр сул яктан чик. Балык тоту урыннарын кертеп тагын ак Безднә башында ике яклап чик вә тагын ике яклап Кече Кирләдәгә чик, тегермәне белән Зур Кирлә чокыры башыннан алып ахырын да кертеп печән чабу һәм сөрү җире. Әбамзе елгасының ике ягы, тегермәннән Кучак кырына кадәр печән чабу һәм сөрү җире. Тутарлы аланына кадәр, Тукә елгасының ике ягыннан да килеп, Тукә елгасына кушылуы Вәттак коры елгасында чик. Тагын Зур Кишнәр, Урта Кишнәр, кече Кишнәрдә чик Хорошеин урманы янында чик, Карли башында чик. Карабай башында ике яклап чик. Аборши башыннан Өрәңге аланына вә карурман Кошкудыда чик, аннан егылган имәнгә кадәр. Алан уртасында кызыл балчык алалар, анда күл бар, аның каены янында чик. Ул каеннан якын аланда куаклык, анда тагын сәнәккә охшаган каен, аннан Имән авылына. Ул авылда келәт, нараты янында чик. Зур Була елгасында да чик. Аның

бер ягында басу кыры вә печән җсире, балыклы су. Урманьында һәртәрле җәнлек һәм эшкәртелгән агачлары белән умарталар вә аю, бүре, куян, төлке, кондыз, сусар, капкын һәм кош ятьмәләре, тукмаклар бар.

Тобалан углы Тобулай вә аның абзалары Свергузя һәм тагын да Тартай ул җсир өчен ясак түләүләр буенча бернинди бөхәс кыйлмаска, туган кардәшләребезгә беркемгә дә сөрү җсирләребезгә, печән чабу һәм башка урыннарға кермәскә, әгәр кем дә булса ризалашмыйча дөгъва кыйлса, аларны тыңламаска.

Танык булдылар:

Шәһит мафа Агиш углы Якбилдар – таныклык өчен 10 алтын акча алды.

Шегилфа морза Бәхтияр углы Аргиер таныклыкка калфак алды. Тагын Тәгатъ мафа Ясиләк углы Агиш танык булды, төлке бүрек алды.

Шегәт мафа Сәфәр углы Ләеп төлке алды.

Әдегән углы Адыш Хотил язды һәм эше өчен Тобулай аңа ун алтын бирде.

Мин, Акбатыр, танык булдым һәм үземнең тамгамны салдым.

Акия танык булдым, үз тамгамны салдым.

Мин, Акиш, танык булдым һәм тамгам салдым.

Мин, Свергузя, үз балаларыма яздым һәм бүлеп бирдем.

Мин, Тартай, балаларға яздым һәм бүлдем, һәм бирдем».

Бу берәз буталчык һәм аңлашылып бетми торган язма татарчадан русчага тәржемә ителгән рәвештә 1802 елда Сембер губернасы межаллау конторасына бирелә. Чөнки документта күрсәтелгән җирләр турында каршылыклы фикерләр һәм бөхәс туган була. Аның төп татарча нөсхәсе югалган дип исәпләнә, кем тәржемә иткәне дә билгеле түгел. Ләкин аның татарча тексты булганы да, тәржемә ителгәне дә шик тудырмый. Ул турыда башка архив материаллары да дәлилле итеп сөйли. В.Д.Димитриев мисаллар китерә: 1704— 1705 елларда ук Тойбула, Свергузя Тойбулатовларның оныклары татарча язылган документ нигезендә шул җирләрнең хужалары икәнлекләрен исбатлыйлар, анда күрсәтелгән чикләрдә чик баганалары һәм чокырлар казып куелганын раслыйлар һәм «татарча җир язусындагыча» эшләнгәнлеге турында әйтәләр, ди.

Язмадагы 6966 ел ялгыш булырга тиеш. Бу безнеңчә 1457–1458 елларга туры килә Ә шунда ук Сафагәрәй заманында язылды дип куелган. Тәржемәче яки күчәрәп язучылар, гадәттәгечә диярлек, сүзләргә генә түгел, елларны да руслаштырырга тырышып, бутап бетерәләр, һижри буенча бу сан, бәлки, 956 булгандыр. Бу (1549) – Сафагәрәй ханның үлгән елы. Язманың вакыты Сафагәрәй заманы булгач (ә ул Казанда 1524–1531, 1535–1546 һәм 1546–1549 елларда хан булып тора), документның датасын XVI гасырның 30–40 нчы еллары дип куярга хақыбыз бар.

Язучы яки тәржемәче Сафагәрәйне Мөхәммәт-Әмин (Махабмет Имин) атлы дип тә ялгыш яза. Тарих фәне исбатлаганча, Сафагәрәй Кырымның атаклы ханы Миңлегәрәй углы Фатихгәрәй углы була. Миңлегәрәйнең Мөхәммәтгәрәй, Мөхмүтгәрәй, Сәгадәтгәрәй, Фатыйхгәрәй исемле уллары туа. Мөхәммәтгәрәй углы Сәхибгәрәй 1521–1524 елларда Казан ханы булып тора. 1524 елда Төркиягә китә һәм үзенең урынына Казан ханы итеп туганнан туган энесен калдыра.

Язманың төп мәгънәсе нәрсәдә соң? Ул шундый зур жир мөйданы өчен ясақны «үзара каршылыксыз һәм бер-берсенә зыян китермичә» бергәләп түләү турындагы документ булып тоела. Ләкин икенче төрле фикерләр дә туа. Бу туганнан туган өч кеше арасында берсе – Тобулай башлап йөрүче, хәлиткеч кеше кебек күренә: язмада ул туганнары арасында беренче урынга куелган, килешүне язучыга акчаны ул бирә; язма ахырында туганнары Свергузя һәм Тартай кулларын куя, ә Тобулай куймый. Тегеләре балаларына нәрсәдер (билгесез) бүлеп, язып бирәләр, ә Тобулай берни дә бүлеп язып бирми. Свергузяның үз балалары булган, ә Тартайның үз балалары (ул балаларга гына, ди) булмаган кебек.

Шундыйрак томанлы мәсьәлә – биләмәнең мөйданы. Аның хәзерге Татарстан Республикасы Буа районындагы жирләр икәнлегенә аңлашыла. Ләкин мөйданның бик күп чикләр белән чикләнгән булуы ачык күренеш тудырмый. Шуң ук вакытта үз заманы өчен бу язма жайлы гына аңлашылгандыр. Чикләрнең баганалар, чокырлар белән билгеләнүе дә булган, аларда хужаларның тамгалары да ясалгандыр. Бу турыда башка чыганакларда мәгълүматлар бар.

Документ күрсөткөнчө, авыл кешелөре жир сөрөп иген иккөннөр, кышка күп кенә печән эзерли торган булганнар. Бу хөл печәнлек жирлөрөн һәрвакыт истө тотуда, хөтта кайвакыт сөрү жиреннән алда язуда да күрөнө. Урманнарның бик бай булуы да язмада ачык чагылган.

Язмада «эшкөртөлгөн агачлар» дигән сүзлөр бар. Кешелөр кыргый бал кортлары оялаган төмсө, яки корыган, корып бетмөгөн агачлардагы куышларны киңөйтөп зурайтканнар, кортлар өчөн иркенлек ясаганнар, житөрлек итеп тишек калдырганнар да, зурайган тишекне такта белөн томалап калдырганнар. Болай иткөч, үзлөрөнө бал алуы да жиңөлөйгөн. Әнө шундый агачларны «эшкөртөлгөн» дип атаганнар. Урманнарда төрлө жөнлек, кош-кортлар хакимлек иткөн. Язма аю, бүрелөрдөн башлап сусар, бурсык, тиеннөргө кадәр саний һәм ау коралларын – жөнлек, кош-кортларны тоту өчөн куела торган ятымөлөрнө һәм агачларга асылып куелган тукмакларның барлыгын өйтө. Бу тукмаклар белөн агачларга шак-шок бөрөп төшөрөп, алардагы алма, чия һәм чиклөвөклөр жыйганнар, ө кайвакыт ерткыч хайваннарны куркытканнардыр. Хужалыкта балык тоту да зур өһөмияткө ия булган. Шунлыктан балык тоту урыннары да язучыларның игътибарынан читтө калмаган.

Инде таныклык бирүчөлөр турында. Алар арасында дөрөжөлө кешелөр күрөнө: бер морза, өч мафа. Соңгы сүз «мафа» – Әхмөт ага Булатовның Л.З.Будагов сүзлегө буенча аңлатуында «дөрөжө атамасы, салым һәм йөклөмөлөрдөн азат ителгөн кеше». Фарсы теленнән безнең якларга сөүдөгөрлөр аркылы кергән булырга тиеш. Гомумән алганда, тарханлыкны аңлата торган сүз.

Таныкларга түлөү турында язганда «алтын» дигән сүз очрый: ул – акча берөмлегө, XVI гасырда бер алтын өч тиенгө тигез булган. Димөк, ун алтын утыз тиенне аңлаткан. Таныклар арасында берни алмаганнары да бар.

Документның тарихи өһөмияте ифрат зур: ул Казан ханлыгы чорында кешелөрнөң хужалык итү күрөнөшөн тасвирлый. Ижтимагый-икътисади хөллөрнө дө күзалларга ярдөм итө

Янчура Хужалин, Байтимер Москеев һәм Исай Адниннарның Яков Сутчин, Кадык Бөдаев һәм Сургач Зеняковларга каршы куелган гаризалары.

«Мөхәммәт хан-патша заманында ата-бабаларыбыз нәсел буенча варисларга кала торган эфир биләмәсен сатып алганнар һәм умарталы агачка үзләренең тамгаларын салганнар. Ата-бабаларыбыз безнең ул эфирне кемнән һәм ничек сатып алганнар, без һәм аксакал картлар да белмибез. Шул вакыттан бирле хәзергә кадәр ул эфирне һәм печәнлекләре патшаның ата-бабаларыбызга бирүе буенча бернинди каршылыксыз, беркемнең дә дөгъва кылуын белмәенчә без биләдек. Ә хәзер Яков Сутчин, Кадык Бәдаев, Сургач Зенякаев, патшага шикаять язып, бу эфиргә дөгъва кыйлалар. Әнә шул ялган язучулар алар өч ел буена «умарталык» биләмәсендә унбер умартаны эфирләгәннәр.

Без, гариза язучулар, әлеге язманы иске хужәларына, ягъни Янчура Хужәалинга, Байтимер Москеевка, Исәй Аднинга бирдек. Алар ул эфиргә һәм печәнлекләргә хужә булсыннар дип һәм безгә, балаларыбызга, туган-тумача кардәшләребезгә ул эфирне иске хужәларыннан сорамасыннар, бәхәс кузгатмасыннар дип.

Язды Чуракай».

Бу язманың кайчан язылуы әйтелмәгән. Ләкин «Мөхәммәт хан заманында ата-бабаларыбыз» дигәннән XVI гасырның урталары дип уйларга нигез бар. Мөхәммәт Әмин Казанда хан булып 1478—1518 елларда тора. Аны аксакал картлар да хәтерләмәгәч, аңардан соң байтак вакыт үткән булырга тиеш. Бәлки, бу язучулар Казан руслар тарафыннан яулап алынган язганнардыр. Татарча язучулар Казан дәүләте беткәч тә дөвам иткәнлегенә турында башка мисаллар да бар.

Шунысы кызык, бу язма бернинди дәүләти оешмаларга бирелмәгән, ә бары тик иске хужәларның үз кулларында гына калган, ягъни хужәларның үз хокукларын раслаучы язма гына булган.

Чюраш Утяковның сөрү басуы һәм печәнлекләре белән «умарталык» биләмәсен Янчура Хужәалиевкә, Аитовка һәм Яланали Чюреевка сату язмасы. 1562—1563 еллар.

«970 ел иде. Чюраш Утяков әтиемнән калган Юргаш исемендәгә эфирем бар иде. Шуңа кушып тамгалы дүрт эфиремне мин, Чюраш, Янчура Хужәалиевкә саттым. Аңардан мин бозавы белән бер сыер алдым. Межа Кама (Кашмаш) елгасының ике ягы буйлап, көньякта елганың башында бер якта Булакали елгачыгы, икенче

якта Куганар елгачыгы. Ә дүрт межа эченә төрле жырләр керә: эшкәртелгән һәм эшкәртелмәгән бал агачлары, баллы, балсыз исән һәм егылган төрле агачлар, сөрү жырләре һәм печәнлек урыннары, болыннары һәм балык тотарлык күлләр, төрле жәнлекләр урыннарын мин аңа хужа булырга бирдем. Шул турыда бу язуны биреп, мин, Чюраш Утяков, балаларым, абыем, энем, туганнарым һәм башка кешеләр бу жырне Янчура Хужәлиевтән сорап дөгъва кыйл-масыннар дидем. Әгәр кем дә булса бөхәс кузгатса, казыйлар (судьи) кабул итмәсеннәр һәм тыңдамасыннар.

Таныклар булып торучыларга – Чурашка сусар, Аккүз Шурга-чевка шулай ук сусар, Кулай Табузиевка бер калфак, Юсейга ярты батман бал һәм сарык бирдем.

Язманы Мәмкәч Балтачев язды, аңа ундүрт тиен акча.

Һәм тагын мин, Чюраш Утяков, тамгалы ике жиремне Чюре-ев балалары Янтай һәм Яланыләргә саттым һәм шул тамгалар өчен 20 тиен акча алдым, ә тамгалар мондый».

Бу язма шулай ук «умарталык» биләмәсе (бортный ухжай) турында. Алдарак ул турыда сүз булды. Язу вакыты һижри белән 970 ел диелгән. Безнең календарь буенча ул 1562–1563 елларга туры килә. Татарча мондый язучылар соңрак гасырларда да дәвам иткән.

Беренче, өченче һәм дүртенче язмаларны 1727 елда Казан губернасы Зөя өязе (Свияжский уезд) Икенче Чиремшән авылы татары Роман (бәлки, Рамазан булгандыр) Уразлин татарча төп нөсхәдән русчага тәржемә иткән. Бу турыда тәржемәлә-рнең тасвирында әйтелгән.

Югарыда карап үтелгән чыганаclar — дөүләти актлардан хан ярлыклары, шәхси юлламалар һәм жир биләмәләре турындагы документлар — безнең тарихи белембезне арттыруга ярдәм итәләр. Алар аерым тарихи вакыйгаларны ачыклайлар, халыкның ижтимагый һәм икътисади тормыш халәте-нең ничек булганын күрсәтәләр.

ИСКӘРМӘЛӘР

1. РГАДА, ф.1173, оп.1, д.196, л.1.
2. Госманов М., Мөхәммәдьяров Ш., Степанов Р. Яңа ярлык // Казан утлары. — 1965. — №8.

3. Булатов Ә. Ибраһим хан ярлыгын укуга карата // Казан утлары. — 1966. — №8.
4. Госманов М. Тагын Ибраһим хан ярлыгы турында // Казан утлары. — 1967. — №6.
5. Усманов М. Татарские исторические источники. — Казань, 1972.
6. Старотатарская деловая письменность XVIII в. / Сост. Ф.С.Фасеев. — Казань, 1982.
7. Источники по истории Татарстана. / Сост. С.Х.Алишев. — Казань, 1993.
8. Усманов М.А. Жалованные грамоты Джучиева улуса XIV–XVI вв. — Казань, 1979.
9. Атласи Н. Казан ханлыгы. — Казан, 1914.
10. Вахидов С. Ярлык Сахиб-Гирей хана // Вестник научного общества татароведения. — 1925. — №1–2.
11. Вахидов С. Ярлык Сахиб-Гирей хана // Известия Общества археологии, истории и этнографии. — Т.XXXIII. — Вып. 1.
12. Баттал А. Казан йортында булынмыш тарихи бер документ. — Сәхиб-Гәрәй хан ярлыгы // Turkiyat Mecmuasi, 11.
13. Борынгы татар әдәбияты. — Казан, 1963.
14. Мухаметъяров Ш.Ф. Тарханный ярлык Казанского хана Сахиб-Гирея 1523 // Новое о прошлом нашей страны. — М., 1967.
15. Вахиди С. Сәхиб-Гәрәй хан ярлыгы // Безнең юл. — 1925. — №3.
16. Togan Z.Y. Kazan Hanliginda Islam Turk kulturu // Islam Turkleri Enstitusu Dergisi. — 1965. — С.111. S.3/4. 194–195.; Akdes iimet Kurat. Rus Hakimeeti altinda Idil - Ural Ulkesi. — Ankara Universitاسi basimevi. 1968.
17. Ардашев Н.Н. Татарские земляные письма XV в. и спорные дела XVIII в. о ясашных землях / Записки Московского археологического института. — Т. IV. — Вып. 1. — М., 1908.
18. Дмитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XV–начала XVII веков // Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. — 1963. — Вып. XXII.
19. Дмитриев В.Д. Земельный документ времен хана Сафа-Гирея / Исторический сборник // Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. — 1966. — Вып. XXXI.

**ПРЕДЫСТОРИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА:
ОБРАЗОВАНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
КАЗАНСКОГО «КНЯЖЕСТВА»
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)**

Историю Казанского государства, на наш взгляд, можно четко разделить на два основных периода: историю Казанского «княжества» и историю Казанского ханства. Целью настоящей статьи является рассмотрение предыстории Казанского ханства, т.е. того периода развития Казанского государства, который условно называется «княжеским». Работа носит постановочный характер и не в коей мере не претендует на полноту подачи материала, что связано с современным уровнем изучения данной проблемы — специально ею никто из исследователей не занимался, полная совокупность сведений различных источников по данной проблеме никем не анализировалась.

Вопрос о времени образования Казанского государства принципиальный и достаточно сложный. Принципиальность его заключается в том, что в историографии (особенно в работах обобщающего характера) утвердилась неверная, на наш взгляд, точка зрения о полном тождестве Казанского государства и Казанского ханства — без деления «доханского» (эмират, султанат, княжество) и «ханского» периодов в истории данного государства. Временем образования государства, также по сформировавшейся в исторической литературе традиции, очень часто называется вторая треть XV в. (см. любое учебное издание), т.е. период установления в государстве власти династии Улуг-Мухаммеда [1]. Таким образом, «основателем государства», «первым настоящим правителем» (вторая фраза наиболее часто употреблялась татарскими историками XIX — начала XX вв.) без должной научной аргументации называется либо бывший золотоордынский хан Улуг-Мухаммед, либо его сын Махмут, чем, по сути, игнорируется информация источников о доханском периоде развития Казанского государства. Хотя источники прямо свидетельствуют о наличии государственного образования с центром в Казани до прихода сюда «орды Улуг-Мухаммеда».

Вот, к примеру, что сообщает под 1445 г. Воскресенская летопись: «Тое же осени царь Мамотяк, Улу-Магметов сын, взял город Казань, вогчича казанского князя Либея убил, а сам в Казани сел царствовати». А вот сообщение о событиях 1445 г. Никонской летописи: «А царь Мамутяк пришел из Курмыша Казань взял, а казанского князя Азыя убил, а сам на Казани воцарился, и оттоле нача царство [т.е. государство, во главе которого находился хан, а не «князь»] быти Казанское» [2] – (подчеркнуто мною. – Б.Х.). Сложность вопроса заключается в том, что мы владеем минимальным количеством письменных свидетельств (редко дополняемых показаниями иных источников, например фольклорных и нумизматических) по «княжескому» периоду развития Казанского государства. При этом имеющиеся свидетельства часто настолько противоречивы с точки зрения современного исследователя, что их очень трудно выстроить в определенную логическую цепь, не вызывающую критики.

Как известно, в 1236 г. Волжская Булгария была завоевана армией Бату хана. «Монголы встретили жестокое сопротивление болгар» [3], что явилось показателем высокого самосознания и патриотизма местного населения, политической и социально-экономической развитости государства.

Вхождение Волжской Булгарии в состав Джучиева Улуса Монгольской империи, позднее (во второй половине XIII в.) превратившегося в самостоятельное государство, существенно повлияло на этносоциальное развитие страны. История Булгарии середины XIII – начала XV в. напрямую связана с историей Улуса Джучи (Золотой Орды). Войдя в состав нового государственного объединения в качестве одного из территориально-административных элементов, Волжская Булгария утратила свою самостоятельность. Но утрата самостоятельности часто носила чисто символический характер [4] – в течение XIII–XIV вв. Булгария сохраняла определенную автономию, чему имеется ряд свидетельств:

1. Опосредованность власти монгольского (ордынского) хана на территории Волжской Булгарии (при этом для решения нашей проблемы не имеет принципиального значения, представителем какой династии – болгарской или джучидской – являлся местный правитель). Булгарская феодальная элита признала власть завоевателей и была за это пожалована ханом Бату

прежними своими владениями [5]. После смерти Бату хана ситуация не изменилась — при описании жития князя Федора Смоленского и Ярославского сказано, что болгарские феодалы, так же как и русские князья, ходят «в орду к царю [к хану], отчин свои просити у царя на столования своя» [6]. **В этом плане очень интересен и тот факт, что в одном русском источнике конца XVII в. 1257 годом датируется образование сыном Бату хана Сартаком «Казанской Орды» [7], т.е. (если принимать всерьез данную информацию, ведь к 1257 г. Сартака уже не было в живых и т.д.) либо Казанского улуса в составе Золотой Орды, либо относительно более самостоятельного государственного образования, отличающегося по своему статусу от улуса.** Эту дату (1257 г.) как год начала формирования Казанского государства, по нашим данным, не называет более ни один источник. Однако косвенно информацию А.И.Лызлова подтверждают некоторые из них, в частности знаменитая «Книга о разнообразии мира» венецианского купца Марко Поло (конец XIII в.) и «Казанская история» — анонимная русская летопись середины XVI в. В главе 4 этой летописи («О первом начале Казанском царстве, и о местном уголье, и о змииском жилище») сказано: «...И бысть Казань столный град, вместо Брягова [Бряхимов — крупный политический и экономический центр Волжской Булгарии XI–XII вв.]. И вскоре нова орда и земля благоплодна, и семенита, и именита, и медом кипяща, и млеком и дашася во одержание и власть и в наследие поганым. И от сего царя Саина [ранее он был назван «Саин Болгарский»; *Саином* именовали хана Бату] преже зачася Казань, и словяще юрт Саинов...». И лишь только глава 8 «Казанской истории» посвящена событиям XV в.; она называется «О втором начале Казаньском царстве...» [8] (подчеркнуто мною. — Б.Х.). В «Книге» же Марко Поло есть очень краткая, к сожалению, но очень интересная для нас информация, что Берке хан «татарами владел и жил в Болгаре да в Сарая» [9]. Теоретически можно допустить, что проживание хана Берке «в Болгаре» могло быть как-то связано с вышеназванными возможными событиями — образованием «Казанской Орды»...

Сохранились имена некоторых местных правителей этого периода. Так, известны имена эмира Махмуда и его сына Ха-

сан-бека[10]. Надпись на могиле Хасана (ее датировка достаточно спорна) гласит:

*«...Это место погребения повелителя (султана)
великого и знатного
помощника повелителей (султанов)
эмира чтимого и победоносного*

...
Хасан-бека, сына эмира Махмуда» [11].

Надпись на надгробии свидетельствует, что титул «эмир» (по-видимому, и содержание этого титула) был наследственным у представителей местной (здесь опять не принципиально, какого происхождения: «булгарского» или «татарского») политической элиты. Упоминание же в титулатуре Хасана формулы «помощник повелителей (султанов)» указывает на его подчиненность ордынским правителям [12].

В 1361 г. «...Буллат Темир, князь Ординский, Болгары взял, и все грады по Волзе и улусы поимал, и отня весь Волжский путь» [13]. Этот год (1361 г.) некоторыми исследователями (на наш взгляд, вполне обоснованно) называется «*периодом экономического обособления Среднего Поволжья*». Такой точки зрения, к примеру, придерживается А.Г.Мухамадиев [14]. Иными исследователями этот год (на наш взгляд, менее обоснованно) называется «*начальной датой образования Казанского ханства*». Данную точку зрения поддерживает, к примеру, М.И.Ахметзянов [15]. Отметим, что сторонниками вышеназванных мнений фактически признается политическая суверенность Булгарии (Булгария периода Золотой Орды и Казанское государство нередко одинаково именовались *Болгар, Болгар вилаяте*) [16] как минимум с 60-х гг. XIV в.

С 1370 г. в русских летописях неоднократно упоминается «князь Болгарьский Осань» [17]. Причем на этого Хасана в 1370 г. с воевода золотоордынского темника Мамая был совершен поход русских войск Дмитрия Нижегородского в сопровождении «царева [ханского] посла» Ачихожи. Хасан капитулировал, а его место временно занял ставленник Мамая «Салтан Баков сын»[18]. Именно Хасан, по мнению А.Г.Мухамадиева, положил начало возвышению Казани и Казанского государства, что хорошо прослеживается по нумизматическому материалу [19]. (Следует отметить, что некоторые ученые, опираясь на широкую источниковую базу,

довольно аргументированно стремятся представить данного Хасана Чингизидом, отцом Улуг-Мухаммеда [20].)

В связи с событиями конца XIV в. фольклорные источники упоминают имя болгарского правителя Абдуллы, якобы убитого «ханом» Тимуром (Тамерланом), и его сыновей Алтун-бека и Галим-бека [21]. Некоторые исследователи считают Абдуллу прямым потомком династии правителей домонгольской Волжской Булгарии [22]. Иные же стремятся представить его Чингизидом [23]. На наш взгляд, доказательств недостаточно и у т.н. «булгаристов», и у т.н. «татаристов». Однако **многие татарские ученые едины в одном: по их мнению, именно Абдулла и его наследники сыграли существенную роль в образовании в конце XIV или в начале XV в. Казанского ханства. При этом историками отмечается возможное тождество фольклорного Галим-бека, Либей и Азья русских летописей и Гиазетдина, известного нам по монетам казанского чекана первой половины XV в.** Для адекватного понимания такой гипотезы необходимо знать, что многие средневековые мусульманские правители имели по несколько имен — бытовых, «царственных», религиозных и т.д. Но одним из пробелов этой гипотезы, в целом вполне объективной и соответствующей реалиям того времени, на наш взгляд, является то, что все же Либей (возможно, он же Азый=Галим-бек=Гиазетдин) в русских летописях назван не «царем», а «князем», т.е. правителем рангом ниже хана. А вот Улуг-Мухаммед и его сын Махмут везде именуется «царями» [24]. Стоит ли напоминать, что для средневекового историографа спутать эти термины было бы непростительной ошибкой.

В конце XIV в. известно имя «казанского царя» Ентяка [25]. Этническое происхождение Ентяка, как и многих вышеперечисленных правителей, не вполне ясно. Однако заслуживает внимания, что русская летопись называет его «царем» и приравнивает, таким образом, к Чингизидам. Так, **может быть, он и был первым казанским ханом?**

2. Восточные и европейские письменные источники XIII–XIV вв. отмечают наличие на севере Улуса Джучи области, называвшейся «Великой Булгарией». Так, об этом пишет Гильом Рубрук, в 1253 г. побывавший в Поволжье [26]. Возможно, это являлось данью традиции (например, как и упоминание Хазарии в трудах ал-Гарнати, Марко Поло и др.), но сам факт показателен.

3. По мнению ряда исследователей, в середине XIII в. болгарские феодалы восстанавливают в некоторых своих городах чеканку монет на основе местной денежной системы. По их мнению, эти монеты, чеканившиеся с середины XIII в. по начало XIV в., имели хождение лишь на территории Булгарии и сферы ее экономического воздействия. Р.Г.Фахрутдинов в статье 1987 г. отмечал, что в этом проявлялось стремление Булгарии к обособлению от Золотой Орды [27]. (Однако не все исследователи поддерживают эту точку зрения. Большой знаток восточноевропейской нумизматики А.Г.Мухамадиев в своей работе писал: «Какая-либо автономия Булгара по отношению к ханам монгольской династии по монетам не прослеживается. Многочисленные болгарские монеты XIII в. — это официальные государственные деньги джучидского улуса Кипчак» [28].)

4. В первой половине XIV в. болгарские правители предпринимают серьезные политические акции. В этом отношении особый интерес представляет поездка болгарских послов к египетскому султану ан-Насиру в 1330–1331 гг., о чем, со ссылкой на ал-Макризи, нам сообщает современный египетский историк Амин аль-Холи в исследовании «Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв.» [29]. По мнению С.Х.Алишева, «независимо от того, было ли посольство болгарского хана [?] отправлено по разрешению могущественного Узбек-хана или в обход Золотой Орды, оно все равно означало автономность и способность совершать самостоятельные политические акции болгарским царством» [?] [30] (подчеркнуто мною; вопросы мои. — Б.Х.).

Таким образом, как мы видим, свидетельств определенной автономности Булгарии в составе Золотой Орды достаточно.

Какие же этнические процессы в период государственного оформления и развития Улуса Джучи происходили на территории расселения волжских болгар, т.е. на территории будущего Казанского государства?

1. На рубеже монголо-татарского [31] нашествия на Волжскую Булгарию в состав его населения входили «остатки» прикамских эсегелей. Археологически это прослеживается по материалам Болгарского городища, Лаишевских селищ «Чакма», Чаллинского городища и др. [32].

2. Во время монгольского нашествия значительная часть местного населения была вынуждена покинуть прежние места обитания и переместиться в относительно новые, ранее хорошо исследованные районы обитания, куда булгары методично проникают уже в X–XII вв. – на север, за Каму, к берегам Мещи и Казанки; в низовья Свияги; на Вятку и Чепцу; на Среднюю Каму; в низовья реки Белой. Часть населения осталась и к югу от Камы, но эти районы не были уже столь густо населены, как до прихода монгольских войск [33].

Изменения происходят и в западных районах болгарских земель. В частности, резко сокращается число поселений в бассейне Суры и близких к Волге местах. Гибнет и не восстанавливается прежний центр этих земель, расположенный на месте Юловского городища. В противовес этому отмечается увеличение численности поселений болгарского типа в более западных районах. Таким образом, монгольское нашествие дает начало процессу децентрализации территории расселения волжских булгар, который со временем приводит к ее полицентричности.

В период правления в Золотой Орде хана Узбека (1312–1342 гг.), отмеченного расцветом татарского государства, население Булгарии стало возвращаться на свои исконные земли, но сохранило и вновь освоенные.

В это время южные границы расселения волжских булгар проходят, как и прежде, по реке Усе и Самарской луке (Жигули), в низовьях реки Самары и по ее правобережному притоку Кинели, где самарскими археологами исследованы остатки крупных болгарских сел XIII–XIV вв. типа I Сухореченского селища со следами ремесленной деятельности гончаров, металлургов и косторезов. Далее к югу в непосредственной близости от болгарских сел располагались кочевья кипчаков, о чем свидетельствуют выявленные в левобережье Самары их курганные могильники.

На восток и северо-восток территория Булгарии в ордынское время, как и в предшествующий период, не была сплошь заселена. Практически слабо заселенной оставалась территория бассейна Сока и Кондурчи, куда по степным участкам часто проникали и кочевники. Недаром именно здесь, между Соком и Кондурчей, в 1391 г. произошла одна из грандиознейших битв между Тимуром и Тохтамышем.

Далее к северу земли волжских булгар, как и прежде, выходили к верховьям Большого Черемшана, Шешмы, а в низовьях Зая подходили к Нижней Каме. На северо-востоке болгарские села были в бассейне Челнинки и значительно чаще в бассейне среднего и верхнего течений Ика, как, например, Бикбуловские селища с довольно крупными площадями заселения. По реке Сюнь булгары выходили к Белой, а болгарские миссионеры, как это показывают мусульманские мавзолеи, находящиеся в Чишминском районе Башкортостана и сооруженные не позже первой половины XIV в., доходили и до среднего течения Белой, а может быть, и южнее, о чем свидетельствует Берековское селище с болгаро-ордынской керамикой на южном повороте реки Белой в Башкирии.

Севернее устья Белой по Каме и по Вятке располагались земли, находившиеся под протекторатом Булгарии. Здесь выделяются две области, достаточно плотно заселенные выходцами из Булгарии еще в домонгольское время, а также бежавшими от монгольского нашествия в 1236–1240 гг. Одна из них располагалась на Чепце — это так называемая *Каринская земля*, где выделена чепецкая культура с достаточно ярко выраженными болгарскими элементами, а другая — в Пермском Прикамье.

Сама же коренная зона расселения булгар на северо-востоке не выходила восточнее устья Вятки. От устья Вятки, где в бассейне Кирменки выделяется большой круг болгарских памятников ордынского времени, территория Булгарии тянулась к верховьям Мешы, Казанки и Ашита-Илети. Опускаясь по обоим берегам Казанки к Волге, территория Булгарии, огибая районы среднего и нижнего течений Илети, заселенные предками марийцев, выходила на правый берег Волги в бассейн Свяги. Свяга и ее левобережье почти до верхнего течения выступали западным пограничьем собственно Булгарии. Территория же Бургасии в золотоордынское время почти не определяется.

Таким образом, территория собственно Булгарии в период Золотой Орды имела примерно следующие размеры: с юга на север — 450 км, с востока на запад — 500 км, общая площадь — около 225 000 кв. км. На этой территории проживало не более трети домонгольского населения, т.к. булгары понесли тяжелые людские потери в результате татаро-монгольского наше-

ствия. Об этом нам сообщают арабские, персидские и русские письменные источники, а также исследования, отражающие проблему завоевания монголами Волжской Булгарии [34].

3. Во второй трети XIII в. и в период развития Золотой Орды на территорию расселения волжских булгар проникают представители различных этнических групп, входивших в состав монголо-татарского войска. Хотя многие письменные источники, а вслед за ними и некоторые исследователи, сообщают о многочисленности монгольского войска — до 600 тыс. воинов и даже более — до миллиона [35], критический анализ письменных источников и привлечение иных источников свидетельствует, что это войско, во главе которого стояли талантливые полководцы, не было многочисленным — от 25 до 130 тыс. человек, но было мобильным и прекрасно организованным [36]. Причем монголов в нем было не более 50%, остальную часть монгольского войска составляли представители покоренных ими тюркских и иных восточных племен и народов, в частности центральноазиатских татар [37]. Если учесть, что большая часть воинов монгольской армии после завоевания Восточной Европы ушла в родные степи [38], а коренное население Восточной Европы составляло несколько миллионов человек [39], в том числе население Волжской Булгарии, включавшее в свой состав волжских булгар и иные местные народы, к началу XIII в. было не менее 200 тыс. человек [40], то ясно, что роль монголо-татар в местной этнической среде была незначительной. В процессе этнической конверсации [41] они быстро растворились в массе коренного булгаро-кипчако-огузского населения, о чем конкретно пишет египтянин ал-Омари, часто цитируемый по данному поводу: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар) и все они стали точно кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на земле их. Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет при-

рожденные черты согласно ее природе» [42]. Процесс ассимиляции монголо-татар был следствием их малочисленности, и поэтому закономерен [43]. Косвенно окипчакивание золотоордынских монголо-татар подтверждает борьба правителей Улуса Джучи против иранских монголов династии Хулагу совместно с близкородственными мамлюками Египта, хотя нельзя не учитывать и геополитической обстановки в регионе, приведшей к этому [44]. По меткому выражению Л.Н.Гумилева, монгольская «капля» растворилась почти без следа в болгаро-кипчакском «море», оставив лишь царствующую династию [45]. Именно поэтому в XIII–XIV вв. Джучиев Улус нередко именовали *Кипчакским государством* [46].

Однако, на наш взгляд, нельзя полностью игнорировать роль монголо-татар в местной этнической среде, что было связано с их активной поведенческой пластичностью, выраженной в наличии политической власти. Именно этот фактор привел к широкому распространению в Золотой Орде, в частности в северных ее регионах, престижного термина (этнонима = политонима = соционима) «татары», постепенно принимающего вид макроэтнонима [47], чему не могла противостоять даже монгольская знать государства, сама же первоначально способствовавшая этому [48]. Наконец, нельзя забывать, что в 1242–1246 гг. Булгария была избрана ханом Бату для своей ставки, а в период правления Берке и Менгу-Тимура Булгар и его окрестности нередко были местом пребывания ордынских ханов и окружавшей их многочисленной свиты.

Так, в окрестностях Булгарского городища были раскопаны небольшие курганы, в которых хоронились либо монголы, либо представители каких-то восточносибирских-восточноазиатских племен, втянутых монголами при движении на запад. Языческие погребения с сибирскими особенностями известны и в некоторых других местах [49].

Свидетельствует об этом и антропологический материал. Исследователи отмечают хоть и незначительное, но увеличение монголоидного элемента у части населения Булгарии в данный период [50]. И.Р.Газимзянов пишет: «...Монголоидный морфокомплекс южносибирского или центральноазиатского облика был характерен для социальной элиты средневекового городского

[Болгарского] общества... Обособленное место среди золотоордынских серий с территории Среднего Поволжья занимают наиболее монголоидные группы средневожского населения, представленные сериями из Ханской усыпальницы (г. Болгар), Мари-Луговского могильника и сборной серией «Средневековые кочевники Среднего Поволжья». В этих сериях преобладают черепа монголоидного морфотипа центральноазиатского или южносибирского истоков — резко брахикранная форма черепа сочетается с крупным и уплощенным лицом со среднепрофилированным переносом. Вероятно, эти группы генетически связаны со степным населением из центральных или восточных областей Золотой Орды... Таким образом, антропологический тип (монголоидного, южносибирского или центральноазиатского происхождения), который мы можем соотнести с южным, юго-восточным степным населением, фиксируется либо на окраинах Волжской Булгарии в составе Золотой Орды, либо в среде городских жителей. В силу своей малочисленности, социального положения и этнокультурных традиций, его генетические связи с местным населением были относительно слабыми и не могли существенно изменить его антропологический состав, который в своей основе сохранил структуру предшествующего времени... Характер этногенетических связей, при сравнении с предшествующим временем, [в период Золотой Орды] практически не изменился, особенно среди сельских групп из центральных областей бывшей Волжской Булгарии. Несколько иная этногенетическая ситуация, в силу особых обстоятельств, сложилась при формировании населения одного из столичных центров Золотой Орды — города Болгар. Здесь, по данным краниологии и археологии, прослеживается взаимодействие пришлых и местных этнокультурных групп. Их механический вначале симбиоз постепенно к концу раннезолотоордынского периода перерастал в биологический. Исключением является социальная верхушка города, состоящая из монголов или других представителей центральноазиатских и восточносибирских племен. Исходя из их особого социального положения (военно-административный аппарат, представляющий центральную золотоордынскую власть на местах) и этнокультурных традиций, связи с местным населением, в том числе и генетические, у них были минимальными...» [51].

4. В аспекте этнических процессов наибольшие последствия в период Золотой Орды имело фактическое исчезновение границ между Волго-Уральским регионом и Дешт-и-Кипчак, которые и раньше были во многом условны и расплывчаты. Это приводит к усилению этнических контактов между населением Среднего Поволжья и населением евразийских степей.

В XIII–XV вв. Волго-Уральский регион становится ареной преимущественно кипчакских миграций, начало которых отмечено еще в домонгольское время. Начало массовой миграции кипчаков в Волго-Камье относится к концу первой трети XIII в. и напрямую связано с монгольским нашествием. Об этом нам сообщают письменные источники [52] и материалы археологических раскопок [53]. В конце XIII в. и в XIV в. приток кипчакских и кипчакизированных этнических групп в Среднее Поволжье продолжается [54]. На наш взгляд, немало важную роль в этом процессе играла исламизация населения кипчакских степей в период Золотой Орды и, как следствие, тяга этого населения к регионам с высокоразвитой мусульманской культурой. Немалую роль играли также недостаток места для развития кочевого производства в южных степях, а также природные колебания в степи [55].

Таким образом, в период Золотой Орды на фоне процесса дифференциации болгарской народности под воздействием внешних факторов, шел процесс ее интеграции с другими этносами Восточной Европы. Причем, кроме проникновения кипчаков на территорию расселения волжских болгар, отмечается проникновение сюда в XIII – первой половине XIV вв. также выходцев из Средней Азии, Кавказа, Ирана и т.д. Об этом говорят остатки обширной армянской колонии на северо-западной окраине Булгарского городища, остатки жилищ в золотоордынском слое Суvara, эпитафии, представленные в разных местах ордынской Булгарии, а также антропологический материал [56]. Эти эмигранты в основном принадлежали к феодальной знати, приходили в Булгарию с челядью, что, естественно, обогащало и усложняло этносоциальный состав населения Булгарии ордынского времени.

Эти факты, наряду с фактами пребывания болгар в южных районах Золотой Орды [57], позволяют сделать вывод, что в кон-

це XIII – первой половине XIV вв. в Золотой Орде имел место процесс межэтнической интеграции, что ведет к началу складывания единого золотоордынского этноса, в силу многих обстоятельств не сумевшего окончательно оформиться и распавшегося во второй половине XIV в. (к такому выводу приходят многие исследователи истории Золотой Орды, но имеет место и гипотеза об окончательном сложении золотоордынского этноса к XV в., с последней точкой зрения мы не можем согласиться).

5. Как и раньше, в состав волжских булгар золотоордынского времени продолжают включаться и представители местных финно-угорских племен. Этому в немалой степени способствовали активная миграция части болгарского этноса на территорию расселения финно-угорских племен, а также мусульманизация части финно-угорского населения региона [58].

6. В этнические группы волжских булгар и финно-угров в период Золотой Орды внедряется и восточнославянское население, о чем свидетельствуют остатки его поселений XIII–XIV вв., обнаруженные в разных областях Болгарии [59]. Со второй половины XIV в. это проникновение существенно активизируется, что было связано с развитием русского этноса, ведшего к усилению экспансионистских устремлений русской феодальной элиты.

7. Во второй половине XIV в., в условиях начавшегося в Улусе Джучи этнополитического кризиса, ведшего к распаду государства [60], походов русских и ордынских феодалов на территорию Среднего Поволжья, в частности на земли болгарских султанатов [61], вооруженной борьбы Тохтамыша и Тимура, затронувшей южные пределы Болгарии [62], а также вследствие природных катаклизмов в южных районах расселения волжских булгар [63], начинается процесс их массового переселения в относительно спокойные районы Приказанья, где уже в XIII в., если верить информации А.И.Лызлова (см. выше), начинают оформляться границы Казанского государства. В этот период волжские булгары принимают в качестве основного имени политоним «булгары», теоним «мусульмане», а также различные местнические имена – «булгарцы», «казанцы», «жукотинцы» и т.д. Миграция болгарского населения в северные районы Болгарии сопровождается кипчакской миграцией, которая усиливается в первой половине XV в. [64].

Наличие у болгар различных местнических этнонимов было обусловлено тем, что в последней трети XIV в. в северных областях Улуса Джучи, представлявших некогда единую Волжскую Булгарию, существовали, по мнению А.Х.Халикова, Булгарское, Жукотинское, Тубулгатауское, Батынгузское «княжества» в Закамье; Кашанское и Казанское – в Предкамье; Атрясинское и Тетюшское – в Предволжье; Наручадское, Темниковское и Нижнепьянское – на землях буртас [65].

Ослабление власти хана Тохтамыша в результате военных поражений, нанесенных ему Тимуром, ведет в конце XIV в. к усилению сепаратистских устремлений болгарских феодалов, явно прослеживающихся после смерти хана Узбека, и окончательному отходу болгарских областей из состава Золотой Орды. Об этом свидетельствует факт отправки посольства из Булгара в Каир, целью которого является признание в мусульманском мире независимости волжских болгар [66].

Выход волжских болгар из состава Золотой Орды приводит к активизации военного давления ордынских и русских феодалов, стремящихся захватить перешедшие к самостоятельности болгарские земли. В 1396 и 1399 гг. русские князья организуют походы на Казань. В 1405–1407 гг. болгарские земли в районах Закамья захватывает Идигей. В 1407 г., по мнению М.Г.Сафаргалиева, в Булгаре правит ордынец Джелал ад-дин [67]. В 1409 г. новгородцы организуют военную экспедицию против волжских болгар [68]. **А в 1431 г. был положен конец существованию Булгара и Булгарского «княжества».** Летопись сообщает: «...Тое же весны князь велики Василей Васильевич посылал ратью на Болгары Волжския и Камския князя Федора Давидовича Пестрого; он же шед, воева их и всю землю их плени...» [69]. Это поражение было следствием природных катаклизмов, отмеченных в Булгарии в первой трети XV в. [70], и продолжающегося оттока болгарского населения на север региона. **Роль политического, экономического и культурного центра края окончательно перешла к Казани.**

С самого начала существования Казанского государства его государствообразующее население в качестве одного из самоназваний принимает название «татары», в котором несомненно наличие этнического, политического и социального содержания. **Этносоциальная элита Казанского государства, безуслов-**

но, связывала свое происхождение с золотоордынскими татарами и стремилась подчеркнуть преемственную связь между непосредственно Золотой Ордой и Казанским государством. Однако весьма показательна, что столица нового государства Казань нередко называлась «Новым Булгаром», «булгарским городом» [71], само государство вплоть до середины XVI в. нередко именовалось «Болгар вилаяте», а его основное население долгие годы продолжало использовать этнополитоним «булгары» наравне с политонимом «казанцы», которое с XV в. становится преобладающим. Таким образом, государствообразующее население нового государства стремилось подчеркнуть преемственную связь между Волжской Булгарией, Булгарским улусом Золотой Орды и Казанским государством, что хорошо наблюдается даже после установления в Казани в 1445 г. прямой, непосредственной местной властью, власти ордынской династии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Обзор историографии и анализ событий второй трети XV в. в нашей интерпретации см.: Хамидуллин Б.Л. Дореволюционные историки о населении Казанского государства // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы. — Казань, 1997. — С.202–204; Его же. Образование Казанского ханства: этнический и социальный аспекты // Этнографическое обозрение. — М., 1999. — № 4. — С.82–93; Его же. Народы Казанского ханства. — Казань: Татарское книжное изд-во, 2002 (в печати).

2. Источники по истории Татарстана (XVI–XVIII вв.). — Казань, 1993. — С.14.

3. Смирнов А.П. Волжские булгары. — М., 1951. — С.50.

4. Вопрос принципиальный, поэтому необходимо сослаться на мнение некоторых авторитетов, не «булгаристов»: Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губернии. — Казань, 1877. — С.162–163; Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды. — Казань, 1996. — С.19, 78; Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. — Казань, 1972, — С.25; Фахрутдинов Р. Золотая Орда и татары. Что в душе у народа. — Наб. Челны, 1993. — С.26 и др.

5. См.: Мәржани Ш. Мөстафад әл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. — Казан, 1989. — 151 б.; Саблуков Г.Б. Очерки внутреннего устройства Кипчакского государства. — Казань, 1895. — С.7; Баттал Г.

Татар тарихы //Аргатак. — Чаллы, 1996. — № 3. — 78 б. Ал-Омари называет хана Золотой Орды «государем Сарая, Хорезма, Крыма и Дешт-и-Кипчака», — показательно, что не упомянуты Булгария и Русь, см.: Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — Т.1. — СПб., 1884. — С.250.

6. Цит.: Шпилевский С.М. Указ.соч. — С.162; Смирнов А.П. Указ.соч. — С.54.

7. Лызлов А. Скифская история. — М., 1990. — Ч.3. — Гл.1.

8. Из глубины столетий / Сост., вступит. статьи и комм. Б.Л.Хамидулина. — Казань, 2000. — С.216—217, 221.

9. Книга Марко Поло / Перевод И.П.Минаева. — М., 1956. — С.45.

10. М.И.Ахметзянов называет их потомками хана Джучи (т.е. Чингизидами) и дедом, отцом Улуг-Мухаммеда. См.: Әхмәтжанов М. Казан ханнары тарихыннан // Идел. — Казан, 1994. — №11. — 64—65 б. На наш взгляд, данная статья М.И.Ахметзянова (с.60—65 журнала) содержит большое количество гипотетических домыслов и предположений, вполне логичных, но слабо подкрепленных сведениями источников.

11. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. — М.—Л., 1960. — Табл.2; Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. — Казань, 1987. — С.94.

12. Подробнее о термине «султан» см.: Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. — Казань, 1979. — С.157—158.

13. ПСРЛ. — Т.IX, X. — С.233; Т.XXV. — С.181 и др.

14. Мухамадиев А.Г. Казанское ханство в русско-татарской дореволюционной историографии // Диалог культур Евразии. — Вып.2. — Казань, 2001. — С.227.

15. Әхмәтжанов М. Казан ханнары... — 65 б.

16. См., например: Шәриф Хажитархани. Казан вилаятенәң жинчүе // Идел. — Казан, 1995. — №1. — 12—16 б.

17. См., например: ПСРЛ. — Т.15. — Вып.1. — Стб. 80, 85, 92, 116; Т.18. — С.104—106.

18. См.: ПСРЛ. — Т.15. — Вып.1. — Стб.92.

19. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. — Казань, 1990. — С.143; Его же. Денежное обращение Поволжья и Приуралья VI—XV вв.: Автореферат дисс. ... д.и.н. — СПб., 1992. — С.47.

20. См., например: Исхаков Д. Казан ханлыгы тарихының билгез битләре // Мирас. — Казан, 1993. — №10. — 44 б. Сравни: «...князи же Казанстии Асан и Махмет-Салтан...» (ПСРЛ. — Т.XI. — С.25).

21. История Татарии в документах и материалах. — М., 1937. —

- С.95; Борынгы татар әдәбияты. — Казан, 1963. — 344—346 б.
22. См., например, работы А.Х.Халикова, С.Х.Алишева и др.
23. См., например, вышеуказанную (прим.10) статью М.И.Ахметзянова.
24. На наш взгляд, основателем Казанского ханства являлся хан Махмут.
25. ПСРЛ. — Т.11. — С.163. А.А.Горский отмечает, что «вероятнее всего, Ентяк управлял средневолжскими владениями Орды как ставленник Едигея» (Горский А.А. Москва и Орда. — М., 2000. — С.126).
26. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. — М., 1957. — С.110—111, 118—119.
27. Смирнов А.П. Указ.соч. — С.60; История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). — Казань, 1968. — С.56; Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. — М., 1987. — С.180; Фахрутдинов Р.Г. Болгар в письменных источниках // Город Болгар: Очерки... — С.21.
28. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII — XV вв. — М., 1983. — С.43.
29. Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв. Сокращенный перевод с арабского. — М., 1962. — С.21.
30. Алишев С.Х. Казанское ханство: возникновение и развитие // Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. — С.189.
31. По мнению автора «Мэн-да бэй-лу», слово «монгол» при Чингис-хане было только официальным термином, совершенно неизвестным самому народу. Большинство восточных и европейских письменных источников XIII в. называют монгольское нашествие «татарским». В некоторых источниках первой половины XIII в., например в «Мэн-да бэй-лу» Чжао Хуна и «Цзянь-янь и-лай чао-е цза-ци» Ли Синь-чуаня, употребляется этнополитический термин «монголо-татары» (см.: Мэн-да бэй-лу. Полное описание монголо-татар. Перевод с китайского. — М., 1975. — Титул + с.51). Эта традиция, возможно, восходит корнями к легенде о том, что «от Тюрка родились два близнеца: Татар и Монгол» (см.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.-Л., 1950. — Т.1. — С.223). Сведения, приводимые в тексте и комментариях (с использованием других источников) к «Мэн-да бэй-лу» («Гэмоджин есть черный татарин» — с.45, «император Чингис, а также все его полководцы, министры и сановники являются черными татарами» — с.48, «теперь татары называют себя Великим монгольским государством, и поэтому пограничные чиновники именуют их сокращенно мэн-да, т.е. монголо-татарами», «нынешние монголы и

есть татары» — с.51 и др.), позволяют нам с полным правом использовать термин «монголо-татары».

32. Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. — Казань, 1994. — С.157.

33. В работе Г.В.Юсупова, изданной в 1960 г. (см. прим.11), дана карта болгаро-татарских эпиграфических памятников XIII—XVII вв. (между с.6—7). По ней ясно видно перемещение населения в XIII в.

34. См.: Исхаков Д.М. Введение в историческую демографию волго-уральских татар. — Казань, 1993. — С.4.

35. См., например: Фахретдин Р. Указ.соч. — С.63, 126; Баттал Г. Татар тарихы // Аргамак. — Чаллы, 1996. — №3. — 81 б.; Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Болгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие. — Казань, 1988. — С.5; Халиков А.Х. Монголы... — С.18 и др.

36. Веселовский Н. Золотая Орда // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. — Т.24. — СПб., 1894. — С.633—635; Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. — Л., 1927. — С.86; Его же. Сочинения. — М., 1968. — Т.V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С.253; Вернадский Г.В. История России: Монголы и Русь. — М.-Тверь, 1997. — С.57; Алексеев В.П. О некоторых аспектах изучения производительных сил в империи Чингис хана // Всемирная история и Восток. — М., 1989. — С.77; Кульпин Э.С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства // Социоестественная история / Академия городской среды, Институт востоковедения РАН. — Вып. XI. — М., 1998. — С.30.

37. Рашид ад-дин. Сборник летописей. — Т.1. — Кн.2. — М.-Л., 1952. — С.58; Госманов М. Алтын Урда: тарих һәм мирас // Мирас. — Казань, 1993. — №8. — 44 б.; Чхао Чху-Ченг. К вопросу о составе народностей армии монгольской империи XIII—XIV вв. // Идель. — Казань, 1995. — №5/6. — С.50—53. Георгий Вернадский отмечал, что хан Бату *«имел в своем распоряжении хорошо выученную тюркскую армию под командованием верных ему монгольских офицеров»* (Вернадский Г.В. Указ.соч. — С.68). Риза Фахретдинов считал, что монгольское войско на 9/10 состояло из тюрок (Фахретдин Р. Указ.соч. — С.125). В.Н.Татищев, Н.М.Карамзин, Э.Хара-Даван и др. считали, что большая часть монгольского войска состояла из татар — см.: Татищев В.Н. История Российская. — Т.4. — М.-Л., 1964. — С.59; Карамзин Н.М. История государства Российского. — Кн.1. — М., 1988. — Прим. № 296 к т.3, гл.8; Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций... — М., 1996. — С.104, 159, 227. Современные исследователи также отмечают наличие собствен-

но татар, оставшихся живыми после похода Чингис-хана на них, в монгольской армии – см.: Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... – С.304–307; Фәхретдинов Р. Татар углы татармын // Казан утлары. – Казан, 1991. – №9. – 157–166 б.; Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингис-хан: личность и эпоха. – М., 1995. – С.113, 115 и др. См. также: Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. – М., 1993. – С.45–58 (раздел главы 3: Традиция «объединения» кочевников).

38. Об этом сообщают письменные и археологические источники. См., например: Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1970; Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань, 1988.

39. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе: Опыт исчисления. – М., 1941. – С.89 (даны цифры на 1000 г.).

40. Исхаков Д.М. Введение... – С.4.

41. *Этническая конверсация* – ассимиляция близкородственных этнических групп. Исследователи отмечают наличие в среде кипчакского населения незначительных монгольских и татарских этнических элементов уже начиная с VIII в. В начале XIII в. монголо-татарские воины говорили кипчакам: *«Мы и вы – один народ и из одного племени»*, а кипчаки положительно отреагировали на этот лозунг, за что, правда, заплатились своими жизнями. См.: Тизенгаузен В.Г. Сборник... – Т.1. – С.25–26; Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата, 1972; Его же. Этнокультурные контакты кипчаков и татар (по арабо-персидским источникам) // Тезисы докладов XXIX сессии постоянной международной алтаистической конференции. – М., 1986. – С.39–40; Ахинжанов С.М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим материалам. – Алма-Ата, 1976; Кычанов Е.И. Указ.соч. – С.32 (цитата из «Юань чао ши»). Некоторые исследователи считают, что сами монгольские племена были отюречены к началу XIII в. – см., например: Ахмедов Б.А. Значение письменных памятников в изучении этнической истории народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – Вып.2. История и археология. – М., 1990. – С.63–73.

42. Тизенгаузен В.Г. Сборник... – Т.1. – С.235; об этом свидетельствует и антропологический материал – см.: Яблонский Л.Т. Мусульманский некрополь Водянского городища // Советская археология. – М., 1980. – №1. – С.103–106.

43. Эдуард Кульпин пишет: «Безусловно, демографический рост

у этой страты [у монголо-татар] был самым значительным» (Кульпин Э.С. Указ.соч. — С.64). Однако это, на наш взгляд, не могло существенным образом повлиять на ситуацию в регионе.

44. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). — М., 1966.

45. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1993. — С.636.

46. Тизенгаузен В.Г. Сборник... — Т.1, 2. «Исходя из данных корпуса персидских исторических сочинений, этническую карту Поволжского региона в золотоордынский период определяли следующие этнонимы: болгары, буртасы, саклабы, кыпчаки, саксины, башкирды, мокша, арджаны, русские» (Арсланова А.А. Исторические аспекты изучения персидских повествовательных источников монгольского периода по истории народов Поволжья. — Рукопись дисс. ... к.и.н. — Казань, 1996. — С.176 + таблица на с.177).

47. Рашид ад-дин. Указ.соч. — Т.1. — Кн.1. — М.-Л., 1952. — С.103; Тизенгаузен В.Г. Сборник... — Т.1. — С.233 и др.; Измайлов И.Л. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды в XIII—XV вв. // Из истории Золотой Орды. — Казань, 1993. — С.17—32; Хужин Ф. Алтын Урда — Болгар-Кыпчак иле // Мирас. — Казан, 1993. — №7. — 141 б.

48. Путешествия в восточные страны... — С.116; Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. — Т.3. — М.-Л., 1940. — С.87.

49. Халиков А.Х. Монголы... — С.156; Червонная С.М. Искусство Татарии. История изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. — М., 1987. — С.98, 120, 121; Фәхретдинов Р. Татар углы татармын. — 158 б. Е.П.Казаков отмечал: «В период Золотой Орды на территорию Среднего Поволжья проникают тюркоязычные языческие этнические группы, хорошо прослеживаемые по археологическим материалам» (выступление на II Региональной научной конференции «Проблемы истории и культуры Волго-Уральского региона» 15 апреля 1998 г., г. Казань).

50. Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. — М., 1987. — С.234, 240.

51. Газимзянов И.Р. Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии (реконструкция этногенетических процессов). Автореферат дисс. ... к.и.н. — М., 2001.

52. ПСРЛ. — Т.1.— Стб. 153.

53. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. — М., 1992. — С.70— 80, 102 и др.;

- Герасимова М.М. и др. Указ.соч. — С.231; Газимзянов И.Р. Население...
54. См., например: Газимзянов И.Р. Население...
55. Боталов С.Г. Климатические колебания и исторический процесс (по археологическим материалам средневековых кочевников Урало-Казахстанских степей) // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Тезисы докладов III международной научной конференции 1995 года. — Ч.5. — Кн.2. — Челябинск, 1995. — С.14—16.
56. Смирнов А.П. Указ.соч. — С.185—195; Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. — С.61,108,117,119; Герасимова М.М. и др. Указ.соч. — С.225.
57. Смирнов А.П. Указ.соч. — С.63; Герасимова М.М. и др. Указ.соч. — С.214, 225, 231 и др.
58. Археология и этнография марийского края. — Вып.1. — Йошкар-Ола, 1976. — С.25; Очерки истории Удмуртской АССР. — Т.1. — Ижевск, 1958. — С.26; Кузеев Р.Г. Указ.соч. — С.79 и др.
59. Смирнов А.П. Указ.соч. — С.164; Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. — М., 1985. — С.146 и др.; Халиков А.Х. Монголы... — С.157.
60. См.: Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ.соч.; Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960 и др. работы.
61. См., например: ПСРЛ. — Т.4. — С.63; Т.8. — С.11; Т.15. — С.70; Татищев В.Н. История Российская. — Т.5. — М.-Л., 1965. — С.187.
62. Тизенгаузен В.Г. Сборник... — Т.2. — С.164; Атласи Һ. Себер тарихы. Сөюмбика Казан ханлығы. — Казан, 1993. — 187—189 б.; Смирнов А.П. Указ.соч. — С.71; Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... — С.421—422; Усманов М.А. Жалованные акты... — С.75; Алишев С.Х. Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа. — С.214.
63. Тизенгаузен В.Г. Сборник... — Т.1. — С.530; ПСРЛ. — Т.10. — С.217; Халиков А.Х. Монголы... — С.63, 65; Исхаков Д.М. Введение... — С.4.
64. Ки. — С.53; Кузеев Р.Г. Указ.соч. — С.78.
65. Халиков А.Х. Монголы... — С.66.
66. Там же. — С.68, 121.
67. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С.184.
68. ПСРЛ. — Т.11. — С.211.
69. ПСРЛ. — Т.12. — С.9; Т.34. — С.166.
70. ПСРЛ. — Т.26. — С.184; Т.11—12. — С.236, 239; Тизенгаузен В.Г. Сборник... — Т.1. — С.442.
71. См., например: Мөхәммәдьяр. Төхфәи мәрдан. Нуры содур. Поэмалар. — Казан, 1966. — 83 б.

**К МЕТОДИКЕ СОСТАВЛЕНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ КАРТЫ
КАЗАНСКОГО ХАНСТВА**

Как отмечает большинство авторов, работающих по истории Казанского ханства, одной из главнейших трудностей является недостаток источников. Более или менее атрибутирована источниками политическая история этого государства, эти же сюжеты наиболее детально изучены. Остальные направления истории Казанского ханства еще ждут квалифицированных исследований. Одним из таких направлений является историческая география, составление детальной карты Казанского ханства.

Такую работу в свое время начал казанский историк Е.И.Чернышев (1894–1979), создавший список населенных пунктов Казанского ханства, который широко используется историками и краеведами и по сей день [1]. Автор проделал огромную и кропотливую работу, и те эпиграфические и археологические карты Казанского ханства, которые создавались в дальнейшем, не содержат такой объемной информации о селениях XV–XVI вв., которую удалось собрать ему. По Казанскому и Свияжскому уезду в его списке обозначено 700 селений, которые нашли отображение на картограмме населенных пунктов Казанского ханства первой половины XVI в. Источники, использованные автором, включают в себя писцовые, межевые, переписные книги, большое количество других делопроизводственных документов XVI в., нарративные источники, археологические материалы, сведения краеведов [2]. После Е.И.Чернышева исторической географией Казанского ханства специально никто не занимался, поэтому зачастую его список принимается историками без всякой критики.

Между тем составленный Чернышевым свод населенных пунктов далеко не безупречен. Основные недостатки обусловлены тем, что работа исследователя не была завершена, в частности, каждая отдельная позиция в списке не атрибутирована ссылками, а существование многих населенных пунктов, включенных в список, вызывает сомнения.

Прежде всего, необходимо отметить, что, Е.И.Чернышев механически включил в списки все населенные пункты болгарских времен, в том числе и на территории Закамья. Однако, как известно, если селение существовало в XII–XIII вв., это вовсе не означает, что оно существовало и в XV–XVI вв. Во второй половине XIV – первой половине XV вв., в период упадка Золотой Орды, в Среднем Поволжье происходили масштабные миграционные процессы. В это время опустело Закамье, то есть территория бывшего ядра Волжской Булгарии, густо заселенная в предшествующие столетия. Военная опасность и необходимость большей хозяйственной специализации привели, видимо, к сокращению числа оседлых поселений и переходу значительной части населения к полукочевому образу жизни и хозяйствования [3]. В источниках не зафиксированы походы русских войск за Каму во время завоевания Казанского ханства и позже. Если в Закамье и сохранились оседлые поселения, то их число было крайне невелико и они практически не оставили следов в письменных и археологических источниках. Археологи при описании памятников датируют поздние культурные слои очень широко – обычно их называют «поздне-булгарскими», «татарскими» или «памятниками XV–XVII вв.», то есть терминологическая неоднозначность только подчеркивает неразработанность их археологической атрибуции [4]. Заселение Закамья происходило намного позже, в связи со строительством Русским государством Новоказанской засечной линии для укрепления южных границ в районе Приуралья.

Приведем пример, когда мы не можем согласиться с Чернышевым и считаем, что в период Казанского ханства упоминаемой им деревни не существовало. Под номером 76 в списке Чернышева значится татарская деревня *Багана Старая* за Камой по Ногайской дороге. Источником, на который ссылается автор, является книга С.Мельникова «Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний». В действительности, село *Старая Багана* (ныне *Татарская Багана*) было основано не раньше 1736 г. По нашим данным, источников, исторических или археологических, позволяющих утверждать, что эта деревня, или поселение на ее месте, существовали раньше, нет. Аналогична ситуация с деревней *Табор*, которую Черны-

шев приводит в своем списке под номером 360, вновь ссылаясь при этом на Мельникова (т.е. 1689 г. упоминания). Мы также ставим под сомнение решение Чернышева отнести деревню *Табор* в Закамье по Ногайской дороге к периоду Казанского ханства.

Кроме того, в списке Чернышева прослеживается достаточно формальный подход к топонимике, когда любое татарское название принимается как относящееся к периоду Казанского ханства. На самом деле, татарское название русского поселения далеко не всегда свидетельствует о том, что раньше на этом месте было поселение татар. Чаще нерусское название может быть всего лишь привязкой к татарской гидронимике или ойконимике. Более того, многие русские селения, возникшие на месте татарских, имели русские названия. Механистичность в этом отношении недопустима, и мы считаем, что определяющим условием для отнесения населенного пункта к периоду Казанского ханства является не татарское название, а дата первого упоминания в источниках. Например, Чернышев под номером 57 упоминает деревню *Байлангар* по Арской дороге, ссылаясь при этом на «Документы и материалы по истории Мордовской АССР». Упоминание деревни *Байлянгар* или *Байлар*, или *Байланлар* в бассейне р. Вятки относится к 1678 г. [5]. Речь идет о современной деревне *Байлянгар* Кукморского района на р. Нурминке, которую мы не можем отнести к периоду Казанского ханства. Другой пример: в списке Чернышева нет населенного пункта *Исаково* или *Исакова Гора* на р. Свияге Свияжского уезда, тогда как нами в различных источниках обнаружены упоминания этого поселения, самое раннее из которых относится к 1556 г. [6]. Это современная деревня *Исаково* Зеленодольского района, которая существует со времен Казанского ханства.

Совершенно естественно, что русские, активно заселявшие территорию бывшего Казанского ханства во второй половине XVI столетия, использовали уже обжитые места. После завоевания ханства происходил отток местного населения на северо-восток, восток и юго-восток от центральной части, т.е. Заказанья. Многие татарские деревни, таким образом, во второй половине XVI в. пустовали и фиксировались в писцовых книгах как пустоши. Другие населенные пункты, обретая новые, в основном русские названия, заселялись новыми хозяевами, что облегчало адаптацию

переселенцев. Преимущества использования русскими бывших поселений налицо — это и удобство в расположении, в основном по берегам рек, это готовые пашни, это дороги, соединяющие деревни друг с другом и центральными дорогами. К сожалению, в народе не всегда сохранялось прежнее название селения, по-видимому, это связано с тем, что старожилов в этих местах не оставалось, т.е. деревни к моменту заселения их русскими переселенцами были полностью опустевшими. Таким образом, некоторые селения Казанского ханства в нашем списке носят русские названия. Например, деревня *Медведково* или *Медведево* «за Басурманской Слободой» на р. Сулице Свияжского уезда, 1564—1567 гг. упоминания [7]. Совершенно очевидно, что современная деревня *Медведково* Верхнеуслонского района во второй половине XVI столетия образовалась на месте поселения времен Казанского ханства. И обратная ситуация состоит в том, что вновь образованные деревни, на момент всеобщего переселения, могли носить нерусское название. Другими словами, местное население, переселяясь зачастую целыми деревнями, переносило на новое место название родной деревни, но, как мы понимаем, это еще не говорит о том, что это селение существовало и в период Казанского ханства. В связи с такой постановкой вопроса несомненно возникает множество спорных моментов. Поэтому для соотнесения населенного пункта ко времени Казанского ханства важно его упоминание в различных источниках, желательно с такими уточнениями, как, например, наличие татарского кладбища у деревни *Салтан* или *Большой Салтан* на р. Салтанке, а рядом деревни *Большой Атмас* и *Вешнякова* [8]. В списке Чернышева деревня *Салтан* Ногайской дороги значится под номером 328. Это современное село *Большой Салтан* Рыбно-Слободского района.

Наличие у селения нескольких названий — русских и нерусских — подтверждает тот факт, что оно существовало до второй половины XVI в., т.е. на прежнее историческое название наслоилося новое русское. К примеру, деревня *Агишево* Свияжского уезда на р. Берле упоминается и как *Ульянково* [9]. Современная деревня *Ульянково* Кайбицкого района в списке Чернышева значится под номером 506 как деревня *Агишево*.

Такую категорию населенных пунктов, как дворцовые села, на наш взгляд, однозначно можно отнести к периоду Казан-

ского ханства на том основании, что это, как правило, бывшие ханские села. Например, село *Дюртили* или *Дертюли*, или *Дюртюли*, или *Тертюли* на р. Мёше в 1561 г. зафиксировано как дворцовое [10]. Современная деревня *Большие Дюртили* Пестречинского района упоминается под номером 102 в списке Чернышева как *Дертюли* по Ногайской дороге на речке Каипе.

И наконец, необходимо отметить, что территория Казанского ханства была значительно больше, чем существовавшие во второй половине XVI—XVII вв. Казанский и Свияжский уезды, по документам которых Е.И. Чернышев составлял свой список, но включала и территорию нынешней Чувашии (Чебоксарский и Цивильский уезды), и Царевококшайский уезд, и среднее течение Вятки.

Таким образом, составление карты Казанского ханства является сложной задачей и требует значительных усилий. Надо сказать, что с тех пор как Е.И. Чернышев закончил свою работу над списком, значительно продвинулись вперед археологические, топонимические, археографические исследования. Пополнился и список выявленных писцовых книг, некоторые из них были опубликованы, что значительно облегчило работу с ними. Наконец, необходимо было привлечь и такие группы источников, которыми Е.И. Чернышев не пользовался — шеджере, легенды и предания чувашского народа и т.д.

Первым этапом нашей работы было изучение всех опубликованных и архивных документов, касающихся средневековой истории Казанского края. Это стало возможным благодаря «хронологическому перечню», опубликованному И.П. Ермолаевым [11]. Этот справочник стал стартовым при сборе материала, во многом облегчив нашу работу, так же как и работу многих других исследователей средневековой истории Казанского края.

Нами было предпринято сплошное обследование опубликованных и доступных неопубликованных архивных документов для уточнения списка населенных мест Казанского ханства.

Как выяснилось, сохранился большой массив делопроизводственных материалов, датированных второй половиной XVI и началом XVII вв., т.е. первыми десятилетиями после присоединения территории Казанского ханства к Русскому государству. Это писцовые и межевые книги земель бывшего Казанского ханства, сохранившиеся в фонде 1209 Российского государственного архи-

ва древних актов. Как известно, писцовые и переписные книги составлялись в целях государственного налогообложения податного населения, фиксации права владения землей, крестьянами и представляли собой результат деятельности особых комиссий, которые правительство посылало из Москвы на места. Писцы XVI в. Никита Васильевич Борисов-Бороздин и Дмитрий Андреевич Кикин в 1564–1568 гг. совместно составили описание Казани, Свияжска, Чебоксар с их посадами, острогами и слободами; в 1567–1568 гг. — г. Лаишева с посадом и церковными землями, в 1564–1568 гг. — Казанского уезда; в 1564–1567 гг. — Свияжского уезда. Писцовые книги Н.Борисова и Д.Кикина 1564–1568 гг. включают в себя несколько книг — в одной описан город Казань, в другой — поместья «старых дач», т.е. отделенные до приезда этих писцов, в третьей — поместья «новых дач», т.е. розданные Борисовым и Кикиным. Ряд небольших книг включает описания подгородных лугов, мельниц, г. Лаишева. Копии с данных исторических источников также были составлены в 1565–1568 гг. Н.В.Борисовым и Д.А.Кикиным, и хранятся в фонде 1209 под названием «Копии писцовых и межевых книг города Казани с уездом и города Свияжска с уездом». Таким образом, книга Борисова и Кикина сохранилась в подлиннике и двух копиях [12]. Данные делопроизводственные материалы публиковались дважды, причем публикация 1878 г. совершенно непригодна для использования. В 1932 г. была опубликована та часть, в которой описан город Казань [13]. Публикация в «Материалах по истории Татарской АССР» дана с вводной статьей М.Г.Худякова «Казань в XV–XVI столетиях». В 1907 г. в Казани издан «Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда» [14].

К 1603 г. относится книга Ивана Болтина, включающая описание земель по Ногайской, Зюрейской, Арской, Галицкой, Алатской дорогам с нерусским служилым и ясачным населением. Основной целью описания было размежевание земель служилых татар и ясачных людей. Е.И.Чернышев использовал книгу Болтина для составления своего списка, но с тех пор использование этих уникальных материалов существенно облегчилось. Казанский ученый Р.Н.Степанов, проделав определенную работу по восстановлению пропусков и лакунов в списке Болтина, подготовил его к изданию. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг.

была опубликована в Казани под редакцией И.П.Ермолаева и М.А.Усманова в 1979 г. Издание выдержано на высоком научном уровне. Именной и географический указатели, сноски с пояснениями позволяют легко ориентироваться в тексте.

По мнению авторов, русские крестьяне в писцовой книге Казанского уезда 1602—1603 гг. скрываются под термином «крестьянский двор». Тяглое нерусское население местного происхождения обычно называлось «чювашами», а нерусское население западных областей — «латышами». О том, что под «чювашами» писцовой книги понимается вовсе не национальный признак, а социальная категория населения, говорит и то, что в источнике упоминаются татарские кладбища возле деревень с «ясачными чювашами»: «И всего в деревне в *Куюке в Большом* за служилыми татары в поместье и за ясачною чювашею пашни... межа от двух дубов к татарскому кладбищу» [15]. Таким образом, можно сделать выводы о местонахождении деревень с коренным населением. «В той же деревне в *Чегурчах* за ясошною чювашею за 16 дворы... И всего в деревне в *Сегурчах* за служилым татаринном и за ясашною чювашею: пашни и перелогу и лесом поросло — 324 четв. В поле... сена 1020 копен» [16]. Этот пример указывает на довольно крупный населенный пункт с коренным населением. Характерный момент для данного вида делопроизводственного документа того периода — это несколько вариантов звучания названия деревни (в данном случае *Чегурча/Сегурча*). Писцовая книга часто отмечает наличие пустошей или деревень, возникших на месте пустошей. Такая информация опосредованно указывает на то, что до завоевания этих земель там находились поселения с коренными жителями. Деревня *Карадуван* на момент переписывания Болтина была заброшенной и зафиксировалась как «пустошь *Кородовановское* по реке по Ташме» [17] — современный *Карадуван* на р. Шошме. Писцовая книга дает немало конкретных примеров и отголосков выселения татарских феодалов после присоединения Среднего Поволжья к Московскому государству. Так, в деревне *Исенгели* Ногайской дороги поместье служилого татарина Кайбуллы Карамышева «истари» было «за князем Момашем»: «Поместье за ним жеребий, что был чювашской Кутлугозинской, а преж того было истари за князем

Момашем» [18]. Предположительно, князь Момаш после присоединения края к России потерял свои вотчинные права на землю, которая сначала перешла в руки ясачного населения, а затем часть этой земли была передана правительством служилому татарину. Значительная часть средних нерусских феодалов после вхождения края в состав России, видимо, продолжала владеть той же землей, что и раньше. В книге отмечается, что служилые татары владеют той же землей, которой владели «отцы их и дядья и братья до казанского и после казанского взятия, а они после их теми помесными жеребьи владеют по старине же без дач» [19]. Царское правительство признало права этой части феодалов на их землю и ввело юридический термин – владение землей «по старине», «без дач».

Помимо писцовых книг, упомянутых нами выше, Чернышев использовал книгу сбора оброчных денег с татар и марийцев за луга, отказные и межевые тетради по Казанскому уезду 7125–7127 годов (1617–1619 г.) дьяков Кручины Богданова и других [20]; книгу переписную г. Казани и уезда письма и дозора Тимофея Федоровича Бутурлина и подьячего Алексея Грибоедова 7154 (1646 г.) [21]; переписную книгу Свяжского уезда 7154 (1646 г.) поместных дач [22]; книгу перечневую Свяжского уезда государевым селам и деревням и починкам Троицкого монастыря, дворян и детей боярских и служилых мурз и татар 1646 г. [23].

Список архивных материалов, использованных Чернышевым, мы дополнили следующими делопроизводственными документами.

В описаниях документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, упоминаются списки из малоизвестных делопроизводственных документов Среднего Поволжья. Например, письма дозора и межевания по Арской дороге Никиты Обухова 1599 г.; подлинная переписная книга оброчных лугов по Ногайской, Зюрейской, Арской, Алатской, Галицкой дорог 1616 г. Сергея Москотиньева; дозорная книга 1616 г. Степана Гурьева; подлинная переписная книга дворцовых сел 1617 г. Михаила Болкошина и др. [24].

Писцовая книга С.Волынского 1646–1652 гг. введена в научный оборот и подробно охарактеризована И.П.Ермолаевым и Д.А.Мустафиной [25]. В преамбуле описания сказано: «Книги полевые... Казанского уезду дворцовым селам, и деревням, и

починкам, и займищам, и пустошам; и казанцов дворян и детей боярских, и вдов, и недорослей, и иноземцев новокрещенных мурз и татар, и всяких чинов поместным и вотчинным; и митрополита казанского и свияжского, и монастырским, и церковным; и всяким землям пашенным и не пашенным землям, и перелогам, и порослям, и санным покосам... письма и меры писцов Семена Васильевича Волынского, Петра Матвеевича Коротнева да диака Михайла Патрекеева» [26]. Другими словами, описаны все земли уезда, кроме ясачных. Несмотря на значительный рост различных форм феодального землевладения, огромные площади земель оставались в пользовании местного населения на условиях уплаты ясака. Сохранение и существование ясачной формы землевладения было необходимой данью вековым, устоявшимся традициям, которые царское правительство не могло не учитывать. Земли ясачного поселения фиксировались в специальных ясачных книгах, но, к сожалению, ни одна из таких книг до нас не дошла ввиду того, что не сохранился в целом виде архив Приказа Казанского дворца [27]. Учету землевладения в писцовой книге С. Волынского 1646–1652 гг. подверглись 564 поселения, что составляет примерно 62% от общего количества населенных пунктов Казанского уезда в середине XVII в. Книга описывает те же земли, что и писцовая книга Ивана Болтина 1602–1603 гг., это позволяет выяснить удельный вес вновь возникших селений за истекшие 50 лет, он составил 9% [28]. Хозяйственное освоение территории первоначально шло по пути создания новых поселений (вторая половина XVII в.), а в дальнейшем путем укрепления существующих населенных пунктов, возрождения селений на пустошах. В 1603–1648 гг. многие деревни превратились в села и сельца, а пустоши сначала в деревни, а некоторые из последних затем стали селами. Нерусское служилое сословие уезда представлено в писцовой книге служилыми мурзами, служилыми татарами, служилыми новокрещенцами, служилыми иноземцами и т.д.

Писцовые книги неоспоримо являются ценным материалом в исследованиях по исторической географии Казанского ханства, представляющие собой сложный источник. Существует обширная литература, посвященная проблеме их достоверности. В нашем случае их достоверность не вызывает сомнений —

информация из писцовых книг позволяет получить представление о местонахождении населенных пунктов, узнать их историческое название. В писцовых книгах описание селений произведено по даругам, что дает представление об административно-территориальном делении Казанского ханства.

Ценнейшим источником для составления карты населенных пунктов Казанского ханства являются шеджере. На арабском языке слово *шеджере* означает буквально *дерево*, а выражение *шеджерет ан-насаб* — *родословное дерево*. В тюркских языках, в том числе в татарском, слово *шеджере* означает родословную, генеалогию, а выражение *шеджере китабы* — *родословная книга*. В источниковедческом плане татарские шеджере являются ценными историческими документами, факты которых подтверждаются данными русских летописей, татарских эпиграфических надписей, актовыми документами и другими источниками. Шеджере тюркоязычных народов есть устное или письменно фиксированное историко-генеалогическое сочинение, в котором схематически кратко или местами более-менее подробно излагается происхождение, развитие того или иного народа, племени, рода, фамилии [29]. Подавляющее большинство шеджере возникли как памятники устной исторической традиции. Попытки исследования текстов татарских генеалогий предпринимали Ш.Марджани, К.Насыри, Р.Фахретдинов. На страницах редактируемого Р.Фахретдиновым журнала «Шура» опубликован ряд татарских родословных [30]. Родословные являлись историческим паспортом, памятной записью не одной личности, а целого рода, фамилии, которые постоянно передаются из поколения в поколение, каждый раз подвергаясь обновлению, новой редакции. Каждое новое поколение с добавлением своего имени, с внесением в текст рассказов из своей жизни, из-за целесообразности или из-за экономии места и времени может исключить из документа что-то кажущееся ему малоинтересным. Эта особенность шеджере создает ряд трудностей перед исследователем [31]. Тот факт, что достоверность сведений родословных поддается научной проверке на основе актовых материалов, свидетельствует о том, что шеджере составлялись, передавались из поколения в поколение не как художественное сочинение, а как докумен-

тальная фамильно-родовая история. Публикации М.И.Ахметзянова, посвященные шеджере [32], несут весьма полезную информацию по исторической географии Казанского ханства. В шеджере упоминаются населенные пункты, в которых жили и куда перемещались далекие предки — основатели родов, и хронология таких записей приводит часто к XV—XVI вв.

Как известно, начало изучения восточной эпиграфики в России связано с именем и деятельностью Петра I. По его приказу К.М.Сюнчелеевым и Ю.Ижбулатовым впервые были списаны и переведены 47 текстов надгробий Булгарского городища. Эпиграфика как научная дисциплина стала оформляться в нашем регионе в XIX в. в трудах Ш.Марджани, К.Насыри, Х.Фаизханова, И.Н.Березина, Н.Ф.Катанова, Н.И.Ильминского. В 1925 г. Н.И.Воробьев обследовал болгаро-татарские надгробия в ряде пунктов Мамадышского кантона. В 1927—1928 гг. Общество татароведения организовало комплексную экспедицию, по результатам которой вышла сводная работа А.Рахима [33]. Наибольшее оживление в исследовании эпиграфических памятников, их всестороннее и систематическое изучение начинается после организации в 1939 г. Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ). В 1941—1942 гг. в ИЯЛИ была организована комиссия по болгаро-татарской эпиграфике в составе Н.Ф.Калинина, С.Е.Малова, А.Б.Булатова, Л.З.Залялетдинова. По результатам работы этой комиссии вышли три тома альбома «Итоги работы комиссии по болгаро-татарской эпиграфике» с описанием 253 памятников с комментариями, которые в настоящее время хранятся в архиве ИЯЛИ. «Археологическая карта Казанского ханства», подготовленная Н.Ф.Калининым и изданная в 1955 г. в 1-томе «Истории Татарской АССР», включает 67 эпиграфических памятников XV—XVI вв., а также городища и селища. В труде «Введение в болгаро-татарскую эпиграфику» Г.В.Юсупов [34] описывает эпиграфические памятники XI—XVII вв., из которых 63 объекта, в основном Заказанья, относятся к XVI в.

С.М.Шпилевский в 1877 г. создает монументальный труд историко-географического направления «Древние города и другие болгаро-татарские памятники Казанской губернии», который написан на основе обзора всевозможных источников, как русских, так и мусульманских, — письменных, по материалам археологических, эпигра-

фических, нумизматических данных, по новым сообщениям местных жителей. При описании населенного пункта автор приводит данные из всех известных источников, где данный город или селение упоминалось и по какому поводу, делает топографическую привязку и дает историко-фольклорные сведения. Е.И.Чернышев, как показывает анализ его списка, использовал эпиграфические и археологические материалы только из вышеуказанной книги С.М. Шпилевского, не привлекая более поздние публикации.

Данные археологических исследований во многом дополняют материалы письменных источников и открывают новые, прежде неизвестные факты. Конец XIX в. характеризуется бурным развитием археологии в России в целом и в нашем регионе. Результаты археологических исследований в больших количествах публиковались в «Известиях» Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. С.М.Шпилевский, будучи во главе Общества АИиЭ способствовал организации археологических экспедиций для изучения материальных памятников Волжско-Камской Булгарии. Преемники С.М.Шпилевского на посту председателя Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Н.А.Фирсов, Н.Ф.Катанов, М.М.Хвостов также уделяли большое внимание археологическим исследованиям. С 1907 г. в Обществе работала комиссия по составлению археологической и этнографической карты Казанской губернии. Но необходимо заметить, что основные исследования относились к периоду Волжской Булгарии.

Серьезные археологические исследования по археологическим памятникам Казанского ханства появились уже после создания списка Чернышева. Это опубликованная Р.Г.Фахрутдиновым «Карта центральной части Казанского ханства» и «Карта археологических памятников и селений Казанского ханства» [35]. В последние десятилетия XX столетия был составлен полный свод археологических памятников Татарстана. Он опубликован как Археологическая карта Татарской АССР в 6 томах. Каждый том включает в себя описание археологических памятников определенного региона республики. К сожалению, Археологическая карта бедна на памятники периода Казанского ханства, хотя и рассматривает полную историю региона, начиная с каменной эпохи до золотоордынского периода.

Важное место в ряду археологических трудов занимает книга Е.П.Казакова, П.Н.Старостина и А.Х.Халикова «Археологические памятники Татарской АССР» [36]. Авторам, принимавшим непосредственное участие в выявлении и изучении многих археологических памятников, удалось удачно обобщить и систематизировать около 280 трудов по археологическим исследованиям на территории Татарстана. Описание каждого памятника составлено по определенной схеме: название и вид памятника, культурная принадлежность и датировка, топографическое положение по отношению к населенному пункту, описание памятника, указание на авторов открытия и исследования памятника, основная литература и источники. Описание 560 памятников дается по районам в алфавитном порядке. Данный археологический перечень позволил нам утвердиться в спорных вопросах и выявить новые населенные пункты в нашем списке населенных мест Казанского ханства. В последние годы появились статьи, специально посвященные археологии и эпиграфике Казанского ханства [37]. И мы не можем не согласиться с высказыванием А.А.Бурханова, что проблема всестороннего археологического изучения памятников эпохи Казанского ханства является слабым звеном в изучении средневековых поселений [38]. За археологическим изучением Казанского ханства большое будущее и оно должно претворяться комплексно и всеохватывающе. В поисках новых археологических памятников Казанского ханства необходимо действовать в союзе с марийскими, чувашскими, мордовскими археологами.

Принципиально новым источником, привлеченным нами для создания карты, являются элементы фольклора. Чувашский историк В.Д.Димитриев поставил вопрос о ценности и необходимости научного использования таких элементов устного народного творчества, как предания и легенды. Некоторые татарские и русские ученые XIX и начала XX столетий, например, К.Насыри, Н.Ф.Катанов, Р.Фахретдинов занимались сбором и публикацией народных преданий, но затем этот жанр исследователи перестали рассматривать как источник, заслуживающий внимания. Ученые Чувашского НИИ проделали огромную работу по сбору и сохранению преданий чувашского народа. В.Д.Димитриев сумел показать, что народные предания не всегда несут в себе вымысел

и задача ученого — увидеть в красивой легенде научную информацию. Благодаря материалам, собранным чувашскими учеными и обобщенным Димитриевым, нам удалось пополнить список населенных мест Казанского ханства чувашскими и татарскими поселениями на левобережье Волги [39].

Таким образом, в нашем списке населенных мест Казанского ханства, составленном в алфавитном порядке, около 690 населенных пунктов, а также 190 отсылок, всего 880 названий. Каждая деревня имеет собственное досье, где обозначены все встречающиеся в источниках варианты звучания названия населенного пункта, а также современное название и принадлежность к району Татарстана или близлежащих республик, местоположение, определенное по источникам — географическая и административная привязка — ближайшая река, дорога (даруга), уезд. В хронологическом порядке занесены ссылки на источники, где упоминался данный населенный пункт. Приводится ссылка на упоминание данного населенного пункта Чернышевым. Например.

Иске Юрт, дер. Искаюрты, Ски Юрт, Скирт, пустошь Иски Юрт Юнусово тож.

Совр. д. Иске Юрт Пестречинского р-на.

Казанский уезд, Зюрейская дор., р. Селенгуш, рядом дер. Девлезерь, Алведин, Елань, р. Меша.

Зюрейская, Чувашская дор., ряд. Шигозда, Кадыли.

1565—1568 гг., РГАДА, ф.1209, кн.643; 1602 г., РГАДА, ф.1209, кн.642, л.77 об., 85; 1649 г., НБЛ ОРПК, ед. хр. 3994.

Чернышев: Иске-Юрт, пуст., Зюр. д. (на р. Меше).

Трудности в составлении списка населенных мест Казанского ханства были следующие. Иногда, кроме указания на территориально-административную принадлежность — даруги (дороги), в источниках не использовалась географическая привязка, что приводило к недоразумениям и сложностям на втором этапе нашей работы — идентификации старых названий с современными. Учитывая изменения, причем неоднократные, в названии большинства населенных пунктов, мы находили опосредованные факты для соотнесения того или иного старого названия деревни, ведущей свою родословную со времен Казанского ханства или более раннего периода, с современным звучанием данного населенного пункта.

Девлезерево Сересево, дер. В XVIII в. деревня называлась Говядино.

Совр. д. Селище Говядино Зеленодольского р-на.

Свияжский уезд, на р. Секерна (Секурка, Секирка) граничит с дер. Коземетево, Китемирово.

1556 г., Мустафина, с.30—32; 1567 г., НБЛ ОРПК, ед. хр. 4470, л. 99; не ранее 1564 г. — не позднее 1567 г., Мустафина, с.34; 1567 г., НБЛ ОРПК, ед. хр. 4470, л.110 об.

Чернышев: Девлезерово-Сересево, дер., Свияж. у. (на р. Секерке).

Мы принимаем во внимание, что деревня могла прерывать свое существование, т.е., возникнув в XV—XVI вв. или во времена Волжской Булгарии, она могла опустеть во время событий присоединения Казанского ханства к Русскому государству, пустовать десятилетиями и больше, а затем вновь возродиться на том же месте с прежним или новым названием.

Опасность неверной идентификации старого названия деревни с современным населенным пунктом значительна. Мы допускаем возможности ошибок в составлении нашего списка и не считаем, что этот труд закончен, — предстоит дальнейшая нелегкая задача по дополнению и уточнению нашей карты и списка населенных мест Казанского ханства.

На основании списка населенных мест Казанского ханства нами создана карта центральной части Казанского ханства. Не располагая техническими возможностями опубликовать в данном сборнике цветной оригинал карты Казанского ханства, мы вынуждены представить ее в черно-белом варианте.

Различные пунсоны селений на карте определяют принадлежность к разным даругам (дорогам). Селения по Алатской и Галицкой дорогам объединены согласно традициям писцовых книг и обозначены пунсонами белого цвета. Это современный северо-запад республики Татарстан и часть Марий Эл. Селения по Арской дороге показаны серым цветом и располагаются они в основном по бассейну рек Казанка, Шошма, Бурец, Ошторма. Селения по Зюрейской дороге показаны пунсонами черного цвета с белым центром и расположены к востоку от Казани, захватывают в основном современные Пестречинский, Тюлячинский, Мамадышский районы Татарстана. Селения по Ногайской дороге, обозначенные пунсонами белого цвета с черным центром, распо-

ложены по левобережью Камы. Правобережье Волги, называемое в ханстве Горной стороной (Тау ягы) отмечено пунсонами темно-серого цвета. Горная сторона охватывает весь западный район Татарстана и значительную часть Чувашии. Черными пунсонами на карте обозначены деревни Казанского ханства, которые в настоящее время не существуют. В данном случае подразделение на дороги не рассматривается. Таким образом, центральная часть Казанского ханства совпадает с территорией современного Татарстана с некоторыми оговорками. Территориально захватывается восточная часть Чувашии, левобережье нижнего течения Камы пустынно, на востоке в основном селения ограничиваются рекой Вяткой, на севере незначительно захватывается Марий Эл, Кировская область, Удмуртия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства по писцовым книгам // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — Казань, 1971.

2. Писцовые, межевые, переписные книги, «Казанская история» (ПСРЛ.Т.19); Износков И.А. Список населенных мест Лаишевского уезда. — Казань, 1891; Износков И.А. Список населенных мест Мамадышского уезда. — Казань, 1884; Мельников С. Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. — Казань, 1859. — Т.1; Магницкий В. Список татарских селений Буинского уезда. Известия ОАИЭ. —Т.18; Перетяткович Г. Поволжье в XV—XVI вв. (Очерки из истории края и его колонизации). — М., 1877; Его же. Поволжье в XVII и начале XVIII веков. — Одесса, 1882; Малов Е. Древние грамоты и разные документы (Материалы для истории Казанской епархии), собранные протоиереем Евфимием Маловым. — Казань, 1902; Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. — Казань, 1877.

3. Измайлов И.Л. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды в XIII—XV вв. // Из истории Золотой Орды. — Казань, 1993. — С.17—32; Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI — первой четверти XV вв. — Казань, 2000.

4. Измайлов И.Л. Средневековые памятники Альметьевского региона: проблемы историко-археологической периодизации // Проблемы изучения истории заселения и образования населенных пунк-

тов Альметьевского региона. — Казань, 2000. — С.22; Археологические памятники Восточного Закамья. — Казань, 1989.

5. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. — Саранск, 1940—1950. — Т.1—2. — С.195.

6. НА РТ, ф. 10, оп.5, д.1179, л.1—4; НБЛ ОРРК, ед. хр. 4470, л.98.

7. НА РТ, ф. 10, оп.5, д.1179, л.1—4; НБЛ ОРРК, ед. хр. 4470, л.99 об.; НА РТ, ф.10, оп.5, д.1178, л.502—504.

8. РГАДА, ф.1209, кн.642, л.84 об., л.28 об.; Малов Е. Древние грамоты и разные документы (Материалы для истории Казанской епархии), собранные протоиереем Евфимием Маловым. — Казань, 1902. — С.35; РГАДА, ф.1128 (Писцовая книга Казанского уезда С.Волынского 1646—1652 гг.), ед. хр. 7160, л.276 об.

9. Шумаков С.А. Сотницы, грамоты и записи. Вып.6. — М., 1911. — С.17—27; РГАДА, ф.281, ГКЭ по Свяжску, №10/11468. Подл.; №8/11466, л.9—14 об.

10. Заволжский Муравей. — 1832. — № 15. — С.286—290; РГАДА, ф.1209, кн.643, л.193 об.; Никанор. Владенные грамоты Казанского Спасо-Преображенского монастыря // Известия ОАИиЭ. 1893. — Т.ХI. — Вып.4. — С.358—360; НБЛ ОРРК, ед. хр. 3994; РГАДА, ф.1128 (Писцовая книга Казанского уезда С.Волынского 1646—1652 гг.), ед. хр. 7156, л.110 об., 132 об.

11. Ермолаев И.П. Казанский край во 2-й половине XVI—XVII вв. — Казань, 1980.

12. РГАДА, ф.1209, кн.152, 643, 648; РГАДА, ф.1209, кн.6444, 6445.

13. Материалы по истории ТАССР. Писцовые книги по г. Казани 1565—1568 гг. и 1646 г. — Л., 1932. — С.1—71.

14. Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда, списка и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565—1567 гг.). — Казань, 1909.

15. Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. — Казань, 1978. — С.60, л.43 об.—44.

16. Там же. — С.146, л.158—158 об.

17. Там же. — С.125, л.122 об.

18. Там же. — С.61, л.44 об.

19. Там же. — С.56, 134, 179, л.35—35 об., 140—140 об., 204 об.

20. РГАДА, ф.1209, кн.153.

21. Там же. — Кн. 6445.

22. Там же. — Кн. 6447.

23. Там же. — Кн. 6447.

24. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. — СПб., 1869. — Кн.1. — №.829,826,827.

25. Ермолаев И.П. Социально-экономическое состояние Казанс-

кого уезда в середине XVII века (по материалам писцовой книги С.Волынского) // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. — Казань, 1986. — С.13—20; Мустафина Д.А. Феодальное землевладение и социальные категории населения в Казанском уезде во 2-й половине XVII века. Автореферат дисс. ... к.и.н. — Казань, 1986.

26. РГАДА, ф.1209, кн.1128.

27. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI — XVII вв. — Казань, 1982. — С.6—7.

28. Ермолаев И.П. Социально-экономическое состояние Казанского уезда в середине XVII века (по материалам писцовой книги С.Волынского) // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. — Казань, 1986. — С.18.

29. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. — Казань, 1972. — С.170.

30. Шура. — 1912. — №4; 1914. — №7,15; 1915. — №2/4,7,17; 1917. — №6,14.

31. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. — Казань, 1972. — С.173.

32. Ахметзянов М. Татарские шеджере. — Казань, 1991; Ахметзянов М.И. Исследования татарских шеджере в источниковедческом и лингвистическом аспектах. Автореф. ...к.ф.н. — Алма-Ата, 1981.

33. Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в. // Труды общ-ва изучения Татарстана (ТОИТ). — Т.1. — Казань, 1930.

34. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. — М.-Л., 1960.

35. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. — Казань, 1975.

36. Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. — Казань, 1987.

37. Бурханов А.А. Некоторые итоги изучения памятников эпохи Казанского ханства (по материалам исследований Заказанской историко-археологической экспедиции в 1995—1999 гг.)// Ученые записки Татарского государственного гуманитарного института. — Казань, 1999. — №7. — С.121—132; Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники Казанского ханства как исторический источник // Из истории Золотой Орды. — Казань, 1993. — С.118—128.

38. Бурханов А.А. Некоторые итоги изучения памятников... — С.121—132.

39. Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. — Чебоксары, 1993; Добровольное вхождение Чувашии в состав Русского государства // Труды НИИ при Совете Министров Чувашской АССР. — 1977. — Вып. 71.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СИБИРСКОГО И КАЗАНСКОГО ХАНСТВ

История сибирских татар давно привлекает внимание историков. Первыми исследователями этой проблемы были создатели «Сибирских летописей» С.Ремезов, С.Есипов и др. Различные аспекты истории татар Западной Сибири освещены в трудах Г.Ф.Миллера, И.Э.Фишера, И.Введенского, И.Юшкова, Н.М.Ядринцева, П.А.Словцова, А.П.Щапова, П.Н.Буцинского, В.И.Огородникова, Х.Атласи, Ф.Т.Валеева, Н.М.Томилова и др. Однако отдельные проблемы истории сибирских татар остаются недостаточно исследованными. Одной из них является проблема взаимоотношений Сибирского и Казанского ханств.

Первое государство предков сибирских татар было образовано предположительно в начале XII в. на Ишиме, ставка правителя была расположена в городке Кызыл Тура. Ближайшим соседом этого государства была Волжская Булгария. Письменных или археологических источников о связях двух тюркских государств в этот период не обнаружено, хотя в раскопках Искера найден сошник казанско-татарского сабана. Ф.Т.Валеев пишет об имеющихся в литературе сведениях о поездках болгарских ученых далеко на север с целью изучения небесных тел, а также о переходе болгар через Урал и достижения ими берегов Оби [1]. Имеются сведения об отправлении с территории Волжской Булгарии арабского каравана из двадцати верблюдов к берегам Енисея [2]. Путь каравана пролегал через территорию проживания современных сибирских татар. Ф.Т.Валеев предполагает, что арабы в Сибири занимались не только торговлей, но и распространяли там ислам, т.к. в составе торговых караванов арабов были и духовные лица.

В 60-е годы XV столетия, после прихода к власти в 1462 г. Ивана III, усиливается агрессия Московского Великого княжества по отношению к Казанскому ханству. Москва вмешивается во внутренние и международные дела Казани. Начиная с 1460-х годов приход нового хана на казанский престол становится причиной крупной войны против Казанского ханства.

Как известно, в Казани в это время действовали две противостоящие партии. Угрозу независимости ханства представляла прорусская партия, поддерживаемая Москвой, состоящая из татарских феодалов и торговцев. Сторонники этой партии ставили свои личные интересы выше государственных, они стремились держать в своих руках торговлю с русскими с целью умножения своих капиталов. Восточная партия Казани проводила политику независимости государства, развития экономических и духовных связей с тюрко-мусульманскими государствами: Ногайской Ордой, Сибирским, Крымским ханствами.

Усиливается агрессия Москвы в отношении Югры, Западной Сибири. Создается угроза Тюменскому ханству. Однако ханы тайбугинской династии Тюменского ханства недооценивали агрессивные действия Московского Великого княжества, стремились действовать в отрыве от тюркского мира. В какой-то степени, по-видимому, этому послужили притязания шейбанидов на тюменский престол.

С помощью ногайцев шейбанид Ибак пришел войной в Тюмень, занял столицу ханства, убил хана Умара и стал ханом Тюменского ханства, проявив себя активным деятелем тюркского мира. Он стал первым шейбанидом в Тюменском ханстве. Таким образом, утверждения некоторых исследователей, что Сибирское ханство заложено шейбанидами, не соответствуют действительности.

Если историю татарских ханов Западной Сибири до Ибака можно проследить в основном по сибирским летописям, то начиная с правления Ибака в Чимги Туре некоторые события в международном плане отражены и в других русских источниках. Начиная с Ибака, перечень сибирских ханов шейбанидской и тайбугинской династий приводится в царской грамоте Федора Ивановича 1597 г. хану Кучуму.

Во всех русских документах, кроме сибирских летописей, Ибак назван тюменским ханом, шейбанидом. Сибирские летописи называют Ибака казанским ханом.

Сохранились исторические документы, относящиеся к деятельности Ибака. В 1481 г. он со своим военным отрядом напал на последнего хана Большой Орды Ахмада, убил его и на некоторое время овладел его улусом, вернувшись в Чимги Туру с богатыми

трофеями. Источники сообщают, что Ибак, почувствовав угрозу со стороны Москвы, предпринял шаги установления дипломатических отношений с ней. В 1481 г. Ибак вел переговоры с Иваном III об установлении торговых отношений, спустя два года он предложил русскому царю заключить договор о дружбе и союзе.

Сохранился еще один документ о международной деятельности Ибака. В 1487 г. русские войска заняли Казань, арестовали хана Али (Ильхама), отправив его с семейством в Россию. Соседние тюркские государства не остались равнодушными к судьбе хана Али. Ибак и правители Ногайской Орды начали борьбу за освобождение хана родственного государства. Ибак обратился к московскому князю как равный с ним: «Ты мне брат, я государь мусульманский, а ты – христианский. Хочешь ли ты быть в дружбе со мной? Отпусти моего брата хана Али. Какая польза тебе держать его в неволе? Вспомни, что ты, заключая с ним договор, обещал ему доброжелательность и приязнь» [3]. Но Али не был освобожден, он скончался в ссылке в Вологде. Видимо, правительственные договоры как далекого прошлого, так и наших дней не всегда заключаются для их выполнения, а чаще всего для достижения корыстных целей.

Очевидно, в притязаниях Московского государства на право решения внутренних дел Казанского ханства правители Ногайской Орды усмотрели угрозу всему тюркскому миру. Поэтому с конца 80-х и в 90-е гг. XV в. Ногайская Орда вела активные военные действия против казанского хана Мухаммед-Эмина, посаженного на престол Москвой и проводящего промосковскую политику.

В военных действиях участвовало и Тюменское ханство. Русские летописи сообщают: «...царь Ибак Шибанский... приде в Нагай, а с ним силы 1000 казаков и взял собою шурью свою из нагай Мусу мурзу да Ямгурчи мурзу, а с ними пять десять тысяч казаков...» [4].

В военных действиях против Мухаммед-Эмина принимал участие и брат Ибака Мамук. Об этом Мухаммед-Эмин писал крымскому хану Менгли-Гирею; «Ивак, да Мамук, да Муса, да Ямгурчей еже лет на меня войной приходят» [5].

Почему же в сибирских летописях Ибак назван казанским ханом? Можно предположить, что причиной этому послужили

ли первоначальное правление Ибака в Кызыл Туре, активное участие его в военных действиях против казанских ханов, тесное общение в Чимги Туре со скрывавшимися там от преследования представителями восточной партии Казани.

В середине 1490-х гг. Ибак был убит представителями тайбугинской династии. По сведениям отдельных источников можно предположить, что после гибели Ибака ханом стал его брат Мамук, так что шейбаниды не совсем потеряли власть в Западной Сибири.

Русская партия, захватившая власть в Казани при помощи русского войска, не была популярна в народе. Три года там продолжалась гражданская война. Несмотря на казнь виднейших вождей, восточная партия не была уничтожена и к середине 1490-х гг. оппозиция правительству была вполне сформирована. Во главе восточной партии стояли 4 представителя казанских феодалов: князя Кель-Ахмед, Урак, Садыр и Агиш. Восточная партия решила опереться на военную поддержку со стороны тюркских соседей. Кандидатом на ханский престол был намечен тюменский хан Мамук [6].

Весной 1495 г., по приглашению восточной партии, тюменский хан Мамук с многочисленным войском двинулся к Казани, но на помощь Мухаммед-Эмину из Нижнего Новгорода пришли русские войска и заняли Казань. Узнав об этом, Мамук приостановил свое движение в Казань, и русские войска, полагая, что опасность миновала, ушли обратно. Тюменское войско, воспользовавшись моментом, пришло к Казани. Без всякого сопротивления Мамук занял город и был сразу провозглашен казанским ханом, так как народ потерял доверие к Мухаммед-Эмину. Однако царствование Мамука в Казани было неудачным. Казанские феодалы, воспользовавшись смутой в ханстве, перестали платить налоги, и ханская казна была пуста. В Казань вернулись представители русской партии, бежавшие при занятии столицы Мамуком. Мамук, не зная обстановки в Казанском ханстве, не успел разобраться в многочисленных интригах казанских феодалов и торговцев. По-видимому, он стал принимать крутые меры по наведению порядка в Казани, по сбору податей с казанских феодалов и торговцев, которые были недовольны его действиями. По какому-то поводу восстали Арс-

кие князья, куда ушел с частью войска Мамук. Обстановкой воспользовались противники Мамука, и обратно в Казань его не пустили, он был вынужден вернуться в Тюмень.

В 1499 г. восточная партия попыталась восстановить власть шейбанидов в Казани и посадить на престол тюменского царевича Агалака, о чем казанский хан Абдул-Латиф писал в Москву: «...на меня идет Агалак царевич, Мамуков брат, да с ними Урак, князь князей (казанских. — Г.Ф.)» [7]. Эта попытка была отражена с помощью Москвы, русские войска предотвратили занятие им ханского трона.

После Мамука правителем в Тюмени был Кутлук. В 1505 и 1508 гг. он выступил в поход против русских, занявших прикамские земли Казанского ханства. Русские вынуждены были отступить.

В том же году казанское правительство Мухаммед-Эмина решило сбросить с себя унижительную зависимость от русского государства, разорвать неравные союзные договоры и начало войну против Москвы. В войсках Мухаммед-Эмина участвовало 20 тысяч союзников-ногайцев. Союзный отряд казанцев и ногайцев находился под командованием ногайского князя — брата казанской царицы [8].

Как видно из источников, взаимоотношения Сибирского ханства с Казанью не прервались и после покорения Казанского ханства Русским государством. Так, например, Ремезовская летопись сообщает, что Кучум через два года после занятия сибирского престола ездил в Казань, женился там на дочери казанского хана Мурата и привез вместе с ней в Сибирь большое количество русских и чувашских пленных [9]. В этом сообщении, очевидно, содержится ошибка, т.к. в 1565 г. Казанского ханства уже не существовало, народы бывшего ханства вели освободительную войну против Русского государства. По-видимому, Мурат был одним из казанских феодалов, с помощью которого Кучум установил связи с целью совместной борьбы против русской агрессии.

Таким образом, данные существующих источников свидетельствуют о достаточно тесных взаимоотношениях Сибирского и Казанского ханств в XV—XVI вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. — Казань, 1992. — С.171.
2. Даркевич В.П. Аргонавты средневековья. — М., 1976. — С.77.
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. — СПб., 1817. — Т.VI. — Прим.278.
4. Устюжский летописный свод (Архангелогородский свод). — М.-Л., 1950; РГАДА, ф.127 (Сношения России с Турцией), кн.2, л.2, 350 об.
5. Цит.: Исхаков Д.М. Общность в этнической истории татар Волго-Урала и Сибири // Мирас. — 1998. — №3. — С.91.
6. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1990. — С.58.
7. Полное собрание русских летописей. Патриаршая и Никоновская летописи. — М.: Родина, 1965. — С.250.
8. Худяков М. Указ. соч. — С.62.
9. Миллер Г.Ф. История Сибири. — Т.1. — М.-Л., 1937. — С.197.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ТАТАРСКИХ ХАНСТВАХ ПОВОЛЖЬЯ

Недостаточность источников затрудняет изучение исторической демографии татар, особенно периода татарских ханств. Но в то же время наш опыт анализа существующих источников показывает, что на их основе можно предложить определенные реконструкции численных параметров тюркского населения Поволжья в середине XVI в. [1], хотя и далекие от совершенства. Тем не менее полученные результаты позволяют взглянуть нетрадиционно на ход этнических процессов, происходивших при формировании татар Поволжья в середине XVI в.

Для XV в. численность волго-уральских татар восстановить пока невозможно. Особую сложность этому вопросу придает участие в сложении основных групп татар Поволжья (казанских, касимовских, мишарей) кыпчакско-ногайского (золотоордынско-тюркского) компонента, роль которого во многих исследованиях советского времени явно недооценивалась. Надо полагать, что собственно болгарские группы к началу XV в. были не слишком многочисленными. Например, автор «Казанской истории» о приходе Улу-Мухаммеда в Казань говорит, что «рады ему быть изоставшихся от плена *худые болгары*» (выделено нами. — Д.И.). Последнее определение, как представляется, имеет и демографический смысл, означая «несильные», «немногочисленные». Кроме того, в войсках Улу-Мухаммеда вряд ли было больше 2,5–3 тыс. воинов, а ему с этим войском удалось завоевать территорию будущего Казанского ханства, что также свидетельствует об относительной немногочисленности населения бывшего Булгарского вилайета Золотой Орды (правда, не исключено, что в последнем случае Улу-Мухаммеду по разным причинам просто не было оказано сопротивления) [2].

В литературе имеется единственный вариант определения численности татарского населения Казанского ханства, предложенный А.Х.Халиковым. Он пришел к выводу, что численность «тюркоязычного населения» (исследователь оперирует этим не вполне ясным понятием) данного государства дости-

гала 0,5–1,0 млн чел. [3]. Возможно, что последняя цифра отражает численность всего населения ханства. Но в рассматриваемой работе такая оговорка отсутствует. Кроме того, предложенная А.Х.Халиковым методика, легшая в основу его вычислений, вряд ли может быть принята. Для своих подсчетов он использовал выводы Е.И.Чернышева о численности населенных пунктов в Казанском ханстве в XVI в. — около 700 сельских поселений [4]. При этом численность дворов в «средней деревне» была принята А.Х.Халиковым в 40–50 дворов, а людность 1 двора — до 10 человек [5]. Однако эти показатели достаточно произвольны, так как какие-либо исследования о людности татарских селений и дворов периода Казанского ханства отсутствуют. К тому же экстраполяция данных о людности татарских селений середины XIX в. на XVI в. — а именно такой подход использован в рассматриваемом исследовании [6] — с точки зрения историзма вряд ли приемлема. Оценка численности городского населения Казанского ханства, сделанная А.Х.Халиковым (он называет цифру около 100 тыс.чел.) [7], никак не обоснована. Наконец, вопрос численности второй по величине этнической группы татар Поволжья и Приуралья — мишарей — вообще остался вне поля зрения данного автора. Отсюда вывод: восстановление численности волго-уральских татар в XVI в. в настоящее время может опираться лишь на данные, содержащиеся в письменных источниках.

Эти источники можно подразделить на две группы. К первой относятся работы иностранцев, писавших в XVI в. и оценивавших численность войск Казанского ханства [8], ко второй — многочисленные русские источники XVI в., в которых содержатся некоторые сведения о численности как армии, так и всего населения Казанского ханства и военных сил Касимовского ханства [9]. Однако сведения, содержащиеся в перечисленных источниках, могут быть полезны лишь при использовании специальных методик, о которых нам уже приходилось писать раньше [10]. Опираясь на них, далее предпримем реконструкцию численности волго-уральских татар прежде всего в середине XVI в.

Анализ сведений, содержащихся в работах иностранцев, позволяет нам высказать предположение, что все их оценки численности войск Казанского ханства восходят скорее всего к данным

М.Меховского. По свидетельству же М.Меховского, в ханстве насчитывалось 12 тыс. «бойцов», а в сложных ситуациях выставлялось до 30 тыс. воинов [11].

Эти цифры близки к тем, которые приводятся в «Казанской истории». Согласно этому источнику, численность войск в Казанском ханстве из собственно «казанцев» достигала 30–40 тыс.чел. [12]. Надо полагать, что при этом в указанное число не включается конное войско из 20–30 тыс. всадников, состоявшее главным образом из ногайцев и крымцев [13]. Нам думается, что 40-тысячное войско собиралось за счет всего оседлого населения ханства (т.е. за счет всех народов Поволжья). Возможно, что войско из 12 тыс. воинов, о котором говорит М.Меховский, состояло из одних служилых татар.

В экстремальных случаях, однако, численность войск ханства могла быть увеличена. Так, при осаде Казани в 1552 г. в самом городе оборонялись от 30 до 50 тыс. воинов, а за пределами города находились еще 83 тыс. человек (включая и конное войско) [14].

Татарское население Касимовского ханства имело меньшую численность. Оценка его численности может быть произведена на основе единственного источника — «Казанской истории». Согласно данным автора этого сочинения, в 1552 г. хан Шигадей «из пределов своих, из Касимова» повел «силу варвар его» в 30 тыс. чел. [15]. По меньшей мере 10 тыс. из них могли быть мордвой [16]. Из оставшихся 20 тыс. чел. часть могла быть ногайцами, но какая часть — сказать трудно. Во всяком случае, численность тюркоязычного населения Касимовского ханства в середине XVI в. была довольно значительной, и эти сведения должны быть учтены при восстановлении общей картины демографической ситуации среди татар региона в XVI в.

На основе имеющихся данных можно предложить два варианта реконструкции численности волго-уральских татар в середине XVI в.

По одному варианту вначале необходимо определить численность всего населения ханства. Если полагать, что в чрезвычайных условиях в ряды воинов вставало все взрослое мужское население Казанского ханства, то общая численность оседлой части населения этого государства могла составлять от 200 тыс. (50 тыс. воинов \times 4) до 400 тыс. (50 тыс. + 83 тыс. - 30 тыс. всадников = 100 тыс. чел. \times 4). Достовернее, по нашему мнению, последняя цифра. Во-первых, цифра в 200 тыс.чел. явно не отражает число всего

взрослого населения — об этом говорит вторая цифра — около 100 тыс.чел. войска Казанского ханства (без всадников). К тому же надо еще учесть 20-тысячное войско Касимовского ханства.

Во-вторых, по данным В.М.Кабузана и С.И.Брука, в начале XVIII в. численность коренных народов Поволжья равнялась 0,7 млн чел. [17]. Известно, что в XVI — начале XVII вв. в России наблюдалось удвоение численности населения [18]. При принятии для народов Поволжья такой же динамики за указанный период получаем общую их численность в середине XVI вв. в 300—350 тыс.чел. Причем эта цифра не включает число военных потерь периода завоевания Казанского ханства. По сведениям же автора «Казанской истории», потери казанцев составили 190 тыс. чел. [19]. В итоге получаем цифру общей численности оседлого населения Казанского ханства — от 490 до 540 тыс. чел. (300—350 тыс. + 190 тыс.). Можно, видимо, остановиться на цифре в 0,5 млн чел.

Теперь попробуем определить численность собственно татар. В начале XVIII в. удельный вес татар среди коренного населения Поволжья составлял 35%. Если полагать, что примерно такое же соотношение было характерно и для XVI в., то численность татар в Поволжье в XVI в. определяется в 170—180 тыс. чел. При этом, правда, не принимается во внимание такой фактор, как возможное уменьшение доли татар среди коренного населения к началу XVIII в. в результате больших людских потерь XVI в.

Второй вариант реконструкции численности татарского населения Казанского ханства в XVI в. опирается на данные о численности татар Волго-Уральского региона в начале XVIII вв. (261 тыс. чел.) [20]. Во-первых, опираясь на указанную выше динамику численности населения России в XVI— начале XVIII в., можно получить первую цифру — 130 тыс. чел. в XVI в. (260 тыс. : 2). Во-вторых, если исходить из цифр о численности в начале XVIII в. всех местных народов Поволжья без татар — 440 тыс. чел. (сведения С.И.Брука и В.М.Кабузана), то для XVI в. численность этих народов будет составлять около 220 тыс. чел. (440 тыс. : 2). Численность же татар в этом случае должна быть от 130 (350 тыс. — 220 тыс.) до 280 тыс. (500 тыс. — 220 тыс.) чел. Предпочтительнее, видимо, средняя цифра в 200 тыс. чел.

Возможен еще один вариант демографической реконструкции. Для этого вначале определяется общая численность служилых татар в первой половине XVI в. (12 тыс. «бойцов» \times 4 = 48 тыс. чел.). Далее выявляется соотношение служилого и ясачного населения среди татар в период Казанского ханства. По нашему мнению, это соотношение скорее всего было 1 : 4 [21]. В результате получаем цифру общей численности татарского населения в период Казанского ханства — 240 тыс. чел.

В итоге численность татарского населения Волго-Уральского региона в первой половине XVI в. могла составлять от 180 до 240 тыс. человек (медиана — 210 тыс.чел.).

Несмотря на приблизительность установленных параметров численности волго-уральских татар в XVI в., полученные данные позволяют сформулировать некоторые выводы относительно роли демографического фактора в этнических процессах, происходивших в татарских ханствах до середины XVI в.

Прежде всего, обнаруживается определенное военное превосходство Большой Орды во второй половине XV в. и Ногайской Орды в конце XV— первой половине XVI в. над Казанским и Касимовским ханствами. Действительно, в начале 1470-х гг. хан Большой Орды мог выставить до 200 тыс. конницы [22]. По другим данным, он располагал 100-тысячным войском [23]. При любом раскладе обладание мобильным, многочисленным войском позволяло Большой Орде доминировать в Поволжье до 1480-х гг. и оказывать непосредственное влияние на этнический состав населения татарских ханств. В то же время общая численность людских ресурсов этого государства — около 300 тыс. душ по оценке Иософата Барбары [24], — была сопоставима с численностью населения Казанского ханства. Но уже при хане Саид-Ахмате (конец правления — около 1504 г.) общее число населения Большой Орды сократилось до 100 тыс. чел., и он мог выставить не более 60 тыс. воинов [25]. Но эта трансформация была связана с распадом Большой Орды и присоединением ее улусов к Крымскому ханству и Ногайской Орде [26].

Усилившаяся в конце XV — первой половине XVI вв. Ногайская Орда имела до 200 тыс. «воинских людей» (середина XVI в.) [27], в т.ч. до 120 тыс. воинов находились в подчинении у князя Юсуфа [28], т.е. могли быть использованы в Волго-Уральском регионе. В то

же время общая численность всех людских ресурсов Ногайской Орды в первой половине XVI в., по подсчетам Б.-А.Б.Кочекаева, составляла около 300–350 тыс. чел. [29] и была меньше численности жителей Казанского ханства, тем более намного уступала людскому потенциалу Московской Руси и ее союзников. Поэтому татарские ханства Поволжья и Ногайская Орда были обречены на сосуществование. При этом этническое взаимопроникновение и взаимовлияние были неизбежны. Кстати, по наблюдениям Б.-А.Б.Кочекаева, язык грамот ногайской знати XVI–XVII вв. лишь «весьма отдаленно напоминает язык современных ногайцев» [30]. Видимо, он не случайно был маркирован в Московской Руси как «татарский» язык [31].

Немаловажное значение имеет еще один вопрос, связанный с установлением общей численности татарского населения Казанского и Касимовского ханств. Прямые данные на этот счет отсутствуют. Однако известна численность тюркской части войск Казанского и Касимовского ханств (около 60 тыс. в первом и 20 тыс. чел. во втором, включая и ногайскую конницу). С некоторой долей условности эти цифры позволяют принять пропорцию численности татарского населения этих двух государств как 3:1. Кроме того, нами ранее было установлено, что к началу XVIII в. в общей численности волго-уральских татар доля казанских татар составляла $\frac{2}{3}$, а мишарей с касимовскими татарами — $\frac{1}{3}$ [32]. Таким образом, выявленная для первой половины XVI в. пропорция численности татарского населения двух ханств приобретает определенную историчность. В таком случае можно полагать, что в Казанском ханстве к середине XVI в. проживало до 120–160 тыс. (медиана — 140 тыс.), а в Касимовском ханстве — от 60 до 80 тыс. (медиана — 70 тыс.) татар. Отсюда следует несколько выводов.

Во-первых, появление в центре Булгарского улуса Улу-Мухаммеда с войском даже в 2,5–3 тыс. чел. — а с женами и детьми это не менее 10 тыс. чел. — могло оказать заметное воздействие на этническое развитие казанско-татарского этноса. К тому же необходимо принять во внимание и последующие проникновения выходцев из Дешт-и Кыпчака в состав населения Казанского ханства. Во-вторых, аналогичный ход рассуждения применим и к Касимовскому ханству. Так, по сведениям А.Контарини, в 70-х гг. XV в. великий князь Московский «содержал

на жалованьи, с 500 всадниками одного татарина, на татарской границе, для защиты Русской земли от нападений» [33]. Речь тут явно идет о Касимовском ханстве. Даже если принять это число за общую численность воинов, пришедших с Касимом в Мещеру, что, имея в виду деятельное участие войск Касимовского ханства в обороне рубежей Московской Руси во второй половине XV в., может восприниматься только как сильно преуменьшенные данные (с учетом возможной численности детей и женщин), «первую волну» мигрантов в район Мещерского «юрта» никак нельзя считать незначительной. В последующем миграция в Касимовское ханство ногайско-кыпчакских групп отнюдь не прекратилась [34]. Поэтому при оценке этнической ситуации в татарских ханствах в XV–XVI вв. демографический фактор должен быть принят во внимание.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Исаков Д.М. Введение в историческую демографию волго-уральских татар. — Казань, 1993.
2. Там же. — С.8.
3. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья.— Казань, 1978. — С.122.
4. См.: Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства //Археология и этнография Татарии. — Вып. I. — Казань, 1971.— С.272–292.
5. Халиков А.Х. Происхождение ...— С.122.
6. Там же.
7. Там же. — С.121.
8. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1936; Кампензе Альберт. Письмо к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. — Т. I. — СПб., 1836. — С.7–55; Герберштейн С. Записки о московских делах. — СПб., 1908; Тьеполо Фр. Рассуждение о делах Московии 1560 г. //Исторический архив. — Т.3. — 1940. — С.113–305.
9. Казанская история. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1954; Сказания князя Курбского. — Ч.1–2. — СПб., 1833.
10. Обзор этих источников см.: Исаков Д.М. Расселение и численность татар в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII–XIX вв. (этностатистическое исследование). Дис. ... к.и.н. — М., 1981. — С.10–14.
11. Меховский М. Трактат... — С.93.
12. Казанская история... — С.61–62, 70, 84, 126, 148. Эта цифра

является результатом усреднения данных источника.

13. См. там же. — С.60, 67.
14. Сказания князя Курбского ... — С.24; Казанская история ... — С.132.
15. Казанская история... — С.123.
16. Там же. — С.124.
17. Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России, 1719—1917 гг. // Советская этнография. — 1980. — № 6. — С.18—34.
18. Расчет см.: Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI—начало XX вв.). — М.: Просвещение, 1973.
19. Казанская история... — С.159.
20. Исхаков Д.М. Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII—XIX вв. // Советская этнография. — 1980. — № 4. — С.25—38.
21. Исхаков Д.М. Введение... — С.11, 56.
22. Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. — Л.: Наука, 1982. — С.66.
23. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С.269.
24. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. — М.: Изд-во МГУ, 1952. — С.54.
25. Сафаргалиев М.Г. Распад... — С.269.
26. Базилевич К.В. Указ. раб. — С.484, 491.
27. Кочакаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV—XVIII вв. — Алма-Ата, 1988. — С.34.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же. — С.22.
31. Там же.
32. Исхаков Д.М. Историческая демография татарского народа (XVIII—начало XX вв.). — Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1993.
33. Путешествие А.Контарини, посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 г. // Библиотека иностранных писателей о России. — Т.1. — СПб., 1836. — С.100.
34. Исхаков Д.М. Введение... — С.7, 10; Его же. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV—XVII вв.). — Казань, 1998. — С.216—218.

КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО В КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ТАТАРСКОГО ОБЩЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Начало XX в. стало периодом возрождения концепции национальной государственности. Впервые после середины XVIII в. национальная элита и политические активисты посчитали реальным постепенное восстановление государственности через переход от экстерриториальной к территориальной автономии. Вначале эти идеи выразил в Стамбуле Рашид Ибрагим. Концепция децентрализации России, разделяемая российскими кадетами и социалистами представляла основу для дальнейшего развития. Эти идеи вошли в программу «Иттифака» и мусульманской фракции во II Государственной думе [1]. Несмотря на поражение российской революции 1905–1907 гг., национальное движение не прекратило свое существование и не отказалось от своих стратегических целей. Поэтому столь актуальным стал опыт последнего из тюркских мусульманских государств края – Казанского ханства. Причины поражения этого государства, как и причины поражения революции 1905–1907 гг., стали предметом тщательного анализа. С результатами этих размышлений была ознакомлена не только национальная элита, но через школьные учебники, посвященные истории тюрков и татар, и учащиеся джадидских учебных заведений.

Начало 1910 г. стало для татар периодом расцвета учебной исторической литературы, что не могло не вызвать профессионального интереса миссионеров и цензоров. В 1912 г. был создан «Обзор учебников, принятых к употреблению в татарских профессиональных школах (мектебах и медресах) и изданных большей частью за последние три года» (издан в 1917 г.). Его авторы попытались проанализировать причины изменений, произошедших в национальном самосознании татар. Так, тюрколог Н.Ф.Катанов констатировал, что «новометодным татарам нужна... история новая, основанная на точных и беспристрастных данных, какие видим только в Западной Европе» [2]. Я.Д.Коблов писал, что до недавнего времени татары вполне удовлетворялись ми-

фическими поэмами. С 1905 г. они активно пишут и переводят «труды по общей истории, истории русского государства, национальной истории казанских татар (Казанского и Болгарского царств). Наибольшее внимание вызывает история местного края, татарской национальности, Болгарского и Казанского царств». Я.Д.Коблов усматривал две основные тенденции, определяющие развитие национальной истории: 1) попытка самостоятельной научной разработки; 2) подъем национального чувства. Причем основной целью, по его мнению, является исследование нации, чтобы «выяснить прошлое, какое значение... имела в прежнее время, и что ожидается в будущем, наметить вехи для этого будущего, чтобы не затеряться среди других народностей и сохранить свою самостоятельность», то есть создание концепции национальной истории [3].

Здесь, по сути, указана основная причина, вызвавшая небывалый взрыв интереса к национальной истории как к истории государственности – стремление создать стабильные основы развития для национального организма. Именно эту роль играли Постановления III Всероссийского мусульманского съезда в 1906 г., а позднее в 1917 г. сыграет Конституция национально-культурной автономии.

Принадлежность к государственности, выражающая чувство единства всех членов нации, лежит в основе западной (гражданской) концепции нации. Именно юридические права западная концепция считает интегральными для своей модели. Основным элементом является «чувство юридического равенства среди членов этого сообщества». При этом «нации должны занимать компактные, четко определенные территории. Этой территорией является «историческая земля», «родина» или «колыбель», которая может не совпадать с местом реального проживания» [4]. Для татарского общества конца XIX – начала XX в. такой территорией стали земли Казанского ханства. Как подчеркивает историк Э.Хобсбаум: «Национализм, утвердившийся в качестве стандартного варианта национальной идеологии и программы, имел, как правило, территориальный характер» [5].

К тому же в западной модели национальной идентичности «нации рассматривались как культурные сообщества, чьи члены были объединены, если не стали гомогенными, общей ис-

торической памятью, мифами, символами и традициями» [6]. Именно на этой основе базируются все легенды о преемственности с Казанским ханством и самая прекрасная из них — цикл легенд о Сююмбике.

Родоначальником истории тюркских ханств региона, включая и последнее из них — Казанское, стал Шигабуддин Марджани. Не случайно, что в 1915 г. Рашид Ибрагим оценил Марджани, прежде всего, как создателя истории татарских государств и их правителей, которые остались лишь уже в покрывшихся пылью рукописях [7]. До этого ни улемов, ни абызов с их «Төварихы Болгария», ни Ибрагима Хальфина с его историей Чингиз-хана и Тамерлана история Казани не привлекала.

По справедливому мнению современного американского историка Юлая Шамиль оглу, «взгляды, впервые появившиеся в трудах Марджани, были целиком приняты в современных исследованиях по генезису и истории казанских татар... Различные темы, подчеркнутые Марджани, такие, как внутренние распри как основная причина падения древних государств, таких, как Казанское ханство, стали частью общего исторического сознания рядовых казанских татар» [8].

Ш.Марджани называет две причины крушения ханства: внешнюю (наступление России) и внутреннюю (отсутствие внутреннего единства). Но чуть позднее он говорит только о внутренней причине, как о причине падения Ордынского государства, и обвиняет наехавших из других мусульманских государств нобилей в защите только своих благ за счет интересов государства. Ш.Марджани характеризует эпоху Казани как время упадка наук и просвещения [9]. Именно он заложил в целом весьма критический взгляд на историю Казанского ханства, который, как будет показано далее, продолжал господствовать всю первую четверть XX в.

Следует отметить, что «Мөстафад әл-әхбар» был первым трудом по татарской истории, использовавшимся в качестве учебного пособия в джадидских школах, и почти единственным в первое десятилетие XX в. Он был включен в программу преподавания мусульманских школ («Образец учителям»), изданную газетой «Казан мөхбире» и в программу Карима Ханафиева [10].

Симптоматично, что история Казанского ханства не находит отражение в трудах такого классика национальной историографии, как Хасан-Гата Габяши: ни в «Мөфассал тарих кауме төрки» («Подробная история тюркского народа»), ни в «Мохтəсар тарих кауме төрки» («Краткая история тюркского народа»), ни в «Төрөк ыруглары» («Тюркские роды») [11]. Это происходит, несмотря на то, что в первой работе достаточно подробно анализируются образ жизни, способ правления, экономика, религия и культура болгар [12].

Ахмад-Заки Валиди в «Кыскача төрөк вə татар тарихы» («Тюркская и татарская истории») в 1912 г. разбирает историю ханской Казани фактически только в свете ее постепенного поглощения со стороны Московского государства [13].

Эти пессимистические настроения нашли свое отражение в труде Хади Атласи, посвященном средневековой Казани. Описывая последние годы ханской Казани, время правления хана Шахгали, Атласи пишет, что сами казанцы были причиной поражения, так как наносили вред своей религии и нации, откровенно продавая их. По словам автора: «Этот обычай остался в наследство и современным татарам» [14]. С негодованием Х.Атласи пишет о посольствах казанцев в Москву с просьбами изгнать Сафу-Гирея, о клятвах верности великому князю, о двукратном смещении хана и попытках передать его в руки великого князя. Последним истинным героем ханской Казани у Атласи выступает Сафа-Гирей, постоянно воевавший с Русью. Хан откровенно говорит казанской знати, что она сама приводит русских в Казань [15].

Критика татарских ханов и турецких султанов и высокая оценка государственнической политики русских князей носят у Х.Атласи абсолютно обоснованный характер. В основе любой политики, по Атласи, должна лежать защита государства, нации и религии. Ордынские ханы-чингизиды, как и византийские императоры, ставили в основу своей политики личные интересы. Они бездумно раздавали собственные земли. Крымские ханы видели в Москве союзника в борьбе с Большой Ордой. Турецкие султаны высокомерно считали московское государство не заслуживающим внимания. Наоборот, русские кня-

зья постоянно занимались сбором земель и не вступали в конфликты, не обеспечив себе превосходства [16].

Таким образом, именно в политике московских князей и преданности русского народа своим правителям Х.Атласи видит образец для подражания. Он указывает, что если русские выполняли указания своих князей, то татары не принимали во внимание приказания ханов. Казанцы всячески ограничивали власть своих ханов [17]. В случае недовольства они готовили переворот или искали помощи в Москве. Поэтому судьба ханства перешла в руки русских [18]. Х.Атласи рассматривал национальное единство, готовность нести жертвы во имя своей государственности и государя как основные достоинства.

Однако было бы неверным думать, что критика Х.Атласи была направлена на отказ от традиций государственности вообще. Она имела совсем другую цель – предостережение от былых ошибок. Как социалист – «тангчы», а затем депутат Миллет Меджлисе Х.Атласи был сторонником единства всех слоев татар во имя национальной автономии, которая должна была перейти от экстерриториальных к территориальным формам. Идеи Х.Атласи о необходимости единства мусульманских тюркских народов и внутреннего сплочения самих татар, потребности в планомерной и постоянной защите интересов нации и религии, актуальности реформ и прогресса, при всей своей кажущейся простоте, были и задачами современного ему татарского общества. На негативном примере Казанского ханства Х.Атласи предостерегал современников от повторения былых ошибок, приведших к потере государственности.

Главным в концепции Х.Атласи было превращение именно Казани в центр нации, как сакральный, так и современный. В докладе Казанского Комитета по делам печати за 1908 г. утверждалось: «Казань... является центром просвещения мусульман всей восточной России: татары всего Поволжья именно от Казани ожидают решения или освещения многих вопросов их культурной и религиозной жизни» [19].

Роль Казани как исторической столицы нации вначале получила оформление в литературе. В 1910 г. в хрестоматии «Яңа кыйраёт» («Новое чтение») Г.Тукай в тексте «Город Казань» определил место Казани для татарской нации. Он писал, что

«этот город был столицей нашего ханства три с половиной века назад. В этом городе до сегодняшнего дня сохранился минарет мечети, заложенный казанской хан-бике (женой хана) Сюембике». Теперь Казань — это центр науки, создания книг и книгопечатания. Здесь находятся большинство редакторов (мухаррир). Тукай утверждает, что все российские мусульмане ждут почина казанцев для начала больших дел [20].

Таким образом, Казань, в глазах Тукая, одновременно и сакральное место, и источник современного развития. Реальная Казань приобретает сакральные, мифологические черты вечной столицы татарской нации. Габдулла Тукай предлагает новую для татар концепцию исторической родины или колыбели.

В 1913 г. татаристское направление получает теоретическое обоснование в исторической науке и четкую связь с определением нации. Г.Баттал в статье «Определение нации» указывает, что татары являются отдельным народом, образовавшимся из волжских болгар и пришедших из Азии татар в XV в. Основателем татарской традиции в истории он называет Ш.Марджани [21].

Под влиянием идеи единой тюркской родины — Турана, заимствованной из книги Леона Коэна «Введение в историю Азии» [22], фокус татарских ученых концентрируется на истории единства тюркских народов, которое существовало в доисламскую эпоху Тюркских каганатов. Вторым периодом тюркского единства является история империи Чингиз-хана.

В 1915 г. Ю.Акчура, также под влиянием трудов Коэна, разработал следующую периодизацию тюркской истории:

1. Древний период: древняя тюркская цивилизация домонгольского завоевания
2. Средний период: объединение тюркских народов в империи Чингиз-хана и его преемников
3. Новый период: государства, возникшие при распаде империи Чингиз-хана
4. Современный период: национальное пробуждение тюркских народов в современную эпоху [23].

Таким образом, основной акцент в изучении истории тюрков переносится на эпоху их могущества, а не падения их государств. В методологическом плане именно Ю.Акчура призвал сосредоточиться на периодах преобладания центростремитель-

ных, а не центробежных тенденций в истории тюркского мира. В условиях движения за новую интеграцию тюркских народов опыт Казанского ханства с его внутренним расколом и отсутствием прочных союзов с другими тюркскими государствами представлял отрицательный пример.

В конце 1913 г. журнал «Аң» поместил анкету для молодежи, посвященную перспективам развития татарской нации. В своей анкете Галимджан Шараф, тогда студент Казанского реального училища, утверждал: «Национализм как в настоящей жизни народа, так и в истории имел громадное значение: процветание или падение государства в большинстве случаев происходило от процветания или падения национальных чувств». По вопросу ориентации татар он придерживался следующего мнения: «Мы — татары, мы — северные тюрки, мы — тюрки, мы приняли религию ислама, находимся в подданстве России... Национализм должен принудить быть, прежде всего, татарин-ном... и только после этого... вообще человеком». Г.Шараф рассматривал национализм как массовое движение, объединяющее всех членов нации. Принадлежность к нации не должна была сводиться ни к религиозной, ни к расовой, ни к государственной принадлежности. В его глазах национальная принадлежность должна превалировать над всеми ими [24].

В 1917–1918 гг. в основу концепции Идель-Урала была положена идея Штата как территориального наследника Казанского и Астраханского ханств, основанного на сочетании территориальной и национально-культурной автономии составляющих его народов. Поэтому история государственности приобрела особую актуальность в период обсуждения вариантов создания Идель-Урал Штата. 3 января 1918 г. на сессии Миллет Меджлисе от имени Коллегии Урало-Волжского Штата (КУВШ) Галимджан Шараф выступил с докладом о планах создания территориальной автономии. Первым тезисом его речи было утверждение, что «как знают большие специалисты по государственному праву: «сколько на земле существует наций, на такое количество государств они должны разделиться». В своем выступлении Г.Шараф ссылаясь на такие образцы государственности тюркских народов, как тюрки Стилохона в V в., тюгуе в VI в., государство Чингиз-хана в XIII в., а также государство булгар и Казанское

ханство, на территории которых располагаются современные татары. Г.Шараф заявил, что из разрозненных по разным губерниям представителей нации необходимо создать отдельный штат [25]. Таким образом на территории бывшей государственности ее потомки должны были создать новое государство, хотя бы в форме субъекта федерации. Стоит отметить, что именно Г.Шараф являлся сторонником переговоров и с Советской властью и автором карт Идель-Урала, ТБСР и ТАССР. Для него наличие государственности на преимущественно тюркских мусульманских территориях бывшего ханства было первичным по сравнению с формой данной государственности.

4 января 1918 г. от имени фракции тюркистов выступил Гаяз Исхаки. По его мнению, при создании Штата необходимо было ориентироваться на его экономическую жизнь: основной артерией Штата должна стать Волга. Оратор считал, что при такой постановке проблемы процент мусульманского населения в Штате не является основным фактором. Поэтому Исхаки высказался за включение в Штат Самарской губернии. Необходимость такого решения он аргументировал получением выхода к Турции через Азербайджан и Туркестан, а также получением порта в устье Волги и выхода к Каспийскому морю. На замечание о нереальности такого решения Исхаки предложил провести референдум, и в случае несогласия населения оставить претензии на Самарскую и Астраханскую губернии [26]. Таким образом, Г.Исхаки предлагал вернуться к геополитическим реалиям времен до падения ханств Казани и Астрахани и выступал за обеспечение не только железнодорожного (через Оренбург), но и морского сообщения (через Астрахань) с мусульманскими государствами.

20 ноября 1917 г. Садри Максуди во вступительной речи обосновал роль Миллет Меджлисе и автономии для судеб нации. Он говорил, что после уничтожения государства его оставшиеся члены забыли о том, что они жили как нация и «лишь остались в живых». «Теперь северные тюрко-татары объявляют всему миру о своем существовании». С.Максуди напомнил собранию об исторической роли тюркских государств Газневидов, Чингиз-хана и Тамерлана. Оратор вступил в полемику с европейскими философами, утверждавшими, что время тюркских народов, и особенно тюрков, в Европе безвозвратно про-

шло. В заключение речи Максуди призывал не повторять ошибок предков, которые стремились до предела расширить свои государства, что и привело к их падению [27].

Следовательно, и в 1917–1918 гг. на сессии Миллет Меджлисе национальные лидеры и (или) ученые (а депутатами Миллет Меджлисе были также Х.Атласи, Г.Баттал), весьма критически оценивали опыт Казанского ханства, но подчеркивали необходимость восстановления территориальной автономии.

Последним историком, анализировавшим историю ханской Казани в русле джадидской традиции, был член КУВШ Газиз Губайдуллин – председатель Всероссийского Союза тюрко-татарских учителей (1917–1918 гг.). В 1922 г. вышло первое издание «Татар тарихы» («История татар»). Г.Губайдуллин фактически повторяет версию Ш.Марджани о том, что представители нобилитета (ак сөякләр) постоянно делились на группировки и враждовали. Эти партии боролись за все, что угодно, кроме независимости Казани и интересов государства [28].

Таким образом, анализ истории Казанского ханства в татарской историографии Нового времени начат трудами Ш.Марджани. Он первым подчеркнул преемственность структуры внутренней борьбы в Казанском ханстве развитию в Золотой Орде в период ее распада. Основная ответственность за распад государства вплоть до Г.Губайдуллина возлагалась на нобилитет. Однако Х.Атласи возложил ответственность фактически на все население татарской Казани. В глазах Ю.Акчуры в целом эпоха Казанского ханства являлась частью эпохи упадка тюркских государств под влиянием как политических, так и экономических факторов (упадок Великого шелкового пути). Для молодых радикалов и социалистов образ ханской Казани в лице хан-бике Сююмбике стал символом исторической колыбели нации и возрождения надежд на воссоздание территориальной автономии. В 1917–1918 гг. в основу концепции Идель-Урала была положена идея Штата как территориального наследника Казанского и Астраханского ханств, основанного на сочетании территориальной и национально-культурной автономии составляющих его народов. При этом восстановление тюркской мусульманской государственности на территориях

бывшего Казанского ханства было первичным по сравнению с формой данной государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. – Казань, 2001. – С.194–218.

2. Обзор учебников, принятых к употреблению в татарских профессиональных школах (мектебах и медресах) и изданных большей частью за последние три года. – Казань, 1917. – С.11–15.

3. Там же. – С.31–32.

4. Smith A. National identity. – Reno, 1993. – P.9–13.

5. Хобсбаум Э. Век империи: 1875–1914. – Ростов н/Д, 1999. – С.217.

6. Smith A. National identity. – Reno, 1993. – P.11–12.

7. Мәржани. – Казан, 1915. – 485–496 б.

8. Schamiloglu U. The formation of Tatar historical consciousness: Sihabaddin Marcani and the image of the Golden Horde // Central Asian Survey. – 1990. – Vol. 9. – №2. – P.47.

9. Мәржани Ш. Мөстафад әл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1887. – 117–118 б.; (издание 1989 г.: С.158–159).

10. НА РТ, ф.1, оп.4, д.957, л.31.

11. Габәши Х.-Г. Мохтәсар тарих кауме төрки. – Казан, 1907; Его же. Мөфассал тарих кауме төрки. – Казан, 1909; Его же. Төрөк ыруглары. – Казан, 1912.

12. Габәши Х.-Г. Мөфассал тарих кауме төрки. – Казан, 1909. – 123–144 б.

13. См.: Вәлиди А.-З. Кыскача төрек вә татар тарихы. – Казан, 1992. – 123–129 б.

14. Атласи Һ. Казан ханлыгы // Атласи Һ. Себер тарихы. Сөнбикә Казан ханлыгы. – Казан, 1993. – 352 б.

15. Там же. – С.319.

16. Там же. – С.204, 244–245, 280.

17. Там же. – С.254.

18. Там же. – С.294.

19. Чернышев Е.И. Восточная печать в эпоху реакции XX века // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1925. – Т.XXXIII. – Вып.1. – С.106.

20. Тукай Г. Яңа кыйарәт. – Казан, 1910. – 55 б.

21. Баттал-Троиский Г. Милләтне билгеләү // Мәктәп. – 1913. – №6. – 149–150 б.

22. Баттал Г. Татар тарихы. — Казан, 1912; Вәлиди А.-З. Төрөк вә татар тарихы. — 1 нче ж. — Казан, 1912; Гәбәши Х.-Г. Мохтәсар тарих кауме төрки. — Казан, 1907; Его же. Мөфассал тарихы кауме төрки. — Казань, 1909; Его же. Төрөк ыруглары. — Казан, 1912.

23. Geogron F. Aux origines du nationalisme Turc: Yusuf Akcura (1876—1935). — Paris, 1980. — P.51—52.

24. Перевод цит. по: НА РТ, ф.199, оп.1, д.949, л.9—10, 14.

25. Тормыш.— 1918. — 5 гыйнв.

26. Тормыш.— 1918. — 9 гыйнв.

27. Тормыш.—1917. — 22 ноябрь.

28. См.: Гобәйдуллин Г. Тарихи сәхифәләр ачылганда. — Казан, 1989. — 123 б.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТОПОГРАФИИ ХАНСКОЙ КАЗАНИ

Исследование проблем средневековой Казани имеет значение не только при изучении ее прошлого, но и для понимания общеисторического процесса образования и развития городов в Восточной Европе. К числу таких проблем относятся и вопросы топографии. Последняя включает в себя изучение внутренней социально-экономической структуры средневековых городов, размещения производственных районов, культовых и общественных зданий, некрополей на различных этапах их развития. Решение этих вопросов позволяет понять социально-экономическую и историко-культурную основу возникновения и существования города. Большой интерес в изучении топографии Казани вызывает планировочная структура времени ее расцвета и столичного статуса одного из могущественных государств XV–XIV вв. – Казанского ханства.

Как известно, городища мысового типа – а древняя Казань относится именно к этому типу городищ – были характерным явлением для Восточной Европы эпохи средневековья [1]. Закономерности роста подобных городов во многом определялись естественной защищенностью местности. Их заселение происходило с мысовой части холма с освоением более удобных для проживания районов, расположенных у его подножия близко к воде. На основании этих природных особенностей и шло формирование Казани по Кремлевскому холму и прилегающей к нему низменной территории.

Источники по истории Казанского ханства не дают полной картины истории планировки средневековой Казани. В последние годы они пополняются документами из зарубежных архивов, в частности Турции. Важной составляющей частью источниковой базы по изучению топографии Казани являются и данные археологических исследований, уточняющие многие сведения письменных документов.

Изучение топографии ханской Казани связано с многообразными вариантами ее реконструкции, начиная с планов и

описаний Ю. фон Каница и П.И.Рычкова в 60-е гг. XVIII в. [2]. При рассмотрении различных подходов по воссозданию древней Казани можно выделить четыре основные проблемы, которые находят свое отражение в исследованиях: границы посада; количество и расположение проездных ворот; внутренние укрепления города; застройка ханского двора.

К моменту образования Казанского ханства численность населения быстро увеличивается, осваиваются новые территории, растет количество жилых и общественных построек на территории города. В этот период закрепляются ранее сформировавшиеся принципы внутренней планировки, но происходят и изменения, особенно в расположении укреплений города.

Важным составляющим моментом со времени основания города является наличие посада. Возникновение торгово-ремесленного поселения за пределами укреплений Казани по археологическим данным относится еще к домонгольскому периоду. Остатки поселений, связанных с этим периодом, известны на территории Казанского Богородицкого монастыря (так называемого Старого городища), датируемого XII–XVI вв., в районе ул. Парижской коммуны и Межлаука – следы Кураишевой слободы XIII–XVI вв., т.е. с восточной и западной стороны Кремлевского холма.

Существование посада подтверждается неоднократными упоминаниями письменных источников. Самое раннее известие о неукрепленном посаде относится к 1469 г., когда описывается захват посада русскими войсками под предводительством воеводы И.Д.Руна [3]. Об укрепленном посаде сообщается в связи с событиями 1500 г., когда хан Абдул-Латиф «повеле около града нарядити острог» [4]. Им же в начале XV в. были проведены работы по благоустройству для торгового судоходства русла Булака. При описании боевых действий 1530 г. сообщается о строительстве укреплений посада Сафа-Гиреем: «около посаду по Арскому полю, от Булака и до Казани реки, округ его рвы копайте по-за острогу» [5].

Попытка определить границы посада на различных стадиях его развития была предпринята в 1950-е гг. Н.Ф.Калининым [6]. Опираясь на археологические материалы и письменные источники по мусульманским некрополям в Казани, он определил динамику роста города. Его выводы были основаны на за-

кономерности размещения кладбищ в татарских деревнях. Некрополи около поселений располагались за естественными преградами в виде оврагов, ручьев. Граница раннего города устанавливалась им по Тезицкому оврагу у современного здания Министерства здравоохранения РТ, за которым располагалось мусульманское кладбище, датируемое, по его предположению, XIV в. На основе материалов 1970-х гг. А.Х.Халиков эти границы города датировал XII–XIII вв. [7]. В конце XV в. Казань разрастается и доходит до района современных южных стен Кремля, где севернее Спасской башни фиксируются мусульманские погребения, простирающиеся до здания Гостиного двора [8].

Следующий этап изучения города связан с периодом Казанского ханства. Усилия большинства исследователей были направлены на изучение топографии посада Казани 1552 г., достаточно полно отраженной в источниках. Реконструкция штурма во всех исследованиях изначально исходила из оценки расположения линии укреплений города и размещения войск штурмующих.

По сохранившимся описаниям известно, что одним из направлений ожесточенных столкновений была Арская сторона на южной оконечности Кремлевского холма. Большой полк войска Ивана IV под командованием Шах-Али в соответствии с планом штурма располагался на холме в районе мусульманского кладбища [9]. По писцовой книге 1565–1568 гг. кладбище локализуется на южной оконечности Кремлевского холма, на территории двора современного главного здания Казанского университета [10]. Его следы выявлены Н.Ф.Калининым в ходе археологических исследований 1950-х гг. Естественным рубежом при создании укреплений был овраг, проходивший по линии ул. Астрономической. Остатки укреплений были зафиксированы в 1982 г. в результате наблюдений при строительстве физкорпуса университета в виде остатков земляного вала и рва ханской Казани; продолжение этих укреплений было выявлено с западной стороны химфака КГУ [11].

Длительная дискуссия шла вокруг вопроса о западных границах посадской стены. Первые реконструкции этой линии укреплений города Ю. фон Каницом и А.П.Рычковым [12] в XVIII в. основывались на стенах посада Казани русского времени. Расположение западных стен определялось ими за Булаком. Этим же пози-

ций в XIX в. придерживались И.Кириллов, М.Рыбушкин, П.Заринский, М.Богдановский, М.Лаптев [13]. Их оппоненты отрицали существование укреплений посада за пределами Булака [14].

В письменных источниках, где описывается рекогносцировка войск, указывается, что войска находились по Булаку, который служил естественной преградой [15]. Вероятно, результаты, полученные в ходе раскопок 1988 г. у здания президиума АНТ на ул. Баумана, где были выявлены остатки деревянных укреплений посада XV–XVI вв., можно считать косвенным подтверждением этого факта [16]. В ходе исследований 2000 г. по ул. Баумана и Островского слой дорусского времени не был выявлен. Возможно, эти территории из-за сильной заболоченности (что отмечается и в описаниях более позднего времени) не были освоены в период Казанского ханства и находились за пределами посадских укреплений. Можно предположить, что стена шла чуть выше ул. Баумана параллельно линии склона холма от пересечения ее с ул. Астрономической и до пересечения с ул. Ташаяк.

Не меньше споров вызвало местоположение восточной линии посадской стены. При ее реконструкции, аналогично западной стене, были использованы описания поздней городской стены русского времени [17]. Ее границы определялись улицами от Ленинского сада к площади Свободы, затем по ул. Касаткина или Тельмана, далее к пересечению с ул. Космодемьянской и по Нагорной до Дмитриевских ворот Кремля.

Против этой позиции выступили А.Х.Халиков и Л.С.Шавохин [18]. Опираясь на новые археологические данные, они дали свою оценку ранее известным фактам письменных источников. Предшествующие исследователи исходили в значительной степени из того, что войска Ивана IV располагались вдоль стен от Арского поля до Старого городища, предполагая, что Старое городище находится на Федоровском бугре. При этом не учитывалось (или оговаривалось), что Старым городищем в более ранних источниках называлась и территория Богородицкого монастыря [19]. Важно отметить, что при описании штурма говорится о расположении наряда войск осаждающих на Поганом озере [20]. При «широкой» реконструкции Поганое озеро оказывалось в укрепленном посаде (рис. 6,7). К тому же не были еще известны и материалы археологических исследований 1970–90-

х гг., по которым Федоровский бугор начал осваиваться только в русское время и на нем не фиксируются напластования ханского времени. Лишь на месте Богородицкого монастыря были выявлены культурные отложения татарской Казани [21]. Необходимо сказать и о результатах наблюдений в районе Пассажа со стороны ул. Держинского, где были обнаружены остатки укреплений [22]. Таким образом, восточная линия стен посада определяется чуть выше ул. Держинского от пересечения ее с ул. Лобачевского и до Кремля.

При установлении расположения укреплений города немаловажное место занимает размещение проездных ворот. В источниках упоминается различное количество ворот. В «Царственной книге» называется 10 ворот: Арские, Аталыковы, Елбугины, Збойливые, Кабацкие, Крымские, Муралеевы, Ногайские, Тюменские, Царевы (Царские) [23]. В другом источнике, «Казанской истории», говорится о 10 воротах, но с измененными названиями: три Арских, Елбугины, Збойливые, Кебековы, Муралеевы, Нижние и Верхние Ногайские, Царевы и Водяные [24]. Вызывает интерес и описание осады 1549 г. современником событий – Х.Шерифи, который пишет об организации обороны казанцами шести ворот [25]. Одни из них он называет Ханскими. По описанию А.Курбского довольно четко локализируются Елбугины ворота у моста через р. Казанку [26]. По писцовой книге 1565–1568 гг. мы можем довольно точно определить расположение пяти ворот, построенных в Казанском Кремле после 1552 г. на месте ранее существовавших татарских проездных башен [27].

Анализ организации штурма 1552 г., выполненный автором «Казанской истории», в сопоставлении с другими источниками не выдерживает критики (рис. 7, 8). В ней имеются противоречия в размещении ворот, известных в соотношении с современными. Произведение, видимо, было написано человеком, никогда не жившем в Казани и использовавшем для документальности своего литературного сочинения факты из русского летописного свода, что отмечают и другие исследователи [28].

Не меньше разночтений в определении количества башен и их местоположения в научных работах. Так, в работе Н.М.Карамзина сообщается о 9 воротах, в работах П.Заринского, М.Г.Ху-

дякова (рис. 6), Л.С.Шавохина (рис. 9) рассматриваются 10 ворот, Н.Ф.Калинина (рис. 7) – 11 ворот, у М.Рыбушкина, А.Х.Халикова (рис. 8) – 12 [29]. Ворота размещаются ими с большим разбросом в различных частях города под разными названиями.

В определении мест расположения башен особо важным источником, на наш взгляд, являются писцовые книги. В писцовой книге 1565–68 гг., как уже отмечалось, упоминаются названия башен русского города с именами ханского времени (рис. 3, 4). Принимая во внимание, что Кремль и сегодня во многом сохраняет свой прежний облик, можно достаточно точно указать местоположение проездных ворот ханской Казани. Тайницкие (Никольские) ворота сопоставимы с воротами Нур-Али (Муралеевы), Воскресенские – Елбугины (Водяные), Преображенские (Сергеевские) – Тюменские. Около кремлевских Дмитриевских ворот или на месте Пятницких ворот посада (в районе пересечения ул. Батурина, Большой Красной и Нагорной) располагались предположительно Збойливые ворота. Относительно точно локализируются Царевы (Ханские?) ворота на южной окраине кремлевского холма в районе пересечения ул. Кремлевской и Лобачевского. При установлении местоположения вышеперечисленных ворот важно отметить, что они локализируются на этих местах и по летописному своду, и по воспоминаниям А.Курбского.

Местоположение остальных проездных башен определить сложнее из-за отсутствия их точной привязки на местности. Расположение башен посада по линии стен требует установления порядка их размещения относительно четко локализуемых башен и дислокации русских полков в отношении укреплений на различных этапах осады.

С восточной стороны Царевых ворот источники наиболее часто упоминают и логически увязывают с топографией местности – Арские ворота. Они, возможно, размещались на перекрестке ул. Держинского и Лобачевского. По этой стороне укреплений посада, в пространстве между Арскими и Збойливыми воротами по западной стороне ул. Держинского, судя по описанию штурма находились Кабацкие ворота [30]. На линии стен между Кабацкими и Арскими воротами Л.С.Шавохин располагает Крымские, что вполне логично, учитывая описание возведения туров осаж-

дающими, хотя ряд исследователей размещает эти ворота на западной линии стен посада [31]. На этой же линии между Елбугинскими и Арскими воротами А.Х.Халиков размещает неизвестные для этого периода Щельские ворота [32].

На западе между Царевыми и Тюменскими воротами во многих работах отмечаются Аталыковы, Ногайские и Крымские ворота. Расположение проездных башен по этой стороне укреплений связано с описанием осады и подкопа в районе Аталыковых ворот [33]. С подкопом соотносится Проломная улица (современные ул. Баумана и Профсоюзная). Аталыковы ворота исследователи размещают либо на северном [34], либо на южном завершении ул. Баумана [35]. Однако южное местоположение ворот противоречит организации одного из взрывов 2 октября, который был произведен на участке стены между Аталыковыми и Тюменскими воротами [36]. При описании города в писцовой книге 1565–1568 гг. указывается место пролома и отмечается положение Тюменских ворот [37]. Исходя из этих данных, местоположение Тюменских ворот можно связать с современными Преображенскими воротами, а Аталыковых – чуть ниже, ближе к руслу р. Булак. Ногайские ворота локализуются в районе пересечения ул. Профсоюзной (Малая Проломная) и Астрономической, или на перекрестке ул. Баумана и Астрономической, где проходила Ногайская дорога. Н.Ф.Калинин, опираясь на сообщение «Казанской истории», признает существование Нижних и Верхних Ногайских ворот. Однако в данном случае необходимо учитывать и степень достоверности самого казанского летописца и то, что в различных источниках наименования одних и тех же ворот могут быть не схожи [38]. Возможно, этим объясняется отсутствие в «Казанской истории» Крымских и Аталыковых ворот. Во многих работах на западной линии стен посада отмечаются Крымские ворота [39], хотя при описании осады с этой стороны они не упоминаются.

Рассматривая различные подходы в исследовании расположения башен на западной стороне линии укреплений посада, нельзя согласиться с позицией Л.С.Шавохина, который переносит Тюменские и Аталыковы ворота на южную оконечность Кремлевского холма, что противоречит, как уже было сказано выше, описанию Казани в письменных источниках [40]. Раз-

мещение на этой линии укреплений Царских ворот А.Х.Халиковым, исходя из сведений «казанского летописца», представляется сложно объяснимым. Они обычно упоминаются в источниках как синоним Царевых и располагаются на Кремлевском холме [41]. Завершая рассмотрение вопроса расположения башен ханской Казани, необходимо отметить так называемые «Главные ворота», выделяемые Н.Ф.Калининым (рис. 7) и А.Х.Халиковым (рис. 8) [42]. Под этим названием они обозначали проездные ворота в Кремль.

При анализе источников, в которых находит отражение облик Казани, хотелось бы обратить внимание и на вид города, изображенного на гравюре, ранее известной по изданию А.Оллария [43]. На ней изображен общий вид Казани с запада. Если рассматривать ее как подлинный и достоверный источник, запечатлевший в себе облик ханской Казани, то мы должны будем признать, что укрепления посада с этой стороны ограничивались стенами, вытянутыми, видимо, вдоль русла Булака (по изображению трудно понять, с какой стороны стен проходит русло Булака) от пересечения спуска с площади 1 Мая и ул. Баумана до Тайницких (Муралеевых) ворот. При таком подходе необходимо будет признать недостоверность сведений всех имеющихся письменных источников середины XVI в. При сопоставлении гравюры с более поздней топографией Казани также имеются противоречия, связанные с расположением укреплений и отдельных объектов. К сожалению, этот документ пока еще не стал предметом полноценного источниковедческого анализа. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что даже если гравюра действительно выполнена в середине XVI в. или позднее, то она не отражает реальной топографии Казани, поэтому использование ее как оригинального объективного источника для любого периода сомнительно.

Таким образом, на основании приведенных данных можно отметить, что линия укреплений с проездными башнями ханской Казани пролегла от Муралеевой (Тайницкой) башни Кремля к Елабугиным (Воскресенским) воротам, далее к Збойливым (Дмитриевским), а затем к Арским воротам, расположенным на пересечении ул. Держинского и Лобачевского. Между Арскими и Збойливыми находились Кабацкие и Крым-

ские ворота. Точное их местоположение, опираясь на имеющиеся источники, определить пока невозможно. От Арских ворот стены поднимались вверх по склону Кремлевского холма, где на пересечении ул. Лобачевского и Кремлевской располагались Царевы ворота. После них посадская стена уходила далее вниз, где ниже пересечения ул. Профсоюзной и Астрономической, возможно, размещались Ногайские ворота. Затем стена шла в северном направлении параллельно Булаку чуть выше ул. Баумана до пересечения ее со спуском с площади 1 Мая. На этом промежутке стены, возможно, располагались Кураишевы ворота, а севернее перекрестка под Кремлевским холмом ближе к р. Булак находились Аталыковы ворота, от которых стена поднималась вверх к Тюменским (Преображенским) воротам и далее от них к Тайницким воротам по линии современных кремлевских стен (рис. 7).

Восстанавливая облик посадской стены по описаниям источников и археологическим материалам можно предположить, что она по всему периметру была устроена в виде тарасов, то есть деревянных срубов, заполненных землей и камнем: «согражден в семь стен, в велицех и толстых древесех: в стенах же сыпан внутри хрящ и песок и мелкое каменье, толстина же градная от рек, от Казани и от Булака, трех сажен, и те бо места ратным непреступны...» [44]. Перед стенами, а иногда и позади них, был выкопан ров, местами глубиной в 10–15 м: «... и яко крепкими стенами и водами вокруг обведет бе град, и токмо со единая града с поля Арского приступ мал, но туда стена градная была в толстоту в 7 сажен и перекопана около ея стремина велия, глубока» [45]. Остатки укреплений посада в виде насыпи вала шириной в 15–20 м и высотой не менее 3–4 м зафиксированы в 1982 г. в небольшом раскопе между 1-м высотным корпусом университета и зданием Госархива [46]. Следы этих укреплений в виде углового вала высотой до 8 м и рва наблюдал во дворе дома №3 по ул. Лобачевского А.Х.Халиков. Об этой линии укреплений А.Курбский писал: «А от той реки (Булака. - А.С.) около места ров копан зело глубокий аж до озерка, речного протокою» [47]. Остатки укреплений были выявлены археологами также в котловане около здания Пассажа со стороны улицы Дзержинского в виде двух рвов и вала между

ними [48]. В отличие от деревянных укреплений посада стены ханского двора, судя по материалам археологических раскопок 1977–1978, 1995–2000 гг., были белокаменными [49].

Своего рассмотрения требует также вопрос о существовании укреплений, разделяющих город на посад и Кремль. Исследователи придерживаются различных мнений о южной границе укреплений Кремля ханского времени. Они или вообще отвергают их наличие, отмечая существование только ханского двора [50], или же по-разному реконструируют их расположение [51]. Многими исследователями оно определяется чуть южнее бывшей церкви Киприана и Устины, поперек Кремлевского холма и увязывается с остатками «старых городней», упоминаемых в писцовой книге. Тем более остатки рва в этом районе зафиксированы археологами И.Н.Бороздиным, Н.Ф.Калининым в 1928, 1947 гг. [52]. Ров представлял незначительное углубление чуть более 1,5 м шириной до 5 м. В его засыпи отмечалось скопление древесного тлена, а на северном склоне – нагромождение известняковых камней, увязываемых исследователями с разрушением укреплений. На дне рва были выявлены конструкции каменного и более раннего деревянного желоба дренажа, что говорит о довольно длительном его использовании. Этот ров учеными соотносится с упоминаемым при штурме Тезицким рвом. По реконструкции Н.Ф.Калинина, севернее Тезицкого рва и укреплений Кремля проходил другой ров, называвшийся в более ранние периоды тоже Тезицким, а у края рва располагалась мечеть Кул-Шариф, за которой был укрепленный ханский двор [53].

Позиция Л.С.Шавохина и других исследователей, отрицающих существование укреплений Кремля, строилась на основании того, что при описании боев при взятии города нет четких упоминаний его штурма, кроме столкновений с сеидом Кул-Шарифом у мечети, расположенной на Тезицком рву, после которого перед наступающими стоял укрепленный ханский двор. Л.С.Шавохин считает, что выявленный Н.Ф.Калининым ров и упоминаемые в писцовой книге 1565–1568 гг. «старые городни» – это остатки временных укреплений, возведенных русскими сразу после взятия города в 1552 г. и брошенных после строительства южной каменной стены в 60-х гг. XVI в. [54].

В обеих позициях есть рациональное зерно. Однако, на наш взгляд, при реконструкции названные исследователи недостаточно критично оценивали факты источников. Так, Л.С.Шавахин без археологического изучения чисто умозрительно отвергает возможность дорусского существования деревянных городней, выявленных Н.Ф.Калининым. В то же время доказательства Н.Ф.Калинина приходят в противоречие с описанием расположения Тезицкого рва в большинстве источников, в которых он локализуется у мечети Кул-Шариф.

Обратимся к письменным источникам, которые детально описывают штурм 2 октября 1552 г. Так, А.Курбский, штурмовавший Казань с северной стороны, отмечает, что в структуре города выделяется три части: две из них на возвышенности, а третья — в низине. Возвышенный район города почти посередине разделен очень глубоким Тезицким рвом, который пересекал с востока на запад Кремлевский холм до р. Булак. Штурмующие войска, ворвавшиеся после взрыва с юга, заставили войска хана отступить за Тезицкий ров. Потом, с появлением у русских свежих сил, ханские войска были вынуждены отойти к мечети Кул-Шариф и дальше к ханскому двору [55].

По сведениям Никоновской летописи, Тезицкий ров и мечеть располагаются нераздельно в одном месте, а за ними сразу находятся стены ханского двора [56]. В этом источнике упоминаний об укрепленном Кремле нет. Заметим, что при описании Кремля в писцовой книге 1565—1568 гг. Тезицким называется ров, проходящий перед Архиерейским двором. Местоположение мечети Кул-Шариф Ш.Марджани также связывает с Тезицким рвом [57].

Интересное дополнение делает неизвестный автор «Казанской истории», упоминая «Вышгород», в котором после взрыва обороняющиеся не успели закрыться и были вынуждены отступить к зданиям ханского двора [58].

Противоречивость русских источников объясняется целым рядом объективных и субъективных моментов. А.Курбский, описывая штурм в южной части города через 10 лет после этих событий в изгнании, видимо, не точно соотнес название Тезицкого рва в центральной части города, тогда как в большинстве других источников он связан со рвом перед мечетью Кул-

Шариф. Важным в его произведении является то, что он подтверждает факты неизвестного автора, упоминающего за стенами посада укрепленную возвышенную часть. Отсутствие Кремля в Никоновской летописи, возможно, связано с тем, что его укрепления из-за стремительности штурма не были использованы осажденными казанцами. Видимо, они не привлекли внимания составителя этой хроники из-за незначительности военных столкновений на этом рубеже.

Недостающую информацию могут пополнить документы, составленные в период Казанского ханства. В списке ярлыка хана Ибрагима второй половины XV в. упоминается место его выдачи – «Арк» – в переводе с персидского означает цитадель-крепость [59], что может служить подтверждением предположения о существовании отдельной от посада укрепленной части города, соотносимой с Кремлем. В более ранних описаниях осады Казани до 1552 г. часто говорится о существовании града как самостоятельной части города. Так, при описании осады Казани в 1469 г. говорится, что после уничтожения посада жители закрылись во граде и штурмующие отступили. Упоминается он и при строительстве укреплений посада 1500 г. Существовал град как укрепленная часть Казани и во время его осады в 1530 г., куда отступили войска хана [60]. Во всех этих событиях град активно использовался и позволял казанцам продолжать оборону. Вряд ли они, будучи искусными воинами, могли через двадцать лет лишить оборону города такой эффективной линии укреплений.

При совокупном рассмотрении имеющихся гипотез и фактов можно сказать, что вопрос существования Кремля в ханской Казани остается пока открытым. Возможно, линией его укреплений действительно был ров, выявленный Н.Ф.Калининым в 1949 г. в районе церкви Киприана и Устины, но это требует проведения новых археологических исследований. Вполне возможно, что глубокий ров, упоминаемый А.Курбским, сопоставим с оврагом, проходившим южнее современных стен Кремля по ул. Чернышевского и делившим Кремлевский холм пополам, спускаясь от Черноозерской впадины до р. Булак. Тезицкий ров, на наш взгляд, следует увязывать со рвом у здания бывшей Консистории. С северной ее стороны выявлены остатки каменных

сооружений эпохи Казанского ханства, представляющие собой, возможно, руины легендарной мечети Кул-Шариф.

Не до конца решены и проблемы, связанные с расположением других стен Кремля ханского времени. При их привязке к местности, как уже было сказано, важную роль играет локализация ворот этого периода, упоминаемых в письменных источниках русского времени. Стены этого периода, бесспорно, используя рельеф местности, проходили поверх крутых склонов холма. Они должны были находиться на близком расстоянии от стен русского периода, которые также располагаются по краю холма. Возможно, остатки ранних стен в значительной степени разрушены поздними перестройками каменных укреплений. Поэтому археологам пока не удалось выявить следы стен Казанского ханства, хотя в ходе более ранних фрагментарных наблюдений во дворе Юнкерского училища у стен Кремля фиксировались остатки больших обугленных бревен, увязываемых исследователями с городнями стен ханской Казани [61].

При рассмотрении фортификации нужно остановиться на деревянных конструкциях, выявленных Н.Ф.Калининым в северо-восточной части Кремля у Тайницкой башни в ходе археологических раскопок 1953–1954 гг. [62]. Это было бревенчатое сооружение в несколько горизонтальных рядов, положенных друг на друга под углом и скрепленных между собой. В то время Н.Ф.Калинин объяснял назначение этого объекта как горизонтальную площадку под основание крупной вертикальной конструкции (башни?). К сожалению, неточное определение назначения объекта не позволяло реально оценить его.

Помощь в понимании этой конструкции, на основе представленных материалов, оказал ведущий специалист по изучению средневековой фортификации проф. А.Н.Кирпичников. По его мнению, это остатки раската – горизонтальной площадки для ведения орудийного огня. Подобные конструкции использовались с развитием огнестрельного оружия в крепостях Восточной Европы в середине XVI в. [63]. Остатки раскатов могут свидетельствовать о довольно высоком уровне развития военного дела в период Казанского ханства, об использовании нововведений в фортификации для активного применения огнестрельных орудий.

Помимо проблем локализации линии укреплений в последнее десятилетие возник вопрос о возможности существования каменных стен Кремля еще в период ханства. По письменным источникам, посад Казани был укреплен деревянной стеной, состоящей из городней. На основании этого большинство исследователей придерживалось мнения, что и весь город имел деревянные укрепления. Но в результате археологических работ на некоторых участках кремлевской стены были выявлены остатки белокаменных стен и башен первой половины XVI в., что допускает существование каменных стен в целом [64].

Таким образом, проблема укреплений Кремля ханской Казани — вопрос спорный и противоречивый, и пока нет однозначного решения относительно расположения и характера стен. На данном этапе в результате многолетних исследований определены лишь наиболее перспективные направления их археологического изучения.

Не менее сложной проблемой в изучении укреплений северной части Кремлевского холма остается вопрос о расположении стен Ханского двора. А.Курбский, описывая ханский двор во время штурма 1552 г., говорит: «Бо бе зело крепок, между палат и мечетей каменных, оплотом великим обточен» [65]. Большое количество каменных мечетей в этом районе упоминается в писцовой книге 1565—1568 гг. [66] и в других источниках.

Эти факты, характеризующие расположение зданий у ханского двора между укреплениями, совпадают с археологическими материалами, полученными на этой территории. Еще в ходе исследований 1970-х гг. были выявлены остатки мавзолеев с погребениями ханов, уходящими под современные здания Дворцовой церкви и башни Сююмбике [67]. В результате раскопок в районе сквера южнее Благовещенского собора были выявлены остатки каменных зданий, расположенных у Тезицкого рва, где по описанию источников происходила ожесточенная битва у стен мечети Кул-Шариф [68]. Раскопки 2001 г. выявили остатки крупной мечети (?), расположенной под башней Сююмбике, и подвальные помещения большого здания Казанского ханства.

Размещение восточной стены определяется исследованиями вдоль восточного склона Кремлевского холма, где были обнаружены остатки разрушенных каменных стен ханского двора [69].

Западная, южная и северная линии укреплений двора пока не обнаружены. Южная граница в соответствии с источниками определяется между Благовещенским собором и каменными зданиями ханского времени с северной стороны собора. Западная граница, видимо, ограничивалась проездом Шейнкмана, проходя вдоль каменных мавзолеев. Проблема северной линии укреплений связана с вопросом: были они едины с Кремлевской стеной или находились на удалении друг от друга? Археологически в этом районе фиксируется каменная кладка в основании современных стен Кремля, датируемая серединой XVI в. [70]. Небольшой участок каменной стены здесь отмечается и в писцовой книге 1565–1568 гг. [71]. Возможно, это и есть остатки каменной северной стены ханского двора.

Как уже отмечалось, детальное описание Ханского двора дает писцовая книга 1565–1568 гг. Попытка локализации упоминаемых в ней объектов в свое время была предпринята Н.Ф.Калининым [72]. Новые материалы, полученные в результате археологических исследований, позволяют несколько скорректировать его выводы. Так, в частности, в описаниях дорусской Казани определенным интерес вызывают постройки, с которыми связаны погребения казанских ханов. О существовании ханского некрополя у дворца упоминает А.Курбский, где, по его воспоминаниям, находятся останки пяти ханов [73]. Расположенная в районе Губернаторского дворца, башня Сююмбике практически до конца XIX в. в устной народной традиции увязывалась с захоронением мусульманских святых.

В ходе раскопок 1977 г. у Введенской церкви и башни Сююмбике А.Х.Халиковым были выявлены фундаменты двух ханских мавзолеев с несколькими погребениями. Объекты предположительно соотносимы с Муралеевой палатой, указанной в писцовой книге, которая находилась в северо-восточной части Царева двора [74]. Стратиграфически оба мавзолея связаны с отложениями Казанского ханства. Строительный горизонт первого мавзолея перекрывал верхние горизонты золотоордынского слоя. На этом основании время строительства мавзолея было датировано второй половиной XV в. К периоду его функционирования относилось погребение взрослого человека. На уровне пола были выяв-

лены остатки орнаментированных гипсовых плит, возможно, связанных с облицовкой саркофага или надгробия.

В раскопе был выявлен второй мавзолей, построенный также в период Казанского ханства. Уровень его строительства стратиграфически восходит к верхним горизонтам ханского слоя, что позволило датировать время его возведения не позднее первой четверти XVI в. С этим мавзолеем связано четыре погребения — одно детское (погребение III), два взрослых (погребения II, IV) и след разрушенной могильной ямы с человеческими останками (погребение V). Особый интерес вызывает погребение II, костные останки которого покоились в двойном деревянном гробу. Внутренний гроб был полностью обтянут тканями и кожей и обит серебряными гвоздями и накладками, что явно свидетельствовало о высоком социальном статусе погребенного.

Было проведено детальное антропологическое исследование костных останков с привлечением различных специалистов и сделана реконструкция черепов Т.С.Балуевой по методу М.М.Герасимова (рис. 10) [75]. В результате сопоставительного анализа сведений, полученных естественнонаучными методами, и данных, известных по письменным источникам, удалось установить, что костяк из погребения I принадлежит хану Махмуду (ум. в начале 1460-х гг.), а из погребения II — хану Мухаммад-Эмину (ум. в 1518 г.) [76].

Исследования 2001 г. позволили выявить еще два крупных каменных здания на территории ханской резиденции. Один из объектов 14 x 23 м, ориентированный по линии ЮЮЗ (аз. 207°), является остатком подвального помещения кирпично-каменного здания, состоящего из двух частей — белокаменной и кирпичной. Можно выделить два периода строительства. С первым периодом связано возведение белокаменной части (14 x 14 м). Стратиграфически время возведения здания относится к ранним горизонтам Казанского ханства. Другая часть здания (9 x 9 м) построена из кирпича и связана с верхними горизонтами слоя Казанского ханства. Время разрушения здания и засыпки подвалов относится к рубежу XVII—XVIII вв.

Подобное расположение здания в нашем регионе характерно для мечетей. Предположительно сооружение представляет собой остатки Ханской мечети. По писцовой книге 1565—1568 гг. она

соотносится с локализуемой здесь мечетью у Царского двора [77]. Историческая память татарского народа олицетворяет до сего дня в своем сознании башню с Ханской мечетью. После разрушения мечети на этом месте была построена башня Сююмбике, образно отражая в своем облике и расположении преемственность застройки ханской резиденции. Закономерным и реальным проявлением этого является установка на ней в 1918 г. полу-месяца, восстановленного в начале 1990-х гг.

Другой крупный объект ханского времени был обнаружен в центральной части двора резиденции Президента РТ. Он представляет собой остатки подвальной части белокаменного здания 18 x 24 м [78], ориентированного по сторонам света и повторяющего в плане расположение предшествующих ему зданий, сохраняя в себе принципы предшествующей застройки. В результате уничтожения культурного слоя в середине XIX в. в раскопе не удалось выявить горизонт строительного мусора времени его возведения. Постройка была сломана предположительно на рубеже XVII–XVIII вв., ее частично разрушает фундамент здания Архиерейского двора, построенного на рубеже XVIII–XIX вв. В основании заполнения подвальных помещений выделяется слой Казанского ханства, что позволяет говорить о ее существовании в дорусское время. Опираясь на описание Казани по писцовой книге, ее можно увязать с Большой палатой, упоминаемой в Царевом дворе [79]. По картографическому материалу XVII в. на этом месте находятся три постройки: Введенская церковь, проездные ворота и одноэтажное здание в центре двора [80]. В планах XVIII в. во второй его четверти здесь появляется Государев двор. Он находился с восточной стороны Введенской церкви и простоял почти до начала XIX в. В начале XIX в. здесь фиксируется служебное двухэтажное помещение архиерея, которое можно увидеть на рисунке Э.Турнерелли [81]. Оно реально соотносится с остатками фундамента здания, частично разрушающего кладку ханской постройки. В начале XIX в. здесь возводится Оберкомендантский дом, погибший в пожаре 1842 г., а на его месте уже к концу 1840-х гг. возвышается Губернаторский дворец, существующий и поныне [82].

Таким образом, как видно по письменным источникам, в числе построек, упоминаемых после 1552 г., нет достаточных сведений

об объектах Царева двора. По планам Кремля можно сказать, что объект в центре современной резиденции Президента РФ исчезает в начале XVIII вв. Выявленный объект, учитывая его размеры, местоположение и картографические данные, вполне сопоставим с Ханским дворцом, входившим в комплекс «Царева двора» писцовой книги под именем Большой палаты.

Большинство объектов Казанского ханства представляют собой остатки прямоугольных в плане ям с опущенными в них срубами из горбылей, являющихся остатками подклетов наземных зданий. В одном из них в слое пожара 1552 г. был найден клад монет, рассыпанных по обугленному полу [83].

В размещении сооружений с западной стороны Благовещенского собора прослеживается определенная планировка. Они расположены в два ряда вдоль незастроенной полосы (аз. 205–210°) шириной 200–250 см со следами деревянного мощения, связанного предположительно с остатками небольшого переулка. Важно при этом отметить, что ориентировка выявленных объектов соответствует региональному азимуту на Мекку. Подобная застройка, возможно, объясняется привязкой построек к находящимся вблизи мусульманским культовым постройкам, не попавшим в раскоп, учитывая то, что рядом с раскопом напротив северного придела Благовещенского собора по писцовой книге 1565–1568 гг. находилась мечеть (см. ниже).

Еще одна улица в ханском дворе была выявлена вдоль восточной каменной стены, которая шла к Елбугиным (Воскресенским) воротам на расстоянии 20 м от края склона холма. Пространство с обеих сторон аналогично вышеописанному переулку было плотно застроено жилыми домами. Перпендикулярно шла дорога в северной части двора от Муралеевых (Тайницких) к тем же Елбугиным (Воскресенским) воротам. Пока не выявлена, но, видимо, была улица и со стороны башни Сююмбике.

Таким образом, ханский двор был относительно плотно застроен не только каменными зданиями, но и жилыми деревянными постройками. Видимо, как и в русских городах того времени, каменные здания несли в значительной степени представительский статус, а удобными и более привлекательными для проживания с точки зрения температурного и влажностного режима оставались деревянные постройки.

В целом планировка северной части Кремлевского холма относительно золотоордынского периода существенно изменилась. Появляются крупные кульговые и административные каменные здания. После образования Казанского ханства, а, возможно, и в конце золотоордынского времени, вновь начинается строительство каменных зданий в древней части города. При описании штурма Казани, как уже отмечалось, говорится о множестве каменных зданий, располагавшихся вокруг Ханского двора.

Одним из легендарных зданий ханской Казани, бесспорно, является мечеть Кул-Шариф. По русским письменным источникам, на последнем этапе штурма у ее стен шел ожесточенный бой [84]. Мечеть располагалась между Ханским двором и Тезицким рвом. Представляется очень странным отсутствие упоминания каменных зданий при характеристике Архиерейского двора в писцовой книге 1565—1568 гг. Это, возможно, объясняется неполнотой самого источника, что отмечалось многими исследователями, или отсутствием разрушенных к этому времени зданий. В одной из работ Ш.Марджани описывается внешний облик двух мечетей. Одна из них – Соборная восьмикупольная мечеть и другая – мечеть-медресе у Тезицкого оврага, во главе которой был Кул-Шариф [85].

Различными исследователями неоднократно предпринимались попытки локализации этих двух кульговых зданий [86]. Так, М.Г.Худяков размещал мечеть Кул-Шариф на территории Спасо-Преображенского монастыря, считая, что Тезицкий ров проходил перед современными южными стенами Кремля, а соборную мечеть – между башней Сююмбике и Благовещенским собором [87]. Н.Ф.Калининым было высказано предположение, что мечеть Кул-Шариф находилась на месте Архиерейского двора, а Соборная восьмикупольная мечеть – в районе Благовещенского собора [88].

В ходе археологических раскопок удалось выявить несколько каменных построек ханского времени между современным Благовещенским собором и зданием Министерства здравоохранения севернее древнего Тезицкого рва [89]. Фундаменты зданий были выбраны в начале XIX в. до основания. Их удалось обнаружить в центральной части раскопа только в виде следов свай-коротышей, вбитых для уплотнения грунта. Один из объектов

комплекса, в котором фиксировалась часть нижней кладки, а также архитектурные детали в слое разрушения были выявлены на газоне у проезда Шейнкмана. В ходе их расчистки были выявлены кирпичи, а также многочисленные кашинные поливные облицовочные бирюзового цвета вставки. Возможно, в несохранившейся верхней части здание было кирпично-каменным с поливной облицовкой. С восточной стороны к ней вплотную примыкала проезжая часть центральной улицы периода Казанского ханства. На небольшом участке (около 10 кв. м) перед каменными зданиями было обнаружено более десятка наконечников стрел с погнутыми черешками и боевыми головками. Полученные материалы подтверждают ожесточенность битвы, произошедшей у зданий на краю Тезицкого рва.

Строительство всего комплекса этих зданий датируется концом XV— началом XVI в. Ученым пока не удалось выявить конструктивных деталей сооружений, указывающих на точное их функциональное назначение. Расположение этих зданий и археологический материал позволяют предположить, что они могли входить в комплекс построек мечети и медресе Кул-Шариф.

Определенный интерес представляют материалы, найденные в XIX в. при строительстве крыльца Благовещенского собора с его западной стороны [90]. Здесь было обнаружено несколько кладов монет дорусского времени и обломки архитектурных гипсовых герихов. Близкий комплекс вещей был выявлен при изучении остатков предполагаемой мечети Кул-Шариф. Вероятнее всего, эти предметы связаны со зданием ханского времени, упоминаемым в писцовой книге 1565—1568 гг., как мечеть (соборная?) против Благовещенского собора [91].

В числе построек ханского времени привлекает внимание небольшой фрагмент кирпично-каменного фундамента, зафиксированный во дворе Пушечного двора [92]. Незначительность сохранившейся части кладки (225 x 90 см, высота 80 см) не позволила определить функциональное назначение постройки, но важно то, что здесь впервые в неповрежденном виде были зафиксированы остатки кирпичной кладки периода Казанского ханства, хотя до этого обломки кирпичей были известны уже по раскопам предшествующих лет. В результате изучения остатков фундамента ученым удалось установить, что уже в

ханское время на территории Казани пользовались брусковыми кирпичами размерами 29–30 x 14–14,5 x 7–7,5 см. Подобные кирпичи были и в кладке Ханской мечети.

Важно отметить, что в черте города шел процесс выравнивания углублений (рвов и оврагов) на вновь заселяемых и ранее освоенных территориях. Был засыпан ров домонгольской крепости в центре Кремля, остатки которого известны по русским источникам как Тезицкий овраг [93]. Его следы в период Казанского ханства в районе центрального проезда сохраняются в виде небольшой ложбины с максимальным углублением до 1,5 м. Идет интенсивное освоение территории южнее этого рва (в западной половине Кремля), что нашло отражение в засыпке находящейся там ложбины. Над ней в начале ханского периода был, видимо, сооружен небольшой мост, но уже ко времени отложения средних горизонтов ханского слоя поверх засыпанного русла сформировалась улица, проходящая по линии восток-запад [94]. Еще одна новая улица возникает под восточным склоном холма в районе ремесленных мастерских [95].

Топография улиц, видимо, подчинялась рельефу местности. Определяя размещение улиц в Казани, необходимо сказать, что, по археологическим данным, они продолжали функционировать и в русское время. Так, например, сохранялись въезды с Арской, Галицкой, Ногайской дорог. Улицы, описываемые в писцовой книге 1565–1568 гг., вероятнее всего, повторяли структуру ханской Казани. Осевой, центральной являлась улица по гребню Кремлевского холма от Царевых ворот к Ханскому двору. Перпендикулярно ей, видимо, располагались улицы, идущие по естественным понижениям к проездным воротам, также существовавшие и в раннерусское время.

Внутри Кремля уже к концу золотоордынского периода возникает внутренняя планировка поселения, просуществовавшая до конца XVII в. С горизонтами слоя Казанского ханства соотносятся, помимо центральной, еще две вымощенные деревом улицы. Одна из них проходила от южных ворот к спуску в северо-восточной оконечности кремля. Другая улица шла перпендикулярно к центральной от западной стены к северо-западному краю современного здания Благовещенского собора [96].

С периодом накопления отложений ханского времени связано до пяти горизонтов подновления мостовых. Незначительная толщина древесного тлена в этих прослойках, возможно, объясняется использованием для этого коры лиственных деревьев. Все три улицы пересекались в районе южных ворот, образуя в этой части города вблизи Соборной мечети и мечети Кул-Шариф площадь.

По отложениям напластований Казанского ханства в укрепленной части можно видеть, что застройка велась очень активно, что отразилось в характере отложения слоев с большим количеством выбросов материкового грунта из котлованов построек. В то же время строительство сопровождали частые разрушительные пожары, что стратиграфически фиксируется в виде прослоек угля. Так, в первом раскопе 1995 г. зафиксировано до 5 горизонтов перестроек одного объекта, перекрываемых пожарами.

Несмотря на это, дома в городе размещались очень плотно, как и в Кремле, что описывается в летописях: проехать «на конех бо невозможно, теснота во граде великая во хоремах» [97]. Наглядно это видно при рассмотрении расстояния, на котором располагались объекты между собой. Ширина улиц составляла около 3,5–4 м, а между выявленными археологами подклетьями наземных зданий расстояние не более 4–5 м.

Город за пределами Кремля тоже интенсивно развивался. К 1552 г. были освоены новые территории и плотно застроены ранее освоенные. В границы укрепленного посада была включена территория до ул. Астрономической, ограниченная с востока Черноозерской протокой, а с запада – р. Булаком. Увеличилось число слобод за пределами укреплений – Кураишева, Армянская, Старое городище (на месте Богородицкого монастыря), Бишбалта и др.

За пределами укрепленной Казани размещались пригородные поселения и слободы. Одной из наиболее часто упоминаемых является Кураишева слобода с каменной Отучевой мечетью [98]. По описаниям штурма и города в первые десятилетия после взятия, слобода локализуется в пределах современных ул. Т.Гиззата и Татарстан, ограничивающих ее с севера и юга, и ул. Ш.Камала и Левобулачная – с запада и востока. Местоположение мечети, к сожалению, пока не установлено. Учи-

тывая особенности строительства каменных культовых зданий на территории Казанского кремля, можно предположить, что она находилась в районе бывшей Варлаамской церкви, располагавшейся на месте нынешнего Центрального рынка.

Слобода Бишбалта, упоминаемая в источниках при описании штурма города, находилась за р. Казанкой. Ее название и сегодня увязывается с Адмиралтейской слободой, основанной на ее месте в начале XVIII в. Небольшие поселения, возможно, находились на Зилантовой горе, Архиерейской даче [99] и на осваивавшемся пространстве в сторону Арского поля.

Много споров в свое время вызвало определение местоположения Старого городища, известного по источникам. Как уже отмечалось, до проведения археологических исследований с ним соотносили территорию Федоровского бугра [100] или Зилантовой горы [101] и др. места [102]. Существование района с таким названием на территории Казани давало исследователям повод для предположения о его более древнем заселении. Сегодня, по археологическим данным, оно локализуется на Богородицком холме. Время заселения определяется XII—XIII вв. Важно отметить, что поселение продолжало существовать и во время Золотой Орды, и во время Казанского ханства, являясь еще одним из населенных пунктов дорусской Казани за пределами укреплений. Учитывая, что следы укреплений городища пока не найдены, трудно объяснить причину подобного названия этой местности.

Не менее интересными объектами являются легендарные Даирова баня и тайник с подземным ходом к источнику [103]. Именно с Даировой баней напрямую связана организация взрывов подкопов под Тайницким ключом и стеной между Аталыковыми и Тюменскими воротами. Оба объекта локализируются с западной стороны Кремля. Даирова баня предположительно находилась в районе ул. Ташаяк, а источник севернее – ближе к р. Казанке. Однако археологами они пока не выявлены.

В городе, помимо ханских мавзолеев, существовали и другие общественные некрополи. О каменных надгробиях на территории Казани известно по многим описаниям. Следы могильников ханского времени локализируются по их упоминанию в письменных источниках и по археологическим данным. Основываясь на этих источниках, можно локализовать могиль-

ники в районе главного здания КГУ [104], Центрального рынка (ул. Межлаук) [105], на территории Гостиного двора [106], а также вблизи Армянской слободы (ул. Калинина) [107].

Хозяйственная жизнь города, бесспорно, была тесно связана с торговлей и ремесленным производством. Как уже говорилось, Казань, следуя традициям Волжской Булгарии, стала крупным пунктом в транзитной торговле, соединяя в себе Восток и Запад, о чем может свидетельствовать международная ярмарка на Гостином острове. Ремесленное производство к этому времени также занимает немаловажное место в экономической жизни города. В городе жили ремесленники: металлурги, кузнецы, плотники, каменщики, кожевенники, ювелиры, гончары и др. В результате археологических исследований 1985 г. в районе будущей станции метро «Кремлевская» и в 1998–2001 гг. на территории Казанского Кремля были обнаружены большие производственные помещения по изготовлению кожи [108]. В ходе раскопок в 2001 г. в районе разрушенной Северо-восточной башни Кремля П.Н.Старостиным были найдены остатки металлургических (медеплавильных) горнов. При описании города упоминаются мельницы, а в ходе раскопок во многих постройках обнаруживается большое количество обугленного зерна, что свидетельствует о значительном развитии товарного производства зерна на селе, а также о существовании в городе ремесленников, занимающихся обмолотом зерна и выпечкой хлеба. Массовый материал из слоев Казанского ханства составляют обломки большого количества керамической посуды. Изготовление гончарных изделий всегда занимало значительное место в регионе с болгарских времен. Однако следы гончарного производства на территории Казани пока не выявлены, но его существование вполне реально и вопрос локализации остается за будущими исследованиями.

В целом площадь Казани в пределах укреплений составляла около 600 000 кв. м. На этой территории города помимо посада находился Кремль (около 80 000 кв. м). В свою очередь Кремль включал в себя ханский двор (около 4000 кв. м). Определяя численность населения города, исследователи указывают от 5 до 30 тыс. человек. Для сравнения: численность русского населения по писцовым книгам к концу XVI в. составляла около 15–17

тыс. человек. При этом надо учитывать, что город увеличился почти в два с половиной раза, хотя наблюдалась большая разбросанность дворов русских поселенцев с многочисленными пустыми дворами в центральной части. Видимо, количество постоянного населения ханской Казани к концу первой половины XVI в. не намного превосходило численность населения города русского времени и достигало примерно 15 тыс. человек.

Таким образом, Казань в ханский период представляла собой крупный город с большим укрепленным посадом, Кремлем и ханским двором. В центральной части высились огромные каменные здания с богатым внешним и внутренним убранством. В нем уживались различные религии и народы, участвуя в активной международной торговле, проходящей у стен Казани.

Ханская Казань погибла во время штурма и пожара, а впоследствии остатки города разрушались русскими поселенцами, приспособившими местность под новый город. К концу XVI в. город разрастается, перешагнув за Булак. В XVII в. Казань становится вторым по численности и размерам городом в России, но даже в качестве крупного русского города она сохраняла следы татарского времени. На ее территории многие объекты увязывались со старыми их названиями, а некоторые с небольшими изменениями продолжают существовать и сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Губайдуллин А.М. О классификации городищ Волжской Булгарии // Археологическое изучение болгарских городов. — Казань, 1999. — С.72–76.; Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X–начале XIII вв. — Казань, 2001. — С.52–79.

2. Каниц Ю. Краткое изъяснение плана древнего города Казани и описание осады и покорения онога // Сб. древностей Казанской епархии П.Любарского. Православный собеседник. — Казань, 1868. — С.117, 127–128; Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. — СПб., 1767; Хузин Ф.Ш. Древняя Казань в документах и материалах // Эхо веков. — Гасырлар авазы. — 1995. — С.34–35.

3. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С. 20.

4. Там же. — С. 23.

5. Там же. — С. 25, 76–78

6. Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в.

Рукопись докторской диссертации // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.202, л.171–191, 221–276.

7. Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. – Казань, 1983. – С.111–138.

8. Фукс К.Ф. Краткая история г. Казани // Фукс К.Ф. Казанские татары. – Казань, 1991. – С.145–200; Мәржани Ш. Мөстафад әл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989; Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.202, л.286.

9. Древняя Казань глазами современников и историков. – Казань, 1996. – С.37, 44.

10. Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.202, л.87–88; Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г. // Труды историко-археологического института. Материалы по истории народов СССР. – М., 1932. – Вып. 2. – С.45.

11. Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. – Казань, 1983. – С.111–138. Выводы А.Х.Халикова основываются на небольших наблюдениях с северной стороны ул. Астрономической. Его предположения требуют проведения дополнительных исследований.

12. Каниц Ю. Краткое изъяснение плана древнего города Казани и описание осады и покорения онога // Сб. древностей Казанской епархии П.Любарского. Православный собеседник. – Казань, 1868. – С.117, 127–128; Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. – СПб., 1767.

13. Кирилов А. Цветущее состояние Всероссийского государства. – Кн. II. – М., 1831; Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. – Казань, 1849; Заринский П. Топография г. Казани в 1522 г. во время осады его русскими войсками // Труды IV АС. – Казань, 1884. – Т. I. – Отд. 2. – С.59–98; Заринский П. Очерки древней Казани, преимущественно XVI в. – Казань, 1877; Богдановский М.А. К вопросу о расположении городской стены Казанского посада в 1552 г. – Казань, 1899; Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани. 1552 г. – СПб., 1898; Древняя Казань глазами современников и историков. – Казань, 1996. – С.186–188.

14. История Казани. – Казань, 1988 – Кн. 1.; Шавахин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Дисс. ... к. и. н. – Казань, 1988; Калинин Н.Ф. История

Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.202; Его же. Казань. Исторический очерк. 2-е, исправленное и дополненное издание. — Казань, 1955; Жеребов Д. Инженерное обеспечение взятия Казани в 1552 г. // Военно-инженерный журнал. — 1949. — №8. — С.31–42; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1990; Пинегин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. — СПб., 1890; Воронцов К. Историко-топографический очерк Казани перед завоеванием ее русскими // Ученые зап. Казан. ун-та. — 1890. — Кн. 6. — С.63–102; Борисов В.Л. Ответ г. Богдановскому по поводу его статьи «К вопросу о расположении городской стены Казанского посада в 1552 г.» // ИОАИЭ. — Казань, 1899 — Т.ХV; Борисов В.Л. Рецензия на книгу Богдановского «Инженерно-исторический очерк осады Казани». // ИОАИЭ. — Т.ХIV. — Вып.6. — С.700–715. — Казань, 1898; Какой вид имела Казань в XVI в. // Казанские губернские ведомости. — 1856. — № 33,34, 36, 40, 41, 43, 44, 46; Краткое медико-физическое и топографическое описание г. Казани и губернии оной. — СПб., 1809; Трофимов В. Поход под Казань, ее осада и взятие в 1552 г. — Казань, 1890; Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. — Казань, 1877.

15. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.38.

16. Халиков А.Х. Отчет об археологических работах 1988 г. в зоне предполагаемого строительства станции Казанского метро «Кремлевская» // Архив НЦАИ Института истории АНТ.

17. Пестриков М.С. Описание Казани 1739 г. // ИОАИЭ. — Казань, 1909 — Т. XXV; Каниц Ю. Краткое изъяснение плана древнего города Казани и описание осады и покорения оного // Сб. древностей Казанской епархии П.Любарского. Православный собеседник. — Казань, 1868.

18. История Казани. — Казань, 1988 — Кн. 1.; Шавахин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Дисс. ... к. и. н. — Казань, 1988.

19. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-68 гг. и 1646 г. // Труды историко-археологического института. Материалы по истории народов СССР. — М., 1932 — Вып.2; Хомяков М.М. Где была Старая Казань // ИОАИЭ. — Казань, 1910. — Т. XXVI. — Вып.6.

20. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.29.

21. Халиков А.Х. Отчет об археологических наблюдениях в Ка-

зани в 1985 г. // Архив НЦАИ Института истории АНТ; Ситди-ков А.Г. А.Х.Халиков — исследователь средневековой Казани // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. — Казань, 1999. — С.35—46.

22. История Казани.— Казань, 1988. — Кн. 1. — С.26—29.

23. ПСРЛ. — Т. 13. — М., 1965. — С.201—221.

24. Казанская история. Новое сказание, вкратце повествующее о начале Казанского царства, и о войнах с казанскими царями великих московских князей, и о победах их, и о взятии Казанского царства. Перевод Т.Ф.Волковой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. — М., 1985. — С.310—539.

25. Шерифи Х. Зафер-наме-и вилайет-и Казан (1549) // Эхо веков. — Гасырлар авазы. — 1995. — С.83—92.

26. Курбский А. История о великом князе московском. Перевод А.А.Алексеева // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. — М., 1986. — С.229—280.

27. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-68 гг. и 1646 г. // Труды историко-археологического института. Материалы по истории народов СССР. — М., 1932. — Вып. 2.

28. Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. — Казань, 2001. — С.31—39.

29. Карамзин Н.М. История государства Российского. — Калуга, 1994. — Т.V—VIII. — С.502—512; Заринский П. Топография г. Казани в 1522 г. во время осады его русскими войсками // Труды IV АС. — Казань, 1884. — Т.I. — Отд.2. — С.59—98; Очерки древней Казани, преимущественно XVI в. — Казань, 1877 г. — 218 с.; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1990. — 310 с.; Шавохин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Дисс. ... к. и. н. — Казань, 1988; Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.209; Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. — Казань, 1849; История Казани. — Казань, 1988. — Кн.1. — С. 30-31.

30. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.40.

31. Шавохин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Дисс. ...к. и. н. — Казань, 1988; Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.40.

32. История Казани. — Казань, 1988. — Кн. 1.— С. 30—31.

33. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.38, 40, 42.

34. История Казани. — Казань, 1988. — Кн. 1.; Калинин Н.Ф. Казань. Исторический очерк. 2-е, исправленное и дополненное издание. — Казань, 1955.

35. Шавохин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Дисс. ...к. и. н. — Казань, 1988; Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. — Казань, 1849.

36. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.40.

37. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-68 гг. и 1646 г. // Труды историко-археологического института. Материалы по истории народов СССР. — М., 1932. — Вып. 2. — С.13.

38. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.99.

39. Заринский П. Топография г. Казани в 1522 г. во время осады его русскими войсками // Труды IV АС. — Казань, 1884. — Т. I. — Отд. 2. — С.59—98; История Казани. — Казань, 1988. — Кн.1; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1990.

40. Раскопки в Казанском кремле в 1954 г. Материалы //АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.311; Шавохин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Дисс. ...к. и. н. — Казань, 1988.

41. История Казани. — Казань, 1988. — Кн. 1. — С.31.

42. Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации //АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.202; История Казани. — Казань, 1988. — Кн. 1.— С.29.

43. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. — СПб., 1906; Халит Н.Х. Архитектура ханской Казани. — Казань, 1999; Халит Н. Загадочный собеседник. Вид Казани XVI века // Казань. — № 5/6. — 1999. — С. 44—45; Хафизов Д. Казань — столица Казанского ханства. 50-е (?) годы XVI в. // Казань. — № 5/6. — С.43.

44. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.100.

45. Там же.

46. История Казани. — Казань, 1988. — Кн. 1.— С.31.

47. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.122.

48. История Казани. — Казань, 1988. — Кн. 1.— С.32.

49. Отчет о раскопках в Казанском кремле в 1935 г. и материалы к отчету (планы расположения, дневник раскопок) // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед. хр.293; Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш. Раскоп Х 1997 года // АГИХАМЗКК, оп.1, ед. хр. 589; Шавахин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Дисс. ... к. и. н. — Казань, 1988.

50. Заринский П. Топография г. Казани в 1522 г. во время осады его русскими войсками // Труды IV АС. — Казань, 1884. — Т. I. — Отд. 2. — С.59—98; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1990; Шавахин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Дисс. ... к. и. н. — Казань, 1988.

51. Каниц Ю. Краткое изъяснение плана древнего города Казани и описание осады и покорения оного // Сб. древностей Казанской епархии П.Любарского. Православный собеседник. — Казань, 1868; Рычков П.И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. — СПб., 1767; Кирилов А. Цветущее состояние Всероссийского государства. — М., 1831. — Кн. II.; Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани. 1552 г. — СПб., 1898; Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. — СПб., 1858. — Ч.1; Какой вид имела Казань в XVI в. // Казанские губернские ведомости. — 1856. — № 33,34, 36, 40, 41, 43, 44, 46; Жеребов Д. Инженерное обеспечение взятия Казани в 1552 г. // Военно-инженерный журнал. — 1949. — № 8. — С.31—42; Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.202; История Казани. — Казань, 1988. — Кн. 1; Халит Н.Х. Архитектура ханской Казани. — Казань, 1999 и др.

52. Материалы археологических раскопок в Казанском кремле в 1949 г. // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.299; Бороздин И.Н. Археологические разведки в кремле. I. Разведки близ Киприановой церкви // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. — Казань, 1929. — Т.III. — С.37—40.

53. Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.202, л.277—281; Его же. Где был дворец Казанских ханов // ВНОТ. — Казань, 1927.— № 6. — С.81—96.

54. Шавахин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Дисс. ... к. и. н. — Казань, 1988.

55. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.131—133.

56. Там же. — С.46.

57. Мәржани Ш. Мөстафад әл-әхбар фи ахвали Казан вә Болгар. — Казан, 1989. — 199 б.
58. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.100.
59. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV—XVI вв. — Казань, 1979.
60. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.20, 23, 25.
61. Ермолаев И.П. Город Казань по Писцовой книге 1565—1568 годов // Страницы истории города Казани. — Казань, 1981. — С.7—15.
62. Материалы археологических раскопок в Казанском кремле в 1953 г. // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр. 304; Отчет Н.Ф.Калинина об археологических раскопках в Казанском кремле 1953 г. // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.305; Раскопки в Казанском кремле в 1954 г. Материалы // Ф.8, оп.1, ед.хр.311; Материалы археологических раскопок у Тайницкой башни Казанского кремля в 1954 г. // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.313; Калинин Н.Ф. Отчет о раскопках Казанского кремля в 1953 г. // АОПИ ИА РАН. Р-1 № 813; Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском кремле в 1953г. // Известия КФАН СССР. — Казань, 1955. — Вып.1. — С.117—138.
63. Очерки материальной культуры XVI в. — М., 1977. — Ч.1.— С.319; Кардин Н.П. Русское деревянное оборонительное зодчество. — М., 1988. — С.189.
64. Отчет о раскопках в Казанском кремле в 1935 г. и материалы к отчету (планы расположения, дневник раскопок) // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед. хр.293; Шавахин Л.С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении. Дисс. ... к. и. н. — Казань, 1988.
65. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.131.
66. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-68 гг. и 1646 г. // Труды историко-археологического института. Материалы по истории народов СССР. — М., 1932. — Вып.2. — С.2—4.
67. Халиков А.Х. Отчет о работах в Казанском кремле в 1977 г. // АОПИ ИА РАН. Р-1 № 6643; Айдаров С.С. Архитектурное наследие Казани. — Казань, 1978; Халиков А. Что, башня, в имени твоём? // Татарстан. — 1992. — № 11/12. — С. 60—65; Халиков А.Х. Остатки ханских мавзолеев в Казанском Кремле (по материалам раскопок 1977 года) // Мавзолеи Казанского Кремля. — Казань, 1997.
68. Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Продолжение исследований

на раскопе II// АГИХАМЗКК, оп.1, ед. хр. 431; Хузин Ф.Ш. Новые открытия Казанского Кремля (предварительное сообщение о раскопках 1997 года) // Татарика. — 1997/98. — № 1. — С.133—137; Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г., Шарифуллин Р.Ф., Набиуллин Н.Г. Археологические исследования в Казанском Кремле (1994—1996 гг.) // Биляр и Волжская Булгария. — Казань, 1997. — С.84—88.

69. Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш. Раскоп I, в Артиллерийском дворе // АГИХАМЗКК, оп. 1, ед. хр. 462; Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш. Раскоп IX 1997 года//АГИХАМЗКК, оп. 1, ед.хр. 588; Ситдииков А.Г. Исследование древнейших укреплений Казани в 1998 г. // Материалы XXXI УПСК. — Самара, 1999. — С.89—90; Ситдииков А.Г. К вопросу об укреплениях домонгольской Казани (по материалам раскопа XX 1998—1999 гг.) // Этническая и государственная история болгарского народа. — Казань, 1999. — С.12—13; Ситдииков А.Г. К вопросу о древнейших укреплениях Казани (по материалам раскопов X, XX 1997—98 гг.) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. — Болгар, 1999. — С.60—63; Шавахин Л.С. Раскопки в Казанском Кремле // АО 1973 года.. — М., 1974. — С.178.

70. Отчет о раскопках в Казанском кремле в 1935 г. и материалы к отчету (планы расположения, дневник раскопок) // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед. хр.293.

71. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-68 гг. и 1646 г. // Труды историко-археографического института. Материалы по истории народов СССР. — М., 1932.— Вып. 2. — С.1.

72. Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации //АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.202.

73. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.122.

74. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-68 гг. и 1646 г. // Труды историко-археографического института. Материалы по истории народов СССР. — М., 1932. — Вып. 2; Калинин Н.Ф. Где был дворец казанских ханов // ВНОТ. — Казань, 927. — № 6. — С.81—96; Халит Н.Х. Мечеть Нур Али: поиски и находки // Татарстан. — 1994. — № 7-8. — С.121—129.

75. Мавзолеи Казанского Кремля (опыт историко-антропологического анализа). — Казань, 1997. — 158 с.

76. Хузин Ф.Ш., Газимзянов И.Р. Историческая атрибуция захоронений из мавзолеев Казанского Кремля // Мавзолеи Казанского Кремля. — Казань, 1997. — С.7—21.

77. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги

города Казани 1565-68 гг. и 1646 г. // Труды историко-археографического института. Материалы по истории народов СССР. — М., 1932. — Вып.2. — С.2.

78. Хузин Ф., Набиуллин Н. Казанский Кремль // ДИНА. — 2001. — № 8. — С.4–5.

79. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-68 гг. и 1646 г. // Труды историко-археографического института. Материалы по истории народов СССР.— М., 1932. — Вып. 2. — С.8.

80. Алферова Г.В. Цветок шиповника — наш город // Знание — сила. — 1981. — № 3. — С.26–29.

81. Турнерелли Э. Собрание видов города Казани, рисованных с натуры. — Казань, 1994.

82. Айдаров С.С. Архитектурное наследие Казани. — Казань, 1978.

83. Мухамедшин Д., Ситдииков А. Клад монет, зарытый в 1552 году в Казанском кремле (предварительное сообщение) // Великий волжский путь. — Казань, 2001; Булыгин А. Типология монет из клада, обнаруженного в 2000 году на территории Казанского кремля // Великий волжский путь. — Казань, 2001.

84. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.46, 113, 132, 133.

85. Мәржани Ш. Мөстафад әл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. — Казан, 1989. — С.199.

86. Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации //АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.202; Халит Н.Х. Мечеть Кул-Шариф. — Казань, 1996; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1990 и др.

87. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1990. — С 265–272.

88. Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации //АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед.хр.202, л.278–281.

89. Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф. Раскоп II в сквере между Благовещенским собором и Министерством здравоохранения // АГИ-ХАМЗКК, оп. 1, ед. хр. 460; Ситдииков А.Г. К вопросу об укреплениях домонгольской Казани (по материалам раскопа XX 1998–1999 гг.) // Этническая и государственная история болгарского народа. — Казань, 1999; Ситдииков А.Г. К вопросу об укреплениях посада Казани 1552 г. // Проблемы первобытной и средневековой археологии. — Казань, 1999; Ситдииков А.Г. А.Х.Халиков — исследователь средневековой Казани // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. — Казань,

1999; Ситдигов А.Г. К вопросу о древнейших укреплениях Казани (по материалам раскопов X, XX 1997–98 гг.) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. — Болгар, 1999; Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф., Хлебникова Т.А., Набиуллин Н.Г., Ситдигов А.Г. Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. — Казань, 1995; Хузин Ф.Ш. Новые открытия Казанского Кремля (предварительное сообщение о раскопках 1997 года) // Татарика. — 1997/98. — № 1; Хузин Ф.Ш., Ситдигов А.Г., Шарифуллин Р.Ф., Набиуллин Н.Г. Археологические исследования в Казанском Кремле (1994–1996 гг.) // Биляр и Волжская Булгария. — Казань, 1997.

90. Халиков А.Х. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. — Казань, 1983.

91. Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-68 гг. и 1646 г. // Труды историко-археологического института. Материалы по истории народов СССР. — М., 1932. — Вып. 2. — С.3.

92. Ситдигов А.Г., Хузин Ф.Ш. Раскоп I, в Артиллерийском дворе // АГИХАМЗКК, оп. 1, ед. хр. 462.

93. Ситдигов А.Г. А.Х.Халиков — исследователь средневековой Казани // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. — Казань, 1999.

94. Ситдигов А.Г. Раскоп VI. Во дворе Юнкерского училища. Кн. 1. // АГИХАМЗКК, оп. 1, ед. хр. 427; Ситдигов А.Г. Раскоп VI. Во дворе Юнкерского училища. Кн. 2. // АГИХАМЗКК, оп. 1, ед. хр. 428; Ситдигов А.Г. Раскоп VII. Во дворе Юнкерского училища. Кн.1. // АГИХАМЗКК, оп.1, ед. хр. 429; Ситдигов А.Г. Раскоп VII. Во дворе Юнкерского училища. Кн. 2. // АГИХАМЗКК, оп. 1, ед. хр. 430.

95. Хузин Ф.Ш. Исследования у Воскресенской башни. Раскоп IV // АГИХАМЗКК, оп. 1, ед.хр. 432.

96. Ситдигов А.Г., Хузин Ф.Ш. Раскоп X 1997 года // АГИХАМЗКК, оп. 1, ед. хр. 589; Ситдигов А.Г., Шарифуллин Р.Ф. Раскоп XI 1997 года // АГИХАМЗКК, оп. 1, ед. хр. 590.

97. Древняя Казань глазами современников и историков. — Казань, 1996. — С.46.

98. Там же. — С.37.

99. Бурханов А.А. Новые данные по средневековой Казани (итоги раскопок Кабанского городища) // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. — М., 1999.

100. Богдановский М.А. К вопросу о расположении городской стены Казанского посада в 1552 г. — Казань, 1899; Борисов В.Л. Рецензия на книгу Богдановского «Инженерно-исторический очерк оса-

ды Казани» // ИОАИЭ. – Т. XIV. – Вып. 6. – Казань, 1898. – С. 700–715; Загоскин Н. П. Спутник по Казани. – Казань, 1895; Заринский П. Топография г. Казани в 1522 г. во время осады его русскими войсками // Труды IV АС. – Казань, 1884. – Т. I. – Отд. 2; Калинин Н. Ф. Казань. Исторический очерк. – Казань, 1955 и др.

101. Артемьев А. И. Нечто для истории Казани // Казанские губернские ведомости. – 1844. – № 15, 18, 20; Артемьев А. И. Древний болгарский город Жукотин // ЖМВД. – 1851. – Ч. XXXIII. – Кн. 1; Арцыбашев Н. С. О старом городище Казани // Вестник Европы. – 1822. – Ч. 126. – № 21.

102. Хомяков М. М. Где была Старая Казань // ИОАИЭ. – Казань, 1910. – Т. XXVI. – Вып. 6; Хузин Ф. Ш. Еще раз об «Иске Казани» // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной конференции. – Казань, 2000.

103. Древняя Казань глазами современников и историков. – Казань, 1996. – С. 38, 41.

104. Калинин Н. Ф. История Казани с древнейших времен до XVI в. Рукопись докторской диссертации // АИЯЛИ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 202, л. 268.

105. Халиков А. Х. Археологические работы в предбулачной части посада Казани XV–XVI веков // Археологические открытия Урала и Поволжья. – Сыктывкар, 1989.

106. Халиков А. Х. Работы в Казани // АО 1983 года. – М., 1985.

107. Высоцкий Н. Ф. Следы древнейшего армянского кладбища в Казани // ИОАИЭ. – Казань, 1900. – Т. I. – Вып. 1; Миллер Б. В. Об армянских надписях в Болгаре и Казани // Известия Российской Академии истории материальной культуры. – Л., 1925. – Т. IV.

108. Халиков А. Х. Отчет об археологических наблюдениях в Казани в 1985 г. // Архив НЦАИ Института истории АНТ.

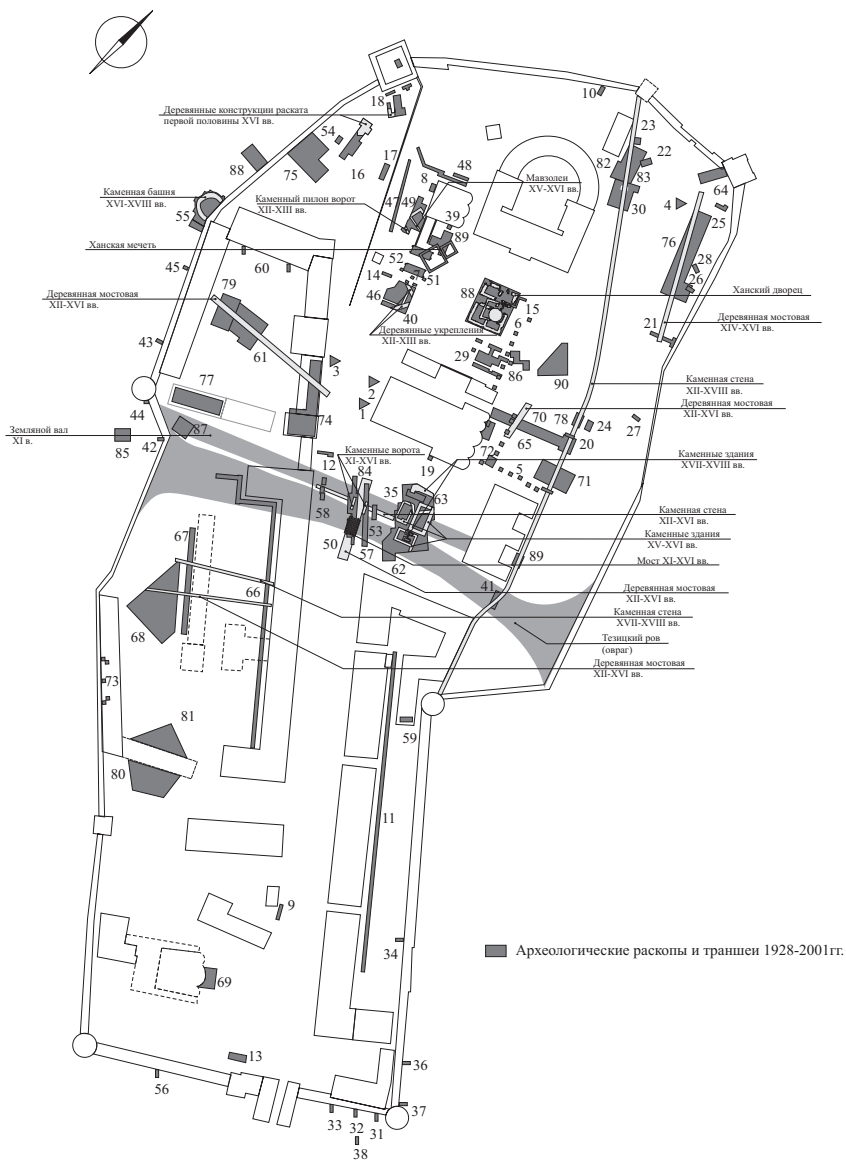
Реконструкция Казанского Кремля по писцовой книге 1565—568 гг. Л.С.Шавохина, С.А.Мамлеевой.

Примечания

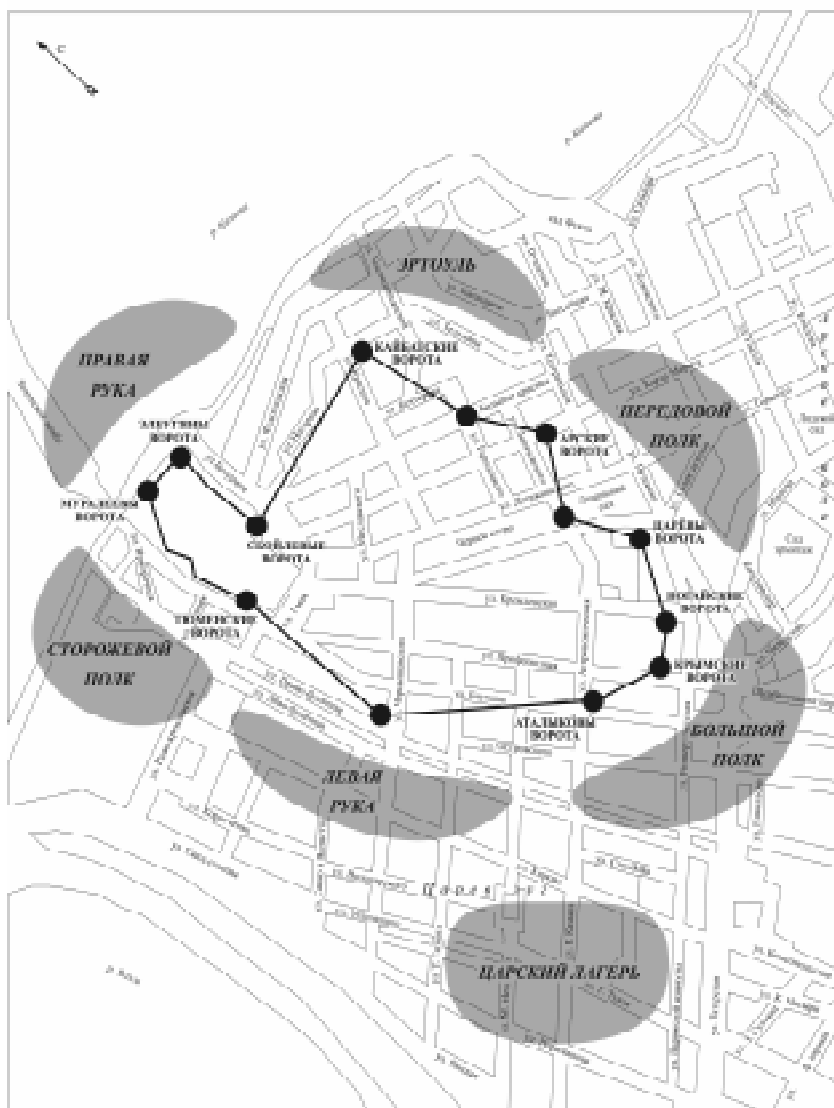
1 - ров Спасский, 2 - ров Старый, 3 - ров Тезицкий, 4 - старая городовая стена, 5 - каменные стены кремля, 6 - деревянные стены кремля, 7 - деревянные башни кремля, 8 - круглые каменные башни кремля, 9 - Спасские ворота с надвратной церковью Спаса нерукотворного, 10 - Преображенские (Тюменские, Сергиевские) ворота, 11 - Тайницкие (Никольские) ворота, 12 - Воскресенские ворота с надвратной церковью Воскресения Христова, 13 - Дмитриевские (Сбойловые) ворота, 14 - церковь Соборная Благовещения пресвятой Богородицы (в одном приделе две церкви страстотерпцев христовых Бориса и Глеба, другой придел Муромских чудотворцев), 15 - колокольня, 16 - церковь Киприяна и Устиныи, 17 - церковь Дмитрия Селунского, в приделе церковь Афанасия Александрийского, 18 - церковь Введения пречистые, в приделе церковь Николы Чудотворца, 19 - церковь Сергия Чудотворца, 20 - теплая церковь Живоначальной троицы, 21 - Спасский монастырь: а - деревянная церковь Преображения Господа, б - церковь Николы Чудотворца с трапезной, 22 - двор Государя Царя и Великого Князя, 23 - часовня, 24 - изба дьячьи, 25 - старая часовня, 26 - двор государевых посланников, 27 - государевы житницы, 28 - Царев двор, 28а - стены и башни Царева двора, 28б - стена Ханского кремля, 29 - мечети 30 - Соборная мечеть, 31 - Муралеева мечеть, 32 - основание минарета мечети, 33 - мавзолеи, 34 - старая каменная стена Ханского кремля, 35 - двор Архиепископа, 36 - конюшенный двор Архиепископа, 37 - дворы воеводские (Князя Михаила Матвеева Лыкова, Князя Григория Андреевича Булгакова, Князя Александра Ивановича Черного - Засекина), 38 - воеводский двор Князя Федора Ивановича Троекурова, 39 - дворы дьячьи (7 дворов), 40 - дворы княжьи и детей боярских и т.д. (38 дворов), 41 - двор монастырский, 42 - нагайский сторожевой двор, 43 - дворы архиепископских всяких дворовых людей и т.д. (17 дворов), 44 - дворы сторожевые и часовников (12 дворов), 45 - дворы годовалыщиков и пустые (49 дворов), 46 - тюрьмы, 47 - изба сторожевая, 48 - деревянный мостик, 49 - мост через овраг, 50 - церковь Иоакима и Анны, 51 - ключ.

План-схема археологической изученности Казанского Кремля.

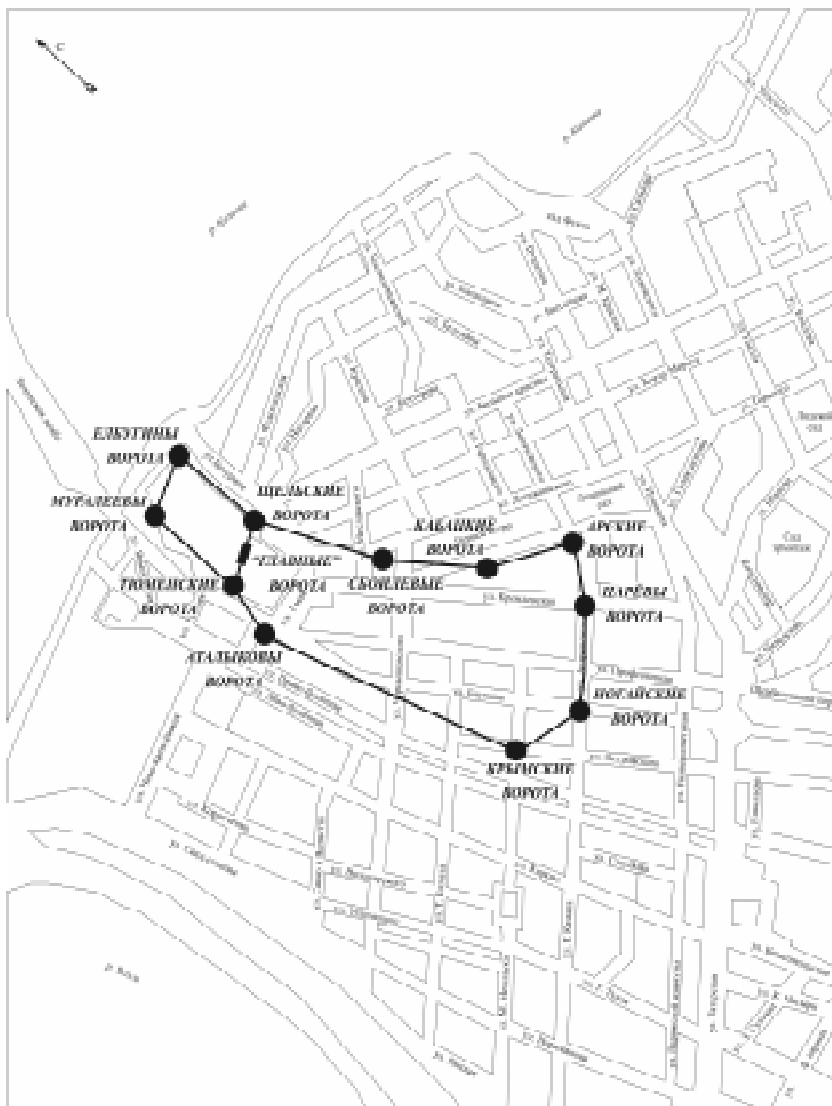

Примечания

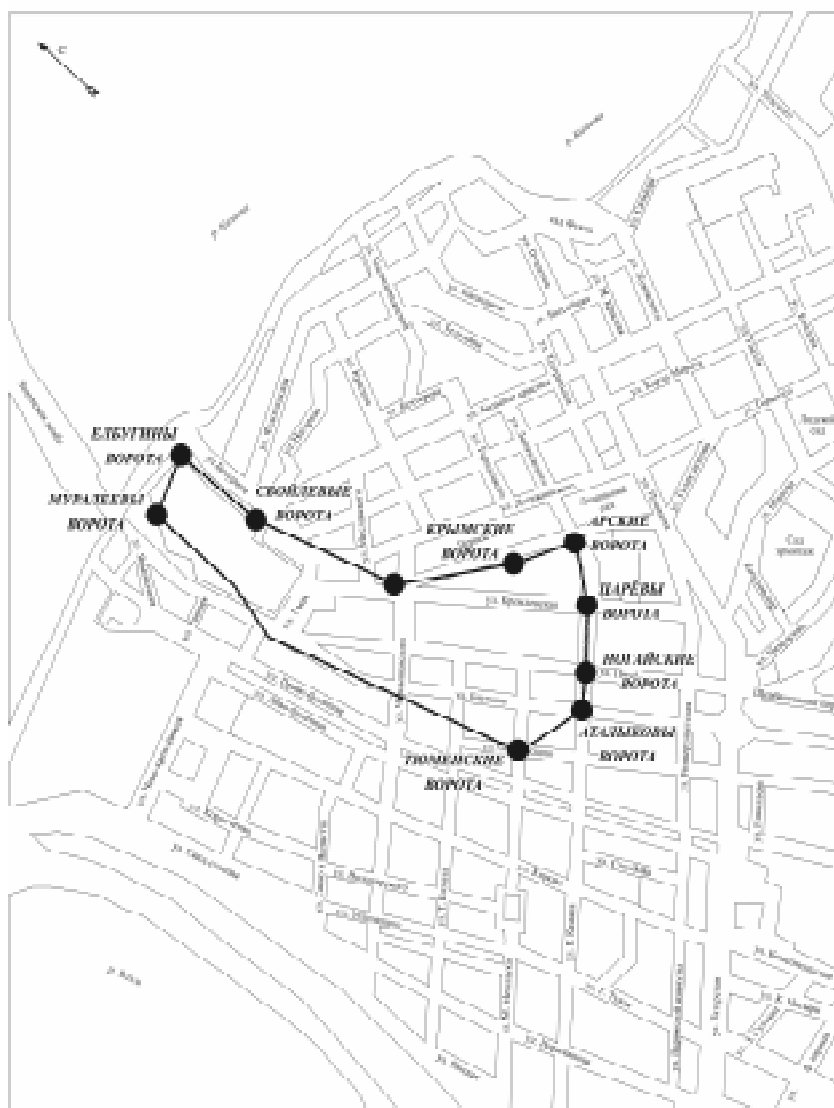
- 1 - Находки архитектурных деталей 60-х годов XIXв.
- 2 - Клад русских монет 1861 г.
- 3 - Клад монет 1878г.
- 4 - Обломок надгробного камня, найденный в 1935 г.
- 5 - Шурфы за Благовещенским собором 1928 - 1929 гг.
- 6 - Шурфы в саду Совмина 1928 г.
- 7 - Шурфы у башни Сююмбеки 1929 г.
- 8 - Шурф у бывшей Дворцовой церкви 1929 г.
- 9 - Шурфу церкви Киприана и Устины 1928 г.
- 10 - Раскоп 1935 г.
- 11 - Траншея 1947 г.
- 12 - Траншея 1948 г.
- 13 - Наблюдения у Спасской башни.
- 14 - Траншея 1925 г.
- 15 - Траншея 1948 г.
- 16 - Раскоп № 1 1953 г.
- 17 - Раскоп № 2 1953 г.
- 18 - Раскоп 1954 г.
- 19 - Шурф № 1 1970 г.
- 20 - Шурф № 2 1970 г.
- 21 - Раскоп № 1 1971 г.
- 22 - Раскоп № 2 1971 г.
- 23 - Раскоп № 3 1971 г.
- 24 - Раскоп № 4 1971 г.
- 25 - Раскоп № 1 1972 г.
- 26 - Раскоп № 2 1972 г.
- 27 - Раскоп № 3 1972 г.
- 28 - Раскоп № 1 1973 г.
- 29 - Раскоп № 1 1974 г.
- 30 - Раскоп № 2 1974 г.
- 31 - Шурф № 1 1974 г.
- 32 - Шурф № 2 1974 г.
- 33 - Шурф № 3 1974 г.
- 34 - Шурф № 4 1974 г.
- 35 - Раскоп № 1 1975 г.
- 36 - Шурф № 1 1975 г.
- 37 - Шурф № 2 1975 г.
- 38 - Шурф № 3 1975 г.
- 39 - Шурф № 4 1975 г.
- 40 - Раскоп № 1 1976 г.
- 41 - Раскоп № 2 1976 г.
- 42 - Шурф № 1 1976 г.
- 43 - Шурф № 2 1976 г.
- 44 - Шурф № 3 1976 г.
- 45 - Шурф № 4 1976 г.
- 46 - Раскоп № 1 1977 г.
- 47 - Раскоп № 2 1977 г.
- 48 - Раскоп № 3 1977 г.
- 49 - Раскоп № 4 1977 г.
- 50 - Раскоп № 5 1977 г.
- 51 - Шурф № 1 1977 г.
- 52 - Шурф № 2 1977 г.
- 53 - Раскоп № 1 1978 г.
- 54 - Раскоп № 2 1978 г.
- 55 - Раскоп № 3 1978-79 гг.
- 56 - Шурф № 1 1978 г.
- 57 - Шурф № 2 1978 г.
- 58 - Шурф № 3 1978 г.
- 59 - Котлован под кафе 1976 г.
- 60 - Шурф 1,2 1993 г.
- 61 - Раскоп № 1 1994-95 гг.
- 62 - Раскоп № 2 1994 -97 гг.
- 63 - Раскоп № 3 1995 г.
- 64 - Раскоп № 4 1995-96 гг.
- 65 - Раскоп № 5 1995 г.
- 66 - Траншея 1996 г.
- 67 - Раскоп № 6 1996 г.
- 68 - Раскоп № 7 1996 г.
- 69 - Раскоп № 8 1995 г.
- 70 - Раскоп № 9 1997 г.
- 71 - Раскоп № 10 1997-98 гг.
- 72 - Раскоп № 11 1997 г.
- 73 - Шурф 1995 г. в казармах Юнкерского училища.
- 74 - Наблюдения котлована столовой.
- 75 - Раскоп № 12 1997 г.
- 76 - Раскоп № 13 1997-98 гг.
- 77 - Раскоп № 14 1997 г.
- 78 - Раскоп № 15 1997-98 гг.
- 79 - Раскоп № 16 1998 г.
- 80 - Раскоп № 17А 1998 г.
- 81 - Раскоп № 17Б 1998 г.
- 82 - Раскоп № 18 1998 г.
- 83 - Раскоп № 19 1998 г.
- 84 - Раскоп № 20 1998 г.
- 85 - Раскоп № 21 1998 г.
- 86 - Раскоп № 22 1998 г.
- 87 - Наблюдения за водопроводной траншеей.
- 88 - Раскоп № 48 2001 г.
- 89 - Раскоп № 41 2001 г.

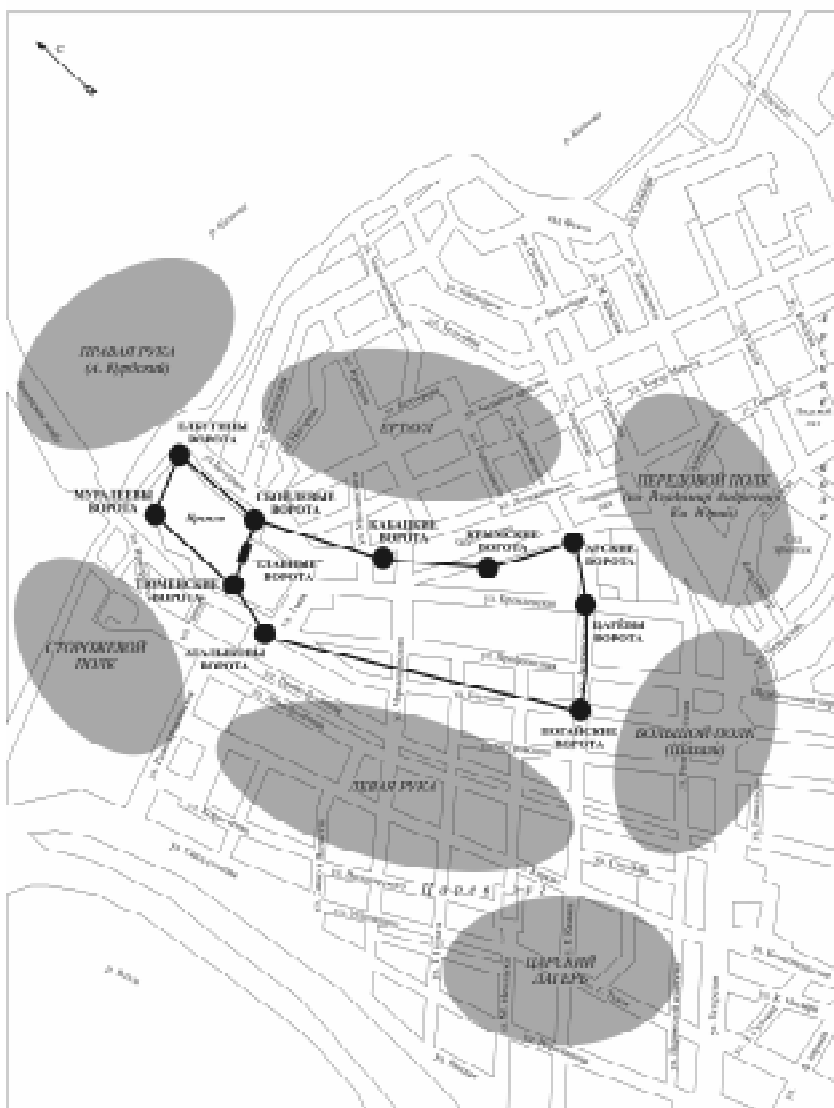
Реконструкция г. Казани 1552 г. П.Заринского, М.Г.Худякова.

Реконструкция г. Казани 1552 г. А.Х.Халикова.

Реконструкция г. Казани 1552 г. Л.С.Шаохина.

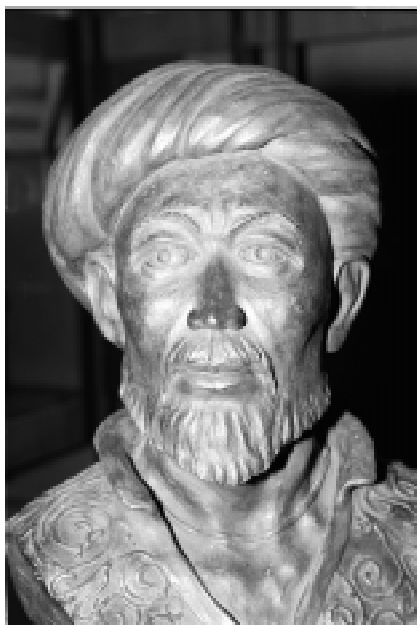

Реконструкция укреплений г. Казани во время штурма 1552 г. по «Царственной книге».

а)

Реконструированные скульптурные портреты казанских ханов: Махмуд (а), Мухамед-Эмин (б) (автор работы Т.С.Балуева).

б)

ЗАБУЛАЧНАЯ КАЗАНЬ ЭПОХИ ХАНСТВА

О Казани написано немало. Несомненно, история тысячелетнего города заслуживает глубокого и внимательного изучения. Однако следует отметить, что историческая картина столицы татарского народа была бы неполной без анализа процесса становления и развития окрестностей древнего города – слобод, сел и деревень, которые сегодня входят в черту Казани. По археологическим данным, некоторые из этих поселений (например, в Забулачье и Закабанье) осваивались раньше, чем верхняя часть современного исторического центра города, в том числе и Кремля [1]. Нужно сказать, что изучение казанского заострожья привлекало внимание казанских историков еще в XIX – начале XX в. [2]. Тем не менее в исторической литературе отсутствует целостная картина о казанской окраине XV–XVI вв., особенно Забулачья дорусского периода.

Данные археологических исследований свидетельствуют, что территория Забулачья была издревле обитаема. Тут находились поселения эпохи неолита, бронзы, Приказанской культуры, болгарского периода. Однако начало более интенсивного освоения Прибулачья и Забулачья происходит в XIV–XVI вв., когда шло формирование деревень и слобод вокруг Казани в период ее становления: экономического, политического и культурного центра северных земель болгаро-татарского государства. Это Кураишева слобода, деревни Бишбалта, Кулмаметова, Аметева и другие населенные пункты, часть из которых, к сожалению, не сохранила свои татарские названия и указываются уже, как русские, под новыми названиями (Архангельская, Преображенская, Ямская, Архиепископская и другие).

Освоение района сопровождалось искусственным изменением рельефа местности: засыпались топкие места, прорывались осушительные каналы, регулировалось течение Булака. Вероятнее всего, Булак был продолговатым озером, каких вокруг Казани было немало. Это Гузеево озеро (оно располагалось между современной площадью Тукая и Булаком), система озер – Белое, Банное, Гнилое, Поганое имели, как и Булак, продолговатую

направленность. Ценою огромного труда (прорытие каналов, регулирование русла и т.д.) Булак-озеро было превращено в реку, которая стала проточной и даже судоходной. Эта «зело тиновата и непроходима» [3] река длиной 2,25 км соединяла озеро Нижний Кабан с Казанкой и представляла, в рассматриваемый нами период, узкий болотистый проток. Вода в Булак поступала из озера Кабан, от донных и береговых ключей (напр. Тайницкий ключ), а также весенних и дождевых потоков, спускавшихся по многочисленным оврагам. Самым крупным из овражных потоков, подававших воду в Булак, надо считать поток «Тукаевского» оврага, имеющего много отвершков, собирающих воду с большой территории. Устье этого оврага образовывало большую болотистую низину, долго остававшуюся необитаемой, она лежала между современной площадью Тукая, озером Нижний Кабан и южным концом Булака. В северной части, примыкающей к Казанке, Булак разделялся на два русла: один проток (около крепости) – Гнилой Булак, более западное – Большой Булак. В «Казанской истории» упоминается, скорее всего, о Гнилом Булаке: «Булак река в Казань реку под градом вытекает, грязна вельми и топка, и не зело глубока» [4]. Возможно, илистое состояние Гнилого Булака создавалось искусственно, путем запруд, с целью защиты города от врагов.

В XVI в. среднее течение Булака было значительно шире и глубже современного, в нем держалась вода глубиной до 2 м, водилась рыба [5]. В период весеннего половодья река меняла свое течение: воды волжского половодья в Булак заходили по Казанке и возникающий обратный поток промывал реку и освежал связанное с ним озеро Нижний Кабан, создавая проточность, что способствовало сохранению озера Кабан и чистоты воды в нем. Крупные торговые суда, плывущие по Волге к Казани, останавливались у устья Казанки – Туры Казани (у пристаней Бишбалта, Бакалда), Зилантовой горы, дальше товары везлись на меньших судах, которые проходили в устье Булака. Многочисленные суденышки по Булаку подплывали к мостам через реку, оттуда товары доставлялись в торговые точки города. По сути, почти при полном отсутствии удобных сухих путей водный маршрут Волга – Казанка – Булак являлся главной торговой артерией города.

Казанцы тщательно следили за состоянием реки: неоднократно выпрямляли и углубляли ее русло, производили расчистку и укрепление берегов. Ее дно было заложено камнем, а в 1505 г., в период правления хана Мухаммед Эмина, дно и откосы Булака были выложены дубовыми бревнами. По этому поводу газета «Казанский вестник» в 1829 г. писала, что «проток Булак есть не что иное, как искусственный канал, издревле образованный» [6].

Люди населяли Забулачье на двух незначительных возвышениях: на более южном, в районе современного Колхозного рынка была Кураишева слобода. Севернее этой слободы находится второе возвышение, на котором располагалось безымянное булгаро-татарское поселение, которое, по археологическим данным, было освоено людьми в XIII–XIV вв., а со второй половины XVI в. там возникла Ямская слобода. В районе этой слободы было озеро, которое еще в 70-е гг. XIX в. называли Царевым [7].

Левый берег Булака был заселен только в среднем его течении. Нижнее течение реки около устья, в районе весенней ярмарки Таш-аяк (современный район стадиона, цирка) под крепостью, долгое время оставалось не обжитым, затоплялось весной и было неудобным для постоянного проживания. Однако здесь были пристани, причал для судов, базар. Из построек известно только одно каменное здание Даировой бани. Летописец сообщает, что при осаде Казани в ночь на 25 августа 1552 г. русские стрельцы «на другой стороне Булака, к городу, закопались во рвы и не даде из города татарам вылазити. И баня каменная, Даирова зовома, под городскою стеною, и в бане стали казаки воеводскую посылкою» [8].

В XV–XVI вв. сношение между Предбулачьем и Забулачьем было достаточно интенсивным, так как Булак не широк и был перекрыт мостами. Экономические интересы казанцев научили их умело использовать богатые пойменные луга, сенокосы, огороды, рыбные озера. Забулачье – это ворота к Волге, которая имеет громадное значение для города как важнейший судоходный путь, как источник рыбного богатства, как международная ярмарка (Гостиный остров). Царев луг (местность от Казани до Волги), куда в XV–XVI столетиях в летнее время выезжали из города жить на вольном воздухе и веселиться не

только хан и его вельможи, но и простой люд Казани, покрывался многими сотнями шатров. Тут проводились джиены, сабантуи, конные скачки, военные учения.

В 1530 г., когда Казани угрожала опасность завоевания русскими, Сафа-Гирей хан предпринимает ряд мер к укреплению города, готовя его к долговременной осаде. «Посла во все улысы казанские по князи и по мурзы, веля им Казань собиратися и подле Булака сести, и согна в Казань ближнюю черемису и повеле им делати острог около посаду и по Арскому полю, и от Булака и до Казанки реки и по острогу рвы копати, да в нем сядет черемиса с прибылыми людьми, яко до граду помощ будет» [9]. За короткое время были сделаны передовые укрепления вокруг Казани в юго-западном и южном направлениях, в том числе в Забулачье. П.Г.Заринский пишет по этому поводу: «Нет никакого сомнения, что Казань в 16 столетии до взятия ее русскими простиралась за Булак, и вокруг Забулачья сделана была попытка устроить крепостную ограду или передовые укрепления» [10]. Однако в том же году это укрепление было занято русскими войсками, которые обстреливали город именно с этих позиций, и принудили казанцев просить мира. Неудачная оборона с использованием забулачных укреплений, вероятнее всего, заставила татар отказаться от них и уничтожить перед решающей войной 1552 г. [11].

Самая близкая к Кремлю и самая крупная из населенных пунктов в Забулачье XVI в. – это легендарная и загадочная Кураишева слобода... Она занимала место в верхнем течении Булака (совр. ул. Кирова, Г. Камала, Парижской Коммуны и Гаражной), имела каменную мечеть, построенную отцом знаменитого мурзы Чапкуна Отучева. Основанием своим и этимологией слобода, по мнению некоторых ученых, обязана курайшитам, роду, который дал миру пророка Мухаммеда [12]. В период распространения ислама некоторые представители рода курайшитов могли оказаться и на Средней Волге. Сеидами (верховное духовенство) могли быть только выходцы из рода Мухаммеда (последний казанский сеид Кул Шериф принадлежал к роду Пророка) Возможно, Кураишево и было поселением, постепенно сложившимся возле почитаемых исламом могил. Там находилось кладбище, при нем, согласно мусульманской традиции, проживал род уважаемых лю-

дей – хранителей древних могил, а затем, с развитием Казани, возможно, на этом месте образовалась слобода. В другой версии говорится о дарении слободы служилому беку Кураишу основателем Казанского ханства Улу - Мухаммедом, «отчего и стала она аулом Кураиш» [13]. Также известно, что в эпоху ханства на Горной стороне была деревня с таким названием [14]. Кураишева слобода располагалась на Крымской дороге, к ней вел мост через Булак из Крымских ворот. В летописях не раз упоминается, что «на Кураишеве, на лугу царевым, близ Отучевой мизгити» [15] определено было стать лагерем царю Ивану Грозному и полку князя Владимира Андреевича в 1552 г. После завоевания Казани Кураишево становится собственностью архиепископа Гурия и превращается в Архиепископскую слободу.

К западу от Кураишевой слободы находились обширные леса, луга и болота. Князь Курбский писал: «И на четвертый день изыдохом сопровтив града Казанского, на великие, и пространные, и гладкие, зело веселые луга, и положишесе все войско подле реки Волги, а лугов одних до места аки миля зело велика: бо стоит оный град и место не на Волге, но река под ним, Казань реченна» [16]. Казанский летописец сообщает, что «от Булака и до Волги, предивный велик луг Царев красный на седьмь верст продолжается, травую многию зеленяся и цветы вельми различными красяся» [17]. Эта забулачная долина с севера и запада затоплялась в большей своей части разливом Волги и Казанки, была изрезана протоками и речками, из которых Эчке Казан (Ичка) была настоящею рекою. Н.Ф. Калинин пишет: «Этот проток, позднее известный под названием речки Ички, отделялся от современного русла Казанки в 200 м от устья Большого Булака, тек в западном и юго-западном направлении и впадал в Волгу ниже современного устья Казанки на 3 км. Ичка в XVIII в. и позже представлена на планах Казани в виде продолговатых, извилистых озер и протоков, образующих одну спутанную цепь. При постройке дамб (Старой, Железнодорожной и Новой) Ичка отчасти была перерезана, отчасти пропущена под мосты. В 1940-х годах русло ее у Старой дамбы было засыпано, а водный путь, существовавший при весеннем разливе от Волги до Казанки по Ичке, уже стал недоступен. Он был короче, чем путь по «Туру-Казани» (нижнее течение Казанки XVI века),

идуший в обход Зилантовой горы» [18]. Через луга шли дороги Крымская и Московская к берегу Волги и в Закабанье. Ежегодно 24 августа на Гостином острове, лежавшем на Волге, происходила большая ярмарка, куда «съезжались... из всей Русския земли богаты купцы и многие иноземцы дальние в торговаху... великими драгими товары» [19]. Ярмарка находилась в 5–6 км от Казани, такое положение представляло преимущество для транзитной торговли. В называвшемся тогда «Тирен-Узьяке» (устье Казанки) была пристань, но без постоянного населения. Существовали и другие пристани (напр. Бакалдинская). Вообще, берег Волги около устья Казанки служил, кроме торговых целей, как бы преддверием города. Это был остановочный пункт на перепутье. Здесь происходили торжественные встречи почетных гостей, останавливались отъезжающие из Казани, происходила выдача пленных, отправляемых из Казани, останавливались войска, шедшие к Казани. Недалеко от этого устья было расположено еще одно загадочное селение, возникшее в XV в., с красивым названием Бишбалта — с удобной большой бухтой для стоянки многочисленных торговых и военных судов — слобода лесорубов, плотников и корабельных дел мастеров...

Предместья средневековой Казани сегодня входят в территорию тысячелетнего города, представляя собой улицы, площади и скверы в едином организме современного мегаполиса. Возвращение утерянной в глубине веков истории этих сел и слобод, приумножило бы страницы богатого прошлого города Казани.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Археологическое изучение булгарских городов. — Казань, 1999; Казань в памятниках истории и культуры. — Казань, 1982.

2. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. — Казань, 1877; Заринский П. Очерки древней Казани, преимущественно 16 века. — Казань, 1877; Спасский Н. Очерки по родиноведению. — Казань, 1912; Покровский И. Окраины города Казани в 16–18 веках (Забулацкая, Архангельская, Ягодная слободы). — Казань, 1905; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1923.

3. Курбский А. История князя великого Московского. — СПб., 1902. — С.16.

4. Казанская история (подготовка текста, вступительная статья и примечания Г.Н.Моисеевой). – М.–Л., 1954. – С.127.
5. Мингазова Н.М., Котов Ю.С. Казанские озера (исторический обзор). – Казань, 1989. – С.48.
6. Там же.
7. Заринский П. Очерки древней Казани, преимущественно 16 века. – Казань, 1877. – С.212.
8. Древняя Казань глазами современников и историков / Составители и авторы комментариев Ф.Ш.Хузин, А.Г.Ситдиков. – Казань, 1996. – С.38.
9. Заринский П. Очерки древней Казани... – С.181.
10. Древняя Казань глазами современников... – С.233, 243.
11. Там же.
12. Калинин Н.Ф. Казань XVI и XVII веков по писцовой книге 1566–1568 гг. // Архив АНТ, ф.8, оп.1, № 322; Айдарова-Волкова Г.Н. Татарские слободы Казани: архитектурно-градостроительное развитие и методологические аспекты реконструкции // Учебное пособие. – Казань, 1999. – С.10.
13. Казань. Времен связующая нить. – Казань, 2000. – С.115.
14. Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – Вып. 1. – С.272–292.
15. ПСРЛ. – СПб, 1906. – Т.ХIII. – С.263.
16. Курбский А. История... – С.20.
17. Казанская история... – С.128.
18. Калинин Н.Ф. История Казани с древнейших времен до XVI века. Рукопись докторской диссертации // АИЯЛИ, ф.8, оп.1, ед. хр.202.
19. Там же.

«БАШНЯ СЮЮМБИКЕ ХАНСКОЙ МЕЧЕТИ...»

Легендарная башня Сююмбике будоражит умы вот уже многих поколений ученых-историков, краеведов, искусствоведов, литераторов, прочих любителей и почитателей старины. Немой свидетель давно минувших лет, исторических перипетий прошлого, она словно неподвластна времени — величаво и вместе с тем таинственно одиноко возвышается над белокаменными стенами Казанского Кремля. В мире едва ли найдется до полусотни архитектурных сооружений, которым было бы посвящено столько научной, научно-популярной литературы, образцов художественного, поэтического творчества и народного фольклора, сколько башне Сююмбике. Для татарского же населения она стала своего рода знаковым символом его тысячелетнего прошлого, материальным олицетворением исторической памяти народа — памяти предков, живой взаимосвязи времен и поколений. По своей историко-культурной значимости, знаковой символичности башня Сююмбике по праву стоит в одном ряду с такими столпами мировой архитектуры, как Собор Парижской Богоматери или Эйфелева башня во Франции, Колизей или Пизанская башня в Италии и т.п. Изящество и совершенство архитектурных форм, тайны, безмолвно хранимые башней столетиями, придают ей особый шарм и загадочность, сказочную поэтическую красоту. Как ни странно, с течением времени, несмотря на усилия нескольких поколений ученых, тайн и загадок, связанных с башней Сююмбике, поубавилось не на много. Основными и узловыми среди них являются время сооружения памятника и его изначальные функции.

Разброс мнений по вопросу датировки времени постройки башни в историографии варьируется между первой половиной XVI в. (т.е. периодом Казанского ханства) и началом XVIII в., что обусловлено отсутствием у исследователей достоверных письменных источников, датирующих время сооружения памятника. В последние годы по этой проблеме среди ученых-историков утвердились две диаметрально противоположные точки зрения, относящие время возведения башни либо ко второй четверти

XVI в. (к 30-м — 40-м гг. XVI столетия), либо же к рубежу XVII—XVIII вв. (к концу XVII или началу XVIII в.).

Основные доводы сторонников последней точки зрения сводятся к следующим ключевым пунктам: 1) отсутствуют письменные источники, дающие основания для отнесения сооружения к периоду Казанского ханства; 2) современная башня не значится в известных планах, чертежах, рисунках, гравюрах города Казани и Казанского Кремля XVI—XVII вв., и появляется в различного рода историко-иллюстративных материалах лишь начиная с XVIII в.; 3) по своему архитектурному решению, материалу, из которого она выстроена (большемерные красные кирпичи), башня Сююмбике близка к некоторым башням Москвы, Московского Кремля, воздвигнутым на рубеже XVII—XVIII вв. как дозорные башни (например, Боровицкой, Сухаревской). И напротив, — что такого рода сооружения не характерны для средневекового тюрко-татарского градостроительного искусства, равно как и для строительной практики мусульманского Востока в целом. Таким образом, делается вывод, что башня Сююмбике как дозорная башня построена на рубеже XVII—XVIII вв. по образу и подобию других дозорных башен Русского государства, сооруженных в тот же период, что все эти башни (в т.ч. и башня Сююмбике), отражая тенденции в русской градостроительной культуре того времени, создавались в едином архитектурном ключе; 4) строительный горизонт башни находится на уровне археологического слоя, относящегося ко времени не ранее чем вторая половина XVII — начало XVIII в.; 5) в доказательство сооружения башни на рубеже XVII—XVIII вв. приводятся также результаты опытов ретроспективного историко-архитектурного моделирования.

Как правило, все аргументы в пользу датировки времени сооружения башни рубежом XVII—XVIII вв. выстраиваются на основе вышеизложенных ключевых позиций. Рассмотрим, насколько они объективны.

Отсутствие достоверных письменных источников, датирующих башню периодом Казанского ханства, объективно обусловлено и объяснимо. Узость круга письменных свидетельств той эпохи общеизвестна. Современным исследователям доступна лишь самая малая крупица письменной документации перио-

да ханства, сохранившаяся вопреки обстоятельствам. Архив ханства частью погиб в огне войн и пожаров, частью был вывезен в Москву и впоследствии утерян. Его единичные остатки подверглись в дальнейшем нелегкому испытанию временем. В этих условиях отсутствие письменных свидетельств о башне периода ханства едва ли может служить аргументом в пользу ее датировки более поздним временем. Вместе с тем все же имеются кое-какие письменные сведения, дающие основание относить памятник к периоду Казанского ханства. В качестве примера обратимся к строкам из поэмы известного поэта эпохи ханства Мухаммедъяра «Нуры содур» («Свет сердец», 1542 г.):

*«Тарих тугыз йөз кырык сигезендә,
Бәхетле мөхәммәд ун икесендә,
Болгар шәһре Казанның капкасында,
Хәйран калган күп кеше капкасында.
Мөхәммәд Әмин каберендә, и шәһрияр,
Мөҗавир буламын, татып бик күп зар» [1].*

В приведенном отрывке поэмы описываются глубокие раздумья Мухаммедъяра, который в качестве хранителя могилы бывшего казанского хана Мухаммед-Әмина посетил ее 12-го числа месяца мухаррам 948 г. по хиджре (соответствует 12-му маю високосного 1541 г.). Здесь же упоминаются некие городские ворота, красоте и величию которых удивлялись многие («хәйран калган күп кеше капкасында»). Какие же величественные ворота у могилы Мухаммед-Әмина упоминаются в поэме? В настоящее время доподлинно известно местонахождение могилы казанского хана Мухаммед-Әмина — юго-западнее современной башни Сююмбике [2]. В этой связи очевидно, что некие ворота, упомянутые в поэме рядом с этой могилой, есть не что иное, как современная башня Сююмбике или же ее старинный прототип. Во всяком случае, литературный памятник не оставляет сомнений в наличии в эпоху ханства рядом с могилой Мухаммед-Әмина больших проездных ворот. Обращает также на себя внимание упоминание в поэме Мухаммедъяра могилы Мухаммед-Әмина и градных ворот около нее во взаимопривязке друг к другу. Таким образом, становится ясно, что и в период ханства на месте современной башни Сююмбике находились некие величественные городские ворота, рядом с которыми располага-

лось ханское кладбище [3]. Оно служило местом преклонения для татарского, мусульманского населения ханства.

Одним из оригинальных образцов татарских летописных сведений о башне Сююмбике, на наш взгляд, может служить шамаиль, обнаруженный историком-краеведом Нуруллой Гариповым в с. Тябердино Челны современного Рыбно-Слободского района РТ. По его краям содержатся надписи следующего содержания: «башня Сююмбике Ханской мечети, город Казань» («Ханлар мәҗедеденең Сөембикә манарасы, Казан шәһәре») и «выстроена в 1535-е годы» («төзелгән 1535 нче елларда»). По имеющимся у нас сведениям, шамаиль был написан в 50-е гг. XX столетия жителем с. Усали (совр. Мамадышский р-н РТ) самодеятельным художником-каллиграфом Ахмедом Хасаншиным. К сожалению, уточнение первоисточника, из которого взято приведенное в данном шамаиле сообщение, пока не представляется возможным. Очевидно, мастер шамаилей почерпнул эти сведения о башне из какой-либо татарской рукописи, либо из книг татарских авторов XIX — начала XX в., или же старинных шамаилей. Возможно также, что он опирался на народную память, которая традиционно относит время сооружения башни к периоду Казанского ханства. Но вряд ли автор стал бы вносить в свой шамаиль со священным для мусульман писанием ложные, произвольно надуманные им самим же исторические сведения. В связи с этим заметим также, что 1535-й год, обозначенный в шамаиле, является датой кончины первого мужа Сююмбике — касимовского царевича, хана Джан-Али.

Разумеется, что в силу полуфольклорного характера сведения шамаиля могут быть подвергнуты сомнению. Однако в данном случае важен сам факт циркулирования среди татарского населения такого рода исторических сообщений, устойчиво относящих время сооружения башни ко второй четверти XVI в.

В подтверждение более позднего происхождения башни Сююмбике достаточно часто приводится мнение об отсутствии ее упоминания в писцовой книге города Казани 1565—1568 гг. Однако здесь следует иметь в виду следующие немаловажные обстоятельства: 1) при ее наличии в то время башня могла носить другое название; 2) для писцовой книги не характерно оперирование понятием «башня». В ней все крепостные баш-

Шамаиль. Автор – Ахмед Хасаншин.

ни города называются «воротами» (Спасские, Никольские, Дмитриевские «ворота» и т.д.), а крупные каменные здания, помещения внутри Кремля, за исключением старых мечетей, новоустроенных церквей, монастырей – «палатами». Следовательно, теоретически башня Сююмбике может упоминаться в источнике под двумя понятиями – «мечеть» или «палата». Однако башня Сююмбике с ее большой проездной аркой не вполне подпадает под понятие «палата». Ибо под ним обычно подразумевается дворец, большое, жилое, каменное здание (дом) правителя или знатного вельможи. Логичнее предположить, что башня может быть упомянута в источнике под понятием «мечеть». При описании строений Казанского Кремля в писцовой книге упоминаются старые мечети – «у царского старого двора» (т.е. у бывшего Ханского двора в районе современной президентской резиденции), «против Благовещения» (напротив собора Благовещения) и у двора Зилантова монастыря «мизгить, что была Муралеева» (Нуралеева мечеть – мечеть Нур-Али) [4]. Судя по весьма внушительному количеству хранившегося тогда в нем вооружения, материальных ценностей, хозяйственной утвари (среди них, например, 30 пищалей, 4630 пушечных ядер разного рода и калибра, 238 «доск... црнных желез-

ных» — по-видимому, досок, обитых железом, кроме того, на 78 пудов (1248 кг) «ядер железных затиных», «три конторы з гирями» общим весом в 59 пудов (944 кг), «старова» пороха в двух бочках на 15 пудов (240 кг), 700 «мехов коженных зеленых» и т.п.), здание мечети «у царского двора» было тогда не только самым большим среди других старых мечетей, но и одним из крупнейших каменных помещений всего Казанского Кремля [5]. В этой связи вероятность того, что оно принадлежало известной по летописным источникам кремлевской соборной мечети, достаточно велика.

Вообще, текст писцовой книги в связи с проблемой идентификации кремлевских мечетей периода ханства, локализации их местонахождения порождает целый ряд трудно разрешимых вопросов. Если предположить, что здание кремлевской соборной мечети к 1565—1568 гг. еще сохранилось и использовалось в качестве складского помещения, то на месте какого сооружения периода ханства, согласно летописным источникам, в течение трех дней (!) был возведен собор Благовещения? Тем более что визуально видимые следы более ранней постройки на месте современного собора в виде нефункционально выдающихся из внутренних стен подвального помещения храма инородных, более древних строительных фрагментов просматриваются и поныне. Какая мечеть «против Благовещения», т.е. напротив фасада собора Благовещения, упоминается в писцовой книге? Судя по писцовому описанию, ее здание было гораздо меньших размеров, чем мечети «у старого царского двора». Определенную ясность в такого рода вопросы могло бы внести археологическое изучение строительного горизонта собора Благовещения и окрестностей храма.

Также обращает на себя внимание упоминание новоустроенной церкви Введения и бывшей мечети Нур-Али в одном и том же контексте источника по отдельности [6]. Данный факт представляется весьма интересным. Ибо имеются достаточно убедительные сведения о том, что здание этой бывшей церкви, примыкающей к современной башне Сююмбике с запада, является мечетью Нур-Али эпохи ханства. В таком случае, какая же другая постройка рядом с церковью Введения упоминается в писцовой книге под понятием «мизгить, что была Муралее-

ва)? Очевидно, что это башня, именуемая ныне именем легендарной Сююмбике. Скорее всего она названа в источнике «Муралеевой» мечетью потому, что в эпоху ханства вместе со зданием церкви Введения составляла единый комплекс ее построек. Отсюда и первичное татарское название башни — «Хан мәчете» («Ханская мечеть»). В этой связи интересен следующий факт. Историк XIX в., профессор Московской духовной семинарии К.И.Невоструев, издавший в 1877 г. книгу «Список с писцовых книг по городу Казани с уездом 1565—1568 гг.», в рукописи извлечений из писцовой книги, в том месте источника, где обозначена фраза «мизгить, что была Муралеева» сбоку, собственноручно написал: «Сунбекина башня?». Таким образом, он отождествлял современную башню Сююмбике с Муралеевой мечетью источника. Впоследствии данная точка зрения была поддержана такими исследователями башни, как С.М.Шпилевский, П.Невзоров [7]. Помимо того сообщение о некой «великой» башне, стоявшей перед Нуралеевыми (Тайницкими) воротами «на горе», содержится и в записках сподвижника Ивана Грозного, князя А.М.Курбского, принимавшего личное участие в штурме Казани в октябре 1552 г. «...Разряди войско мое дванадесять тысящей под устроением стратилатов, потекохом ко градским стенам и к той великой башне, яже пред враты стояла на горе», — пишет А.М.Курбский [8].

В итоге приходим к выводу о том, что хотя утверждения об отсутствии письменных источников, дающих основание для отнесения времени сооружения башни Сююмбике к периоду Казанского ханства, на первый взгляд, кажутся достаточно убедительными, они соответствуют действительности лишь отчасти. Все же имеются некоторые письменные сообщения, дающие основание датировать памятник периодом Казанского ханства. Достоверность летописных сведений может быть подвергнута сомнению. Вместе с тем полное их игнорирование означало бы отход от принципов историзма и объективности в рассмотрении затронутой проблемы. Тем более что текст писцовой книги города Казани 1565—1568 гг. не противоречит данным этих сообщений. Более того, позволяет небезосновательно предположить, что башня зафиксирована в нем как «мизгить, что была Муралеева».

Характеризуя различного рода историко-иллюстративные материалы XVI—XVII вв., следует заметить, что их достоверность, информационная полнота могут быть подвергнуты сомнению по весьма широкому кругу показателей и в каждом отдельно взятом случае требуют специального рассмотрения. Например, планы, чертежи Казанского Кремля XVI—XVII вв. во многом схематичны, к тому же нередко носят выборочно-целевой, условно-символический характер. В силу этого они зачастую страдают неточностями, серьезными изъянами историко-информативного плана. Более того, при наложении планов Кремля XVIII—XIX вв. друг на друга и на современную топосъемку, как отмечают исследователи, несовпадения оказываются столь существенными, что «порой сложно определить границы и взаимное расположение целых комплексов построек, не говоря уже о размерах и конфигурации отдельных сооружений. Границы Кремля при таком сопоставлении оказываются зыбкими и неопределенными; никакие наложения не дают прочной опоры: внутри же крепости сооружения «плавают» из чертежа в чертеж, словно игрушки в лоханке с водой» [9]. Графические рисунки, летописные миниатюры, иконописи, гравюры также во многом условно-схематичны. Они могли быть исполнены их авторами по памяти, со слов других, по чисто умозрительным представлениям и т.д. Большая их часть представляет собой копии, что, разумеется, доверия к ним не прибавляет. В любом случае они в той или иной степени несут на себе печать идейно-художественных замыслов, творческих фантазий, субъективных видений их исполнителей. К тому же многие из упомянутых рисунков, гравюр, летописных миниатюр, иконописей датируются ориентировочно, их хронологическая принадлежность полемична. Кроме того, историко-иллюстративный материал XVI—XVIII вв. часто используется без обязательного сопоставления его сведений с данными письменных и иного рода источников. Учитывая эти обстоятельства, стоит ли удивляться тому, что башня Сююмбике отсутствует в планах, чертежах Казанского Кремля второй половины XVI—XVII вв. А если она в этот период находилась в заброшенном состоянии? Разумеется, в этом случае у памятника, как у нефункционирующего здания, «исторических развалин», практически не было никаких шансов оказаться в упомянутых планах, чертежах. По этой же причине со-

оружие может отсутствовать и в объемно-панорамных рисунках, гравюрах города Казани второй половины XVI—XVII вв.

Казань в XVII в. С гравюры Олеария.

Среди разнообразного историко-иллюстративного материала, отображающего средневековую Казань, у исследователей наиболее популярна гравюра, приписываемая западноевропейскому путешественнику XVII в. Адаму Олеарию (Эльшлегеру). Как известно, он побывал в Казани в 1636 и 1638 гг. Историк архитектуры Нияз Халит предположил, что эта гравюра принадлежит кисти английского путешественника XVI в. Антония Дженкинсона, посетившего Казань в 1558 г. [10]. Однако новейшие историко-ведческие публикации показывают, что она является всего лишь одной из позднейших, подправленных и искаженных копий с более раннего оригинала, исполненного предположительно иностранным специалистом по фортификации, сопровождавшим войска Ивана Грозного во время неудачного для русских похода на Казань 1550 г. [11]. Другая копия с оригинала предположительно принадлежит кисти Иоганна Стридбека, резчика из города Аугсбурга (вторая половина XVII в.), который, как известно, в Восточной Европе никогда не был. Сравнительно-сопоставительный

анализ гравюр Адама Олеария и Иоганна Стридбека не оставляет сомнений в том, что они являются копиями одного и того же оригинала. Эти гравюры различаются лишь в деталях. Однако эти детали сами по себе чрезвычайно красноречивы и информационно-содержательны. Например, вместо заглавия «Casan Tartarogum» («Татарская Казань») на рисунке Олеария на гравюре Стридбека читается лишь «Casan». На месте двух мирно беседующих гражданских людей на переднем плане у Олеария на гравюре Стридбека изображен татарский всадник, вооруженный луком и стрелами. Луг южнее крепостных стен Казанского Кремля и посада на гравюре Стридбека не такой пустынный, как на рисунке Олеария. На нем вдали виднеется татарский конный разъезд. Кроме того, на гравюре Стридбека, в отличие от рисунка Олеария, напрочь отсутствуют кресты на сооружениях Казанского Кремля и посада. В итоге сомнений в том, что на более близкой к оригиналу гравюре Стридбека отображена средневековая татарская Казань, почти не остается.

В этой связи гравюра Стридбека как ценный источник, несомненно, заслуживает более детального изучения. Интересно, что характерная проездная арка некоего каменного сооружения на месте современной башни Сююмбике явственно просматривается на обеих гравюрах. Само же двухъярусное здание, имеющее куполообразное окончание и напоминающее на рисунке усеченный конус, повторяет черты двух нижних ярусов современной башни Сююмбике.

В книге Нияза Халита «Очерки по архитектуре ханской Казани» приводятся и другие варианты средневековых изображений этого сооружения периода ханства [12]. Они различаются между собою как в общих чертах, так и в деталях. Однако для всех этих изображений характерна высокая проездная арка, напоминающая современную башню Сююмбике. Сомнений в том, что это башня Сююмбике старого типа, практически не остается. Ибо сооружение стояло на том же месте, имело ту же направленность. В этой связи мнение части исследователей о несколько иной световой направленности арочного сооружения на гравюрах Олеария и Стридбека по сравнению с современной башней не может служить серьезным аргументом в пользу достаточно сомнительного утверждения о том, что это совер-

шенно другое строение, более древний, ранний прототип башни Сююмбике, не имеющий к ней прямого отношения. Возможно, некоторые расхождения могут быть связаны с произвольными или непроизвольными ошибками, неточностями художника в передаче панорамы Кремля, его конкретными задачами (к примеру, военно-фортификационными) и т.д. По ранним средневековым изображениям башни можно предположить, что тогда она имела несколько иной вид. В особенности это касается верхней, завершающей части здания. При этом не исключено, что его нижние два яруса имели современный вид. В целом различные изображения сооружения периода ханства на месте современной башни Сююмбике наводят на мысль о возможности более поздней реконструкции. В любом случае об осуществлении в «русский» период каких-либо принципиально новых архитектурных идей, замыслов на месте старого сооружения периода ханства рассуждать не приходится.

Если предположить, что башня Сююмбике была возведена на рубеже XVII–XVIII вв., то могло ли случиться так, чтобы это достаточно знаменательное для Казани событие не оставило после себя абсолютно никаких письменных свидетельств, строительных планов, чертежей? Тем более что имеется в виду не однотипное обычное сооружение, а высочайшая, весьма достопримечательная башня на территории Казанского Кремля! На фоне несравнимо лучшей сохранности комплекса письменных источников XVII–XVIII вв. по сравнению с XVI в. данный факт оказывается достаточно красноречивым и убедительным доводом в пользу датировки памятника периодом Казанского ханства. К тому же почти все сколько-нибудь значительные, достопримечательные сооружения Казани, возведенные во второй половине XVI – начале XVIII в., и особенно в эпоху Петра I, по письменным источникам датируются с достаточно высокой степенью точности – от года до нескольких лет (Зилантовский монастырь, например, был возведен в 1552 г., Спасо-Преображенский монастырь – в 1556 г., Петропавловский собор – в 1722–1726 гг. и т.д.). Сам факт полнейшего отсутствия каких-либо письменных свидетельств, позволяющих судить о возведении башни в «русский» период, может быть объясним лишь в том случае, если она была построена в более раннюю эпоху. Вместе с тем ее

поздняя реконструкция по понятным причинам могла и не отразиться в письменных источниках. В связи с этим вполне возможно, что после завоевания Казани сооружение некоторое время оставалось в заброшенном, полуразрушенном состоянии, а позже в каких-либо практических целях подверглось реконструкции. В противном случае преклонение татарского населения современной башне трудно объяснить. Действительно, можно ли представить себе ситуацию, когда обычную дозорную башню, проездные ворота постройки рубежа XVII–XVIII вв. татарский народ почитал бы как священное место. Такая ситуация выглядела бы более чем парадоксально.

Таким образом, существование в период Казанского ханства некоего проездного сооружения на месте современной башни, имевшего ту же направленность, по сути не вызывает никаких сомнений. Однако по средневековым условно-схематичным изображениям установить его достоверный внешний вид пока не удастся. Отсутствие же башни в части иллюстративного материала второй половины XVI–XVII вв., отображающего Казань того периода, в планах, чертежах Казанского Кремля можно объяснить двумя причинами: 1) сомнительной достоверностью этих источников, требующих в каждом отдельно взятом случае специального рассмотрения на предмет их подлинности, репрезентативности, хронологической принадлежности, историко-информативной полноты и точности; 2) возможным нахождением сооружения во второй половине XV–XVII вв. в частично разрушенном, заброшенном состоянии. Башня не позднее XVIII в. могла быть подвергнута реконструкции.

По своему архитектурному решению башня Сююмбике действительно несколько схожа с рядом башен Москвы, Московского Кремля, воздвигнутых в XVII – начале XVIII в. (например, с Боровицкой, Сухаревской). Однако этот факт сам по себе не может служить основанием в пользу датировки времени сооружения башни Сююмбике рубежом XVII–XVIII вв. Прежде всего потому, что русскую градостроительную архитектуру средневековья следует рассматривать не иначе, как явление симбиозного характера, столетиями впитывавшего в себя культурные традиции как Запада, так и Востока. Если на раннюю русскую градостроительную культуру было велико влияние византийс-

ких традиций, то в архитектуре XIII–XVII вв. наглядно отразилась эпоха владычества Золотой Орды над русскими землями. При этом следует иметь в виду, что золотоордынская архитектура, в свою очередь, опиралась на градостроительные достижения всего Востока. После этого следует ли удивляться тому, что в средние века в Москве возводились башни наподобие казанских? Первопричина этого явления кроется в том, что архитектура «ханской» Казани и Московского (Русского) государства XV–XVI вв. черпала навыки градостроительной культуры из одного и того же источника, а именно из многовековых традиций Востока, в которые немалую лепту внесли и общетюркская, тюрко-татарская золотоордынская цивилизации. При этом следует заметить, что в русской градостроительной архитектуре западные веяния усиливаются лишь в XVIII–XIX вв. Традиции же возведения на Востоке, в тюркском мире многоярусных, ступенчатых башен с шатрообразными окончаниями своими корнями уходят в глубь веков. По мнению известного исследователя истории Казанского ханства М.Г.Худякова, средневековая татарская каменная архитектура «ведет свое начало от классического мусульманского искусства и является отраслью персидского зодчества. Из круга арабско-персидской культуры пришли на Волгу каменотесное искусство, точные способы вычислений, математические приемы кладки, персидские изразцы и т.д. Посредствующим звеном являлся Хорезм, через который шли торговые сношения с IX в.» [13].

Попытки оспорить этот общеизвестный факт с точки зрения научной логики и объективности объяснения не находят. При этом основной расчет делается на весьма плохую сохранность образцов средневековой, восточной, болгаро-татарской градостроительной архитектуры. Однако вряд ли стоит сомневаться в том, что при желании и поставленной цели на Востоке, в тюркском мире можно обнаружить десятки схожих образцов башни Сююмбике от XIII–XVIII вв. Прототипы башни обнаруживаются в древних Булгарах (к примеру, так называемая Черная палата постройки XIV в.), на карте Европы 1459 г., принадлежащей Фра-Мауро (в данном случае автор поместил прототип башни Сююмбике на Средней Волге), и т.д. В начале 1990-х гг. автору этих строк приходилось слушать доклад аспи-

ранта Института языка, литературы и истории им.Г.Ибрагимова из Киргизстана Сатыбалды Мамытова, специально посвященный схожим средневековым надмогильным сооружениям в районе озера Иссык-Куль (судя по всему, этот доклад остался неопубликованным). Кроме того, в одной из своих работ М.И.Ахметзянов свидетельствует о том, что в 1988 г. во время V Всесоюзной тюркологической конференции проездом из столицы Киргизстана в Алма-Ату на одном из мусульманских кладбищ киргизского или казахского аула он лично видел 6–7-метровый прототип башни Сююмбике [14]. Традиции сооружения характерных башен с шатрообразными окончаниями сохранились и в современной тюркской, татарской архитектуре. Например, те или иные элементы башни Сююмбике обнаруживаются в зданиях мечетей и др. При всем вышеизложенном башня Сююмбике отличается от своих московских прототипов контрастной яркостью и резкой ступенчатостью. По мнению ученых, «по своему архитектурному решению, стилевым особенностям, композиционным приемам и деталям оформления башня Сююмбике является ярко выраженным памятником татарского зодчества» [15]. На фоне усиления национальных, социальных, религиозных гонений на татар, на их культуру возведение в Казанском Кремле на рубеже XVII–XVIII вв. какой-либо новой башни, выдержанной в стиле строительных традиций средневекового Востока, выглядело бы достаточно парадоксально. В изложенном контексте сооружение в тот период башни Сююмбике «по памяти», по образу и подобию сооружения периода ханства тем более алогично. В попытках обозначить башню Сююмбике памятником русского градостроительного искусства рубежа XVII–XVIII вв. лишь на основании некоторой ее схожести с рядом башен Москвы, Московского Кремля, на наш взгляд, наглядно отражаются вековые традиции имперской русской и советской историографий, традиционно изучавших исторические процессы, события и явления с русоцентристских позиций.

Относительно строительного материала, из которого сооружена башня Сююмбике, следует отметить, что он пока изучен недостаточно. Его видимая схожесть со строительным материалом некоторых московских башен рубежа XVII–XVIII вв. определена лишь на основе их внешних признаков. В связи с этим уместен

вопрос: чем же отличался строительный материал Казанского ханства от строительного материала Русского государства XVII—начала XVIII в.? На этот вопрос можно было бы дать ответ путем историко-сопоставительного анализа строительных материалов, применявшихся в обоих средневековых государствах. Известно, что красный обожженный кирпич стал применяться в русской градостроительной архитектуре начиная лишь с XVII в. Употребление же его в строительном искусстве Востока имеет более чем тысячелетнюю историю. Например, в части города Самарканда, именуемой Африсиаб, археологами были обнаружены обожженные кирпичи зданий, построенных около 2500 лет тому назад [16]. Остатки построек из обожженного кирпича найдены и в древних болгарских городах [17]. Формы кирпичей с течением времени постепенно менялись. Если в X—XII вв. они имели форму четырехугольных квадратных плит, то позднее стали применяться продолговатые кирпичи в форме полуквадрата. В XV в. квадратные кирпичи уже не делаются и в строительстве начинают использоваться лишь полуквадратные кирпичи современной формы. Традиции болгарского градостроительного искусства были перенесены и в Казань [18]. В этой связи интересно, что сравнительный химический анализ связующего звена строительного материала современной башни Сююмбике и древнего дюрбе около Малого Минарета г. Булгар, проведенный в конце 80-х гг. прошлого столетия кандидатом геолого-минералогических наук С.Ф.Ахметовым и Г.А.Ахметовой, выявил их схожесть [19]. Таким образом, «кирпичный» аргумент в пользу датировки башни XVII—началом XVIII в. оказывается несостоятельным.

Одним из основных доводов исследователей, придерживающихся мнения о сооружении башни Сююмбике на рубеже XVII—XVIII вв., является предположение о принадлежности строительного горизонта современной башни к археологическим слоям, относящимся ко времени не ранее чем вторая половина XVII—начало XVIII в. Эта точка зрения наиболее ярко отражена в статье А.Х.Халикова «Что, башня, в имени твоём?» [20]. «Как показали археолого-архитектурные исследования, проведенные в 1941—1944, 1947—1948, 1953—1954 и 1976—1978 годах, — писал ученый, — фундамент башни уходит почти на двухметровую глубину и прорезает лишь верхние слои культур-

ных отложений Казани — первый (верхний, датируемый 20—18 веками) и второй (нижний, русский, датированный 17—второй половиной 16 веков), но местами и третий (средний, казанско-ханский, первая половина 16—вторая половина 15 веков). Во втором слое находится и строительный горизонт башни, указывая на время ее сооружения — не ранее второй половины 17 — начала 18 веков» [21]. Однако данная точка зрения определяет мнение лишь части археологов. Другая же часть исследователей, непосредственно имевших дело с материалами археологического изучения башни в различные годы (например, Ф.Ш.Хузин, А.Г.Ситдииков и др.), предпочитает четко не обозначать время сооружения памятника, справедливо полагая, что башня требует дальнейшего археологического изучения. Третьи — однозначно датируют башню периодом Казанского ханства (в частности, такого мнения придерживаются А.Г.Мухамадиев, Р.Г.Фахрутдинов). Таким образом, единодушия в оценке ее возраста у археологов не обнаруживается. Ясно, что в силу недостаточной убедительности в пользу той или иной точки зрения имеющиеся данные археологического исследования башни не снимают с повестки дня научную полемику по вопросу времени ее сооружения. Данное обстоятельство в немалой степени объясняется тем, что все предыдущие, эпизодические археологические раскопки в районе башни Сююмбике имели предварительный, разведочный характер, велись на достаточно узких, ограниченных площадях. В целом же археологическое изучение башни пока оставляет желать лучшего. В связи с этим, очевидна необходимость в целенаправленном, комплексном археологическом изучении памятника по всему его периметру с привлечением широкого круга специалистов-историков. Пока же те или иные предположительные выводы археологов относительно времени сооружения башни с научной точки зрения могут квалифицироваться как предварительные гипотезы, требующие дальнейшей научной апробации, дополнительного археологического, документального подтверждения.

Попытки обозначить время сооружения памятника методом каких-либо ретроспективных историко-архитектурных моделирований вряд ли можно рассматривать в качестве убедительных аргументов в научной полемике по затронутой про-

блеме. Поскольку этот метод принадлежит к области научных гипотез, предположений и догадок, то он оставляет достаточно широкое пространство для различных вольных толкований и выводов. К тому же зачастую такого рода ретроспективные архитектурные гипотезы базируются на панорамно-объемных рисунках Казани, Казанского Кремля XVI–XIX вв., которые, как уже выше отмечалось, в силу их схематичности и условности не отличаются ни достоверностью, ни информативной полнотой, ни точностью. В целом результаты опытов ретроспективных историко-архитектурных моделирований могут служить лишь вспомогательным материалом в изучении башни. В вопросе ее датировки такого рода историко-архитектурные упражнения в целом не выходят за рамки частных догадок и фантазий, не претендующих на конечную научную истину.

Таким образом, по сути, ни один из вышеобозначенных аргументов в пользу датировки времени сооружения башни Сююмбике рубежом XVII–XVIII вв. нельзя признать убедительным и неоспоримым. Уже их первичный, краткий анализ показывает, что они строятся на гипотезах, предположениях и догадках, легкодоступных научной полемике и критике, и с точки зрения исторической объективности и достоверности вызывают немало сомнений и вопросов. Вместе с тем такие примечательные факты, как отсутствие каких-либо письменных свидетельств о возведении башни в «русский» период, ее устойчивое отражение в татарских летописных источниках, народном фольклоре как памятника эпохи Казанского ханства, почитание сооружения татарским населением как собственной исторической реликвии, наличие некоторых свидетельств документального характера, дают достаточно веские основания относить башню Сююмбике к эпохе Казанского ханства.

Учитывая различные ранние изображения башни на средневековых гравюрах, летописных миниатюрах, иконописях, допустимо предположить, что, возможно, в ту эпоху в своей верхней части она имела несколько иной вид. Например, согласно вышеупомянутым копиям гравюр Стридбека и Олеария XVII в., это могло быть двух- или трехъярусное сооружение с неким куполообразным окончанием. Во время известных событий 1552 г., связанных с завоеванием Казани, оно в числе

других построек Казанского Кремля периода ханства могло быть частично разрушено и определенное время оставаться в заброшенном виде, а позже (предположительно в XVIII в.) в каких-либо практических целях подвергнуться реконструкции, естественным образом учитывавшей архитектурные, стилевые особенности уцелевших от периода татарского государства двух-трех нижних ярусов башни. В результате башня Сююмбике могла приобрести современный вид. В этой связи интересно мнение исследователя начала XX в. Н.А.Спасского о том, что нижние три яруса башни постройки ханского периода, остальная же ее часть возведена в XVIII в. во время превращения бывшей мечети Нур-Али в церковь. Эти первые три яруса башни когда-то были соединены с упомянутой мечетью каменным переходом и в архитектурном плане были органично взаимосвязаны друг с другом [22].

Примерно такого же мнения придерживался непревзойденный знаток средневековой татарской строительной архитектуры, искусствовед Фуад Валеев. Он, обращая внимание на стилевые различия между нижними и верхними ярусами башни, считал, что к периоду ханства относятся лишь два нижних яруса. По его мнению, несколько верхних ярусов башни достроены в более поздний период в стиле Московского Кремля. Вместе с тем он однозначно рассматривал башню как образец средневековой татарской архитектуры [23].

Анализируя вопрос о первичных функциях башни, следует учесть и ее возможную многофункциональность. Дозорные и проездные функции сооружения в ее современном виде вряд ли подлежат сомнению. Ибо они предопределены высотой башни (58 м), ее расположением на возвышении кремлевского холма, а также наличием в ней высоких проездных ворот. Входом к чему могли служить ворота башни в период Казанского ханства? Очевидно, к внутреннему двору ханской резиденции, располагавшейся в районе, прилегающем к современному президентскому дворцу (к бывшему Губернаторскому). Данная формулировка предполагает наличие какого-либо ограждения, примыкавшего с двух сторон к башне Сююмбике. Следы именно этого ограждения в виде их фрагментов и ям от дубовых свай и выявили археологические раскопки, проводившиеся в 1976–1978 гг.

в окрестностях башни под руководством А.Г.Мухамадиева. Оказалось, что ранее к башне с обеих сторон примыкали каменные стены, под фундамент которых были вбиты дубовые сваи. Судя по всему, проездные ворота рассматриваемого сооружения выводили на прямую, центральную кремлевскую улицу [24].

Вместе с тем, с нашей точки зрения, обнаружение у башни Сююмбике в ходе археологических раскопок 1977 г. элитного кладбища периода Казанского ханства также не случайно. Данный факт служит достаточно весомым аргументом в пользу циркулировавшего с давних пор среди народа и части ученых мнения о надмогильном (или же примогильном) характере сооружения. Как известно, по этой версии башня Сююмбике — примогильный (или даже надмогильный) памятник. Однако зачем нужна примогильному (а тем более надмогильному) сооружению проездная арка? Могут ли примогильные (надмогильные) сооружения одновременно служить и проездными воротами? В этом отношении определенный интерес может вызвать

мавзолей-дюрбе Юсуфа ибн Кусайира (Гумбез-и Ата Баба) в Нахичевани, датируемый 1162 г. Из его натурного рисунка XIX в. наглядно видно, что комплекс дюрбе включал и проездные арочные ворота (см. рисунок).

В трактовке исследователей, датирующих сооружение рубежом XVII—XVIII вв., башне изначально придают дозорные и проездные функции. Надобность в дозорной башне обуславливается якобы участвовавшими в

Мавзолей Йусуфа б. Кусайира в Нахичевани 557/1162 г.

этот период в Среднем Поволжье народными восстаниями, бунтами и выступлениями. Проездной вид сооружения объясняется его изначальной ролью проездных ворот к внутреннему кремлевскому обер-комендантскому двору. Памятник действительно мог подвергнуться более поздней реконструкции из-за возросшей на рубеже XVII—XVIII вв. надобности в высокой смотровой дозорной башне. Однако следует иметь в виду, что различного рода народные восстания, бунты и выступления, не менее опасные для правительства, сотрясали Среднее Поволжье и в более ранние времена — во второй половине XVI—XVII вв. (например, военные действия второй половины XVI в., восстания ясачного населения Среднего Поволжья в XVII в. и т.д.).

Если признать верным возведение в Казанском Кремле на рубеже XVII—XVIII вв. какой-либо новой смотровой дозорной башни, то какова была целесообразность ее постройки именно на месте старой башни периода ханства, причем с учетом архитектурных особенностей последней? С точки зрения логики такая целесообразность трудно объяснима. Как уже отмечалось выше, сооружение в Казанском Кремле на рубеже XVII—XVIII вв., на фоне усиления национальных, социальных, религиозных гонений на татар, на их культуру, какой-либо новой башни, выдержанной в восточном стиле, выглядело бы достаточно парадоксально. В изложенном контексте возможность реконструкции на рубеже XVII—XVIII вв. по памяти старой башни периода ханства также исключается. Предположение же о возможных изначальных функциях башни как проездных ворот к внутреннему кремлевскому обер-комендантскому двору не выдерживает критики уже хотя бы потому, что на известных рисунках башни Сююмбике XVIII—XIX вв. отсутствуют какие-либо видимые признаки примыкающей к ней дворовой ограды (высокого забора или же стены). В этом отношении, например, характерен рисунок Э.Р.Турнерелли первой половины XIX в. Из этого рисунка наглядно видно, что местность вокруг башни Сююмбике со всех сторон открыта и вседоступна, отсутствуют какие-либо видимые признаки стены или забора, ранее примыкавшего к башне (см. рисунок). Между тем башня предполагает достаточно массивное ограждение, следы которого так или иначе сохранились бы и поныне. В этой связи версия о постройке новой башни как проездных ворот к обер-

Башня Сююмбике. Рисунок Эдуарда Турнерелли, 1839 г.

комендантскому двору выглядит необоснованной. Обращает на себя внимание естественная функциональная невостребованность проездных ворот башни Сююмбике. Если сооружение было воздвигнуто на рубеже XVII–XVIII вв. как смотровая дозорная башня, то зачем ей нужна была заведомо нефункциональная проездная арка? Наличие у башни Сююмбике обозначенных проездных ворот объяснимо только в том случае, если бы они остались от более древнего периода – эпохи Казанского ханства.

Таким образом, есть все основания считать башню Сююмбике памятником средневекового татарского градостроительного искусства. Судя по всему, в период ханства она имела несколько иной вид. Это могло быть двух-трехъярусное сооружение с куполообразным, либо шатрообразным окончанием. В XVIII в. в дозорных или других целях оно могло подвергнуться реконструкции, в ходе которой были возведены недостающие 3–4 яруса башни. Просматривается также ее изначальная многофункциональность. Вероятно, в период ханства она вместе со зданием, прилегающим ныне к башне с запада, составляла единый комп-

лекс мечети Нур-Али («Муралеевой» мечети). В свою очередь, этот комплекс мечети являлся составной частью внутренней цитадели («Эчке шәһәр») Казанского Кремля. Проездная арка башни служила проездными воротами во внутренний ханский двор — ханскую резиденцию, а оттуда выводила на прямую кремлевскую улицу, существующую и поныне. При этом не исключается также примогильный характер сооружения.

В заключение отметим, что исследовательские ресурсы в изучении вопроса времени сооружения башни Сююмбике и ее изначальных функций востребованы еще не полностью. В этом отношении наиболее перспективно дальнейшее целенаправленное археологическое изучение башни. Следует также продолжить поиски новых архивных источников. Есть настоятельная потребность и в сравнительно-сопоставительном изучении строительного материала различных уровней памятника с применением современных технологий. В целом же положительный результат в окончательном решении затронутой проблемы может дать только комплексный подход, предполагающий учет, анализ, сопоставление данных всех видов источников. И только тогда башня Сююмбике раскроет перед общественностью свои многовековые тайны...

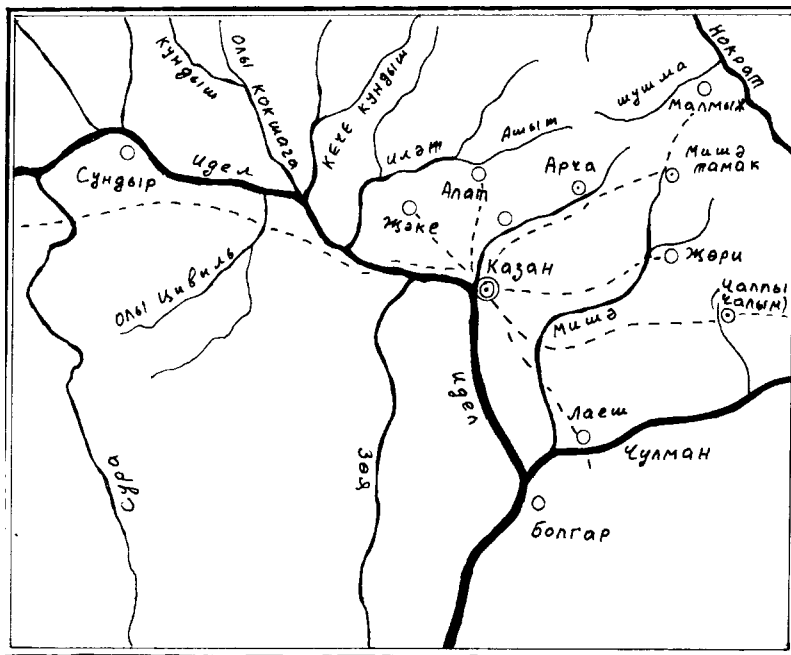
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ул дәрья да бу дәрья: Борынгы әдәбият. — Казан, 1999. — 149 б.
2. Мавзолеи Казанского Кремля (опыт историко-антропологического анализа). — Казань, 1997. — 158 с.
3. К настоящему времени археологами обнаружены два ханских захоронения, по экспертному заключению — Махмутека и Мухаммед-Әмина. Однако в этой связи обращают на себя внимание следующие строки из записок современника, князя А.М.Курбского: «От Казани реки гора так высока, иже оком въззрити прикро; на ней же град стоит и палаты царския и мечети, зело высокия, мурованья, идеже их умершие царие клались, числом, памятамыся, пять». Таким образом, ханских захоронений на территории Казанского Кремля должно быть больше двух.
4. Писцовые книги г. Казани 1565—1568 гг. и 1646 г. //Материалы по истории Татарской АССР. — Л., 1932. — С.2—3, 8.
5. Там же. — С.2—3.
6. Там же. — С.7—8.

7. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. — Казань, 1877. — С.471—473; Невзоров П. О сююнбекиной башне. — Казань, 1904. — С.6.
8. К 350-летию покорения Казани. 1552 2/Х 1902. Подлинная о казанском походе запись Царственной книги 1552 г. и сказание князя Курбского о покорении Казани. — М., 1902. — С.132.
9. Халитов Н.Х. Очерки по архитектуре ханской Казани. — Казань, 1999. — С.113,116.
10. Там же. — С.30—31.
11. Хафизов Д. Казань — столица Казанского ханства, 50-е (?) годы XVI в. // Преподавание истории в школе. — 2000. — №2. — С.24.
12. Халитов Н.Х. Указ.соч. — С.92.
13. Худяков М.Г. Татарская Казань в рисунках XVI столетия // Вестник научного общества татароведения. — № 9—10. — С.58.
14. Әхмәтҗанов М.И. Хан моржасы: Сөембикә манарасы астында кабер бармы? // Шәһри Казан. — 2000. — № 66—67. (2297—2298). — 7 апрель.
15. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. — Казань, 2000. — С.202.
16. Самарканд. Справочник-путеводитель. — Ташкент, 1962. — С.50—52.
17. Смирнов А.П. Волжские булгары. — М., 1951. — С.138.
18. Шамуков Габдулла. Архитектура сәнгәтебезнең бер истәлеге // Казан утары. — 1968. — № 9. — 136 б.
19. Әхмәтов С.Ф., Әхмәтова Г.Л. Сөембикә манарасы һәм шәһре Болгардагы хан төрбәсе нинди материалдан төзелгән // Эзләнүләр, уйланулар, табышлар. — Казан, 1989. — 234—236 б.
20. Халиков А.Х. Что, башня, в имени твоём? // Татарстан. — 1992. — № 11—12. — С.60—65.
21. Там же. — С.61.
22. Спасский Н.А. Очерки по родинovedению. — Казань, 1912. — 2-е изд. — С.244.
23. Из материалов обсуждения в редакции журнала «Казан утары» статьи Габдуллы Шамукова «Архитектура сәнгәтебезнең бер истәлеге» // Казан утары. — 1968. — № 9. — 140 б.
24. Мөхәммәдиев Ә.Г. Сөембикә манарасы // Эзләнүләр, уйланулар, табышлар... — 228—233 б.

ЕЛЪЯЗМАЛАРДАГЫ «ЧАЛЫМ ШӘҺӘРЧЕГЕ»НЕН ГЕОГРАФИК УРЫНЫ МӘСЪӘЛӘСЕ

Халкыбыз тарихын дәрәс итеп яктырту эшчәнлегендә елдан-ел яңа мөмкинчелекләр туа. Бу жәмгыятьнең үзгәрүе, тарих фәнненең алга китүе, яңа тарихи мәгълүматлар табылуға да бәйле. Әмма үткәндөгә тарихи бәйләмәләрдә төгәлсезлекләр дә күп әле. Шул исәптән Казан алынганнан соң башланган азатлык сугышына кагылышлы бер тарихи буталчык бар. Ул – баш күтәрүчеләрнең бер үзәге, Чалым шәһәрчегенең географик урынын билгеләү мәсәләсе. Бу турыда Никон елъязмасы [1] «1556 елның апрелендә Казан шәһәренең наместнигы князь Петр Иванович, боярин Петр Васильевич Морозовны, аның белән бергә бояр балаларын, казакларны, стрелецларны һәм дә яңа чукундырылганнарны, татарлар һәм Яр буе («Побережный», «Набережный») кешеләрен Чалым (Чаллым) шәһәрчегенә жиберде. Петр анда барды, сугышты һәм, күп кешеләрне кырып, шәһәрчекне яндырып, кире исән-сау әйләнеп кайтты», дип хәбәр итә. Беренчел чыганактан күренгәнчә, Чалым шәһәрчегенең кайда урнашуы да һәм кайсы халыкка каравы да анык язылмый. Әмма шушы чорга караган елъязмага таянып, бүгенге көн тарихчылары бу шәһәрнең урнашу географиясен капма-каршы жирлектә күрсәтеп киләләр. Аларның бер өлеше [2] Чалымны Казаннан 160 чакрым төньяк-көнбатышта, Тау ягында, Сундыр тавында дип, икенчеләре исә [3] капма-каршы якта, Казаннан көньяк-көнчыгышта 100 чакрымны билгеләп, мәгълүм Чаллы шәһәрчеге белән тәңгәлләштерәләр. Чалым шәһәрчеген Сундыр тавында дип язучы тарихчылар барысы да М.Г.Худяковның Казан ханлыгына багышланган хезмәтенә таяналар [4]. Худяков үзе исә Чалым шәһәрчеген Сундыр тавында дип, Козьмодемьянск земство судының тәржемәчесе С.П.Михайловның язмасына [5] нигезләнеп әйтә. Михайлов Казан алынуға 300 ел уңаеннан язган, татар халкы язмышыннан ачыктан-ачык көлгән тенденциоз мәкаләсендә Сундыр тавындагы шәһәрчекне «если не

Тарихи елъязмаларда искә алынган Чалым—Чаллы шәһәрчегенә урнашу жирлегенә бәйлә аңлатма карта.

было, то можно предполагать; вероятно; возможно; может быть», кебек нигезсез «дәлилләре» белән, урыс елъязмаларында искә алынган Чалым шәһәрчеге түгелме икән дип тө фаразлый. Язмада аның «...тирә-як кешеләреннән шәһәрчекнең ничек аталышын күпме генә белергә тырышсам да, барысы да башларын гына кашыды» дигән искәртмәсә дә бар. Аңа ияреп, чуваш сүзлеген төзүче Н.И.Золотницкий [6] да Сундыр тавындагы шәһәрчеккә, Чалым атамасына охшатып, икенче төрле аңлатма биреп карый. Казан ханлыгында бу урыннан рус көймәләренең килүен искәртеп, ут ягып хәбәр бирә торган булганнар, ди. *Ялкын* сүзен чуваш телендә «салым» дип аңлатып, шәһәрнең *Салым* дип аталган булуы мөмкинлеген дә кире какмый. Тарихчы Н.Спасский күрсәтеп узган язмалар белән бергә фольклор материалына да таянып, тагын да зуррак «ачышлар ясый»: болын ягының йөзбаш кенәзе Мамыш Бирде Мары

патшалыгы төзи һәм аның башкаласы итеп Сундыр тавындагы Чалым шәһәрчеген билгели дип раслый [7].

Рус елъязмасында искә алынган Чалым шәһәрчеген хәзерге Балык Бистәсе районының көньяк-көнчыгыш өлешендә урнашкан Чаллы шәһәрчеге белән тәңгәлләштерү дә үткән гасырларга барып тоташа. Бу беренче тапкыр К.И.Невоструев [8] язмасында очрый. Шулай ук Михайловның язмасына анализ ясап, Шпилевский да Чалым шәһәренең Сундыр тавында күрсәтелүенә ризасызлык белгертә, «аның урыны һәм тау ягы чирмешләрнеке икәнлегә әйтелми», дип ачыклап уза [9]. Бу турыда И.А.Износковның «Казан губернасы Лаеш өязенә караган торақ урынарының исемлеге» дигән хезмәтендәге Чалым-Чаллы шәһәрчеге язмышына бәйлә бәйләмәсе дә гыйбрәтле [10]. Анда: «Михайлов бернинди нигезсез Чалым шәһәрэн Сундыр тавына урнаштыра һәм шул сәбәптән үзеннән соңгы тикшерүчеләрне ялгыш юлга кертәп жиберә», — дип языла.

Чаллы шәһәренең атамасына килгәндә, ул беренче тапкыр челмата атлы болгар кабиләләре һәм шәһәре атамасында бу төбәк тарихына бәйлә 1183 (1184) елгы Ипатьев [11], Лаврентьев [12] һәм Никон [13] елъязмаларында искә алына. 1552 — 1557 елларда азатлык өчен көрәш барган вакытны тергезүче елъязмалар Казан ханлыгы жирләрен тулаем дүрт өлкәгә бүлөп карыйлар: Тау, Болын, Арча һәм Яр буе ягы (Побережная сторона). Тау һәм Болын яклары географиясен билгеләү бәхәс уятмый. Немец галиме Андреас Каппеллер [14], «Россиянең күпмилләтле империя буларак барлыкка килүе, яшәве һәм таркалуы» дигән хезмәтендә бу бүленешләргә тәфсилле аңлатма биреп, Арча ягына Мишә елгасының өске, ә «Яр буе» жирләренә Мишәнең урта агышыннан Чулман буйларына кадәр, төгәлрәк әйткәндә, хәзерге Лаеш, Балык Бистәсе районы биләмәләрен кертә. Без атап узган беренчел чыганак Никон елъязмасында боярин Морозов белән барган «побережные люди» — яр буе кешеләре искәртелүе игътибарга лаек. Әлеге жәза акцияләре Яр буе, Арча һәм Мишәнең төбәкләренә каршы юнәлдерелә. Азатлык сугышының төп үзәге булып болын Арча һәм Яр буе төбәкләре санала. Тарихи язмаларда Тау ягының, бигрәк тә Сундыр тавы урнашкан төбәкнең баш күтәрүчеләргә ярдәм итүе белән бергә, аларга каршы чыгучылар да булу

күрсәтелә [15]. Бу факт азатлык хәрәкәте житәкчесе Мәмеш Бирденең трагедиясе белән дә дәлилленә.

Чаллы шәһәрндә археологик тикшеренүләр үткәргән тарихчылар барысы да казу эшләре хакындагы фәнни хисапларында Чаллының елъязмада искә алынган Чалым шәһәре булуын таныллар. Мәсәлән, Н.Ф. Калинин [16], үзенә 1955 елгы казу эшләре нәтижәләренә таянып, Чаллы шәһәре Казан ханлыгы заманында сәяси үзәк (аерым феодаль кенәзлек) булган дип яза. Бу турыда Чаллыда археологик тикшеренүләр алып барган Удмурт республикасы тарихчысы Т.И.Останина, Мәскәү Фәннәр академиясеннән Н.А.Кокорина, тарихчы-археолог Ф.Ш.Хужин да билгеләп узалар [17]. 2000 елда чыккан «Борынгы Чаллы» дигән китабында да Чалымның Чаллы шәһәре икәнлеген дәлил-лөчә язмалар һәм фактлар китерелгән [18].

Чаллы шәһәрчеге урнашкан төбәкнең үзенчәлеге эпитафик һәйкәлләрдә дә чагылыш таба. Аларны өйрәнгән Д.Г.Мөхәммәтшин Чаллы шәһәрчеген аерым үзәк кебек билгели [19]. Тарихи язмаларга бәйләп, Д.М.Исхаков [20] Казан ханлыгы чорында Чаллы шәһәрчеге бер ара Нугай йогынтысында яшәгән дип, Чалымның – Чаллы, һәм бу шәһәрчек аерым кенәзлекнең (бәйлек) үзәге – «Мангыт йорт»ы булу мөмкинлеген фаразлай. Соңгы елларда 1552–1557 еллардагы азатлык сугышлары чорына Марий Эл Республикасы тарихчылары зур игътибар бирә башлады. Мәсәлән, А.Г.Бахтин [21] Чалымны Чаллы шәһәре буларак бәяли.

Нәтижә ясап, Чалымның Чаллы шәһәре икәннен раслаучы дәлилләренә барлап үтик.

Беренчедән, 1556 елда Казан шәһәрндәге рус гаскәрен камалышта калдырып, Мәмеш Бирде Тау ягындагы юлларны ябарга омтыла. Әмма ул әсир алынып, Тау ягы үзенә буйсынуын күрсәтүгә бояр Морозов тарафыннан алып барылган жәза экспедицияләре Казанның башка тарафларына: Яр буе, Арча һәм Мишә төбәкләренә юнәлә Никон елъязмасында Чалым шәһәре белән бергә Яр буе кешеләренә телгә алынуы да моны исбатлай.

Икенчедән, Чаллы-Чалым топонимнарының үзара охшашлыгы күзаллана. 1183 елда әлеге жирлектә Челмата атамасындагы шәһәр һәм халык искә алына. *Чал, чел, чул* атамаларының аңлатмалары күпкырлы. Тарихчыларның күбесе челма-

та-чаллыларны болгар кабиләләре дип саный. Ф.Г.Гарипова «Чаллы» гидронимының килеп чыгышын, *Сон // Сөи > Цон > Цын > Ыцын > Ыцынлы > Цынлы > Чынлы > Чаллы* тәртибдә үстәрәп, һун-Сөн чорындагы төрки телгә бәйли [22]. Шәһәрчек 1367 елга караган, абыйлы-энеле италян Пициганилар картасында шул жирлектә, *Чал* исеме астында искәртелгән. Нугай мирзасы Йосыфның Иванга язган хатларында, Чулман буендагы Чаллы шәһәрәнә каршы яктагы кичү «Чаллыев перевоз» дип бирелә. Соңгырак чорга караган тарихи язмаларда шәһәрчек *Чаллы, Челны, Челна, Чалны, Чалынский* кебек төбилгеле һәм ул – Яр буе төбәгенә бәйле чыганаclarда еш искәртелгән бердән-бер шәһәрчек. 1724 елгы ревизия актларында Чаллы шәһәрчеге тирәсәндә Чаллы атамасында 12 авыл санап үтелә. Ә тау ягындагы Сундыр төбәгендә *Чал* сүзенә охшаш бер генә авыл да юк. Чаллы шәһәрчеге тирәсәндә хәзерге чорда да дистәдән артык Чаллы дип йөртелә торган авыллар бар. XIX йөздә атамаларның саны 33 кә житә һәм ул авылларның барысы да Чулман төбәгендә урнашкан булганнар.

Өченчедән, Чаллы шәһәрән биш кат уратып алган саклану үр-ныгытмаларын тикшергән А.М. Гобәйдуллин үзенә археологик нигезләмәсәндә [23] үрләрнең соңгы тапкыр яңартылу һәм жимерелү этапларын Казан ханлығының соңгы чорлары белән бәйләп аңлата. Фәнни хисапларында археологлар, бердәм рәвештә, андагы мәдәни катламның тарихи материаллары Казан ханлығын яулап алган чорга туры килеп, кисәк кенә юкка чыга дип бәялиләр.

Әлеге дәлилләргә таянып, Никон елъязмасында искә алынган Чалымның Чаллы шәһәрчеге булуы турында нәтижә ясарга тулы нигез бар.

ИСКӘРМӘЛӘР

1. Золотницкий Н.Н. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и др. племен. – Казань, 1875.
2. Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники города Булгара. – Казань, 1987.
3. Kappeler Andreas. Russlands erete Nationalitäten: Das Zarenreich und die Völker der Mittlern Wolga vom 16 bis 19. Jahrhundert. – Köln,

1982. — 87—90s.

4. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1923. — С.153.

5. Михайлов С.П. Сундырская гора // Казанские губернские ведомости. — 1852. — №29, 30.

6. Золотницкий Н.И. Чувашский словарь. — С.267—269.

7. Спасский Н. Очерки по родиноведению. — Казань, 1912. — С.376.

8. Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств // Труды I Археологического съезда. — Т.2. — Казань, 1871. — С.571—573.

9. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники Казанской губернии. — Казань, 1878. — С.538.

10. ПСРЛ. — Т.2. — М., 1962. — С.227.

11. Износков И.А. Список населенных мест Казанской губернии. — Вып. 2. — Лаишевский уезд. — Казань, 1895. — С.73—80.

12. ПСРЛ. — Т.1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. — М., 1962.— С.626.

13. ПСРЛ. — Т.9. Патриаршая, или Никоновская летопись. — М., 1965. — С.390; ПСРЛ. — Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. — М., 1965. — С.10

14. Andreas Kappeler. Russland als Vielvoeckerreich.

15. Ермолаев. И.П. Среднее Поволжье во второй половине XV—XVII вв. (Управление Казанским краем). — Казань, 1982. — С.18.

16. Калинин Н.Ф. К итогам археологической экспедиции КФАН СССР 1955 года // Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. — Вып.2. — Казань, 1957. // Бoryнги Чаллы. Хужин Ф.Ш. ред. — Казан, 2000. — 49 б.

17. Кокорина Н.А. Отчет об археологических работах на Чаллыном городище Рыбно-Слободского района Татарской АССР, 1983 г. // Архив ИА РАН. — Р1. — №14560. — 70 л.

18. Бoryнги Чаллы // Хужин Ф. Ш. ред. — Казан, 2000. — 254 б.

19. Мухаметшин Д.Г. Эпиграфические памятники... — Казань, — С.126.

20. Исхаков Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени. — Казань, 1998. — С.22—26.

21. Бахтин А.Г. XV—XVI века в истории марийского края. — Йошкар-Ола, 1998. — С.152.

22. Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия. — Казань, 1998. — С.255—256.

23. Отчеты археологических раскопок Чаллынского городища и его укреплений в 1995—1997 годы // Бoryнги Чаллы // Хужин Ф.Ш. ред. — Казан, 2000. — 206 б.

Чаллы төбөгөндө табылган кабер ташы.

Бу таш Балык Бистәсе районы, Мәмле Казаклар Чаллысы авылы янында, авылның көнбатыш чигендәге калкулыкта сакланган. Биредә тагын ике кабер ташы бар. Бу урынны авыл халкы изге урын дип саный. Кабер ташының тулаем тексти басмага беренче тапкыр төкьдим ителә

Транскрипциясе:

1. Калә Аллаһу Тәгалә: «Күллү нәфсү заикатү -
2. -л-мәүтә» Калә-н-нәбиййү галәйһи-с-сәлам:
3. «Әд-дөһйә - сәгатүн, фәжғәләһә тагатүн». Тарих
4. «Әд-дөһйә-мазрагатү-л-ахирәти»
5. Тукуз йөз утыз бердә ...
6.
7.

Тәрҗемәсе:

Аллаһу Тәгалә әйтте: «Һәрбер жан иясе үлем ачысын табар». Пәйгамбәрәбез (Аңа Алланың сәламе булсын!) әйтте:

«Бу дөһйә ул – бер сәгатыек кенә шуңа күрә аны Аллага буйсынуда, дога кылып үткәр».

«Ошбу дөһйә - ахирәткә таба бара торган юлда бер иген кырыгына». Тарихның тукуз йөз утыз бердә ...

Ташның уң як кабыргасындагы язуның тасвийрламасы:

ارَى الدنيا خراباً باعتبارى فالايبقى مداماً بالقرارى

Геометрик (мигъмари) сөлс стиле белән бер юлга язылган гарәп телендәге шигырь:

Транскрипциясе:

Әрәзү-д-дүнья хәрабәң бигътибарый,

фә лә йәбка мәдамән би-л-карарый.

(- Күрәргән дөнъяны: һәйрана бары,

һәминә бакый ирмәс – юк карары.)

Тәржемәсе:

Күрәргән дөнъяны үтеп баручан итеп, жимерелү хәлендә шул килеш бертөрле тормас ул мәңгегә

Таштагы дата 931 нче һижри (1524 милади) булса кирәк (6 нчы юл). 7 нче юлда «... Мирза углы бәк...» дигән сүз генә ачык укыла. (*Нәҗип Нәккаш укыды, күчереп язды, тәржемә кылды.*)

**АРХЕОЛОГИЯ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА
(история изучения, итоги последних
исследований и перспективы)**

История изучения археологических памятников Поволжья эпохи средневековья имеет давние и богатые традиции [1]. Однако слабым звеном в изучении средневековых поселений пока еще остается проблема всестороннего историко-археологического изучения памятников эпохи Улуса Джучи и татарских государств XV—XVIII вв. Это связано как с объективными, так и субъективными причинами [2]. Вместе с тем для уяснения проблем этногенеза коренных народов Поволжья и Урала и их культуры большое значение имеют широкомасштабные раскопки памятников Золотой Орды и позднесолотоордынских татарских государств, результаты которых будут дополнять и уточнять уже известные исторические данные.

В связи с этим всегда, и особенно в последнее десятилетие XX в., важное место в работах исследователей Татарстана и соседних регионов Волго-Уралья занимала проблема изучения Казанского ханства. Исследователями многих поколений, особенно казанских ученых, собран значительный и уникальный материал по истории и культуре национального государства казанских татар и других народов региона, состоявший в своей основе из письменных и частично археологических источников.

Впервые попытку определения территории бывшего Казанского ханства на основе письменных и археологических источников предпринял М.Г.Худяков [3]. По мнению исследователя, в состав ханства входило два вида земель: центральная (основная) часть государства с татарским населением (Заказанье и Предволжье) [4] и подвластные территории с другими народностями. Однако во время написания М.Г.Худяковым своей книги количество археологических и эпиграфических памятников было ограничено.

Позднее, благодаря исследованиям казанских ученых, заметно увеличилось число эпиграфических и археологических

памятников рассматриваемого периода и, соответственно, расширилась территория их распространения.

Так, к примеру, татарский исследователь Гали Рахим на основе ареала распространения татаро-мусульманских эпитафий, изученных им в 1927–28 гг., центром Казанского ханства считал Заказанье и Северное Предволжье [5].

В «Археологическую карту Казанского ханства», подготовленную Н.Ф.Калининым и изданную в I томе «Истории Татарской АССР», включены 67 эпиграфических памятников XV–XVI вв., а также занесены городища и селища. На основе археологических и письменных источников исследователь в качестве центра Казанского ханства определил территории, занятые татарским населением в бассейнах Казанки, Меши, Ашита и некоторых других рек в Заказанье, а также западные земли в нижнем течении Свияги и Волго-Свияжском междуречье в Предволжье [6].

В сводном монографическом труде «Введение в болгаро-татарскую эпиграфику» Г.В.Юсупов характеризует 71 эпиграфический памятник XV–XVI вв., из них 63 объекта относятся к XVI в. Причем преобладающая их часть – 60 памятников находятся в Заказанье, а остальные (11) – в Предволжье [7].

«Карта центральной части Казанского ханства» и «Карта археологических памятников и селений Казанского ханства», составленные Р.Г. Фахрутдиновым, отражают археологические памятники и селения по писцовым книгам середины XVI–начала XVII в. и результаты некоторых разведочных работ, проведенных самим ученым [8]. Вопросы территории Казанского ханства на основе этих карт нашли отражение в последующих работах самого Р.Г.Фахрутдинова и других исследователей [9].

Для детального изучения ряда аспектов истории Казанского ханства, в частности для изучения проблем обороноспособности этого государства и борьбы его населения против внешних врагов, и особенно истории войны за независимость в середине XVI в., важное значение имеют новые археологические материалы, полученные учеными Татарстана в последние годы. В связи с этим особое значение приобретают итоги археологических исследований, проведенных в 1995–2001 гг. Заказанским отрядом Золотоордынской Комплексной историко-археологической экспедицией Института истории АНТ [10].

Особое место в археологических исследованиях экспедиции заняли памятники районов Заказанья, являющегося, наряду с Горной стороной, оплотом Казанского ханства. Создание в 1992 г. Иске-Казанского государственного историко-культурного и природного заповедника (ИКГМЗ) Минкультуры РТ в Высокогорском районе и в 1995 г. — Ученого совета по проблемам изучения и сохранения памятников Заказанья (совместно с ЗИАЭ ИИ АНТ и Минкультуры РТ) позволило приступить к планомерной и широкомасштабной работе по изучению, сохранению и использованию памятников в его охранной зоне и возобновлению раскопок в районах Заказанья и в Казани [11]. Первая региональная научно-практическая конференция, посвященная проблемам истории и культуры Заказанья, прошедшая в декабре 1995 г. в Высокой Горе — Казани, стала поворотным пунктом в исследовании памятников региона [12].

Раскопки и разведисследования ЗИАЭ проводились в течение полевых сезонов 1995—2001 гг. и будут продолжены в дальнейшем в широком масштабе, согласно принятой Программе «Археологические раскопки в охранной зоне Иске-Казанского государственного историко-культурного и природного музея-заповедника и сплошные разведочные исследования и стационарные работы в Заказанском регионе» [13].

Одним из основных объектов исследования ЗИАЭ стали памятники Иске-Казанского историко-культурного комплекса (ИКИКК), расположенные в 40 км к северо-востоку от современной Казани в Высокогорском районе [14]. Основными объектами здесь являются Урматское поселение, Камаевское городище и средневековые мусульманские кладбища.

Исследования 1995 и 1997 гг. показали, что площадь Урматского поселения, расположенного по обоим берегам р. Урматки, составляет более 200 га (ранее считалось 130 га) и культурный слой узкой линией тянется до слияния указанной речки с Казанкой. Урматское поселение — это, скорее всего, городище, а не селище, как традиционно пишется в археологической литературе [15]. Следы предполагаемого вала прослежены у правого берега Урматки и далее. В пяти раскопах выявлены архитектурные остатки и комплекс находок XII—XIV вв. (керамика, изделия из металла, кости, камня, стекла, украшения, монеты, кости животных),

подтверждающие высокий уровень городской жизни, ремесленного производства и торговли в золотоордынскую эпоху.

Данные археологических исследований позволяют утверждать, что упадок городского поселения на этом месте начинается в конце XIV— начале XV в. и связан с перемещением культурно-экономического центра Заказанья в Камаевское городище и Новую Казань (Казанский Кремль). Уход населения с Урматского поселения сопровождался закапыванием материальных ценностей, в том числе кладов. Из окрестностей Урмата, в частности, происходит 3 монетных клада конца XIV— начала XV в. Окончательное прекращение жизни на Урматском поселении можно связать с походом Василия II в 1431 г. на Среднюю Волгу, в ходе которого он сжег Казань, Болгар и другие города. Отчасти это подтверждается нумизматическим материалом (клад монет 1400—1420 гг.) [16] и находками вооружения в верхних слоях поселения (наконечники стрел, кольчужные кольца, пушечные ядра и т.п.). Очевидно, с этим событием связаны и выявленные в 1997 г. в южной части поселения мусульманские погребения. В верхних слоях раскопа (на глубине до 40 см) выявлены остатки 6 детских и взрослых захоронений, которые, на наш взгляд, относятся к поздним периодам существования памятника — XV— XVI вв. Здесь же отмечены около 20 местонахождений человеческих костей. Наличие в этой части Урматского поселения средневекового мусульманского кладбища подтверждает, на наш взгляд, что эти захоронения были связаны с произошедшей катастрофой.

После русского погрома в XV в. территория Урматского поселения до событий 1552 г. использовалась как кладбище жителями окрестных крепостей и деревень. Местное население до середины XVI в., скорее всего, проживало в Камаевском городище, которое являлось северным форпостом Казанского ханства [17].

В 1995—1996 и 1998—1999 гг. исследования проводились в Камаевском-1 и Камаевском-2 поселениях. Камаевское-1 (Иске-Казанское) городище, площадью 6,12 га, расположено на высоком мысу правого берега Казанки, в 1,5 км от деревни Камаево Высокогорского района, в 40 км от Казани [18]. Его площадка имеет вид вытянутой трапеции и ограничена с востока и юга обрывистым берегом Казанки, с запада — глубоким оврагом. С

северной напольной стороны она очерчена системой двух валов и рва между ними. Еще два вала и ров отделяют южную оконечность мыса от площадки городища. До создания заповедника городище распахивалось.

В 1996 г. ЗИАЭ впервые проведено детальное изучение оборонительных сооружений городища и выяснены этапы строительства и перестройки его укреплений.

В целях исследования линии крепостной обороны был заложен раскоп (414 кв. м) в виде траншеи, вытянутой с С-Ю в длину 72 м, прорезавший всю ширину укреплений и часть площадки городища с двумя прирезками. Раскоп выявил не только последовательность оборонительных сооружений, но и позволил зафиксировать их следы [19].

Установлено, что укрепления крепости были возведены в начальный период освоения площадки городища. Детально выявлена система обороны, которая включала два вала и ров между ними: внешний вал имеет высоту до 1 м, внутренний — 2,5 м (глубина рва — 4,3–4,8 м). Определена система внутривальных конструкций: они состояли из внешнего ряда горизонтально уложенных друг на друга бревен, поставленных поверх гребня и внутренней стенки из вертикально врытых столбов, частично засыпанных со стороны городища. Поверх стен находились: дощатый настил — боевая площадка и парапет стены с бойницами. Внутреннее пространство между этими стенками засыпано материковой глиной и кусками щебня. Общая ширина стен достигала 3 м.

Укрепления возводились дважды — во второй раз после значительного разрушения оборонительной системы: пространство было также забутовано крупными кусками щебня и камнями, что препятствовало сожжению и уничтожению укрепления.

Ров выкапывался небольшими террасами и со стороны площадки городища был крутым (30–45°), а с напольной стороны — отлогим (45–50°). Стенки склона специально покрыты слоем плотно утрамбованной и заглаженной глины.

В 1999 г. были проведены частичные раскопки по изучению структуры оборонительных сооружений в южной оконечности мыса площадки городища, состоявшей из двух невысоких валов и рва между ними.

Основание Камаевской крепости можно отнести к концу XIV – началу XV в. Большинство из почти сотни монет, найденных ранее другими исследователями и нами, отчеканены в первой четверти XV в. В это время крепость уже существовала и была сильным фортификационным сооружением – одним из важнейших форпостов Казанского ханства. Р.Г.Фахрутдинов, основываясь на упоминаниях русских летописей под 1536 г., связывает с Камаевским городищем место убийства казанского хана Джан-Али (Еналея) [20].

Гибель Камаевской крепости, на наш взгляд, связана с событиями 1552 г., когда войска князя А.Б.Горбатого двигались для захвата земель на Арском городище. По пути они, как сообщает русская летопись, «взяли острог на высокой горе» [21]. Раскопки подтверждают, что укрепления городища были разрушены в результате военной катастрофы. Об этом свидетельствуют сожженные надвальные оборонительные сооружения, прослойки прокала и рассыпанные крупные куски щебня из забутовки межстенного пространства, а также наконечники стрел, каменные пушечные ядра, железная сабля, ножи.

О катастрофических обстоятельствах гибели крепости свидетельствует также братская могила, обнаруженная у подножия вала площадки городища, несомненно, связанная с периодом запустения, так как прорезает более ранние слои. По определению И.Р.Газимзянова, здесь выявлены остатки черепов четырех мужчин и женщин, погибших в возрасте от 25 до 30 лет.

Ранее найденное на Камаевском городище и неоднократно упоминаемое Р.Г.Фахрутдиновым «погребение кочевника», на наш взгляд, представляет погребение убитого жителя города, совершенное в хозяйственной яме без соблюдения необходимых мусульманских обрядов [22].

Во внутренней части крепости выявлены остатки производственно-хозяйственных объектов и жилищ, найдены фрагменты керамики, предметы быта и производства, оружие, 10 серебряных и одна бронзовая джучидские монеты XV в. Археологический материал позволяет ограничить время основания и существования Камаевского городища первой третью XV – серединой XVI в., т.е. оно функционировало весь период Казанского ханства [23].

Основание Камаевской крепости, как и других укрепленных поселений Заказанья, скорее всего, связано с проникновением сюда в конце XIV — начале XV в. из основных земель Улуса Джучи этнически кипчакизированных групп. Вероятно, в конце XIV — начале XV в. Урматское поселение и Камаевское городище существовали параллельно, образуя как бы единый политико-экономический организм.

С возникновением и укреплением Казанского ханства со столицей в Новой Казани объекты Иске Казани постепенно теряют лидирующее положение в регионе, и территория Заказанья становится частью нового государственного образования. На Урматском поселении в XV — первой половине XVI в. продолжало жить в основном сельское население и небольшая группа мастеров-ремесленников, обеспечивавших потребности правящего клана и гарнизона Камаевского городища, а также жителей окрестных селений вплоть до 1552 г. Южная часть Урматского поселения, как уже отмечалось, постепенно превратилась в кладбище.

Камаевское городище в XV—XVI вв. становится региональным центром в Заказанских землях, хорошо укрепленным опорным и стратегическим форпостом на северных границах Казанского ханства, а также местом политической ссылки неудобных для ханов деятелей, тюрьмой для военнопленных. Неподалеку от Камаевского городища расположено средневековое кладбище, где покоятся останки известных людей того времени, о чем свидетельствуют надгробные плиты, в том числе 1494 г. [24].

Перед тем как подвести итоги и сказать о значении археологического изучения Камаевского городища, остановимся на результатах исследований Арского и Утернянского городищ.

В 1996 г. были впервые проведены стационарные раскопки, позволяющие получить материалы о культуре населения средневекового Арского городища, расположенного в 60 км к северо-востоку от современной Казани, вверх по течению Казанки. Остатки средневекового Арского поселения (городища) располагаются в центре современного райцентра Арск и хорошо известны по письменным источникам [25].

В ходе археологических исследований выявлена многочисленная керамика и другие изделия периодов Улуса Джучи и Казанского ханства (XII—XVI вв.), а также русского времени (XVII—XX

вв.) [26]. Значительный интерес представляют железные шлаки и изделия (наконечники стрел, серп, гвозди), фрагменты стеклянных сосудов, свидетельствующие о том, что предки арчан издавна были знакомы со сложными производственно-ремесленными процессами. Найденные кости животных (преимущественно мелкого и крупного рогатого скота), птиц и рыб, характеризуют высокий уровень развития животноводства и хозяйственной жизни в целом [27]. Важны находки двух серебряных джучидских монет XV в., чеканенные от имени Улу-Мухаммеда [28].

Археологические данные позволяют говорить об основании Арского городища, как укрепленного форпоста тюркоязычного населения, не позднее первой половины – середины XIII в. Однако это не означает, что до этого времени на данной территории не было хотя бы небольшого поселения.

Нами установлены основные линии границы средневекового Арского городища, являющегося одним из важнейших форпостов Улуса Джучи и Казанского ханства, центром Арской даруги и местом резиденции арских князей [29]. Укрепленная цитадель Арского острога XV–XVI вв., площадью около 2,5 га, располагалась на высоком подтреугольном мысу правого берега Казанки (в центральной части райцентра Арск), где сейчас сохранились остатки дореволюционной церкви. Ее территория имеет хорошую природную защиту. С запада она прикрыта глубоким оврагом, с очень крутыми склонами, возможно, специально подтесанными. Сюга – крутой береговой обрыв и такой же крутой овраг с востока. Следы былых средневековых искусственных укреплений сохранились очень слабо. Нами прослежены незначительные остатки сильно разрушенного вала и части рва.

Посад средневекового города тянулся к востоку от цитадели, по высокому берегу Казанки. Раскопки выявили следы пожарищ 1552 г. и более поздних времен, а также различные вещи XIV–XVI вв. В русский период город расширился как на восток, так и на запад – в сторону современного крахмального завода, где в XVII – начале XX в. располагалось городское кладбище. Наибольший расцвет Арска приходится на XVIII–XIX вв., о чем свидетельствуют массовые находки разнообразной керамики, других изделий и монет 1757 и 1795 гг.

В 1998 г. ЗИАЭ впервые проводила исследования на объектах Измянско-Утернянского историко-культурного комплекса (ИУИКК) в Сабинском районе – в бассейне верхнего течения реки Меша. Здесь, у деревень Измя, Утернясь и Илибер, располагается группа ранних и средневековых (XIV–XVI вв.) памятников. Однако уровень археологической изученности района носит лишь описательно-разведочный характер, до нас раскопки здесь не проводились [30].

Особый интерес среди объектов ИУИКК представляет Утерняское городище. Этот памятник в 1925 г. осматривался группой Научного общества татароведения под руководством Н.И.Воробьева [31]. В дальнейшем памятник рекогносцировочно обследовался Р.Г.Фахрутдиновым, Н.И.Шутовой и И.Л.Измайловым. Исследователи связывают остатки городища с упомянутым в русских летописях, в частности в Никоновской, а также Царственной книге, Мешинским городком (Мишә-Тамак) в 70 верстах от Казани, который был построен в 1553 г. восставшим (после взятия в 1552 г. столицы часть жителей Казани бежала на север, в Сабинские леса) татарским населением и стал центром повстанческого движения [32]. Через год, в 1553 г., он был разрушен карательным отрядом П.И.Шуйского при жестоком подавлении восстания: «...а полон взяли робят и женок 15000. И город на Меша сожгли и людей в нем, немногих застав побили, а иные из него выбежила; и окрестное села выжгли и людей повыбили и город до основания разорили». О трагической судьбе Мишә-Тамак рассказывают и жители местных сел. Однако в исторической литературе, в том числе в учебной, об этих событиях имеются лишь незначительные упоминания [33].

Археологические работы, начатые нами на территории городища частично в 1998 г., были проведены в более крупном масштабе в 2001 г. Исследования дали, на наш взгляд, уникальные и сенсационные результаты, подтверждающие данные письменных источников. Остатки Утернянского городища располагаются на высоком коренном мысу подтреугольной формы (220 x 140 x 150 м), образованном речкой Кала-Тау-елгасы и оврагом на правом берегу реки Малая Меша, неподалеку от сел Утернясь, Измя и Илибер. Окружено оно системой естественных и искусственных укреплений, в частности, уга-

дываются остатки двух валов рва. Местные жители называют это место Кала-Тау (Крепость-Гора) и связывают с ним несколько легенд. В ходе работ на площадке городища было заложено 7 раскопов общей площадью 384 кв.м и несколько разведочных шурфов за его пределами.

3 раскопа: Р-2 (72 кв.м), Р-4 (128 кв.м) и Р-6 (60 кв.м) выявили остатки фортификационно-оборонительной системы, состоявшей из 2–3 валов и 2 рвов. Ширина укреплений 12–13 м. Скорее всего, вскрытая система создавалась в 2 этапа, это видно по стратиграфии. При этом выяснено, что в основании валы были сооружены из камней, которые клялись в ряды и сверху утрамбовывались землей, далее, выше, снова шел ряд камней. На валу зафиксированы остатки деревянной стены в виде узкой канавки, заполненной горелым деревом.

На территории городища, у внутреннего вала укреплений, выявлены остатки хозяйственных ям. Так, в Р-2 были обследованы 3 ямы глубиной до 80–85 см. В них обнаружено большое количество костей и горелого дерева. По определению Г.Ш.Асылгараевой, в раскопе имеются кости крупного и мелкого рогатого скота и лошади. Дикие охотничье-промысловые виды животных представлены костями куницы, бобра и зайца.

В первой яме выявлены также остатки стеклянных шлаков, скорлупа лесных орехов, береста и фрагмент обгорелого лаптя. В другой яме обнаружены стеклянные и железные шлаки, фрагменты гончарной керамики, железные ножи, кресало, медный перстень-печатка, бусины, медальон. По мере заполнения содержание ям сжигалось, потом они полностью были выложены известняковым тонким камнем. При подсыпке валов ямы оказались частично под фортификационно-укрепительной линией.

Выявленные в раскопках находки относятся, без сомнения, к периоду Казанского ханства: это фрагменты кирпича и керамической посуды, изделия из металла, камня, стекла. Найдены также 7 серебряных монет – 5 сильно стертых джучидских и 2 хорошо сохранившиеся русские, относящиеся к периоду Ивана IV Грозного.

Находка монет позволяет нам датировать материал в целом в пределах 25–30 лет, т.е. 30–50-ми гг. XVI в.

Интересны также 2 железных наконечника стрелы, выявленные в верхних слоях внешнего вала. Многие находки, человеческие обгорелые кости, следы пожаров и т.п. говорят о том, что здесь было жестокое сражение. Гибель укрепленного городка (возможно, строительство укреплений не было завершено до конца), скорее всего, связана с действиями карательного отряда П.И.Шуйского и других воевод Ивана IV в 1554 г., о чем свидетельствуют также народные сказания и легенды, которые мы неоднократно слышали от местных старожилов.

Утерняское городище, судя по находкам, относится к первой половине – середине XVI в., однако это не исключает, что люди здесь жили и ранее. Неподалеку от него располагаются следы былого средневекового селища, судя по подъемному материалу и результатам шурфовки относящиеся к XIV–XVI вв. Рядом с ним находятся остатки старотатарского кладбища, заросшего ельником. В 1 км к юго-западу от села Измя, на правом берегу Малой Меши, расположены остатки мусульманского кладбища (территория ныне распахивается), где сохранилось надгробие 1332 г. с именем Йусуфа-хаджи сына Хусейна [34].

Об уровне развития культуры населения Заказанья можно будет судить окончательно лишь после детальной обработки материалов и археологического изучения основных памятников. Подводя предварительные итоги наших исследований, в частности и на Утерняском городище в 2001 г., необходимо обратить внимание на следующее.

Утерняское и Камаевское городища являются важными и уникальными объектами для детального всестороннего изучения истории и культуры Казанского ханства, обороноспособности и последних этапов существования этого государства. Если на основании полученного в 1996 г. археологического материала (керамика, монеты, другие находки) мы можем четко определить время основания и существования Камаевского городища и датировать их первой третью XV – серединой XVI в., т.е. оно функционировало весь период истории Казанского ханства, вплоть до его падения под ударами войска Ивана Грозного, то раскопки Утерняского городища дают прекрасный материал в основном по финальному этапу существования этого государства – 30–50-м гг. XVI в. Важно отметить и такой факт. Учи-

тывая то, что в период запустения на площадках обоих городищ (после погрома 1552–1554 гг.) не велось строительство, можно считать полученный материал однослойным и благодаря хорошей изученности памятников – эталонным для выяснения проблем археологии и истории Казанского ханства. Найденный в Камаевском и Утерняськом городищах культурный, хозяйственно-бытовой комплекс, в первую очередь образцы керамической посуды, может стать эталонным для изучения материалов, полученных в ходе последних раскопок в Казанском Кремле (А.Г.Мухамадиев, Ф.Ш.Хузин, А.Г.Ситдиков), а также исследований в Арском (А.А.Бурханов), Чаллыном (А.М.Губайдуллин, Ф.Ш.Хузин, Н.Г.Гарипов), Кабанском (А.А.Бурханов) городищах и других памятников периода Казанского ханства. Особенно это относится к тем объектам, которые были широко застроены в период вхождения бывших земель ханства в состав Российской империи и во времена великих строек и освоения земель в XX в. [35].

В ходе разведочных работ 2001 г. на северо-восточной окраине райцентра Богатые Сабы на правом берегу речки Сабинка, на высоком месте, называемом местным населением Мамедова пустошь (Мамед бабай тауы), у дороги в сторону лесхоза, нами выявлены следы средневекового поселения. На его территории были заложены 4 шурфа и раскопа (2 x 4; 2 x 6; 2 x 2; 4 x 4 м). В результате выявлен культурный слой мощностью от 30 до 60 см. Среди находок керамика с золотоордынско-казанскими традициями, красно-коричневая и чернолощенная керамика колониального периода, изделия из железа, стекла, камня, кирпичи, кости животных. Находки предварительно датированы XIV–XVI и XVIII–XIX вв. Это позволяет углубить историю райцентра Богатые Сабы до золотоордынской эпохи, что подтверждается данными дастана «Едигей».

Уже давно исследователи ищут остатки бывшего города-крепости – центра Зюрейской даруги, одного из важнейших столичных поселений ханства. Известно, что татарская территория Казанского ханства в административном отношении разделялась на несколько «даруг», которые в русских источниках отождествляются с дорогами: из Казани в Галич, Алат, Арск, Зюри и в Ногайскую землю. Центрами этих трех «даруг» (в Заказанье) служили

Алат, Арск и Зюри. Алат находится у современных сел Ст.Алат и Казаклар в Высокогорском районе РТ, а Арск – в центре современного Арска, где нами проводились раскопки в 1996 г. и получены убедительные аргументы в пользу этого факта.

Еще в 1877 г. в своей известной книге «Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии» С.М.Шпилевский писал: «Около деревни Старые Зюри есть остатки рва, концы которого примыкают к реке Меше. На берегу реки земляная насыпь, на которой подставлен камень довольно величины с высеченными будто бы арабскими буквами. По сим приметам полагают, что там был в древности столичный город какого-то хана».

Наши наблюдения и исследования в августе 2001 г. позволили нам локализовать былую столицу Зюрейской даруги именно на месте современного села Старые Зюри (Иске Жәри) Тюлячинского района, хотя имеется село под названием Зюри и в Мамадышском районе, где живут переселенцы-кряшены.

В пользу нашей версии можно привести следующие аргументы:

1. На краю деревни Старые Зюри, неподалеку от левого берега Мешы, находится старое кладбище, на котором сохранился мусульманский камень первой половины XVI в.

2. Выгодное природно-географическое и рельефное положение современного села, расположенного на полуостровном левом берегу Мешы. Здесь же очень удобные для пастбищ низкие широкие и богатые травой пойменные луга. Да и почва очень плодородна для земледелия.

3. О том, что это легендарная и историческая земля, говорят местные жители и легенды, которые рассказывают старожилы.

4. Нами были заложены 9 раскопов и шурфов в различных местах современного села (4x2; 6x2; 4x2; 3x1; 2x2; 2x2; 3x1; 2x1; 1x1м), которые зафиксировали культурные слои от 25 до 110 см. В ходе раскопок выявлена керамическая посуда, железные изделия, каменные находки, кости животных.

5. Керамический материал относится к XIV–XVI и XVII–XIX вв. Кроме того, в 2,5 км отсюда, у села Тюлячи археологом И.Р. Газимзяновым несколько лет тому назад выявлены остатки могильника золотоордынской эпохи. На правом берегу Мешы, в 2 км от Ст.Зюрей, во время наших разведработ в местечке «ското-

могильник» нами собраны керамические и железные изделия, относящиеся, судя по аналогиям, к XIII–XVI вв. Неподалеку от этого места, в 3 км располагается село Мамалаево, где еще в 50-е гг. XX в. был найден ярлык хана Сахиб-Гирея 1523 г.

Среди чиновников аппарата администрации Тюлячинского района и некоторых историков бытует мнение, что райцентр Тюлячи основан в 1560 г. И даже в рамках подготовки и проведения мероприятий по празднованию 10-летия создания Тюлячинского района в центре села был поставлен обелиск с датой «основания» — 1560 г.

Для подтверждения или опровержения этого факта в августе–сентябре 2001 г. нами проведены разведочные раскопки на нескольких участках центральной части Тюлячей. Заложены раскопы у пекарни (4x6 м) и в других местах: по берегу реки и около здания администрации (4x2; 2x2; 3x4; 4x6 м).

Культурный слой во многих раскопах составлял не более 50–60 см, кроме раскопа I (4x6 м), у бывшей церкви (ныне пекарня), в центральной части райцентра. Среди находок керамика красно-коричнево-темноватого оттенка золотоордынско-татарских традиций, много черепков чернолощенной, сероглиняной и красноглазированной посуды колониальной эпохи, изделия из железа, стекла, камня.

Основная часть находок относится к XVIII–XIX вв., но часть из них относится к XIV–XVI вв. Это позволяет нам удревнить основание райцентра до эпохи поздней Золотой Орды и раннего Казанского ханства. Скорее всего, до русской колонизации здесь располагалось небольшое татарское селище, а после взятия Казани московскими войсками Тюлячи становятся одним из важнейших центров колонизации центральной части Закавказья.

На территории кладбища с. Старые Нырсы сохранились надгробные плиты XIV в. Во время их осмотра мы провели разведочное изучение местности. К югу от села и к востоку от кладбища выявлены следы золотоордынского поселения. На пашне собраны: типично золотоордынская керамика, глиняное пряслице и джучидская серебряная монета.

Нами проведены также фиксация современного состояния, фототрафирование и снятие эстампажа надгробий в Тюлячинском районе у сел Б.Нырсы (XIV–XV вв.), Тямти (XVI в.) и Старые Зюри [39].

Кроме того, тогда же, в Сабинском районе нами зафиксировано современное состояние средневековых мусульманских надгробий и изучены тексты на них. В частности, на кладбище д. Большие Нырты снят эстампаж и прочитан текст надгробия на татарском и арабском языках. Указана дата — 1678 г. (1088 г.х.). Имя похороненного Килмухаммед, сын Чируче. Мастер-исполнитель эпитафии — Кильмухаммед сын Ишмана (чтение М.И.Ахметзянова). Эпитафия выполнена в стиле традиций эпохи Казанского ханства.

Летом 1999 г. ЗИАЭ проводила широкомасштабные разведисследования в Кукморском районе и раскопки поселений Кукмара-1 и Мачкара. Как известно, Кукморский район в археологическом отношении до этого практически не изучался [40]. В ходе разведочных работ выявлены остатки поселений, курган, отдельные находки в 19 местах [41].

Неподалеку от райцентра Кукмор, на север, у подножия горы, были обнаружены следы средневекового поселения. Раскопки (изучено 15 археологических объектов) выявили следы каменных и кирпичных сооружений, кузнечной мастерской, а также комплекс находок золотоордынского и казанско-ханского периодов, а также XVII—XVIII вв. Определены границы средневекового поселения Кукмара-1.

Интересны результаты исследований поселения Мачкара, расположенном в центральной части села Мачкара. Найдены (в основном в огородах) фрагменты глазированной и нерасписной керамики, сфероконус, керамические водопроводные трубы, украшения, изделия из железа, датируемые XIII—XVI вв. Интересны 3 джучидские монеты.

Неподалеку, в 0,8 км к северу от деревни Большой Кукмор, на высоком мысу выявлены следы городища. Укрепления слабо заметны, так как эта территория распаивается. Площадь городища, подтреугольной формы, занимает 0,4 га. Раскопки выявили остатки вала. Это городище, скорее всего, временное убежище, относящееся к эпохе средневековья. Внизу, на берегу Нурминки, выявлены следы сельского поселения, население которого в случае опасности пряталось на городище.

У деревни Нырья выявлены следы средневекового поселения. Здесь найден железный топор с золотоордынской кера-

микой и китайский селадон, датируемые XIII – началом XV в. Около деревни Туембаш, в ходе разведработ, выявлены следы поселения эпохи Казанского ханства. Культурный слой прослежен вдоль реки Тойменка.

Все эти материалы подтверждают факт наличия широкой сети поселений периодов Улуса Джучи и Казанского ханства в северных районах Заказанья. Уже сегодня находки раздвигают границы археологической карты болгарских и золотоордынских земель далеко на север и документально подтверждают факт развития в этих местах культуры тюрко-мусульманских народов этого времени. И можно уверенно говорить о наличии в этих местах крупных ремесленно-торговых центров XIII–XIV вв. Тем более здесь, неподалеку, пролегал сухопутный торговый путь на север и на юг, здесь же протекает река Нукрат (Вятка), являющаяся транспортной магистралью в развитии торговых связей.

В 1997–1999 гг., в рамках изучения средневековой истории города, нами было проведено изучение некоторых малоизвестных памятников на территории Казани. Так, в 1997 г. крупномасштабные работы проводились в Кабанском городище (бывшая Архиерейская дача), на высоком берегу озера Средний Кабан в Приволжском районе [42].

Среди исследователей эта территория известна как бывшая резиденция булгаро-татарских правителей и местонахождение средневекового мусульманского кладбища, что подтверждается, в частности, тремя надгробными плитами, широко известными в литературе и датированными концом XIII в.

В ходе исследований нами было заложено 11 шурфов и раскопов площадью более 110 кв.м. Мощность культурных напластований составляет от 20 до 275 см. Основные находки – керамика, кирпичи, изразцы, изделия из железа, стекла, а также монеты XVIII–XIX вв. В четырех объектах найдены материалы и в двух из них зафиксированы сохранившиеся слои второй половины XIII – первой половины XVI в. Среди находок – фрагменты керамики болгаро-татарских традиций, красного квадратного кирпича (23 x 23 x 6 см), серебряная монета 20-х гг. XV в. хана Борака.

Особый интерес вызывают материалы объекта XI у Воскресенской церкви. Была изучена могильная яма, на дне ее расчищен прямоугольный склеп из кирпичей. Высота сооруже-

ния — 62 см. Умерший захоронен по мусульманскому обряду, это мужчина 40—45 лет [43]. Судя по аналогиям, склеп Кабанского городища можно предварительнo датировать второй половиной XIII— началом XV в., и он, скорее всего, принадлежал захоронению представителя «белой кости». Возможно, что над могилой находился мавзолей, который был разрушен во время строительства монастыря во второй половине XVII в.

Необходимо отметить, что подвалы и фундамент Воскресенской церкви были сооружены из мусульманских надгробных плит. Аналогичные случаи не редкость, к примеру, в церкви Успения в Болгаре и Благовещенском соборе Казанского Кремля (наши наблюдения 1998 г.), где при реставрационных работах выявлены фрагменты надгробных плит и одна мусульманская эпитафия 20—30-х гг. XVI в. с арабским текстом философско-поэтического содержания [44].

Керамика и другие материалы XIV—XVI и XVIII вв. найдены нами также в ходе земляных и реставрационных работ 1998 г. и археологических раскопок осенью 1999 г. в районе бывшего медресе «Усмания» (ул. Тукаевская), около колхозного рынка в г. Казани. По данным источников, здесь в эпоху Казанского ханства располагалась Кураишева слобода. Неподалеку от нее до середины XIX в. находилось мусульманское кладбище с надгробными плитами.

Подводя предварительные итоги основным исследованиям, проведенным Заказанским отрядом ЗКИАЭ ИИ АНТ в 1995—2001 гг., хотелось бы обратить внимание и на перспективу изучения археологических памятников периодов Улуса Джучи и Казанского ханства в ближайшие годы.

Во-первых, необходимо продолжать широкомасштабные разведки не только в Заказанье, но и в Предволжье (Горная сторона), и в восточных районах республики, а также за ее пределами.

Во-вторых, важно проведение стационарных раскопок в наиболее крупных и стерильных памятниках для получения значительного эталонного материала по эпохе развитого средневековья (либо периода Улуса Джучи, либо Казанского ханства).

В-третьих, в наиболее исследованных памятниках или в зоне их компактного расположения необходимо создать историко-археологические музеи-заповедники под открытым небом (к

примеру, в Утернясько-Измянско-Сабинско-Ныртинско-Зюринско-Тюлячинской зоне). А в тех историко-культурных комплексах, где они уже созданы, нужно провести работу по реализации в жизнь принятых постановлений и программ государственных органов РТ.

Для решения вышеназванных задач, на наш взгляд, необходимо: принять республиканскую программу по изучению и сохранению объектов археологии, создать специальную группу по изучению памятников периодов Золотой Орды и Казанского ханства не только в отдельных регионах республики и в целом в Татарстане, но и за его пределами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Археологическая карта ТАССР в 6 томах. — М.— Казань, 1981—1990; Археологические памятники ТАССР. — Казань, 1987; Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. — Астрахань, 2001; Поволжье в средние века. — Нижний Новгород, 2001; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. — М., 1985; Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. — М., 1994; Его же. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. — Казань. — 1997. — № 1 — С. 88—100.

2. Эхо веков — Гасырлар авазы. — Казань. — 1996. — № 3/4 — С.103—104; Звездный час татарской истории // Татарика. — 1997. — № 1. — С.2—6; Постановление Государственного комитета обороны № 5859 от 11 мая 1944 года «О крымских татарах» // Крымские татары: проблемы репатриации. — М., 1997. — С.137—140; Тихомиров М.Н. Выступление по вопросу этногенеза казанских татар // Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVIII веков. — М., 1973. — С.307; Сафаргалев М. Один из спорных вопросов истории. — 1951. — № 7. — С.75—80; Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // Советская археология. — 1959. — № 4.

3. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1923. — С.10—11; Его же. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С.17—21.

4. Там же. Автор допускает некоторые неточности и противоречия. Например, центром Казанского ханства он назвал Западное Закамье, хотя в дальнейшем повествовании М.Г.Худяков перемещает его в Заказанье и Предкамье.

5. Али Рахим. Татарские эпиграфические памятники XVI в. // Труды общества изучения Татарстана. — Т.1. — Казань, 1930. — С.171—172.

6. История Татарской АССР. — Казань, 1951. — С.130 и карта; 1955. — С.100 и карта.

7. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. — М.—Л., 1960. — С.23, 25—26 и карта.

8. История ТАССР. — Казань, 1968. — Карта; Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. — Казань, 1975. — С.79—84, карта.

9. Фахрутдинов Р.Г. Задачи археологического изучения Казанского ханства // Советская археология. — 1973. — №4; Его же. Очерки по истории Волжской Булгарии. — М., 1984; Археологические памятники ТАССР. — Казань, 1987. — С.42—44; Алишев С.Х. Казанское ханство: возникновение и развитие // Материалы по истории татарского народа. — Казань, 1995. — С.186—200; Его же. Казань и Москва. Межгосударственные отношения в XV—XVI вв. — Казань, 1995; Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. — Казань, 1998; Бахтин А.Г. XV—XVI вв. в истории Марийского края. — Йошкар-Ола, 1998.

10. С 1995—2000 гг. она носила название Заказанской историко-археологической экспедиции. В 2001 г. в связи с объединением 3-х экспедиций, возглавляемых А.А. Бурхановым, в одну она стала называться Золотоордынской Комплексной историко-археологической экспедицией Института истории АН Татарстана с тремя отрядами — Заказанским, Восточно-Татарстанским, Татарстанско-Астраханским.

11. Бурханов А.А. Отчеты за 1995—2001 гг. // Архивы Института археологии РАН, НЦАИ Института истории АНТ, ИКГМЗ Минкультуры РТ (в д.Камаево), Арском, Кукморском, Сабинском и Тюлячинском филиалах Национального музея РТ; Его же. Новые исследования в Заказанье // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. — Уфа, 1996. — С.69—70; Его же. История и перспективы археологического изучения Заказанья // Древности, издаваемые РАО. — Вып. 18. — М., 1996. — С.51—52; Его же. Новые археологические исследования в Заказанье и Казани // Татарика. — № 1. — 1997/98. — С.137—144; Его же. Древняя история. Историко-археологическая характеристика Иске-Казанского историко-культурного и природного комплекса // Очерки истории Высокогорского района; Его же. К проблеме изучения и сохранения историко-культурного наследия и роли географического положения и основных природно-экологических особенностей в заповедных зонах (по материалам изучения охранной зоны ИКИКПК в Заказанском регионе) // Поиск истоков. Социально-естественная история. — Вып. XVI. — М., 2000. — С.64—73.

12. Заказанье: проблемы истории и культуры // Материалы кон-

ференции. — Казань, 1995; Бурханов А.А. Очерки истории Высокогорского района РТ. — Казань, 1999. — С.363–366.

13. Заказанье: проблемы истории и культуры. — Казань, 1995. — С.197–198; Материалы выездных заседаний Волго-Уральского центра секции «Археология и антропология» РАЕН-РАО на Высокую Гору (в 1998, 1999 гг.), в Богатые Сабы (в 1998 г.) и Кукмор (в 1998 г.).

14. Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // Труды КФАН СССР. — Казань, 1954. — С.96–104; Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Болгарии. — М., 1984. — С.125–166; Бурханов А.А. Древняя история // Очерки истории Высокогорского района РТ. — Казань, 1999. — С.50–74; Его же. Некоторые итоги изучения памятников охранной зоны Иске-Казанского историко-культурного и природного комплекса в Заказанском регионе // Диалог культур Евразии. — Казань, 2001. — Вып. 2. — С.354–381.

15. Археологическая карта ТАССР. — Казань. 1987. — С.118 (235); Предкамье. — М., 1981.

16. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губернии. — Казань, 1877. — С.429–430; Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Указ. соч. — С.101; Археологические памятники ТАССР. — Казань, 1987. — С.119.

17. Бурханов А.А. Памятники Иске-Казанского комплекса и некоторые проблемы историко-археологического изучения Заказанья Средневековая Казань: возникновение и развитие. — Казань, 2000. — С.179; Его же. А.П.Смирнов и некоторые проблемы историко-археологического изучения Заказанья // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. — М., 1999. — С.130–135.

18. Археологические памятники ТАССР. — Казань. 1987. — С.117–118 (232); Калинин, Халиков., 1954. — С.96–98; Фахрутдинов Р., 1984. — С.137–146; Бурханов А.А. Древняя история. — Казань, 1999. — С.10–82.

19. Бурханов А.А., Измайлов И.Л. Отчет об итогах археологических работ в Заказанье в 1996 году. — Ч.1. Археологические исследования в Камаевском городище // Архив ИА РАН. — Казань, 1997. — С.3–28; Они же. Новые данные по фортификации Казанского ханства // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. — М., 1999. — С.135–138; Бурханов А.А. Новые данные по истории Казанского ханства // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В.Ломоносова. — М., 1999. — С.171–176; Его же. К вопросу истории Казанского царства // История государственности Республики Татарстан и современность. — Казань, 2000. — С.25–30.

20. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. —

М., 1984. — С.165.

21. ПСРЛ. — Т.ХІІІ. — С.210—211; ПСРЛ. — Т.ХХІХ. — С.101—102, 197.

22. Фахрутдинов Р.Г. Очерки.... — С.144—145. — Рис.25.

23. Бурханов А.А. Некоторые итоги... // Диалог культур Евразии. — Казань, 2001. — Рис.3;5;6.

24. Али Рахим. Указ. соч. — С.156—157; Фахрутдинов Р.Г. Очерки... — С.131. — Рис.15; Юсупов Г.В. Указ соч. — Табл.54 (текст и рис.); Бороздин И.Н. Два татарских надгробия близ городища «Иски-Казань» // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. — Казань, 1930. — Вып. 4.

25. История Арского края. — Казань, 1996. — С.147—154; ПСРЛ. — Т.13. — М., 1968. — С.79; ПСРЛ. — Т.21. — СПб., 1908. — С.309.

26. Подробно см: Бурханов А.А. Отчет об итогах археологических исследований в Заказанье в 1996 году. — Ч.2. // Археологические исследования в Арске. — Казань, 1997; Его же. Средневековое городище Арск-Арча (некоторые итоги историко-археологического изучения) // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Нальчик—Омск, 2001. — С.78—79.

27. Костные остатки определены А.Ш.Асылгараевой.

28. Определение монет произведено Г.А.Федоровым-Давыдовым.

29. Худяков М.Г. Очерки... — 1923. — С.13; Исаков Д.М. О происхождении «Арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства //Заказанье: проблемы истории и культуры. — Казань, 1995. — С.95—98; Его же. От средневековых татар... — С.31—42.

30. Археологические памятники ТАССР. — Казань, 1987. — С.197; Археологическая карта ТАССР. — 1981. — №491 и 193.

31. Воробьев Н.И. О болгаро-татарских надгробных камнях Мамадышского кантона // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. — Вып.3. — Казань, 1929. — № 361,446,447,448; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991. — С.158.

32. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники... — С.80.

33. Синицына К.Р. История Татарстана и татарского народа. — Казань, 1995. — С.6.

34. Археологические памятники ТАССР. — Казань, 1987. — С.197(446); Воробьев Н.И. Указ. соч.; Юсупов Г.В. Указ. соч. — Табл.11.

35. Бурханов А.А. Итоги изучения памятников эпохи Казанского ханства // Ученые записки Татарского государственного гуманитарного института. — №7. — Казань, 1999. — С.119—132; Его же. Средневековое городище Арск-Арча. 2001; Древние Чаллы. — Казань, 2000; Средневековая Казань: возникновение и развитие. — Казань, 2000.

36. Худяков М.Г. Указ. соч. — 1923. — С.13; 1991. — С.20.

37. Бурханов А.А. Отчет за 1996 г. — Ч.2.; Его же. Средневековое городище Арск-Арча.
38. Шпилевский С.М. Указ. соч. — 1977. — С.402.
39. См.: Юсупов Г.В. Указ. соч. — 1960. — Табл. 29,45,51,52; Археологические памятники ТАССР.— Казань, 1987. — С.193—197.
40. Археологические памятники ТАССР. — Казань. 1987. — С.160; Археологическая карта ТАССР. — Казань, 1981.
41. Бурханов А.А. Отчет за 1999 г. Рукопись // Архив ИА РАН и Кукморский филиал НМ РТ.
42. Бурханов А.А. Отчет за 1997 г. Рукопись // Архив ИА РАН и фонды Казанского Совета народных депутатов; Новые археологические исследования в Заказанье и Казани. — С.142—143; Бурханов А.А., Белов А.В. Исследования мусульманского захоронения в склепе на Кабанском городище // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. — Болгар, 1998. — С.45—48; Бурханов А.А. Новые данные по средневековой Казани // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. — М., 1999. — С.127—130.
43. Определение И.Р.Газимзянова. Подробно см.: Бурханов А.А. Отчет за 1997 г.; Бурханов А.А., Белов А.В. Исследования... — 1998. — С.45—48; Белов А.В., Бурханов А.А. Новые... — 1999. — С.127—130.
44. Наблюдения А.А.Бурханова. Чтение текста эпитафий произвел Н.И.Исмагилов.

ИСКУССТВО КАЗАНСКОГО ХАНСТВА: РАРИТЕТЫ И МЕТОДИКА ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Изучение искусства Казанского ханства — одна из важнейших задач, стоящих перед исследователями национальной культуры, духовного и материального наследия татарского народа. Выявление особенностей и специфики развития культуры в тот или иной период позволяет реконструировать процессы генезиса и поэтапной эволюции и вместе с ними важнейшие факторы становления и формирования этноса.

Выработанная наукой периодизация этапов развития искусства, как и татарского этноса в целом, охватывает последовательно сменявшие друг друга периоды: раннебулгарский (VIII—X вв.), Волжской Булгарии (X—XIII вв.), Золотой Орды (XIII—XV вв.), Казанского ханства (XV—XVI вв.), колониальный период, после присоединения края к России (с 1552 г.) до начала XX в. и двадцатый век. В этом хронологическом ряду период образования и существования Казанского ханства является одним из важнейших, хотя он и менее всего изучен. Однако именно в это время происходит формирование народности поволжских татар как ведущей составляющей татарской этнической общности, разговорного и литературного языка, легшего в основу общенационального, специфических особенностей материальной и духовной культуры. Значимость этого этапа для татарской истории заключается и в том, что он был завершающим в развитии самостоятельной татарской феодальной культуры — культуры господствующих классов, связанной с наиболее выдающимися произведениями искусства и художественных ремесел, после которого она вступает в полосу национального гнета и официальных регламентации, Указов царского самодержавия. Многие художественные ремесла и связанные с ними технологии были надолго забыты и восстановлены спустя лишь столетия, а некоторые утрачены безвозвратно.

В результате сложных исторических коллизий развитое художественное ремесло татар после середины XVI в. претерпевает коренные изменения, связанные с развитием в особых,

испытавших влияние прошлой городской культуры, формах народного искусства, как система, выработанная народным коллективом. Именно в силу этого в своем позднейшем развитии (XVIII–XIX вв.) народное искусство татар устойчиво сохраняет многие архаические черты, характерные для эпохи Казанского ханства, отличается устойчивым проявлением ретроспективных тенденций. Причину этого можно видеть в патриархальном укладе татарского крестьянства и в религиозной идеологии, ставшей своеобразным средством защиты от внешних инонациональных влияний.

Достижения искусства Казанского ханства, как и культуры в целом, сложились на основе булгарского и золотоордынского художественного наследия. В то же время происходит значительный скачок, связанный с расцветом культуры правящей верхушки, в сторону пышности и богатства стиля, парадного величия и впечатляющей образности произведений. Новые черты в архитектуре и искусстве периода Казанского ханства появляются под влиянием господствовавших в мусульманском искусстве тенденций, их развитии в русле более светского направления. Казань становится центром мусульманской культуры Поволжья, переживавшей в XV–XVI вв. период своего наивысшего расцвета. Письменные источники сообщают о процветании религиозной, духовной и культурной жизни государства, развитии светского просвещения, высокой суфийской поэзии, различных ремесел, монументальной архитектуры и других видов искусства.

Выявить исторический пласт традиций XV–XVI вв. — основная задача исследования, которая в рамках данной статьи определяет постановку актуальных для истории татарского искусства проблем. Существо их заключается в следующем: во-первых, в попытке воссоздать искусство периода Казанского ханства и его особенности; во-вторых, реконструировать художественно-стилевые параметры, архетипы форм и в результате этого создать научные критерии атрибуции произведений.

Основные трудности в характеристике искусства данного времени заключаются в ограниченном объеме имеющихся вещественных материалов и в отрывочности археологических исследований, которые, кроме Казани и городища Старой Казани, практически нигде не проводились. Трудность состо-

ит еще и в том, что в искусстве предшествующего периода (XIII–XV вв.) сложился ряд общих стиливых признаков, характеризующих единство культуры в рамках обширного государства Золотой Орды. Недостаточность археологического материала по культурным провинциям и художественным школам не всегда дает возможность достаточно ясно представить региональные и локальные особенности искусства как предшествующего Казанскому ханству, так и последующего – XVI–XVII вв. периодов. Поэтому лишь в совокупности признаков, присущих различным видам искусства, и по отдельным сохранившимся образцам можно воссоздать художественную культуру периода Казанского ханства как целостную систему.

Такие попытки были предприняты Ф.Х.Валеевым, который впервые раскрыл светскую направленность искусства Казанского ханства и определил его стиливую тенденцию как «восточное барокко» [1]. В казанско-татарском варианте «восточного барокко» завершились черты «сельджукизма», характерные для золотоордынской архитектуры и ее декора. Ретроспективные исследования архитектуры Казанского ханства впервые были предприняты М.Г.Худяковым, который, привлекая материалы русской иконографии середины XVI в., а также образцы сельского зодчества казанских татар конца XVIII в., реконструировал основные архитектурно-конструктивные типы монументальных зданий татарской Казани [2].

В целом изучение культуры Казанского ханства опирается на археологические, письменные источники и отдельные дошедшие до нас произведения прикладного искусства из музейных коллекций. Основное содержание декоративного искусства данного времени определяется по немногим, но важным для понимания этнических традиций и их дальнейшего развития памятникам художественного ремесла – нескольким десяткам надгробий, отдельным уникальным произведениям ювелиров и остаткам многообразных по форме и декору гончарных сосудов.

Археологические раскопки, проводившиеся в Казанском кремле с большими перерывами, начиная с 1920-х годов и более планомерно в 1953–1957 годы Н.Ф.Калининым, в 1970–2000-х гг. А.Х.Халиковым и Ф.Ш.Хузиным, а также материалы раскопок Старой Казани (исследования Р.Г.Фахрутдинова, А.А.Бурхано-

ва) позволяют охарактеризовать отдельные виды ремесел, в т.ч. художественных, связанных с производством бытовых изделий. Среди них выделяется керамика, характеризующая искусство гончаров, которая, по определению Н.Ф.Калинина, была «аналогична поздне-булгарской» [3]. Она представлена различными видами сосудов (хумы, корчаги, кумганы, кувшины, чернильницы и др.) и разнообразными техниками художественной обработки (орнаментация, лощение, подглазурная роспись и др.). Археологические раскопки выявили уникальные остатки кожаной обуви различных образцов, украшенной тисненым орнаментальным узором. К сожалению, небольшие и редкие археологические разыскания значительно затрудняют исследования по выявлению специфики искусства данного времени, включающего художественное творчество как города, так и деревни, локальных центров художественных ремесел.

Литературные сведения — письменные источники, исторические предания и легенды также содержат весьма отрывочные и немногочисленные данные об искусстве казанских татар и носят в преобладающем случае косвенный характер, позволяя установить лишь факт наличия того или иного вида художественного ремесла. Среди них сведения о Казанском кремле первой половины XVI в., о видах ремесел, в частности, об изделиях мастеров по художественному металлу, коже и других содержатся в русских летописях и писцовых книгах 1556 г., записях русского князя А.Курбского, путешественников и анонимного автора «Казанской истории». В них сообщается о несметных казанских богатствах и всяком «узорчье», о «златотканых заполах», «покровах драгих, усаженных жемчюгом и камениями драгиями» [4], об увезении из завоеванной Казани «12 лодей великих, златом и серебром, и сосуды серебряными и златыми, и украшенными постелями (тканями — Г.В.) и многообразными одеянами царскими и воинскими оружиями всякими» [5], а также бесчисленных «крабий» (коробы — Г.В.) с драгоценным «рухлом» (меха — Г.В.). Другой же русский летописец сообщает о «светлых портицах златых» и «красных поволоках драгих», «сосудах серебряных и златых и всецех, им же несть числа» [6] и т.д.

Наиболее важным источником в характеристике художественной культуры татар периода Казанского ханства являются

ся предметы, произведения прикладного искусства из музейных коллекций. Он пока еще недостаточно привлекается исследователями, поскольку требует огромной поисковой и атрибуционной работы в музейных и частных коллекциях. Надо учитывать и то обстоятельство, что, начиная с середины 16 в., вследствие активных миграционных процессов среди волжских татар наиболее вероятным является рассредоточение изделий прикладного искусства по широкому территориальному ареалу. Поэтому важнейшей проблемой для исследователей татарской культуры является выработка научно обоснованных методов атрибуции, в основном анонимных произведений, зачастую не относимых к татарским. В музейных коллекциях автор находила их среди древностей Кавказа и Средней Азии.

Каковы теоретические основы атрибуции произведений периода Казанского ханства? Они содержатся в методологии культурно-генетического исследования, выстраивающего события и факты в исторической и художественно-стилистической последовательности. Произведения определенного вида искусства рассматриваются с наиболее ранних сохранившихся образцов до позднейших, выявляются памятники, заполняющие хронологические интервалы. Причем те или иные признаки могут быть воссозданы и в диахронии (по одному виду искусства), и в синхронии (с привлечением сравнительных материалов разных видов искусства). Для построения эволюционного ряда произведений в диахронии возможно привлечь материалы по таким видам искусства, как резьба по камню, художественный металл и ювелирное искусство. Художественная керамика, архитектурные облицовки из камня и гипса, художественная обработка металла горячим способом и другие виды декоративного и прикладного искусства исчезают с середины XVI в.

В малой архитектурной пластике, представленной каменными надгробиями, в отличие от фрагментарности дошедших до нас памятников монументального зодчества (не позволяющих полно и последовательно проследить эволюцию форм резного декора), вырисовывается непрерывная нить развития, которая пронизывает ряд столетий и объединяет стилевые черты различных локальных центров татарской художественной культуры — в основном Казани и крупных сел Заказанья.

В аспекте задач данной статьи отметим, что развитие в целом национального стиля в каменных надгробиях проходит ряд эволюционных этапов и идет от рациональной лаконичности декора и далеко не изощренной техники резьбы надгробий конца XIII — первой половины XIV в. к более изысканным по орнаментике и эпиграфике, разнообразию композиций XV — середины XVI в. и от них к великолепию орнамента и утонченности каллиграфии надгробий XVIII — первой половины XIX в. И если в золотоордынский период выявляются два стилистических типа камней: первый — связан с народным искусством, а второй — с профессиональной, ремесленной культурой, то начиная с периода Казанского ханства мы можем говорить об едином высокопрофессиональном стиле, апогеем которого являются надгробия середины XVIII в. Со второй половины XIX в. намечаются упадок и угасание этого вида искусства. Надо отметить, что художественные особенности надгробий первой половины XVI в. почти полностью повторяются в позднейших камнях вплоть до середины XVIII в. и лишь со второй половины XVIII в. появляются иные по формам и резному декору камни, более упрощенные по художественному решению и кругу используемых орнаментальных мотивов. Узоры резных надгробий позволяют выделить комплексы орнаментов XV—XVI вв.

Памятники ювелирного искусства XV—XVI вв., в отличие от резных надгробий, не дают цельной картины его развития по периодам, тем не менее в них выявляются наиболее ценные для атрибуции стилевые и технологические особенности произведений. Сам материал — металл (золото, серебро, сплавы), из которого изготовлены ювелирные изделия, в силу его долговечности, позволяет проследить развитие ювелирного ремесла с древнейших времен и привлечь как археологический, так и этнографический материал. Поэтому эволюционный ряд произведений ювелирного искусства казанских татар выстраивается, начиная с раннебулгарского времени (VII—VIII вв.) и до начала XX в. Однако и в нем имеются лакуны, относящиеся к XV—XVI вв., которые постепенно заполняются вновь открываемыми образцами изделий.

Несколько произведений ювелирного искусства периода Казанского ханства были обнаружены автором в фондах Ору-

жейной палаты в Москве, Музее этнографии народов России в С.Петербурге и в Национальном музее в Казани. Все они созданы из драгоценных материалов и исполнены в сложной технике накладной и ажурной скани, чеканки, басмы, инкрустированы камнями и самоцветами. Пышность форм и декора свидетельствуют о том, что эти изделия были предназначены для богатых и сановных заказчиков, техника изготовления их известна как в болгарском, золотоордынском, так и в искусстве XVIII–XIX вв. Ярко характерной для них является накладная и особенно ажурная филигрань, которая воплощает в себе преемственность древних ремесленных традиций. Шедевром технологии ювелирного искусства является татарская бугорчатая скань, однако утверждение о существовании ее в период Казанского ханства отдельными исследователями, к сожалению, не подкрепляется сохранившимися материалами [7].

Разграбление ханской казны с государственными регалиями, драгоценными изделиями, украшениями, золотой и серебряной утварью, «золототканными» костюмами, тканями, оружием нанесло ощутимый урон национальным памятникам художественной культуры, нашему представлению о декоративном искусстве XV–XVI вв. Тем не менее и по дошедшим до нас первоклассным образцам можно оценить высокий уровень татарского художественного ремесла в этот период. Например, уникальным образцом медночеканенных изделий дворцового обихода XV–XVI вв. является изысканный по форме и орнаментации винный кувшин из золотисто-желтой латуни, впервые атрибутированный А.Хайрулиным. По своим размерам и форме это был именно винный кувшин, а не «кумган для ритуальных мусульманских омовений», как, заблуждаясь, писала С.Червонная [8]. В его декоре органично переплелись формы изобразительного и поэтического искусства, в частности изящные стихотворные миниатюры на татарском, арабском и персидском языках, гравированные на тулове сосуда арабской вязью. Вместе с цветочно-растительным орнаментом, чеканенным и гравированным на передней, боковых сторонах и шестигранном поддоне кувшина, они создают единую композицию декора. Имя мастера начертано на ручке: «медник Эмин хана - Насыр» (царь Мухаммед Эмин восседал на казанском троне с 1484 по 1518 г.).

Форма кувшина при внимательном рассмотрении условно воспроизводит туловище водоплавающей птицы – древний космогонический образ казанских татар; его сливной носик напоминает клюв, а ручка – сильно стилизованное изображение животного – реликтовая форма подобных ручек древних болгарских сосудов. По всему своему облику кувшин напоминает среднеазиатские сосуды «афтоба», однако по ряду выше-названных признаков декора и формы, скорее всего, является оригинальным творением казанского мастера. Как известно, позднее, с середины XVI в., развитие художественной обработки металла у татар регламентировалось запретами русского царского Приказа на производство отдельных видов изделий: оружия, конского снаряжения, хозяйственной и домашней утвари, требующих обработки металла горячим способом.

Известные нам произведения ювелирного искусства XV–XVI вв. немногочисленны и относятся к произведениям дворцового и парадного обихода. Это, впервые приведенные в книге Ф.Х.Валеева «Орнамент казанских татар», поясные застёжки из Музея этнографии народов России (их обследование, описание и анализ были сделаны автором данной статьи [9]), знаменитая «Казанская шапка» или ханская корона (Оружейная палата) и несколько декоративных пуговиц для парадной одежды (Национальный музей РТ); впервые атрибутированные автором данной статьи три поясные застёжки и крышка от коранницы (Оружейная палата). Среди этих предметов атрибуция поясных застёжек вызывает особый интерес, поскольку по своим художественным особенностям они близки к аналогичным застёжкам, встречающимся у народов Северного Кавказа, Крыма, Турции и Болгарии. В искусстве казанских татар они уникальны, но заключают в себе ярко выраженные черты местных традиций.

Поясные застёжки, достаточно массивные по форме и крупные по размерам, отображают стремление к восточной роскоши. Они были предназначены для репрезентативной одежды знатного татарского феодала. Принадлежность их к убранству дорогого парадного костюма объясняет относительную редкость таких застёжек. Две из них, хранящиеся в фондах Музея этнографии России, попали сюда из дореволюционного фонда музейного отдела бывшего Строгановского училища в 1924 году. Они

были приобретены в Казани у частных лиц в конце XIX в. вместе с третьей застежкой работы турецкого мастера, судя по тугре (клеймо), имеющейся на грани застежки в виде полумесяца с арабской надписью, а также по тамгам на створках застежки и многочисленным надписям на миниатюрных деталях декора. Сходство татарских застежек с турецкой проявляется в конструкции украшения, в очертаниях формы, а также в характерных приемах орнаментации. Однако при детальном сравнительном анализе выявляются значительные различия как в стиле, так и в технике исполнения, что позволяет отнести эти застежки к различным центрам ювелирного искусства. Рассмотрим эти различия и на их фоне выявим художественно-технологические особенности казанско-татарского ювелирного ремесла.

Поясные застежки выполнены разными мастерами, о чем свидетельствуют их форма и техника исполнения скани. Размеры двух татарских застежек по длине и ширине составляют: в первой — 21,5 см и 10 см, а во второй — 24 см и 11 см. Застежка турецкого мастера соответственно 35 см и 17 см. И хотя последняя гораздо крупнее, тем не менее татарские образцы по форме более монументальны и величественны. Они выполнены из серебра 875 пробы с позолотой в технике филигрании, сочетающейся (во второй застежке) с инкрустацией самоцветами. Каждая застежка состоит из трех створок, имеющих фигурные очертания в виде стилизованных цветочных мотивов. Центральная створка решена в форме цветка лотоса и выделяется более крупным размером. Ее абрис, как и боковых створок застежек, более обобщенный по рисунку в сравнении с турецким образцом. Она менее изрезана по контуру и форма створок не столь вычурна, аналогична мотивам розеток, украшающих татарские надгробия первой половины XVI в., встречается в ювелирных изделиях казанских татар XVIII — начала XIX вв.

Значительные различия с работой турецкого мастера выявляются в композиции узоров и в их мотивах. Основным, в каждой из трех створок татарских застежек, является мотив шестиконечной звезды с цветочной розеткой в центре. Контур этого мотива составлен из крупных горошин зерни, как и контуры рисунка центральной и боковых створок застежек. Этим технологическим приемом выделен ведущий мотив украшения —

шестиконечная звезда, встречающийся в архитектуре, отдельных образцах прикладного искусства и в надгробиях золотоордынской Волжской Булгарии. По своей акцентирующей роли в композиции декора украшений этот мотив заключал в себе знаковое символическое значение, основанное на укоренившихся традициях регионального или локального значения.

Изыщество и тонкость технологии орнаментации татарской застежки выявляют руку более искусного мастера. И хотя различия выявляются в деталях формы, мотивах декора и в приемах «нанизывания» скани, они не играют принципиальной роли в атрибуции этих произведений как казанско-татарских первой половины XVI в. Основное значение в этом сыграл сравнительный анализ самой скани, ее исполнения.

Приведенный нами образец застежки турецкого мастера значительно более грубой работы. Вместо зерни по контуру этой застежки применяется ложная зернь. Проволока скани в два раза толще и диаметр ее завитков составляет 2 мм, в то время как в татарских застежках диаметр завитков 1 мм. При этом каждый сканый завиток турецкой застежки завершается напаянной на него крупной горошиной зерни. В татарских застежках тонкий рисунок скани сохраняется со всеми ее завитками, которых вдвое больше на одну и ту же площадь поверхности украшения. На фоне ажурного кружева скани рельефно выступают мотивы цветочных розеток.

В самоценном значении татарской скани, в ее функциональности, синтезирующей декоративность и конструктивность, проявляется отличительная особенность данной технологии как в золотоордынском, так и татарском искусстве. Ее специфика проявляется в ритмической четкости и ажурности рисунка, в характере завитков и особенностях кручения проволоки, конструктивных принципах «нанизывания» скани на плоскость, в большой плотности узоров и других особенностях декора, в которых выявляются критерии атрибуции произведений золотоордынской булгарской и казанско-татарской школы филигранного искусства. Они обнаруживаются в домонгольских, золотоордынских (X–XIX вв.), более поздних татарских украшениях XVIII–XIX вв., а также в ювелирных изделиях периода Казанского ханства (XV–XVI вв.).

В технологии орнаментации застежек есть и необычные приемы орнаментации, которые не встречаются в более ранних и позднейших изделиях ювелирного искусства. Это напаивание на поверхность украшения миниатюрных брусочков в виде четырех- и пятигранных параллелепипедов, играющих роль декоративных акцентов и одновременно обеспечивающих прочность конструкции застежки. Они по отдельности включаются в треугольные завершения ведущих мотивов шестиконечных звезд и образуют цветочные розетки из восьми брусочков, напаянных вокруг центра из самоцвета. Во второй застежке мотив цветочной розетки трактуется иначе: лепестки образуются из двухрядной сканой проволоки (крученой и гладкой), обрамляющей брусочки, расположенные вокруг центра из крупной горошины зерни. Объемно выступающие цветочные розетки значительно обогащают фактуру поверхности застежек, придают пышность декору.

Данный конструктивный прием орнаментации, используемый в сканых изделиях крупного размера, применяется и в застежке турецкого мастера. Характерен он и для ювелирных украшений из Дагестана [10], поясных застежек из Болгарии [11]. Самой близкой аналогией ему являются татарские поясные застежки из единичных поступлений запасников Оружейной палаты, обнаруженные и атрибутированные мною в 1986 г. [12]. Выявлен ареал распространения подобной формы застежек: Турция, Балканы, Кавказ, Поволжье. Однако художественные и технологические приемы декора данных застежек вполне самобытны. В искусстве татарских ювелиров они базируются на высокоразвитых формах сканого дела и своеобразных мотивах орнаментации. Вероятнее всего, характерная им форма происходит из Турции, которая во второй половине XV—XVI вв. была могущественным Османским государством и законодательницей художественных вкусов, подерживала тесные политические и культурно-экономические связи с Казанским ханством. Несомненно и то, что стилевые черты так называемого восточного барокко, выявляемые в искусстве и архитектуре периода Казанского ханства, сложились в результате воздействия прогрессивных достижений турецкой культуры. Известно нам и о мастерах из Турции, принимавших участие в строительстве монументальных зданий татарской Казани и о ремесленниках, работавших в мастерских Казанского кремля.

Выявление особенностей технологии декора в произведениях ювелирного искусства и художественного металла играет основную роль в их атрибуции. Это один из формообразующих уровней в многоступенчатой иерархии, образующей структуру произведения, который, наряду с конструктивной формой и декором, формирует инвариантное ядро традиций. Они преемственно развиваются на протяжении столетий и, наряду с историко-культурной интерпретацией памятников, служат методологической основой для атрибуции произведений прикладного искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Валеев Ф.Х. К истории архитектуры казанских татар 15 – первой половины 16 вв. // Вопросы истории, филологии и педагогики. – Вып. 2. – Казань. 1967; См. также Валеев Ф.Х., Валева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарстана. 2 изд. – Казань, 2002.

2. Худяков М.Г. Татарская Казань в рисунках 16 столетия // Вестник научного общества татароведения. – № 9–10. – Казань, 1930.

3. Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском кремле в 1953 г. // Известия КФАН СССР. – Вып.1. Серия гуманитарных наук. – Казань, 1985. – С.119.

4. Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. – М.–Л., 1954. – С.157.

5. Указ. соч. – С.98.

6. Сказание о царстве Казанском. – М., 1959. – С.177.

7. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. – Казань, 1978. – С.113. Его ошибочное утверждение переходит механически в книгу Червонной С.М. «Искусство Татарии» – М., 1987, в которой автор делает далеко идущие выводы и к тому же заблуждается относительно происхождения техники татарского чернения по серебру (Указ. соч., с.152).

8. См. Червонная С.М. Указ соч. – С.154.

9. Сулейманова-Валева Г.Ф. К вопросу об источниках изучения искусства периода Казанского ханства // Развитие культуры Татарии в дооктябрьский период. – Казань, 1988. – С.28–42.

10. Например, в головном украшении. См. в кн.: Ювелирное искусство народов России. – Л., 1974. – Рис.169.

11. Български народни накити (Болгарские народные украшения). – 2 издание. Автор-составитель Пенко Пунтев. – София, 1981. Инв. № Д–11244.

12. Они приводятся в разделе Г.Ф. Валева-Сулеймановой «Ювелирное искусство» в кн.: Декоративно-прикладное искусство казанских татар. – М., 1990. – С.84, 87.

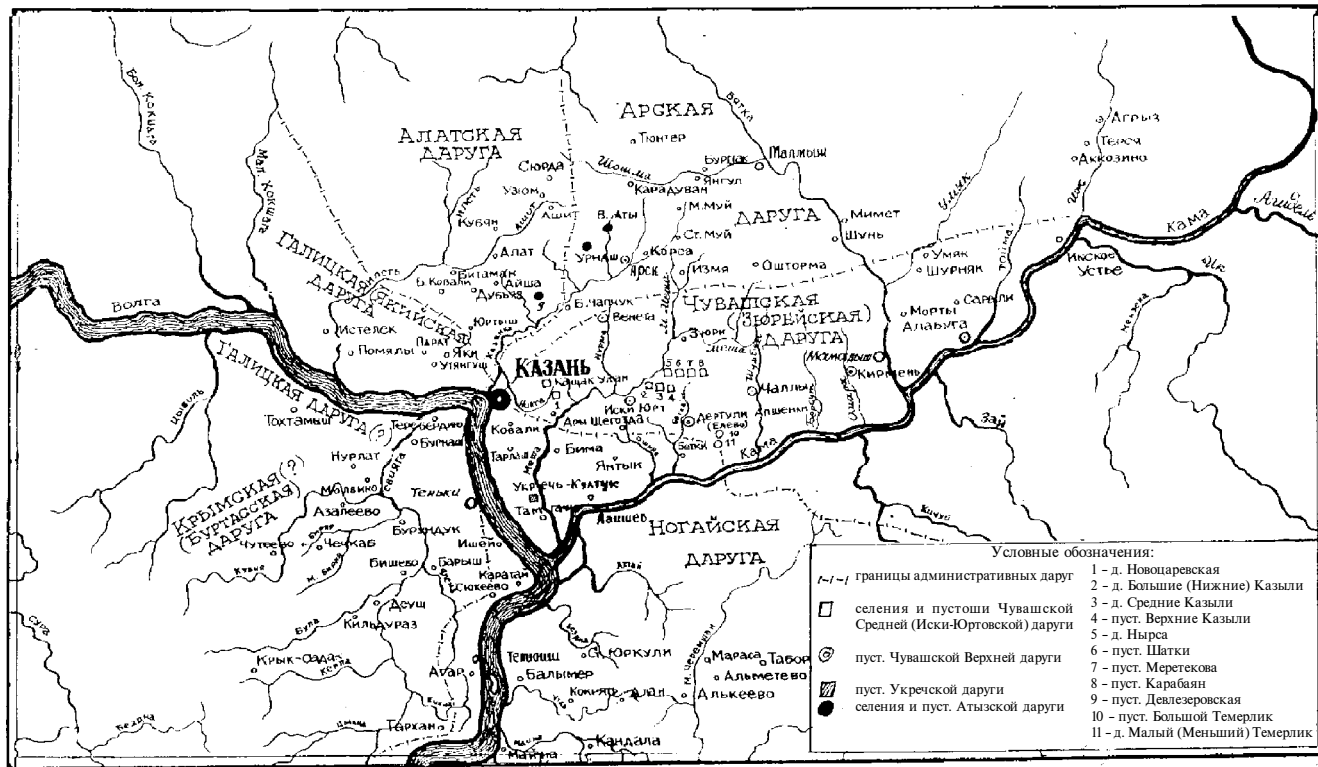
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДАРУГИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

В истории Казанского ханства все еще остается немало белых пятен, которые во многом обусловлены идеологическим табу, наложенным на системное изучение данной темы в годы советской империи, а также весьма плохой степенью сохранности письменной документации той эпохи. Последнее обстоятельство значительно осложняет исследовательские задачи. Между тем эпоха Казанского ханства, безусловно, является одной из ключевых в общественно-политическом, социально-экономическом, этническом, культурном и духовном развитии народов Среднего Поволжья. В этой связи дальнейшее целенаправленное изучение различных аспектов его истории представляется весьма важным и актуальным.

Административные даруги — области Казанского ханства относятся к числу наименее изученных проблем. Основная причина кроется в том, что в немногочисленных письменных сведениях эпохи ханства содержится по сути лишь их упоминание. Данное обстоятельство весьма затрудняет изучение обозначенных даруг, в особенности рассмотрение круга вопросов, связанных с их функциональными и территориальными аспектами. В этих условиях исследователи вынуждены собирать сведения об административных даругах Казанского ханства буквально, по крупицам, прибегая в своих исследованиях к историческим аналогиям, сравнениям, сопоставлениям, ретроспективному моделированию.

Следует отметить, что сама гипотеза о подразделении Казанского ханства на отдельные административные области (округа) имеет многолетнюю историю. Вместе с тем она оставалась как бы в тени поля зрения исследователей вплоть до середины минувшего столетия. В первом томе двухтомника «История Татарской АССР», изданном в 1955 г., казанский историк Н.Ф.Калинин, опираясь на свои наблюдения, пришел к заключению о том, что в административном отношении Казанское ханство делилось на особые округа (даруги). «О да-

Даруги Казанского ханства

ругах (дорогах по русской транскрипции), — рассуждал он, — часто говорится в русских документах XVI—XVII вв. как о частях прежнего административного деления. Русские документы упоминают на территории бывшего ханства дороги: Ногайскую, Арскую, Алатскую, Зюрейскую, Галицкую и др. Такое же деление на даруги сохранялось в Башкирии до XVIII в.» [1]. В подтверждение последней своей мысли историк приводит цитату из «Реестра и описания башкирских волостей» 1730 г., где при упоминании о дорогах говорится, что они «почитаются не для проезда, но вместо уездов, или как в российских уездах именуются разные станы» [2]. Вместе с тем исследователь отметил, что «каких-либо более подробных данных о даругах в Казанском ханстве и об управлении ими не имеется. Самое наименование определенных округов или областей государства «даруги» относится еще ко времени владычества Золотой Орды, но оно сохранялось и значительно позднее» [3].

Характеризуя понятие «даруга» эпохи ханства как военно-административный термин, Ш.Ф.Мухамедьяров считал, что Казанское ханство делилось на Галицкую, Алацкую, Арскую, Зюрейскую и Ногайскую даруги. В свою очередь, «каждая даруга делилась на «сотни» — служилые и ясачные. Это деление на даруги (в русской передаче «дороги»), — как подметил исследователь, — сохранялось вплоть до XVIII века включительно. Административными центрами даруг являлись города: Алаты (Алацкая даруга), Арск (Арская даруга), Старые Зюри (Зюрейская даруга), городок близ устья реки Илети (Галицкая даруга) и Чаллинский городок (Ногайская даруга). «Сотни» являлись низшими административными единицами, соответствовавшими русским волостям» [4].

Занимаясь ретроспективным установлением селений Казанского ханства по писцовым книгам Среднего Поволжья второй половины XVI — середины XVII в., Е.И.Чернышев впервые попытался территориально локализовать его административные даруги и обозначить их пределы [5]. Им была составлена карта селений ханства, где он, подразумевая наличие более поздних административных дорог Казанского уезда второй половины XVI—XVIII вв. и в период татарского государства, без каких-либо примечаний экстраполировал их на эпоху Казанского ханства

[6]. Далее обозначенную карту мы рассмотрим подробнее. Здесь же отметим, что статья Е.И.Чернышева «Селения Казанского ханства (по писцовым книгам)», опубликованная в 1971 г., явилась одним из первых, ценных опытов территориальной локализации административных даруг Казанского ханства [7].

Относительно административного подразделения татарского государства И.П.Ермолаев ограничился оговоркой: «Как территориально подразделялось Казанское ханство — нам неизвестно» [8]. Вместе с тем, изучая внутреннее членение новообразованных вслед за русским завоеванием средневожских уездов, он обратил внимание на то обстоятельство, что наряду с привычными для центральной России терминами «волость» и «станы» здесь существовали и другие, в частности, «четверти» и «дороги» [9]. «Дороги как территориально-административные единицы, — по предположению автора, — возникли, по-видимому, из дорог как транспортно-географических понятий» [10]. Далее исследователь с некоторыми ошибками источниковедческого характера (в частности, Ногайская, Чувашская Верхняя, Чувашская Средняя или Иски-Юртовская, Арская, Алатская и Атызская дороги Казанского уезда им ошибочно причислены к Свияжскому уезду и т.п.) перечислил целый ряд дорог, упоминаемых в писцовых книгах Казанского и Свияжского уездов 1565—1568 гг. «Но вскоре, — пишет автор, — наиболее важные транспортные магистрали начинают одновременно иметь административный смысл». Подытоживая свои наблюдения, историк заключает: «В писцовой книге 1602—1603 гг. мы видим уже вполне сложившееся административное понятие дорог. Эта книга выделяет в Казанском уезде следующие дороги: Арскую, Зюрейскую, Ногайскую, Алатскую и Галицкую. Это практически известные нам дороги по писцовым описаниям 60-х гг. XVI в. Но одновременно термин «дорога» продолжает иметь и транспортно-географическое значение. Так, та же писцовая книга упоминает Уржумскую дорогу, которая явно не является административным понятием» [11]. Взаимосвязь административных дорог — округов с транспортно-географическим понятием, на наш взгляд, подмечена автором совершенно верно. В этой связи трансформация в современном русском языке средневекового социально-административного

термина «даруга» в чисто транспортно-географическое понятие «дорога» представляется вполне закономерной. К сожалению, при использовании материалов писцовых книг Казанского и Свияжского уездов 1565—1568 гг. для рассмотрения вопроса формирования административных дорог Среднего Поволжья в условиях Русского государства историк ограничился привлечением к своему исследованию лишь опубликованных в различные периоды извлечений из них. При обращении к гораздо более полным, архивным спискам обозначенных писцовых книг, хранящимся в фонде 1209 (Поместный фонд или Архив старых вотчинных дел) Российского государственного архива древних актов (г. Москва), можно не только значительно пополнить перечень упоминаемых в писцовых книгах Казанского и Свияжского уездов 1565—1568 гг. дорог, но и убедиться в изначальных административных функциях их части, что дает веское основание рассматривать административные дороги Казанского уезда второй половины XVI—XVIII в. как наследие эпохи Казанского ханства.

Опираясь на источники и определенный круг имеющихся источниковедческих, историографических сведений по обозначенной проблеме, С.Х.Алишев изложил уже более комплексное и четкое видение административных даруг Казанского ханства. «Ханство делилось, — пишет он, — на отдельные, оставшиеся со времен Золотой Орды округа — даруги. Даругами управляли князья — эмиры или беи, городами — «князь городских князей» — те же эмиры. Даруг было 5: Арская на северо-востоке, Зюрейская на юго-востоке, Ногайская на юге, Галицкая на северо-западе, Алатская на севере. В свою очередь, — продолжает автор, — даруги сами разделялись на более мелкие территориальные единицы — улусы (волости), во главе которых стояли хакимы. Улусы, по-видимому, соответствовали сотням, как их стали называть уже в Русском государстве. Сотни, или улусы, составлялись из нескольких, иногда десятков деревень... Во главе улуса и сотни стояли улусные, сотные князья, мурзы, старшины. При них были абызы и казии, имамы и сельские старосты» [12].

Р.Г.Фахрутдинов отождествляет даруги ханства с малыми улусами — областями, «которые можно было бы сравнить с позднейшими уездами». Перечислив все те же 5 даруг (Алат-

скую, Арскую, Гаречскую — «Галицкую», Зюрейскую и Ногайскую), он отметил, что их центрами являлись города Алат, Арск, Челны (Тябердино-Челны) и другие [13].

Малоисследованность, неразработанность проблемы даруг Казанского ханства наиболее наглядно отразились в их достаточно путаной, порой причудливой трактовке в различного рода других изданиях, учебниках по истории Татарстана и татарского народа, изданных в последнее десятилетие [14]. В целом же, под влиянием мнений вышеотмеченных исследователей, а также факта наличия в Казанском уезде во второй половине XVI—XVIII в. одноименных дорог, точка зрения о подразделении Казанского ханства на Алатскую, Арскую, Галицкую, Зюрейскую и Ногайскую даруги укоренилась и стала как бы хрестоматийной.

При работе с архивными списками писцовой книги Казанского уезда 1565—1568 гг. нами было обращено внимание на некоторое ее несоответствие сведениям обозначенного источника [15]. В частности, в них помимо Алатской, Арской, Ногайской административных дорог вместо более поздней Зюрейской дороги упоминаются Чувашская («Чювашская») дорога с подразделением на Чувашскую Верхнюю и Чувашскую Среднюю дороги, а также Атызская дорога. Вынос названий этих дорог в подзаглавие писцовой книги, описывающей поместные владения, селения русских помещиков Казанского уезда, не оставляет сомнений в их административном смысле. Отсутствие Чувашской, Чувашской Средней и Верхней, Атызской административных дорог в писцовом материале, документах более позднего происхождения дает веское основание рассматривать их как некий отголосок, наследие эпохи Казанского ханства. На эти обстоятельства мы постарались обратить внимание научной общественности в специальных докладах, а также в ходе частных обсуждений проблемы [16].

В связи с изучением социально-политической структуры постзолотоордынских татарских ханств Д.М.Исхаковым была выдвинута гипотеза о политико-административной принадлежности даруг в Казанском ханстве [17]. По этой гипотезе, даруги ханства являлись княжествами (юртами, бейликами) отдельных главенствующих в этом феодальном государстве родов (кланов) [18]. Взяв за основу конструкции известную формулировку

о подразделении ханства на пять вышеотмеченных даруг (Алатскую, Арскую, Галицкую или Гаречскую, Зюрейскую и Ногайскую), исследователь соответственно представил их как княжества (юрты, бейлики) феодальных родов Барын, Кыпчак, Аргын, Ширин и Мангыт. Однако данная гипотеза порождает ряд трудноразрешимых вопросов, вызывающих определенные сомнения в ее достоверности [19]. Она предполагает равночисленность административных даруг ханства с главенствующими в этом государстве феодальными родами (кланами). Между тем исторические факты и сведения делают проблематичным достижение данной арифметической пропорции. Прежде всего под вопросом оказывается наличие в ханстве всех пяти вышеназванных главенствующих родов. В свое время В.В.Вельяминовым-Зерновым и М.Г.Худяковым было высказано мнение о существовании в государстве лишь четырех кланов во главе с Ширинами [20]. При этом они не рассматривали их во взаимосвязи с административным подразделением Казанского ханства. С другой стороны, письменные источники дают веское основание полагать, что количество административных даруг в ханстве не ограничивалось лишь пятью. Как уже отмечалось, в писцовой книге Казанского уезда 1565–1568 гг. также упоминаются Чувашская («Чювашская»), Чувашская Верхняя, Чувашская Средняя (Иски-Юртовская), Атызская административные дороги. Помимо того, наличие Чувашской Верхней и Средней даруг предполагает существование в ханстве и Чувашской Нижней (Нижней Чувашской) даруги. Упоминание Чувашских дорог содержится также в русских летописях, повествующих об осаде города Казани в 1552 г. «...А от сторон государь с лесов велел беречи полков, — говорится, например, в Никоновской (Патриаршей) летописи, — и для сильной вылазки из города, и пробивания на лесы на Арском поле, и на дорогах на Арских, и на Чувашских, велел государь быти царю Шигалею, а с ним все князи и мурзы городецкие, да боярину и воеводе князю Ивану Федоровичу Мстиславскому своим полком, да горним людем велел с ними же быти» [21]. В письме ногайских мурз Юнуса и Али Ивану IV от 1551 г. с предложением плана совместной осады Казани отмечаются Якийская и Окречская дороги, административный смысл ко-

торых угадывается по содержанию источника: «Да которые их остроги и крепости по Арской дороге, и мы те идучи проломаем и выжжем, а твоя бы рать Окречскую дорогу, да Нагайскую дорогу, да Якийскую дорогу отняли» [22].

Поскольку рассматриваемая гипотеза предполагает существование в Казанском ханстве лишь пяти административных дарут (по числу подразумевающихся главенствующих кланов в этом государстве), то указанные выше сведения источников составляют для нее определенную проблему. Правда, при этом не исключается возможность двойного названия части административных дарут в ханстве. Тем более, что тому есть конкретный пример — писцовая книга Казанского уезда 1565—1568 гг. зафиксировала и другое, параллельное название Чувашской Средней (Средней Чувашской) дороги — Иски-Юртовская [23]. Нельзя также исключать вероятность различного наименования одних и тех же административных дарут («дорог») в различные исторические эпохи. В этой связи отождествление Чувашской, Окречской дорог источников с более поздней Зюрейской, Якийской — с Галицкой дорогами не лишено логики. В частности, по видимому, происхождение названия Якийской даруги действительно восходит к одноименному селению Яки (по-тат. Яке—Жэке, ныне с. Б.Яки — Олы Яке — Жэке на территории современного Зеленодольского района РТ), известному с периода ханства [24]. Судя по всему, в тот период оно являлось достаточно крупным поселением, феодальным центром, т.к. при повествовании событий, связанных с завоеванием Казанского ханства, «место Яки» летописцами выделяется особо [25]. В Русском государстве селение находилось в составе Галицкой административной дороги. Первые упоминания о последней в источниках также относятся к эпохе ханства [26]. Учитывая эти обстоятельства, вполне можно допустить, что в ногайских делах под понятием «Якийская дорога» подразумевается та же Галицкая (или Гаречская) административная дорога. Соответственно, в период ханства она могла иметь двойное название.

Судя по данным писцовой книги Казанского уезда 1565—1568 гг., Чувашская даруга в основном включала в свои пределы те же земли к востоку от Казани, что и более поздняя Зюрейская дорога. Учитывая, что первое упоминание последней дороги в

письменных источниках датируется лишь 1573–1574 гг., можно было бы предположить механическое переименование административной даруги («дороги») в условиях Русского государства [27]. Тем не менее, полное отождествление Чувашской даруги ханства с более поздней Зюрейской дорогой Казанского уезда было бы не вполне верно. Прежде всего обращает на себя внимание некоторое расхождение пределов их территорий. В частности, писцовая книга Казанского уезда 1565–1568 гг. пустошь Большой Темерлик и дер. Малый (Меньший) Темерлик на речке Суле – правом притоке Суши (ныне селения Верхний и Нижний Тимерлек, по-тат. Югары, Түбән Тегермәнлек Рыбно-Слободского р-на РТ) причисляет к Чувашской дороге, тогда как бассейн реки Суши позднее относился к Ногайской дороге [28]. Следует также иметь в виду, что более поздняя Зюрейская дорога, в отличие от Чувашской, не подразделялась на отдельные составляющие ее части. В этой связи отождествление Чувашской административной даруги эпохи ханства (включая и Чувашскую Верхнюю, Среднюю (Иски-Юртовскую), Нижнюю даруги) с более поздней Зюрейской дорогой Казанского уезда носит в известной степени условный характер.

Происхождение названия Окречской дороги (даруги) со ссылкой на документ 1597–1598 гг. связывается с некоей дер. Укречь, состоявшей в Зюрейской дороге Казанского уезда. На этой основе Окречская дорога также отождествляется с последней [29]. Однако здесь следует иметь в виду, что «Укречь» (по источнику точнее «Угречь») – всего лишь один из многих вариантов транскрипции в русских источниках XVI–XVII вв. названия татарской дер. Атряч (варианты: Утречь, Угреч, Агречь, Атрей, Атреть, Атричь, Атряс, Отрячь, по-тат. Әтрәч) в бассейне среднего течения реки Меши [30]. В этой связи прослеживается фонетическое несовпадение произношений названий данной деревни и рассматриваемой даруги («дороги»). Предпочтительней выглядит гипотеза, по которой Окречская даруга источника получила свое название от одноименного поселения (вероятно, крепости) эпохи ханства Укречь-Култук (по-тат. Укрәч Култык) в нижнем течении Меши (у современных селений Рождествено, Дятлово Лаишевского р-на РТ). Судя по всему, в ходе драматичных событий середины XVI в., свя-

занных с русским завоеванием Казанского ханства, Укречь-Култук запустел. К 1565–1568 гг. пустошь находилась в руках разных русских помещиков [31]. В начале XVII в. здесь зафиксирована деревня со служило-татарским населением [32]. После русского завоевания Укречь-Култук состоял в Ногайской дороге Казанского уезда. Однако это обстоятельство не исключает возможности существования в ханстве отдельной от Ногайской «Окречской» (Укречской) административной даруги. Тем более, что в вышеприведенной цитате из письма ногайских мурз Юнуса и Али Ивану IV от 1551 г. Окречская и Ногайская («Нагайская») дороги упоминаются по отдельности.

Помимо того, материалы писцовой книги Казанского уезда 1565–1568 гг. позволяют выдвинуть гипотезу о существовании в Казанском ханстве и вышеназванной Атызской административной даруги. Судя по содержанию источника, она не была составной частью, подразделением какой-либо другой административной даруги. Далее мы попытаемся локализовать ее территорию, а также обосновать наличие в ханстве и Крымской (Буртасской) административной даруги. Таким образом, в любом случае (даже в случае ассоциации Галицкой дороги с Якийской, Зюрейской – с Чувашской и Окречской дорогами источников) оказывается, что в Казанском ханстве имелось не менее шести-семи административных даруг. В этой связи равночисленность главенствующих феодальных родов (кланов) и административных даруг (округов) в ханстве подвергается большому сомнению. Тем не менее, исходя из укоренившейся в историографии известной формулировки о подразделении ханства на пять административных даруг – Алатскую, Арскую, Галицкую, Зюрейскую и Ногайскую (при этом Галицкая даруга отождествляется с Якийской, а Зюрейская – с Чувашской и Окречской даругами ранних источников), приложены немалые усилия представить их в качестве неких княжеств (бейликов), главенствующих в ханстве отдельных родов (кланов). Однако эти усилия, в основном ограничивающиеся попытками доказать наличие представителей названных кланов, одноименных племен, этнических групп населения на территории той или иной административной даруги ханства, пока не достигают желаемых результатов. В частности, на основе неко-

торых сведений письменных источников подразумевается существование в Казанском ханстве некоего Мангытского юрта. По сути предположения о наличии «мангытских доходов» в государстве, фактологических примеров проживания, кочевания ногайцев на территории ханства оказалось достаточно, чтобы отождествить Ногайскую даругу ханства с упомянутым Мангытским юртом (княжеством). В этой связи Ногайской даруге (соответственно и подразумеваемому Мангытскому юрту) также ошибочно причисляются закамские земли западнее реки Шешмы, которые всегда (во всяком случае, в период Русского государства) состояли в Зюрейской (в период ханства — в Чувашской?) административной даруге («дороге») [33]. На самом деле имеющиеся письменные источники не позволяют сколько-нибудь географически четко локализовать территорию предполагаемого Мангытского юрта в Казанском ханстве. Более того, под вопросом остается сам факт существования такого феодального образования в государстве. Обычно в источниках Мангытским юртом называется Ногайская Орда — южный сосед Казанского ханства. Известно, что мангыты являлись одним из крупнейших среди многочисленных ногайских племен. Тогда представители последних проживали на территории не только Ногайской даруги, но и в пределах других административных даруг ханства (например, в составе Алатской даруги и т.д.). В этой связи следует отметить, что отсутствуют какие-либо веские основания для привязки подразумеваемого Мангытского юрта к Ногайской административной даруге. Также обращает на себя внимание смысловое несовпадение понятийного содержания терминов «даруга» и «юрт». В постзолотоордынских татарских ханствах понятия «юрт» и «улус» понимаются как синонимичные термины. В этой связи Г.А.Федоров-Давыдов писал, что «в поздних тюркских источниках термины «юрт» и «улус» сближаются, становятся взаимозаменяемыми при обозначении больших территорий государств, стран. В Казанском и Крымском ханствах «улус» — территориально-административное деление, часть «даруги» — округа, но вместе с тем «улус» — это вотчина князька или мурзы. Возможно, что сочетание «улус и иль» — это новая форма старо-

го сочетания «юрт и улус», т.е. территория и данное в удел население, кочующее на этой территории» [34].

Следует отметить, что в условиях Русского государства административные дороги Казанского уезда также подразделялись на ясачные, служило-вотчинные волости (от тат. «улус» — «о́лыс»). Таким образом, при его наличии Мангытский юрт в ханстве видится как составная часть, улусное подразделение какой-либо (возможно, Ногайской) административной даруги. В связи с изложенным отождествление предполагаемого Мангытского юрта в ханстве с Ногайской административной даругой, привязка их друг к другу оказываются весьма проблематичными. Также отсутствует источниковое подтверждение какой-либо причастности предполагаемого юрта к одноименному феодальному клану (роду) в Казанском ханстве. Не меньше вопросов порождает и привязка Арской даруги к роду Кыпчаков, Галицкой даруги — к клану Аргынов. Однако, если в первом случае через идентификацию рода Кыпчаков с летописными Арскими князьями, а во втором — посредством территориальной локализации родословной легендарной личности эпохи ханства — Чуры Нарыкова («Чура батыр»), причисляемой к роду Аргынов, в пределах Галицкой даруги предпринята попытка выстроить базу доказательств выдвигаемой гипотезы, то Алатская даруга к роду Барынов, а в особенности «Зюрейская» (Чувашская) даруга к клану Ширинов по сути «прикреплены» лишь по остаточному принципу (т.е. по принципу «оставшиеся даруги — оставшимся кланам»). Атызская и Крымская (Буртасская) административные даруги ханства и вовсе остались за рамками рассматриваемой гипотезы.

При выдвижении гипотезы о политико-административной принадлежности даруг в Казанском ханстве как пример приводится Крымское ханство. Однако отсутствуют свидетельства, хотя бы косвенно указывающие на то, что даруги в Крымском ханстве являлись княжествами (бейликами) главенствовавших в этом государстве отдельных феодальных родов (кланов). По мнению Г.А.Федорова-Давыдова, «в Крымском ханстве даруги были именно сборщиками налогов в пользу Гиреев», т.е. ханской династии [35].

М.А.Усманов обратил внимание на парное употребление понятий «даруга» и «бек» в источниках в форме «даруга—бек»

[36]. В данном случае титул «бек» выступает в качестве уточнителя к термину «даруга». В этой связи «даруга—бек» понимается как бек (князь), управляющий даругой — административной единицей. Если в рассматриваемой гипотезе предположить, что даруга—бек напрямую подчинялся карачам — ближайшим советникам хана, верховным представителям главенствовавших в ханстве феодальных родов (кланов), то возникает вопрос: на чем же тогда базировались властные полномочия самого хана в государстве? В этом случае он представляется формальным, марионеточным правителем, лишенным материальной основы своей власти — права частного феодально-вотчинного, улусного землевладения, а соответственно и реальных рычагов административного управления государством. Между тем известно, что хан, как верховный правитель обладая реальными властными полномочиями в ханстве (хотя и несколько ограниченными диваном, т.е. государственным советом и феодальной знатью), играл важнейшую, едва ли не решающую роль во внутренней и внешней политике государства. Государственно-управленческая система Казанского ханства строилась на характерном для средневековья жестком администрировании сверху донизу и в этом отношении мало чем отличалась от восточных деспотий своей эпохи. К тому времени в государстве сохранились отдельные архаичные элементы былой военной, степной, кочевой демократии, соблюдаемые не столько из-за государственной необходимости (ибо монархическая, деспотическая форма правления в ней не нуждалась, более того, тяготилась ею), а скорее как дань традициям, законам Ясы. В этой связи вполне закономерно, что большая часть земель в Казанском ханстве принадлежала именно ханскому двору. Соответственно доход (ясак), собираемый с населения этих земель, шел непосредственно в ханскую (государственную) казну. По-видимому, в зависимости от того, в каком географическом направлении от Казани — столицы ханства эти земли находились, они состояли в разных административных даругах. Есть все основания считать, что к таковым, например, относились значительные массивы земель в окрестностях Казани, розданные в условиях Русского государства в вотчину архиерейскому дому, Зилантовскому и Спасо-Преображенскому монастырям, в по-

местье русским воеводам и князьям, а также переданные в ведение дворцового ведомства — Приказа казанского дворца. Понятно, что эти бывшие ханские земли никак не вписываются в гипотезу о политико-административном статусе даруг в ханстве. Также очевидна прямая взаимосвязь территорий административных даруг в ханстве с основными сухопутными транспортными магистралями (трактами) в этом государстве. Не случайно понятие «дорога» в Русском государстве XVI—XVIII вв. имело как транспортно-географический, так и административно-управленческий смысл. Однако по традиции, идущей со времен Золотой Орды и Казанского ханства, последнее значение было придано не всем транспортным дорогам в Среднем Поволжье, а лишь основным, узловым сухопутным магистральным путям. Селения по этим трактам, а также по их многочисленным большим и малым разветвлениям как бы тянулись к ним, составляя отдельные административные единицы — округа. Поскольку все основные сухопутные магистрали государственного значения начинались в Казани и вели от нее в различные световые направления государственных земель, то неудивительно, что административные даруги ханства в целом напоминали треугольники, касающиеся одним своим острием столицы ханства — Казани. Следует отметить, что такого рода геометрически «правильные» очертания не характерны для территорий средневековых феодально-государственных образований. Вышеизложенное подводит к мысли о государственной регламентированности административных даруг в Казанском ханстве «сверху» сообразно основным сухопутным трактам, пролежавшим из Казани в различных географических направлениях. В этой связи интересно сообщение учено-го-ориенталиста XIX в. И.Н.Березина о том, что «татары еще и ныне делят себя не по губерниям и уездам, а по течению рек или по направлению старых дорог, существовавших во времена татарского владычества» [37]. Не случайно слово «дорога» в современном русском языке ассоциируется с транспортно-географическим понятием. В свою очередь взаимосвязь административных даруг ханства с основными сухопутными трактами в этом государстве ставит под сомнение политико-административный статус первых. Помимо того, если бы администра-

тивные даруги ханства действительно являлись княжествами (бейликами), то вряд ли Русское государство с учетом реальных политических целей и геополитической обстановки сохранило бы их после завоевания Казанского ханства в качестве административных единиц управления. Даже если гипотетически предположить, что такая ситуация все же возможна, то и в этом случае прежний политико-административный статус даруг («дорог») не остался бы каким-либо образом не учтенным правительством в форме назначения воевод административных дорог и т.п. Таким образом, краткое рассмотрение гипотезы о политико-административном статусе даруг ханства вызывает определенные сомнения в ее достоверности. Она также во многом противоречит выводам ведущих специалистов по истории Золотой Орды и постзолотоордынских татарских ханств о государственном административно-управленческом значении понятия «даруга».

Недостаточная степень изученности административных даруг Казанского ханства характерна для всего круга проблем, связанных с их исследованием — начиная с перечня, названий этих даруг и до их функциональных и территориальных аспектов. Для понимания сути понятия «даруга» весьма важно проследить историческую градацию его содержания. Известный специалист по истории Золотой Орды Г.А.Федоров-Давыдов писал: «Функции даруги в XIII в. известны. Они приближались к функциям наместника с главным занятием — сбором дани» [38]. Выяснив, что наиболее распространенное значение терминов «даруга», «дарухачи» — *правитель, наместник, управляющий чиновник*, он подчеркнул, что «на Руси баскаки и даруги также были представителями именно имперского, а не улусного управления» [39]. Палладий определил следующие функции даругов: «Кроме общего надзора за ходом дел, по праву хранителя печати, дарухачи в провинциях имел еще другие обязанности или права..., а именно: 1) перепись жителей; 2) набор войска из туземцев; 3) устройство почтовых сообщений; 4) соби́рание податей и 5) доставление ко Двору дани» [40]. В источниках периода Золотой Орды, а также постзолотоордынских татарских ханств встречаются такие понятия, как даруга внутренних селений, городов, правого и левого крыла, туменный, волостной даруга и т.д. [41]. «С течением времени, — пишет

Г.А.Федоров-Давыдов, — «туменный» или «волостной» даруга передает название своей должности самой административной единице. У татар улус делится на дороги, у башкир мы находим продолжение этого деления: дорога делится на волости, которые соответствуют основным племенам башкир, последние делятся на аймаки» [42]. Учитывая, что в первом случае под понятием «улус» имеется в виду целое государство (юрт, ханство), а во втором («волость») — племенное владение на вотчинном праве, данная формулировка никаких смысловых противоречий не содержит. Большой улус (государство) делится на административные даруги, которые, в свою очередь, содержат в себе внутриулусные (внутригосударственные) феодально-вотчинные подразделения (малые улусы), а также другие, более мелкие административные единицы. Резюмируя историческую градацию содержания понятия «даруга», Г.А.Федоров-Давыдов констатирует, что «даруга, как и баскак в XIII в. — представитель центральной администрации Великого Каана (хана. — *Р.Г.*). В XIV–XV вв., когда баскаки исчезли, даруга — это представитель золотоордынского хана. После распада Золотой Орды даруга стал представителем местных династий. В Крымском ханстве даруги были именно сборщиками налогов в пользу Гиреев. В позднее время в Иране и Средней Азии даруги стали означать полицейский чин, городских старшин, областных начальников» [43]. По трактовке автора «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий» Л.Будагова, «у монголов это слово означало: начальник области, уезда или города, в роде губернатора, городничего или исправника; обязанность его состояла в поголовной переписи и сборе с коренных подданных орды (дани, ясака. — *Р.Г.*). В Средней Азии, — пишет он, — и теперь даругами называют областных начальников. Ныне в Перми даруга называется базарный смотритель (т.е. полицейский чиновник, городничий в малых городах, полицеймейстер в больших)» [44]. Исследуя джучидские акты, М.А.Усманов пришел к выводу о том, что такие понятия, как оглан, бек, даруга, употреблялись в них и в обобщенном смысле в значении «правители» вообще. «Даругами, — по его мнению, — назывались наравне с главами туменов, городов и управители селений — более мелких населенных пунктов. Если так, то даруги джучидских актов, в отличие от раннечингизидских, не всегда были эквивалентны понятию

«князь» (нойон), но могли означать и менее именитых по происхождению и положению правителей. Это, видимо, явилось результатом деградации содержания термина в более поздние эпохи» [45]. Ученый также обратил внимание на то обстоятельство, что термин «даруга» означал «гражданский чин, лицо, в ведении которого наравне с территорией тумена — населения, выставяюще-го десять тысяч войск, — находились города и отдельные селения» [46]. Изучение джучидских актов XIV–XVII вв. позволило ему прийти к важному выводу о том, что «если во времена каганов и ранних джучидов термин даруга означал должность, равную военным губернаторам (именно отсюда и крупные территориальные единицы под названием даруги, в русском озвучании «дороги»: Арская дорога, Ногайская дорога в Казанском ханстве), воеводам («городовые воеводы» по русской номенклатуре), то позднее, в эпоху второстепенных ханств, даругами стали называть территориальных администраторов вообще, независимо от размеров подобных территорий. Одним словом, и здесь наблюдается определенная деградация содержания термина» [47].

Таким образом, «даруга» в Казанском ханстве, с одной стороны, представляется государственным гражданским должностным лицом («даругачи») — чиновником (причем, не обязательно беком-князем), ответственным за сбор податей (дани, ясака) в ханскую (государственную) казну, обязанности которого, возможно, этим не ограничивались, с другой — податной административно-территориальной единицей — округом для сбора этих податей (т.е. податным округом). В этой связи интересно, что у удмуртов дер. Большая Докья Вавожского р-на Удмуртии до сих пор сохранилось название старого заброшенного тракта Арчасюрес (соответствует «Арской дороге» русских летописей). По местному преданию, во времена Казанского ханства по этой дороге возили ясак, собранный с удмуртов [48].

Следует также отметить, что расхожее мнение о наличии неких «центров» административных даруг в ханстве, вероятнее всего, не соответствует действительности. Ибо их существование предполагает наличие в них соответствующего государственно-бюрократического аппарата управления даругами. Между тем исторических аналогий, подтверждающих существование такого рода «центров» как в Золотой Орде, так и в других постзолотоординс-

ких татарских ханствах, пока обнаружить не удастся. Скорее всего такие крупные поселения, города Казанского ханства, как Алат, Арск, Чаллинский городок, являлись улусными центрами, «юртами» вассальных от верховного правителя — хана феодальных образований (бейликов-княжеств) в составе административных даруг — податных единиц. Последние же вполне могли управляться непосредственно из Казани — столицы ханства. Кроме известных сведений легендарного характера о том, что Чаллинский городок якобы являлся административным центром Ногайской даруги, других источниковых сообщений, подтверждающих наличие административных центров даруг в ханстве, не имеется [49]. Анализ же выявленных названий даруг показывает, что они в своей основе имели топонимические (Якийская, Окречская, Алатская, Арская, Атызская даруги) либо же этнические или этносословные понятия (Ногайская, Чувашская даруги). Эти названия служили своего рода ориентиром главных направлений узловых транспортно-географических трактов, селения вдоль которых и их разветвлений составляли административно-территориальные единицы — округа, называемые даругами.

К сожалению, отрывочные сведения эпохи ханства об административных даругах не позволяют очертить их пределы. В этих условиях ценнейшим, массовым источником для их ретроспективной реконструкции является писцовый материал второй половины XVI—XVII вв. по Казанскому уезду [50]. Тогда этот уезд с дорожно-административным подразделением, сопоставимый по своим размерам с более поздней Казанской губернией, включал центральные земли бывшего ханства, исключая основную территорию Нагорной стороны. Сведения писцовых книг дополняют материалы так называемых ландратских книг — локальных переписей, а также I—III ревизий населения по Казанскому уезду XVIII в. [51]. Дорожно-административное подразделение Казанского уезда в документах сохранилось вплоть до административной реорганизации губернии в 1781 г. в Казанское наместничество. В этой связи также ценным источником для территориальной реконструкции административных даруг ханства является карта Казанского уезда 1779 г. с его дорожно-административным подразделением. Эта хорошо сохранившаяся цветная карта, являющаяся частью «Генеральной карты

Казанской губернии, сочиненной по новейшим известиям 1779 г. Федором Черным», извлечена нами из фонда 192 (Картографический отдел библиотеки МГАМИД) Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

Как уже отмечалось, первая попытка картографической реконструкции административных даруг ханства в свое время была произведена казанским историком Е.И.Чернышевым. При составлении своей карты исследователь в основном опирался на сведения писцовых книг Казанского уезда второй половины XVI — середины XVII в. Однако, используя в целях выявления сети поселений бывшего ханства и территориальной локализации его административных даруг данные писцовой книги Казанского уезда 1565—1568 гг., он, по каким-то причинам, оставил без внимания факт наличия в этом источнике Чувашской административной дороги с Чувашской Верхней и Средней (Иски-Юртовской) подразделениями, а также Атызской дороги, не упоминающейся далее в писцовом материале и других документах более позднего происхождения. Плохое состояние изученности селений ханства, их неидентифицированность с современными поселениями привели к тому, что часть селений на карте Е.И.Чернышева оказалась локализованной не верно (в частности, на ней селение «Бежболда» — Бишбалта на западной окраине Казани ошибочно указано южнее города и причислено к Зюрейской дороге, дер. Ачи этой дороги на устье речки Максы — правого притока верхней Мешы за сотню верст восточнее столицы ханства помещена на ее юго-восточных окрестностях и т.д.). Кроме того, земли в бассейнах рек Шумбут, Берсут, Омарка, вопреки сведениям писцового материала, причисляющего их к Зюрейской (более ранней Чувашской) дороге, исследователь отнес к Ногайской дороге. «Все селения по р. Шумбуту, — пишет историк, — писцовая книга №153 (РГАДА, ф.1209, оп.1, ч.1, кн.153, л.1—231. (1616—1619 гг. — *Р.Г.*) относит к Зюрейской дороге. Это мы должны принять во внимание, но все же целесообразнее считать их в составе Ногайской дороги, как и прочие перечисленные селения, расположенные в бассейнах малых притоков р. Камы по правому берегу» [52]. Таким образом, Е.И.Чернышев отнес селения по бассейнам указанных рек к Ногайской дороге вопреки сведениям письменных источников, исходя лишь из гипотетического соображения целесообразности.

По-видимому, на данное решение не в последнюю очередь повлияло все то же летописное сообщение М.Зайтова о центральном положении археологического Чаллинского городища на Ногайском тракте. Той же логикой целесообразности историк руководствовался и при отнесении селений в западных окрестностях Казани, дер. Аметева (по-тат. Әхмәт — Әмәт авылы, ныне пос. Ометьево в черте гор. Казани), Сеитова (по-тат. Сәет авылы, ныне дер. Белянкино Высокогорского р-на РТ), Аки (по-тат. Әки—Әке, ныне на территории Высокогорского р-на РТ), Киндери (по-тат. Киндерле), Дербышки (по-тат. Дәрбиш—Дәрбишгали) и Тевельди (по-тат. Тәүкилдә или же Тау Иле, ныне с. Пермьяки Высокогорского р-на РТ) на левобережье нижней Казанки к Алатской административной дороге. Перечисляя последние селения, Е.И.Чернышев отметил, что «в писцовых книгах и Д.Кикина, и И.Болтина и в дозорных 1616—1619 гг. мы не найдем отнесения этих деревень ни к Алатской дороге, ни к Арской» [53]. В этой связи, по словам исследователя, он сначала определил район Арской дороги и вслед за тем механически отнес эти деревни к Алатской дороге [54]. Между тем в источниковедческом отношении гораздо логичнее было бы причислить их к Арской дороге, а селения западнее Казани — к Галицкой дороге. Например, селение Бишбалта в западной окрестности Казани летописями, повествующими о завоевании города в 1552 г. русскими войсками, однозначно относится к Галицкой даруге («дороге») [55].

В итоге все изложенные источниковедческие ошибки, неточности и упущения в совокупности с неудовлетворительным состоянием изученности селений ханства наглядным образом отразились на карте Е.И.Чернышева. В результате оказалось, что на ней из выделенных им пяти административных дорог — Алатской, Арской, Галицкой, Зюрейской и Ногайской — столицы ханства достигают только две — Зюрейская и Алатская дороги. Расширяющаяся к северо-востоку территория Арской дороги начинается лишь ближе к бассейну среднего течения реки Казанки. Галицкая же дорога отнесена от Казани далеко на запад и отрезана от нее территорией Алатской дороги. Ногайская дорога занимает все правобережье Камы, начиная с ее устья до реки Вятки. Однако при этом в северо-западных сво-

их пределах не достигает столицы ханства, т.к. южные окрестности города ошибочно причислены к Зюрейской дороге.

Учитывая очевидную взаимосвязь административных даруг—округов ханства с основными транспортными магистралями в этом государстве, берущих свое начало в Казани, следует заключить, что такая картина во многом не соответствует действительности. Помимо того, на карте Е.И.Чернышева за пределами даружно-административного подразделения территории государства остались Нагорная сторона (Тау ягы), Восточное Предкамье (Елабужская сторона), закамские земли ханства, которые, очевидно, также входили в эту систему.

Таким образом, с учетом вышеизложенного возникает настоятельная необходимость в более полной, четкой и достоверной картографической реконструкции административных даруг.

Следует отметить, что, очевидно, после русского завоевания административные даруги бывшего ханства претерпели некоторую реорганизацию и территориальную корректировку. В частности, из даружно-административной системы управления отпала основная территория Нагорной стороны — Свяжский уезд, была упразднена и слита с Арской дорогой Атызская административная дорога, реорганизована и переименована в Зюрейскую Чувашская дорога («даруга») с ее Чувашской Верхней, Средней, Нижней подразделениями и т.д. Кроме того, пределы административных дорог Казанского уезда в условиях Русского государства не отличались выдержанностью и постоянством. Зачастую приграничные селения, земли административных дорог переходили из дороги в дорогу, соответственно пределы последних неоднократно подвергались корректировке. Красноречивым свидетельством тому могут послужить следующие строки из писцовой книги Казанского уезда середины XVII в.: «По Нагайской дороге за рекою за Мешью села и деревни. А наперед сего те села и деревни у помещиков в дачах писаны смесно по Зюрейской дороге, а у них писано по Нагайской дороге. А ныне писаны, и впредь те села и деревни, и пустоша писать по Нагайской дороге, а не по Зюрейской» [56]. В данном случае источником зафиксирован перевод ряда приграничных селений, пустошей Зюрейской дороги по речкам Серде (по-тат. Сəрдə), Колкомерке (по-тат. Колкамəр), Казылке (по-тат. Казиле) на левом бассейне среднего течения реки Меши (на терри-

тории совр. Пестречинского и Рыбно-Слободского р-нов РТ) в состав Ногайской административной дороги. В источниках обнаруживаются также случаи одновременного причисления одних и тех же приграничных селений к различным административным дорогам. В условиях Русского государства во второй половине XVI–XVII в. территории дорог имели тенденцию к укрупнению за счет новоколонизируемых земель. В целом же следует признать, что ретроспективное экстраполирование административных дорог Казанского уезда второй половины XVI–XVII в. на эпоху ханства носит в известной степени условный характер и может претендовать на достоверность лишь с соответствующими оговорками и примечаниями. Причем, чем хронологически отдаленнее время происхождения источника от периода ханства, тем меньше доверия вызывает его достоверность прежде всего в отношении территориального аспекта проблемы. С этой точки зрения наиболее ценным и достоверным источником для картографической реконструкции административных даруг ханства представляется писцовый материал Казанского уезда второй половины XVI – начала XVII в., в особенности писцовые книги Дмитрия Кикина и Никиты Борисова 1565–1568 гг., Ивана Болтина 1602–1603 гг., переписные, дозорные, оброчные книги 1616–1619 гг. и т.д.

Начнем территориальную локализацию административных даруг ханства с Галицкой даруги (по-тат. Гәреч – Гәреш даругасы). Ее этимология не вполне ясна и требует специального изучения. Учитывая, что даруги ханства в своей основе имели топонимические либо же этнические, этносословные названия, не лишено логики предположение о том, что наименование Галицкой даруги связано с городом Галичем в русском заволжье. Известно существование в эпоху ханства Галицкой транспортной дороги (по-тат. Гәреч–Гәреш юлы) [57]. «Галицкая дорога связывала Казань через марийские земли с Галичем – важным феодальным центром русского заволжья» [58]. Повидимому, тракт через селение Карагузя (по-тат. Карагужа, совр. с. Б.Кургузи, по-тат. Олы Карагужа Зеленодольского р-на РТ) вел из Казани в Яки (по-тат. Яке–Жәке, отсюда другое название Галицкой даруги – Якийская), оттуда – в вышеупомянутый Илетьский городок (Илләт шәһәрчеге) в нижнем течении реки Илети, затем – через марийские земли к русскому городу Галичу на левобере-

жье верхней Волги. Вероятно, через Галич пролегла прямая дорога в северо-западные земли Русского государства.

В источниках второй половины XVI–XVII в. земли Галицкой и Алатской административных дорог зачастую не разграничиваются [59]. В этой связи приемлема для рассмотрения гипотеза о том, что «смещение территорий двух даруг во второй половине XVI в. было связано с искусственным расчленением после 1552 г. центральной зоны территории Казанского ханства на две части — на Казанский и Свияжский уезды. Допустимо предположить, что Галицкая даруга имела продолжение на Нагорной (Тау ягы) стороне, где возник Свияжский уезд» [60].

На левобережье Волги Галицкая даруга включала в себя западные окрестности Казани, земли современного Зеленодольского р-на РТ. Территории Алатской и Галицкой (Якийской) административных даруг разграничиваются нами верхним течением речки Сумки — левого притока Волги, землями севернее селений Яки, Карагузя в верховье реки Петъялка — левого притока Илети. Расширяясь к западу, Галицкая даруга вбирала в себя такие марийские волости по среднему, нижнему течением реки Илети (по-тат. Иллэг), бассейнам рек Большой и Малой Кокшаги, как Бет-Кукмор, Пинжан-Кукмор, Карамас, Яран, Коркет, Морки, Шали, Кундуш-Черанур и др. (см. карту).

Земли ханства к северу от его столицы — Казани принадлежали Алатской административной даруге. Происхождение ее названия восходит к одноименному селению Алат (начальная форма — Алатау) на левобережье среднего течения реки Ашит. Алат в эпоху ханства являлся крупным поселением, возможно, острогом-крепостью. Большая Алатская транспортная дорога вела от Казани через Алат на Вятскую землю. Она проходила примерно по маршруту Казань — Кадыш — Альдермыш — Дубьяз — Алат — Большая Агтя — Ашит (Старый Ашит). Далее через реку Ашит, марийские волости бассейна верхнего течения реки Илеть уходила на Вятскую землю. Другое ответвление Алатской транспортной дороги пролегалo через селение Коваль (Кавал—Кэвэл, совр. с. Б.Ковали — Олы Кавал — Кэвэл Высокогорского р-на РТ) на верховье речки Солонка. Селения по Большой Алатской транспортной дороге (Олы Алат юлы) и ее разветвлениям составляли Алатскую административную

даругу ханства. Ближе к Казани ее западные пределы можно обозначить бассейном речки Солонка – правого притока нижней Казанки, верхними течениями рек Сумка (левый приток Волги) и Петъялка. В этой связи такие селения ханства, как Бишня (Бишнэ) на верховье речки Сумка, Юртыш, Чирючи (Чируче), Мемдель (Мэмдэл) на вершине речки Петъялка, можно рассматривать как приграничные с Галицкой даругой. К Алатской же даруге относились земли по бассейнам правых притоков нижнего течения Казанки. Здесь река Казанка как бы обозначала восточные пределы этой даруги. Ближе к ее среднему течению восточным рубежом Алатской даруги служил бассейн речки Уньбы Сайры (совр. Шимяковки) – правого притока Казанки. Расширяясь к северу, она охватывала собою и земли в верховье речки Красной восточнее Уньбы Сайры (например, дер. «Кошлауш» – Кошлауч, по-тат. Кушлавчыч, ныне в составе совр. Арского р-на РТ). Еще севернее она занимала обширную территорию всего бассейна реки Ашит, включала в себя марийские волости Морку, Чукша, Илеть, Абашай, Мушаран в бассейне верхнего течения реки Илеть (см. карту).

Название Арской административной даруги восходит к одноименному городку-крепости в среднем течении реки Казанки. Арская узловая, сухопутная транспортная магистраль (Арча юлы) пролегла от Казани в северо-восточном направлении. Она проходила по левобережью Казанки, в окрестностях Арска пересекала реку, затем по правому побережью тянулась к северо-востоку – через марийский Малмыж (совр. г. Малмыж) на Вятскую землю, территорию расселения аров (южных удмуртов), в Пермский край. В своей основе эта сухопутная магистраль повторяла очертания позднего Сибирского тракта. Вероятно, она имела свои ответвления. Соответственно территория Арской административной даруги включала в себя земли ханства к северо-востоку от Казани. В окрестностях города она занимала узкую полосу левобережных земель реки Казанки вдоль тракта, шириной не более 10–15 км. Начиная с среднего течения этой реки – района селения Чепчуги (по-тат. Чапчак – Чыпчык) территория Арской даруги распространялась и на правобережье Казанки. Выше Арска весь бассейн Казанки состоял в Арской даруге. Значительно расширяясь к северо-вос-

току, она занимала бассейны Шошмы, Нижней Вятки (выше и ниже Малмыжа), верхней Меши, Ижа. Если северо-западные рубежи Арской даруги достаточно четко определяются нижним течением Казанки, бассейнами ее правых притоков, начиная с среднего течения этой реки, верховьем реки Шошма, то примерными юго-восточными пределами могут служить верховья правых притоков реки Меши в ее среднем и верхнем течении, верхнее течение самой Меши, река Шия — правый приток реки Вятки, район устья реки Умяк — левого притока нижней Вятки, верхнее течение реки Тоймы, устье реки Иж. Есть известие о том, что до 1489 г. через поселение Нукрат (Нөкрәт) на реке Чепце проходила северная граница Арской даруги [61]. Таким образом, Арская даруга включала в свои пределы обширные земли, в том числе южные части современной Кировской области и Удмуртской Республики.

К сожалению, имеющийся скудный источниковый материал не позволяет очертить пределы Атызской административной даруги. По-видимому, ее существование связано с наличием в период ханства одноименной транспортной дороги, ведущей через селение Аты в Казань. В межевой книге Казанского уезда 1565—1568 гг. упоминается Атызская дорога, «что ездят к городу» (Казани) [62]. Среди местного населения до сих пор живы воспоминания о старой транспортной дороге, проходившей через селение Аты в Казань. Она соединялась с Сибирским трактом в районе села Куркачи (по-тат. Коркачык совр. Высокогорского р-на РТ). Свое название административная даруга получила по названному одноименному селению на речке Атынке — правом притоке средней Казанки. Как следует из содержания писцовой книги Казанского уезда 1565—1568 гг., пустошь Верхние Аты Атызской даруги («дороги») ранее, вероятно в период ханства, принадлежала некоему князю Шайсупу [63]. Известно, что «земский князь Шайсуп» в 1516 г. приезжал в Москву [64]. Этот феодал обозначен и в генеалогии (шеджере) «Арских князей» [65]. По-видимому, в период ханства селение Верхние Аты (ныне с. Верхние Аты — Югары Аты Арского р-на РТ) было достаточно крупным поселением, улусным владением одного из «Арских князей» по имени Шайсуп. Упомянутая писцовая книга также причисляет к Атызс-

кой даруге («дороге») дер. Урнаш (совр. селение Урнашбаш или же Арняш Арского р-на РТ) и пустошь Девлезеровскую (по-тат. Дәүләтъяр, нами идентифицирована с бывшей дер. Тогашево Высокогорского р-на РТ) на речке «Уньбе на Сайре» (совр. Шимяковке) (см. карту). В целом же можно предположить, что к Атызской административной даруге принадлежали селения в бассейнах речек Аты (Верхний, Средний, Нижний Аты, Наласа и др.), Урнаш (Урнашбаш, Арняш), а также некоторых других, правых притоков среднего течения Казанки. Скорее всего Атызская транспортная дорога ближе к Казани соединялась с Арским (Сибирским) трактом. В целом же дальнейшее уточнение пределов Атызской административной даруги связано с реконструкцией старой транспортной дороги, ведущей через селение Аты в Казань. Этот факт говорит о том, что отдельные, наиболее большие, важные ответвления основных сухопутных магистралей в Казанском ханстве могли стать основой самостоятельных даруг — административных единиц.

Отсутствие примеров хронологически параллельного употребления понятий «Чувашская дорога», «Зюрейская дорога» позволяет предположить, что в условиях Русского государства первая была переименована. По-видимому, данное переименование произошло во временном отрезке между 1565—1568 и 1573—1574 гг. В данном случае под «чуваши» следует понимать «черный люд» («кара халык») из числа податного булгаро-татарского населения Казанского ханства. Будучи этносословным понятием, сопоставимым с термином «башкир» XVIII в., «чуваш» («ясачный чуваш») в источниках XVI—XVII вв. отражает результат сложных этнических, этносоциальных процессов в Среднем Поволжье в эпоху постзолотоордынских татарских ханств. Очевидно, рассматриваемая административная даруга ханства была названа «Чувашской» потому, что здесь численно наиболее преобладали так называемые «ясачные чувашки» — податные ясачники — земледельцы из числа тюрко-татарского (булгаро-кипчакского) населения. В частности, «в начале XVII в. среди «дорог» Казанского уезда именно в Зюрейской «дороге» число селений с ясачно-чувашским населением было явно больше» [66]. Второе свое название административная дорога получила от одноименного селения Зюри

(Жәри) в верхнем течении реки Мешы (совр. дер. Старые Зюри – Иске Жәри Тюлячинского р-на РТ).

Чувашская административная даруга включала селения по большому сухопутному тракту, ведущему от Казани в восточном направлении, и его ответвлениям. «А от березы поперег пашенные земли отхожие, — читаем, например, в межевой книге Казанского уезда 1565—1568 гг., — тех же деревень по гранем, по ямам к Средней к Чювашской дороге» [67].

Чувашская даруга начиналась от Казани и, расширяясь к востоку, включала в себя земли ханства в данном направлении (см. карту). Ее северные пределы пролегали по истокам рек Киндери (Киндерле), Ушня (Үшнә), Ия, Нурма (Норма), других рек и речушек правого бассейна среднего, верхнего течений реки Меша, по верхнему течению самой реки Меша, южнее правобережья реки Шия — правого притока и устья реки Умяк — левого притока нижней Вятки, по среднему течению реки Тоймы — правого притока Камы и устью реки Иж. Ближайшими к Казани селениями даруги в восточных окрестностях города являлись Клыки (Верхние, Средние и Нижние), Самосырово («Шамасырь» — от личного татарского имени, Шам+эсир?), Салмачи (Салмачы), Куюки (Көөк) и др. Южные рубежи даруги ориентировочно пролегали по линии Арышхазда (Ары Шегозда, по-тат. Ары Шәехзада, совр. Пестречинский р-он РТ) — верховья речек Ошняк (Әшнәк), Бетька (Бәтке), Сула, Суша (Шуша) — правых притоков Камы. Вероятно, все правобережье Камы восточнее речки Суши вплоть до устья реки Иж принадлежало Чувашской даруге (см. карту). В частности, пустошь Большой Темерлик и дер. Малый Темерлик (совр. селения Верхний, Нижний Тимерлек — Югары, Түбән Тегермәнлек Рыбно-Слободского р-на РТ) писцовой книгой Казанского уезда 1565—1568 гг. причислены к Чувашской даруге [68]. Селения по рекам Шумбут, Берсут, Омарка и их притокам источниками также относятся к Зюрейской (ранее Чувашской) дороге. Очевидно, Чувашская даруга имела продолжение и в Закамье. Судя по источникам XVII—XVIII вв., здесь ее западные границы могли проходить по течению речки Большой Бахты — левого притока Камы, затем — по верхнему течению реки Малый Черемшан (в частности, селение Татарская Багана — Татар Баганасы в верхнем бассейне этой реки материалами ландратских книг, I—

III ревизий населения XVIII в. причисляется к Зюрейской дороге). Затем рубежи более поздней Зюрейской административной дороги пролегали в юго-восточном направлении и пересекали реку Шешму выше места ее слияния с рекой Кичуем, включали левобережные земли последней в междуречье Шешмы и Кичуя (см. карту). Восточным рубежом Зюрейской дороги в Закамье могло служить русло реки Ик или же Сюн и нижнее течение реки Белой (Агидели). В условиях Русского государства она на востоке граничила с Уфимским уездом.

В связи с рассмотрением Чувашской административной даруги возникает проблема ее соотношения с Чувашской Верхней, Средней, а также, при ее наличии, и с Нижней Чувашской административными даругами. Действительно ли они являлись составными частями Чувашской даруги или же представляли собою самостоятельные административные единицы? Факт причисления дер. Большие (Нижние) Казыли и пустоши Верхние Казыли при речке Казылке в писцовой книге Казанского уезда 1565–1568 гг. в одном случае к Чувашской, а в другом – к Чувашской Средней (Иски-Юртовской) дорогам позволяет сделать вывод о том, что последние являлись лишь отдельными подразделениями Чувашской даруги [69].

Упомянутая писцовая книга не позволяет картографически очертить территории Чувашской Верхней и Средней даруг. Чувашская Нижняя даруга с учетом наличия первых выделена нами лишь условно. К Чувашской Средней (Иски-Юртовской) даруге источник причисляет пустошь Кошак–Уланово (Кошчак–Кошчак Оглан), дер. Новоцаревская в верхнем течении речки Ноксы, дер. Большие (Нижние), Средние Казыли, пустошь Верхние Казыли на речке Казылке – левом притоке среднего течения Меши, пустоши Шатки (Шәдке), Меретекова (Мирәтәк), Карабаян, Дюртюли (Дүрт Әйле), дер. Нырса (совр. селение Нырсовары – Нырсуар Пестречинского р-на РТ) по речке Нырсе. Очевидно, к этой же даруге относилось и селение (к 1565–1568 гг. пустошь) Иски-Юрт (Иске Йорт, совр. селение Иски-Юрт Пестречинского р-на РТ) на реке Меше, по названию которого Чувашская Средняя даруга имела второе название – Иски-Юртовская. К Чувашской Верхней даруге отнесена пустошь Дертули Апшеик (Дүрт Әйле Әпшәек) на речке

Бетьке, которая нами идентифицирована с бывшим поселком Еловая Пановка (Пановка) Рыбно-Слободского р-на РТ [70]. В связи с приведенными данными не вполне понятен критерий определения географических координат подразделений Чувашской даруги по отношению друг к другу. Если предположить, что они определялись по течению реки Камы или же Меши, то, учитывая, что пустошь Кошак—Уланово и дер. Новоцаревская, близлежащие к Казани, относились к Чувашской Средней даруге, где же тогда могли находиться селения подразумеваемой Чувашской Нижней даруги? Вопрос остается открытым и требует дальнейшего изучения.

Ногайская административная даруга включала в себя земли ханства к югу от Казани. Она получила свое название от одноименного сухопутного тракта (Нугай юлы), ведущего из столицы государства к южному соседу — Ногайской Орде. В источниках XVI—XVII вв. эта транспортная дорога в форме «Нагайская дорога», «Большая Нагайская дорога», «Старая Нагайская дорога» упоминается неоднократно [71]. Как видно из источников, Большой Ногайский тракт пролегал по территории современного Лаишевского р-на РТ. Очевидно, он также имел ряд ответвлений. К Ногайской административной даруге относились такие селения южнее Казани, как Большие, Малые, Средние Атары, Селик-Кабан, Каракчей Кабан и т.д. В Предкамье территория Ногайской даруги с севера и востока ограничивалась землями Чувашской (Зюрейской) даруги, с запада — рекой Волгой, с юга — Камой. Вероятно, в период ханства эта даруга охватывала и земли закамской стороны, в основном Западного Закамья, в частности, по бассейнам рек Большой и Малый Черемшан, Шентала, Актай, Бездна, Утка, Майна (см. карту).

Есть также основания полагать, что территория Ногайской даруги не ограничивавшись предкамскими, закамскими землями, распространялась и на Нагорную сторону. При изучении писцовых книг второй половины XVI—XVII вв. обнаруживается, что целый ряд прибрежных поселений Нагорной стороны, включая и город Тетюши, входили в Ногайскую дорогу Казанского уезда. Например, в дозорной книге Казанского уезда 1599 г. зафиксировано село Федоровское под Тетюшами (ныне с. Федоровка Тетюшского р-на РТ) [72]. Также к селениям Ногайской

дороги можно отнести такие прибрежные селения Нагорной стороны, как Каратай, Сюкеево и т.д. В этой связи интересно сообщение о том, что «в начале XVIII в. бытовала устойчивая традиция включать в состав Ногайской даруги ряд татарских селений (в основном населенных служилыми татарами) Нагорной стороны р. Волги, расположенных южнее Свияжского уезда в границах XVI–XVII вв. Вряд ли это случайно: в XVII в. даже отдельные татарские селения южной части Свияжского уезда (например, д. Каирлы) входили в состав Ногайской даруги» [73]. Вероятно, в период ханства территория Ногайской даруги на Нагорной стороне занимала прибрежные земли Волги южнее селения Теньки (Тәмте, ныне селение Теньки Камско-Устьинского р-на РТ), шириной от нескольких до 10–15 км (см. карту).

Имеющиеся источники не дают возможности выделить селения и территориально очертить пределы даруги. Единственное ее упоминание содержится в ногайских делах [74]. Возможно, земли бывшей Окречской (Укречской) даруги ханства в условиях Русского государства вошли в состав Ногайской административной дороги. Не исключено, что существование Окречской административной даруги было связано с наличием транспортной дороги, соединявшей «старый татарский острог на врашке» (у оврага) на нижнем течении реки Меши с Казанью [75].

Вовлечение части земель Нагорной стороны в даружно-административную систему управления в условиях Русского государства придает уверенности в том, что этот край был вовлечен в нее и в эпоху ханства. Выше мы допустили возможность вхождения северных, прибрежных земель Волги на Нагорной стороне в состав Галицкой даруги. Восточные, побережные земли края состояли в Ногайской даруге ханства. Однако при этом вне даружно-административного деления остается основная, центральная территория Нагорной стороны. Между тем, очевидно, в период ханства в даружно-административную систему управления была вовлечена вся (во всяком случае, центральная) территория государства. Поскольку устройство административных даруг в ханстве по основным сухопутным, транспортным магистралям в государстве установлено, то основой решения затронутой проблемы может стать выявление таковой на Нагорной стороне. В этой связи существование в период ханства Крымского тракта,

пролежавшего через Нагорную сторону, сомнений не вызывает. Он вел от Казани в земли Крымского ханства. Известно также существование в числе прочих крепостных ворот ханской Казани Крымских ворот. Они ориентировочно находились в районе пересечения современных улиц Островского и Кави Наджми. От этих ворот через Кураишеву слободу и Царев луг южнее Крымская дорога шла к Волге. Далее она имела продолжение на Нагорной стороне. Это был один из основных магистральных, транспортных, военно-дипломатических сухопутных путей Казанского ханства. Упоминание этой дороги встречается и в учебниках. «Оживленными были и Крымская дорога, — говорится, например, в «Истории Татарской АССР» издания 1968 г., — из Казани в Крым через Атемар (на территории совр. Мордовской Республики. — *Р.Г.*) и Сурская из Нижнего Новгорода в Прикаспий» [76]. По мнению И.Д.Воронина, именно на Крымской дороге, ведущей из Крыма в Казань, возник город Инсар. В Среднем Поволжье она пролежала по линии Инсар — Саранск — Карсун (см. схему). «В районе Карсуна, — пишет ученый, — дорога разветвлялась. Один путь шел в Казань, другой — к Симбирску» [77]. Далее дорога, ведущая в Казань, шла по Нагорной стороне. В этой связи интересно, что у жителей южных районов Нагорной стороны до сих пор живы предания о некоей Крымской границе («Кырым чиге»), проходившей по приграничной зоне с современной Ульяновской областью. По свидетельству И.Д.Воронина, «Большая Посольская (Крымская) дорога в некоторых архивных документах именуется и Буртасской» [78]. К сожалению, мы не можем пока уточнить, по каким селениям и местностям Нагорной стороны она проходила, и вынуждены ограничиться лишь констатацией факта существования на Нагорной стороне в эпоху ханства Крымской (Буртасской) транспортной, военно-дипломатической сухопутной магистрали.

Очевидно, селения по этому тракту и его разветвлениям некогда составляли Крымскую (Буртасскую) административную даругу ханства [79]. Сведения об этой административной даруге не сохранились в письменных источниках потому, что еще весной 1551 г., т.е. за год с лишним до известных событий, связанных с завоеванием Казани в 1552 г., Нагорная сторона была принудительно присоединена к Русскому государству. В этой

связи даружно-административная система управления здесь была ликвидирована. Образованный же вслед за завоеванием Казанского ханства Свияжский уезд делился не на «дороги», а наподобие других русских уездов на станы, четверти и т.д. С учетом этих обстоятельств есть все основания предположить, что основная территория Нагорной стороны в период ханства составляла Крымскую (Буртасскую) административную даругу государства. Для территориальной локализации, уточнения пределов этой даруги необходимо дальнейшее целенаправленное изучение старинной Крымской транспортной дороги.

Таким образом, исследуя проблему административных даруг ханства, рассмотрев существующие относительно них различные гипотезы и мнения, с учетом новейших достижений исторической науки мы попытались дать более полную, четкую и достоверную картографическую их реконструкцию, впервые обосновали существование в ханстве Атызской и Крымской (Буртасской) административных даруг, вместо более поздней Зюрейской дороги — Чувашской даруги с Чувашской Верхней, Средней (Иски-Юртовской), Нижней подразделениями, установили очевидную взаимосвязь административных даруг ханства с основными сухопутными магистралями в этом государстве.

Опыт изучения административных даруг ханства показывает, что дальнейшее их исследование тесно связано с рядом других, самостоятельных проблем истории Казанского ханства. В этой связи задачей первостепенной важности является дальнейшее выявление и географическая локализация его поселений, их идентификация с современными поселениями, исследование сети транспортных магистралей, дорог в ханстве. Совершенно очевидно, что пределы административных даруг ханства следует устанавливать в привязке к селениям и сухопутным транспортным трактам — дорогам в этом государстве. Для уточнения функций, статуса административных даруг, места, роли улусных, общинно-родовых, других подразделений, более мелких административных единиц в системе даружно-административного управления весьма важно дальнейшее целенаправленное изучение политико-административного устройства Казанского ханства как единого государственного организма.

В заключение отметим, что в современных условиях пред-
 стоит задача более углубленного изучения истории Казанско-
 го ханства, исходя из общеприемлемых объективистских ме-
 тодологических подходов с учетом новейших достижений ис-
 торической науки, ее материализации и конкретизации путем
 интенсификации научно-исследовательских разработок, расши-
 рения их тематики, использования в исследованиях разнооб-
 разных научных методик и современных технологий. В усло-
 виях острой нехватки письменных источников наиболее целе-
 сообразно и оправдано широкое привлечение к исследовани-
 ям имеющегося археологического, эпиграфического, историко-
 этнографического, лингвистического, топонимического, гене-
 алогического и фольклорного материала, применение в науч-
 ных разработках таких общеисторических исследовательских
 методов, как ретроспективный, сравнительно-сопоставитель-
 ный, аналитический и т.д. Дальнейшее целенаправленное изу-
 чение различных аспектов истории Казанского ханства в сис-
 теме постзолотоордынских тюрко-татарских государств, несом-

Схема старинных больших гужевых трактов, проходивших через район Саранска в XVII в. Из кн.: Воронин И.Д. Саранск. Историко-документальные очерки (Саранск, 1961).

ненно, даст возможность полнее раскрыть и осмыслить средневековую историю как татарского народа, так и других народов Среднего Поволжья, и Восточной Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Татарской АССР. — Казань, 1955. — Т.1. — С.122.
2. Там же.
3. Там же.
4. История Татарской АССР. — Казань, 1968. — С.84–85.
5. Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Археология и этнография Татарии. — Казань, 1971. — Вып.1: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. — С.272–292.
6. Книжный, маломасштабный вариант этой карты, выполненный в черно-белом цвете, содержится в указанной статье Е.И.Чернышева, а также в его архивном фонде, хранящимся в архиве ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АНТ. Ее крупномасштабный, цветной экземпляр под названием «Селения Казанского ханства» передан нам археологом П.Н.Старостиным из фонда историко-археологических карт отдела археологии Института истории им. Ш.Марджани АНТ.
7. Для понимания социального происхождения, сути понятия «даруга», трансформации его содержания в ходе исторической эволюции весьма важное значение имеют научные наблюдения, выводы и заключения исследователей истории Золотой Орды. Прежде всего благодаря их усилиям стало очевидным, что административные даруги Казанского ханства следует рассматривать как наследие золотоордынской эпохи. Ими термин «даруга» («дорога») выводится из монгольского глагола «дараху» — давить, притеснять. См.: Березин И.Н. Внутреннее устройство Золотой Орды. — СПб., 1850. — IV, 24 с.; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М., 1973. — 180 с.; Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. — Казань, 1979. — 318 с. и др.
8. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). — Казань, 1982. — С.60.
9. Там же. — С.61.
10. Там же. — С.62.
11. Там же.
12. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI– начало XIX в. — М., 1990. — С.52.
13. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана (древность и средневековье). — Казань, 2000. — С.191.

14. Мифтахов З.З., Мухамадеева Д.Ш. История Татарстана и татарского народа. — Казань, 1995. — Ч.1. — С.161–162 и др.

15. РГАДА, ф.1209 (Поместный фонд), оп.1, ч.1, кн.152, 643, 646.

16. Специальные научные доклады были сделаны на Второй региональной межвузовской научно-практической конференции «Проблемы истории и культуры Татарстана и народов Волго-Уральского региона» (Казань, апрель 1998 г.) и Итоговой научной конференции Института истории АНТ (Казань, февраль 1999 г.). См. также: Галләмов Рәшит. Татар халкы оешуга яңа караш // Казан утлары. — 2000. — № 8. — 165–174 б.

17. Исхаков Д.М. О происхождении «Арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства // Заказанье: проблемы истории и культуры. — Казань, 1995. — С.95–98; Он же. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV–сер. XVI вв.) // Панорама–Форум. — 1995. — № 3. — С.95–107; Он же. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). — Казань, 1998. — 276 с. и др.

18. Без каких-либо мотиваций и ссылок схожая интерпретация даруг Казанского ханства дана также в указанном в примечании 14 учебнике. По мнению авторов этой книги, «эмиры-караучы» в государстве управляли даругами — административно-территориальными единицами, на которые были разделены земли подвластных казанскому хану народов: татар, марийцев (черемисов), чувашей, башкир, удмуртов (вотяков, по-татарски «ар халкы»), мордвы. Эмир из рода Ширин управлял Алатской даругой, из рода Барын — Галичской, из рода Аргын — Зюрейской, из рода Кипчак (затем Ногай, Мангыт, Седжеут и Мансур) — Кипчакской (позже Ногайской) (!).

19. См.: Галләмов Рәшит. Татар халкы оешуга яңа караш...

20. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — СПб., 1864. — Ч.2. — С.420–429; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. — Казань, 1990. — С.188–190.

21. ПСРЛ. — Т.13. Первая половина. — С.214–215.

22. Продолжение древнероссийской вивлиофики (ПДрВ). — Ч.VIII. — С.278.

23. РГАДА, ф.1209, оп.1, ч.1, кн.643, л.213 об.

24. Чернышев Е.И. Указ. соч. — С.279, № 489.

25. ПСРЛ. — Т.13. Первая половина. — С.222; Т.13. Вторая половина. — С.516.

26. ПСРЛ. — Т.13. Первая половина. — С.215; Курбский А.М. История о великом князе Московском. — СПб., 1913. — С.26, 31.

27. Датировка по кн.: Исаков Д.М. От средневековых татар ... — С.58.
28. РГАДА, ф.1209, оп.1, ч.1, кн.643, л.233.
29. Исаков Д.М. От средневековых татар... — С.15, 31.
30. Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг. Публикация текста. — Казань, 1978. — С.77, 78, 81, 82, 85, 92, 96.
31. РГАДА, ф.1209, оп.1, ч.1, кн.643, л.207, 375 об.
32. Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов... — С.54—55.
33. Исаков Д.М. От средневековых татар — С.140—174.
34. Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. — С.113.
35. Там же. — С.93.
36. Усманов М.А. Указ. соч. — С.207—210.
37. Березин И. Булгар на Волге // Ученые записки Казанского университета. — 1852. — Кн.3. — С.150.
38. Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. — С.93.
39. Там же. — С.30.
40. Там же.
41. Там же. — С.92—93, 123—124; Усманов М.А. Указ. соч. — С.206—210.
42. Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. — С.124.
43. Там же. — С.93.
44. Будагов Лазарь. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. — СПб., 1869. — Т.1. — С.547.
45. Усманов М.А. Указ. соч. — С.210.
46. Там же.
47. Там же. — С.210—211.
48. Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. — Ижевск, 1997. — С.202.
49. См.: Зайтов М.Б. О Чалинском городище // ИОАИЭ. — Казань, 1884. — Т.3. — С.277—280.
50. РГАДА, ф.1209, оп.1, ч.1, кн.1, 152, 153, 155, 434, 642, 643, 645, 646, 1127, 1128; оп.1, ч.2, кн. 6441, 6444, 6445, 6446, 6447, 6448, 6453.
51. РГАДА, ф.350 (Ландратские книги и ревизские сказки), оп.1, д.135, 139, 141, 143, 146, 147, 153, 156, 157, 160; оп.2, ч.1, д.1080, 1082, 1090, 1105, 1119 и др.
52. Чернышев Е.И. Указ. соч. — С.277—278.
53. Там же. — С.279.
54. Там же.
55. ПСРЛ. — Т.13. Первая половина. — С.215.
56. НБЛ ОРРК, ед.хр.9580, л.138 об.
57. РГАДА, ф.1209, оп.1, ч.1, кн.643, л.457 об., 460.
58. История Татарской АССР. — Казань, 1968. — С.76.
59. Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов... — С.160—

202 и др.

60. Исаков Д.М. От средневековых татар... — С.43.
61. Атаманов М.Г. Указ. соч. — С.57.
62. РГАДА, ф.1209, оп.1, ч.1, кн.643, л.480.
63. Там же. — Л.231.
64. История Татарской АССР. — Казань, 1968. — С.81.
65. Исаков Д.М. От средневековых татар... — С.35.
66. Там же. — С.59.
67. РГАДА, ф.1209, оп.1, ч.1, кн.643, л.450.
68. Там же. — Л.233.
69. Там же. — Л.213 об.—215 об., 307—308 об.
70. Д.М.Исаков со ссылкой на писцовую книгу Казанского уезда 1565—1568 гг. выделяет в составе Чувашской административной «дороги» и некую «Переднюю Чувашскую дорогу», упоминание о которой в источнике отсутствует (см.: Исаков Д.М. От средневековых татар... — С.59).
71. РГАДА, ф.1209, оп.1, ч.1, кн.643, л.443, 468, 473, 475. 483 об., 485 об., 489; Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 гг... — С.39, 41, 42, 54, 56, 61, 65, 66 и др.
72. РГАДА, ф.1209, оп.1, ч.1, кн.153, л.435—571.
73. Исаков Д.М. От средневековых татар... — С.23.
74. ПДрВ. — Т.VIII. — С.278.
75. РГАДА, ф.1209, кн.643, л.490.
76. История Татарской АССР. — Казань, 1968. — С.76—77.
77. Воронин И.Д. Саранск. Историко-документальные очерки. — Саранск, 1961. — С.10.
78. Там же.
79. Мнение о возможности существования в Казанском ханстве Крымской (Буртаской) административной даруги было высказано в частной беседе с автором данной статьи исследователем Д.М.Васильевым.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГИХАМЗКК** – Архив государственного историко-художественного и архитектурного музея-заповедника «Казанский Кремль»
- АИЯЛИ** – Архив ИЯЛИ
- АО** – Археологические открытия
- АОПИ ИА РАН** – Архив отдела полевых исследований Института археологии Российской академии наук
- АС** – Археологический съезд
- ВНОТ** – Вестник научного общества татароведения
- ДИНА** – Дизайн и новое в архитектуре
- ЖМВД** – Журнал Министерства внутренних дел
- ЗИАЭ** – Заказанская историко-археологическая экспедиция
- ЗКИАЭ ИИ АНТ** – Золотоордынская комплексная историко-археологическая экспедиция Института истории Академии наук Татарстана
- ИКГМЗ** – Историко-культурный государственный музей-заповедник
- ИКИКПК** – Иске-Казанский историко-культурный природный комплекс
- ИОАИЭ** – Известия ОАИЭ
- ИЯЛИ** – Институт языка, литературы и искусства
- КФАН** – Казанский филиал Академии наук
- НА РТ** – Национальный архив Республики Татарстан
- НБЛ ОРРК** – Научная библиотека им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета, Отдел редких рукописей и книг
- НЦАИ** – Национальный центр археологических исследований Института истории Академии наук Татарстана
- ОАИЭ** – Общество археологии, истории и этнографии
- ОАИиЭ** – см. ОАИЭ
- ПДрВ** – Продолжение древнероссийской вивлиофики
- ПСЗ** – Полное собрание законов Российской империи
- ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей
- РАЕН - РАО** – Российская академия естественных наук - Российское археологическое общество
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- УПАЭ** – Урало-Поволжская археологическая экспедиция

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алишев Саям Хатыпович — д.и.н., гл. н.с. отдела средневековой истории Института истории АНТ.

Аминова Гульнара Ирековна — н.с. отдела населенных пунктов и мест компактного проживания татар за пределами РТ Института Татарской энциклопедии АНТ.

Бурханов Альберт Ахметжанович — к.и.н., проректор по научной работе Татарского государственного гуманитарного института.

Валеева-Сулейманова Гузель Фуадовна — д.искусствоведения, в.н.с. отдела истории общественной мысли и исламоведения Института истории АНТ.

Галлямов Рашит Фартович — к.и.н., с.н.с. отдела средневековой истории Института истории АНТ.

Гарипов Нурулла Гимаевич — аспирант отдела средневековой истории Института истории АНТ.

Загидуллин Ильдус Котдусович — к.и.н., заведующий отделом средневековой истории Института истории АНТ.

Исхаков Дамир Мавляевевич — д.и.н., в.н.с. отдела этнологии Института истории АНТ.

Ситдиков Айрат Габитович — к.и.н., начальник отдела археологического надзора Управления государственного контроля, охраны и использования памятников г. Казани.

Султанов Ринат Ибрагимович — аспирант отдела средневековой истории Института истории АНТ.

Файзрахманов Габдельбар Лутфиевич — к.и.н., с.н.с. отдела средневековой истории Института истории АНТ.

Хабутдинов Айдар Юрьевич — к.и.н., старший преподаватель кафедры философии, истории и экономических теорий Казанского юридического института МВД РФ.

Хамидуллин Булат Лиронович — главный редактор издательства «ФЭн» АН РТ.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редколлегии</i>	3
<i>Ильдус Загидуллин.</i> Празднование в России покорения Казани во второй половине XVI – начале XX в.	4
<i>Сәләм Алишев.</i> Казан ханлыгы чорындагы татарча чыганаclar	72
<i>Булат Хамидуллин.</i> Предыстория Казанского ханства: образование и этническая история Казанского «княжества» (постановка проблемы)	96
<i>Гүльнара Аминова.</i> К методике составления административной карты Казанского ханства	117
<i>Габдельбар Файзрахманов.</i> Взаимоотношения Сибирского и Казанского ханств	135
<i>Дамир Исхаков.</i> Демографическая ситуация в татарских ханствах Поволжья	141
<i>Айдар Хабутдинов.</i> Казанское ханство в концепции государственности татарского общества конца XIX – начала XX в.	149
<i>Айрат Ситдиков.</i> Некоторые аспекты топографии ханской Казани	160
<i>Ринат Султанов.</i> Забулачная Казань эпохи ханства	207
<i>Рашит Галлямов.</i> «Башня Сююмбике ханской мечети...»	215
<i>Нурулла Гариф.</i> Елъязмалардагы «Чалым шәһәрчеге»нең географик урыны мәсьәләсе	238
<i>Альберт Бурханов.</i> Археология Казанского ханства (история изучения, итоги последних исследований и перспективы)	246
<i>Гузель Валеева-Сулейманова.</i> Искусство Казанского ханства: раритеты и методика их изучения	268
<i>Рашит Галлямов.</i> Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции	280
<i>Список сокращений</i>	317
<i>Сведения об авторах</i>	318

Научное издание
Казанское ханство:
актуальные проблемы исследования

Редактор русских текстов *Б.Л.Хамидуллин*
Дизайн обложки *А.В.Астафьев*
Технический редактор *В.Н.Галкина*
Корректор *В.П.Лащенко*
Компьютерная верстка *Л.М.Зигангареева, Х.З.Багаутдинова*

Подписано в печать 23.09.2002 г. Формат 60x84¹/₁₆
Печать офсетная. Печ. листов 20,0. Тираж 500.
Издательство «Фэн» Академии наук Республики Татарстан
420044, г.Казань, ул. Волгоградская, 49
Лицензия №0226 выдана 10 марта 1998 г. издательству «Фэн» АНТ
Министерством информации и печати РТ.

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ
Заказ № 009 Тираж 500 экз.
Усл.печ.л. 20,0
Сдано в набор 26.09.2002 г.
г.Казань, ул. Кремлевская, 10/15
тел. 92–91–04, 92–84–82